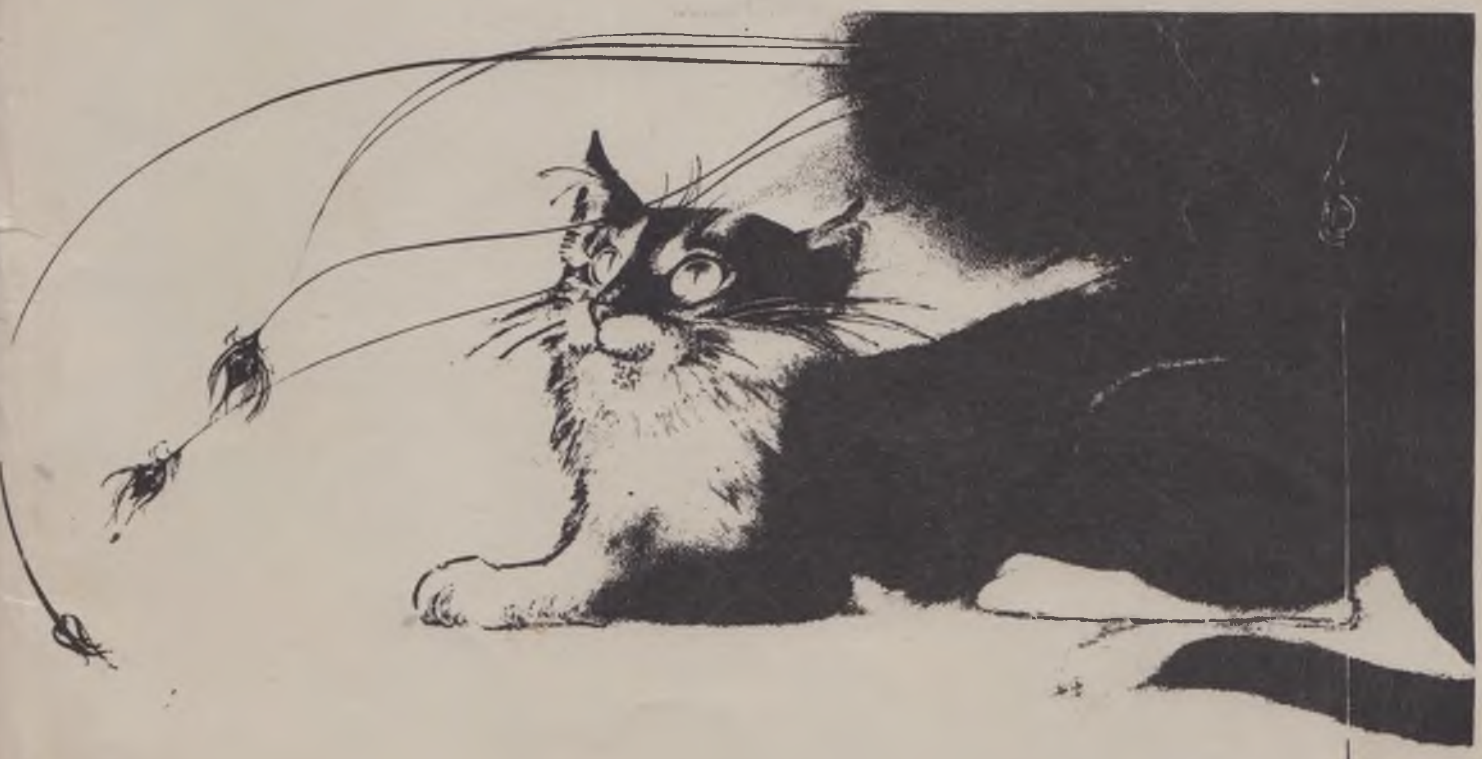

Gloria

Q

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕНИЕ *intercourse*

Александр Чернавский (Москва) - У истоков общины РОД.....	2
Елена Чубарова (Вологда) - Психолог себе и соседу.....	3
Залечи раны своего детства (о семинаре Алены Емелиной).....	5
Татьяна Турченкова (Вологда) - Свобода формы.....	7
Светлана Дамирова (Вологда) "Я смотрю на мир новыми глазами".....	8
Александр Лебедев (Вологда) - Живущий в Индии и везде.....	9
Михаил Поляков (Сосновый Бор) - Ты пьешь из пустого сосуда.....	10
Как работают на общине.....	11

ЗДОРОВЬЕ *health*

Людмила Комарова (Вологда) - Населить мир прекрасным.....	15
Учитель Иванов и его детки (в Вологде).....	18
Владимир Бабенко (Вологда) - До Ванги мне далеко. Что ты можешь?..	21

ИСТОРИЯ *history*

Вера Веденева (Череповец) - Вам жить, "Отечески пенаты" (Памяти Батюшкова).....	24
Галина Шекина (Вологда) - Причем тут усадьба? К истории издания Гальского.....	26
Владимир Шахов (Вологда) - Гальской стал моим поэтом.....	28
Татьяна Посохова (Череповец) - "Путь усталости" Владимира Гальского.....	29
Хроника воспоминаний о Нине Ивановой-Романовой (Череповец).....	31

ВЕРА *faith*

Вадим Шекун (Вологда) - Один в холодном храме.....	33
Галина Шекина (Вологда) - Серебряный голос Н. Бурдыковой.....	35
Сокровенное (о Марии Фатеевой, Череповец).....	37
Вера Веденева (Череповец) - В самый светлый день Успенья.....	39

ПРОЗА *prosa*

Алла Бархоленко (Челябинск) - Бабкин царь.....	41
Ася Веселова (Вологда) - Перекресток, Фантазия.....	43
Нина Веселова (Вологда) - Замысел.....	46
Сергей Донец (Вологда) - Сны Сильвестра.....	49
Михаил Жаравин (Вологда) - Пишет вам не знатный, а простой (письма).....	51
Михаил Жаравин (Вологда) - Я в квадрате.....	52
Елена Кузеванова (Владимир) - Письма к В. Ю.....	54
Александра Мартынова (Вологда) - Шутка в день Победы.....	57
Людмила Скотникова (Вологда) - Дочери Ирмы, Аргошка.....	63
Татьяна Тайганова (Челябинск) - Силы для творчества.....	65
Круговорот любви в природе.....	69
Сергей Фаустов (Вологда) - Праздник. Анестезиолог.....	72
Галина Шекина (Вологда) - Зима в зеленых травах.....	64

ПОЭЗИЯ *poetry*

Ася Веселова (Вологда) - Кричали чайки.....	77
Нина Веселова (Вологда) - Твои стихи, написанные мной.....	78
Сергей Лисицын (Котлас) - Я чувствую невидимую руку.....	82
Андрей Коков (Рихимяки, Финляндия) - Вологодский ветер.....	84
Михаил Поляков (Сосновый Бор) - Нет ключу тому замка.....	85
Нина Иванова-Романова (Череповец) - Жемчужина счастья.....	86
Сергей Созин (Череповец) - Все мыслилось иначе.....	88
Андрей Широглазов (Череповец) - Из разговоров с Ю. Кукиным.....	89
Николай Бушенев (Череповец) - Поделюсь своим состоянием.....	91

РАЗМЫШЛЕНИЕ *reflections*

Валерий Анохин (Череповец) - Философия череповецкой поэзии.....	93
Виктория Фролова (Москва) - Адам и Ева.....	95
Ольга Черноорицкая (Великий Устюг) - Встречи с Пушкиным в "Гробу своими руками".....	103
Александр Эф (Вологда) - Обозначение меня (и другие эссе).....	110
Андрей Коков (Рихимяки, Финляндия) - Многомерное равновесие.....	114
Сергей Фаустов (Вологда) - Инсталляция духа.....	120
Вологодская художественная библиография 1994/95.....	123

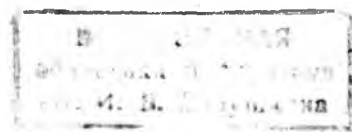

Фото Капитолины Островской

**Александр
Чернавский**

У ИСТОКОВ ОБЩИНЫ «РОД»

Первый мой порыв приходится на IV конференцию руководителей центров «Путь к себе» - прочел об этом в журнале и поехал в Москву. До этого занимался на семинаре «Космический ребенок», интересовался Махатмой Ганди, провел некоторое время в психологическом обществе Санкт-Петербурга. В Санкт-Петербурге заработал денег для поездки в Москву, это стоило долларов пятьдесят, но я попал бесплатно, подружился за три дня со всеми.

Познакомившись с опытом работы центров, захотел создать подобный центр у нас в городе... Многие моменты запомнились, сыграли важную роль. Туда приезжал немец Вальтер Линк, бросивший семью и ухившийся с хиппи. Потом он работал в центре больных СПИДом, а на семинар приехал из Кореи... Когда мы запели при нем песню «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...» - он сказал, что это прекрасно, это волнует сильнее любой медитации. Да, верно, и дальше я подумал - в русских обычаях вообще скрыто много мудрости и потенциальной силы духа, и из дома своего мы берем все, чем живем всю жизнь.

«Духовность - энергия всего поколения». Это я так назвал потом нашу программу, это был уже как бы вывод, а пришел я к нему не сразу.

Приезжали в Вологду социальные педагоги из германского общества «Дьякони», они посетили вологодскую администрацию,

предложили создать факультет социальной педагогики. Я спросил их, что они знают о холистическом движении - они ничего не знали.

Я подумал - у нас столько заложено в традициях, у нас страна Ломоносовых, а немцы едут нас учить! Что такое социальная педагогика? Спасение утопающих? А я хочу научить людей плавать. Чтобы они не просто справлялись с бедой, но чтобы до нее не доходило! Второй порыв.

Почему мы готовы продать свою культуру, забыть обряды, песни, читать американские книги, смотреть американское кино, а когда приходит час - идем и защищаем все это? Потому что в нас сидит то, что не вытравить никакими боевиками. Была такая мысль - назвать движение «Русский дух». Отказался от нее. Стал общаться со специалистами из центра «Путь к себе», обсуждать вопросы слияния национальности и религии, кое-что меня насторожило. Мне не захотелось делать акцент на национальных вопросах, это разрушение идеи.

АС-проект проводил международный семинар (организатор Елена Белова) я пошел, рассказал молодым предпринимателям о своей идее. Некоторые заинтересовались.

После этого собирались в молочном институте (П.Ивашкин).

В июле 1992 года зарегистрировали Устав. В его разработке принимал участие А.Сухарев, журналист из «Красного Севера», а потом он же стал записывать хронологию событий.

Название - община «РОД» - предложил С. Норкин. Это очень емкое слово и сокращение. Р - рцы, исток, начало, О - орать, пахать, деятельность, Д - добро, дарить... По некоторым предсказаниям, свет духовности пойдет из России. Это открывает новые подходы, притягивает внимание мировой культуры к России.

Почему община «РОД» светская? Потому что не стоит призывать все разнообразие деятельности к определенной религии, тем более что рядом могут оказаться люди разных религиозных воззрений и лучшее - если бы они поняли друг друга. Древние русские мудрецы были язычники, знаменитый Дионисий с его византийским письмом был наполнен светом, свободой и радостью, не сдавлен образом страдания и страха. Язычество всегда воспринималось как умение радоваться и жить в согласии с природой, и в православии образ радости и любви самый важный. Языческие старцы, уверен, не были просто идолопоклонниками, они признавали ценность природы и человеческой жизни, они исторически предшествовали православным святым.

Почему Дионисий пришел искать смирения и покоя на Север? Почему сюда же пришел Нил Сорский, не найдя на Руси «чистого православия» (монастыри он считал местом стяжательства, материальности)? Здесь все было пронизано особенным духом... Хотя в православии тоже есть свои противоречия. Так вот, хотелось бы не застревать на противоречиях, хотелось бы искать основу для целостности...

Это идейная сторона.

А практически община «РОД» возникла как группа психологической поддержки. Мы открытое пространство, принимаем всех. Основа - невербальное присутствие, мы не трогаем молчаливых гостей, пока они сами не включаются в общение. Мы живем без рекламы, кому нужно, тот нас найдет. Случайно забрел к нам фотограф, потом удивился чему-то и снял всех бесплатно. Мы проточная речка - любой зайдет и почерпнет воды (силы) в

тяжелый момент. И пойдет дальше или останется.

Наша община описана москвичом Лешей Праховым в его дипломной работе. У нас есть связи с центром семьи на Энгельса, 61 (Лена Лебедева). А собираемся продолжительное время в гостини центральной городской библиотеки (по четвергам). У нас был свой астролог Петр Зенов (муж Лены Беловой), просчитавший день рождения общины. Если говорить о мистике, то я жил на Алтае, был в Гималаях, надышался тем, что связано с Рерихами. Мы обязательно поедem группой на Алтай.

Да, в момент организации я выступал по радио, вкладывал и свои деньги, и получал помощь со стороны. Духовность и деньги - отдельный разговор. Считаю ли я, что многое общине не удалось? Да я не сторонник выставления оценок. Опыт нужен любой, положительный и отрицательный. Все зависит от конкретных людей и их состояния. Если есть нужда - община останется надолго. Ведь положительный заряд каждого улучшает атмосферу в целом. Община - не то явление, которое можно заключить в жесткие рамки, это как бы сумма смыслов. Если человек получил импульс и нашел себя - он свободен, дерзает. Лена Лебедева сначала ходила к нам, потом ушла в центр семьи, увлеклась идеей водных родов. Саша Лебедев съездил в Индию и занимается Сатья Саи Бабой. Комаровы вообще отдельная история, начиная с рождения Дани в воду и вышивания картин - это семья с уникальным опытом. Оля Сдобнова - специалист по водным родам и вообще по родам, человек, сильно чувствующий энергетику, умница. Таня Ковылева (Брунова) ездила в Оптину пустынь, участвовала в восстановлении Прилуцкого монастыря, общалась с настоятелем отцом Ефремом - там своя история. Каждый вносил в общину что-то свое.

У нас есть опыт приглашения иностранных гостей, есть опыт проведения семинаров, распространения эзотерической и психологической литературы. В какой-то степени это отражение меня, потому что то, чем я горел, тут же находило свое отражение в жизни общины. Но повторяю, дело не во мне, а в людях и в их необходимости друг для друга.

Община существует три года. За это время накоплен большой опыт общения на разных уровнях, но повторяю, я не сторонник выставления оценок. Важен любой опыт, и положительный, и не очень.

Если нужна помощь - я готов. У меня есть связи с руководителями центров «Путь к себе», знаю многих экстрасенсов, художников, убежден, что творчество - одна из сильных форм самопознания и самореализации. Хотя у меня свой путь, и он не обязательно будет связан только с общиной.

Елена Чубарова: ПСИХОЛОГ СЕБЕ И СОСЕДУ

«Я люблю жизнь, я люблю себя. Я здорова, спокойна, любима...» - Все это лейтмотив тех дней, когда бывали встречи с общиной «Род». - «Я могу сделать свою жизнь и свою здоровью такими, какими хочу. Если очень захочу.»

Обретение силы и уверенности в себе, в своем здоровье, позитивной настроенности - вот чему я учусь. Община «Род», организующая встречи в гостини ЦГБ, дает психологическую поддержку всем, кто ищет свой путь к здоровью, самопознанию, самосовершенствованию. В слове «Род» - один корень с родиной, родственниками. И действительно, сюда приходят люди, родственные друг другу по духу. Они пытаются понять своих товарищей, создать дружескую атмосферу общения. Обмениваются между собой эзотерической литературой, журналами «Путь к себе», книгами по психологии...

Александр - душа коллектива, генератор идей, организатор, психолог по призванию, притягательный человек. Именно к нему больше всего приходят за поддержкой, это могут подтвердить и работники библиотеки. Хотя каждый из членов общины в той или иной степени неповторим, каждый - личность, психолог сам себе и соседу.

Люба - ранимое тонкочувствующее существо, а следовательно, способна как никто понять чужие проблемы. Это натура художественного плана, каждый раз ищет нестандартный ответ. Приятно общаться с такими, как Люба, хочется самой расти, быть выше, красивее душой и телом.

Сергей, появившийся впервые, был несколько напряжен, мне даже передалось это чувство ожидания - а примут ли его здесь, то ли это общество, какое он искал. Проследившая дальше, увидим - совершенно естественно вписался в общий круг, искренен, пытается сообща искать решения проблем, с удовольствием приходит на встречи.

Таня - противоречивая натура. То отчаяние, то снова беззаботность. Однажды на встрече видим - есть семейные проблемы, пытаемся что-то найти и не находим. А в следующий раз слышим, что первая победа ею уже одержана...

Роман - оригинально мыслит, обладает большими знаниями, умеет найти подход к любому, кроме всего - обаятелен и мягок в общении.

Жить с радостью, с удовольствием хотел бы каждый. Но жить при этом не чужой, своей жизнью, понять, что таким тебя создала природа, и таким оценить и полюбить себя - этому можно научиться. Этим и пытаемся заниматься, взаимно помогая друг другу. Решаешь чужую проблему, а оказывается, что при этом решаешь и свою. Слушаешь другого, а кажется - он говорит о тебе и чувствуешь боль его как свою. И единственный путь к этому - искренность, сопереживание, любовь - то, чего именно всю жизнь не хватало. В этом кругу чувствуешь себя другим, более нужным, важным кому-то.

Иногда осваиваем теорию, чтобы тут же попробовать ее на практике. Приходится общаться людям с разным мировоззрением, разными взглядами на жизнь, различным вероисповеданием, но здесь они понимают, что надо быть терпеливей, так как Бог един, а мы дети одной вселенной. Остается только быть добрее друг другу...

ЗАЛЕЧИ РАНЫ СВОЕГО ДЕТСТВА

На снимке Капитолины Островской:
парапсихолог Алена Емелина (С.-Петербург)

Семинар Алены Емелиной "Внутренний подросток"

Двухдневный платный семинар по самопознанию провела в январе 1995 года Алена Емелина, директор института трансперсональной психологии (Санкт-Петербург). Она приехала вместе со своей ассистенткой Наташей по приглашению общины "Род", присутствовать могли все желающие. Это были педагоги, врачи, рабочие, студенты, всего около 30 человек. Организаторы - Александр Чернавский и Людмила Варулина.

Основные темы - "Трансперсональное развитие сознания" и "Психология религии".

Занятия прошли в литературно-музыкальной гостиной ЦГБ на Панкратова, 75.

* * *

Начало было символическим и трогательным: ведущие раздали всем карточки с новогодними пожеланиями - "выбирайте ту, что на вас смотрит". На меня "посмотрела" карточка со словом Healing (хилинг, хилеры - врачеватели без хирургического вмешательства, о них рассказывал Сева Новгородцев) и я подумала - исцеление? - значит, я иду верным путем. Просто когда я решила заниматься газетой и всеми этими начинающими поэтами, у меня в жизни появилось

много проблем - не было работы, денег, не было уважения окружающих, даже в семье, и самое главное, не было самореализации... Один биоэнергетик даже сказал, что надо мной висит проклятие. Но я не бросала начатое дело и постепенно тучи расходились. Вот я это пожелание так и поняла - я справлюсь со всем, это одобрение.

Кто спросил: "Почему все толкования хорошие?" И получил ответ: "Реализуются только позитивные установки".

Многое из услышанного на семинаре я знала и раньше. Что жизненная энергия - либидо - может проявляться в разных формах - как сексуальная, творческая, биологическая (энергия роста), что в момент рождения она максимальна. Что ребенок проходит в своем развитии оральную, анальную, генитальную, сексуальную фазы. Но одно дело, когда это можно прочесть в любом учебнике, а другое - когда это относится лично к тебе. Считаешь себя грамотным человеком, но азбучных истин - о себе не знаешь. Не удивительно ли, например, что у малыша социализация начинающаяся с дефекации, или что путница в одевании мальчика девочкой и наоборот может породить трансвестизм.

О том, что сексуальная энергия - важнейшая в либидо - тоже где-то читала, наверно, у Фрейда. Но тут пошла речь и о том, что сексуальность построена на инстинктах и выпускание их на волю ведет к бешеным страстям и полному искажению психологии, а

их подавление приводит к иммунодефициту и полному истощению либидо. Человек перестает себя слышать, отдаляется от природы. То есть нужен гармонический подход. Нарушение гармонии - перекосы самые разные.

Например, люди живут друг с другом только ради секса и тогда это просто биологические партнеры, они теряют богатство общения, познания друг друга психологически. Есть пары - коллеги по работе, им грозит синдром менеджера, полное торможение эмоций из-за усталости. Ядерный взрыв сексуальности может сочетаться с полным презрением к редким душевным талантам. Почтение и восхищение человеком при полном нежелании его приласкать - уже платоническое отношение...

Сексуальная энергия может переходить в другие формы, например, в творческую!

Вообще трансформация энергий из одного вида в другой - признак артистизма. Но когда сексуальная энергия разрушена, подрывается все либидо человека. То есть это огромная сила и она может все создать и все разрушить, смотря как она направлена.

Известно, что власть тоже дает сильные сексуальные переживания.

Когда размышляешь обо всех этих вещах, все нормально, потому что естественно для взрослых. Но если речь о детях, все усложняется. У них энергии намного больше, развитие идет рывками и часто неуправляемо. Им кажется - чем раньше состоится их секс, тем они взрослее. А секс без психоподготовки только суррогат. От того, каков первый сексуальный опыт, подростка, зависит вся его дальнейшая личная жизнь. Либо станет подарком, либо наказанием.

Каким-положительным или отрицательным был ваш первый сексуальный опыт? Насколько вы сексуальны? Насколько были сексуальны в 12-14 лет? Что дала семья в этом плане? Как связаны секс и социум?

Вопросы на первый взгляд шокируют, а на раздумья времени мало. Надо было прикинуть ответы и тут же выбрать собеседника или

собеседницу, обменяться ответами, то есть сформировать две точки зрения на все это. Потом определить вторую пару беседующих и соединиться в четверку. А там уж выбрать лидера, который бы кратко обобщил все точки зрения... Что и говорите, я была ошарашена.

Первый опыт был настолько жалким, что действительно, представление о мужчинах оказалось унылое. Мужу пришлось очень стараться, что восполнить пробелы моего воспитания в этом плане. Поэтому моя семья - она меня как бы подняла вверх. Но что касается семьи, в которой я росла - там тема секса была табу. Какая сексуальность в 12 лет, когда маленькая девочка была задерганным существом, калеккой...

Тут оказалось два момента. Когда я медлила, не решаясь к кому-то приблизиться, Таня первая позвала меня, а мне хотелось подойти именно к ней. Значит, я не без комплексов, хотя зря волновалась. Но вторую пару - Любу и Олю - я сама выбрала, и они очень охотно подошли. (Оля и Таня подруги). У многих оказалось общее в ответах, в том числе очень забытый детский образ, отсутствие мужского внимания в детстве, суровое воспитание, бедный сексуальный опыт. Однако Таня говорила наиболее мудро и тепло, и мне хотелось, чтобы она приняла роль лидера, ведь она среди всех выглядела наиболее счастливой и женственной. Однако она замолчала и в последний момент от имени четверки пришлось говорить мне. Во время создания восьмерки наша аура вообще распалась... Радость узнавания и откровенности была разрушена какой-то странной агрессией.

И все же упражнение сыграло свою организующую роль. Публика перезнакомилась между собой, задышала, ожила, как сказочная елочка.

Свободней говорили о том, как важно бешеную энергию подростка направить в нужное русло. Как необходимо его не травмировать, потому что рана болит бесконечно долго. Вспоминали случаи детских травм.

Отец невзначай отозвался о дочери презрительно, а она восприняла мнение обожаемого человека как приговор, вот вам неверие в себя, одиночество, исковерканная судьба...

Разбитое лицо и травма глаз сделали из ребенка труса и недотепу. Постоянная старшая сестра в няньках приучила мальчика к девочкиным играм, его самого брали в игру вместо куклы, и мальчик стал плаксивым нытиком, неспособным шаг сделать без старших... А вспомните, как это было у вас, а у вас?...

Алена Емелина искусно вела эту беседу - обеспечивала поток информации, успевала послушать отклики, подбадривала и будучи самой главной, оказалась самой сердечной и простой...

Если сексуальная энергия подавляется сильным контролем, происходят непоправимые искажения в психике - агрессии, депрессии, унижения. Да, трудно отдать свое эго. Оттого после близости наступает порой непоправимое отчуждение... Но когда он себя отдает, ему нужно подтверждение, что это действительно было нужно. В противном случае он получает рану и всю жизнь она болит.

Сексуальная энергия может переходить в другие виды энергии, в том числе и в творческую, но будучи воплощением энергии, она одновременно - акт творчества. Не развивать - умрет как любое творчество.

У подростка сексуальная энергия необузданная, он сам не в силах с ней справиться, а тут еще идет бурная социализация личности, самоутверждение, а тут окружающие

Общение intercourse

давят с выбором профессии... Подавляемая природа ищет выхода и ... часто переходит в агрессию. Кто здесь поможет?

Алена и Наташа провели интересный тренинг на тему «Положительный и отрицательный сексуальный опыт.» Принцип тренинга был прежний - участники соединялись в двойки, четверки, восьмерки, выявлялся лидер и обобщал результаты экспресс-обсуждения. Некоторые чувствовали себя подавленными, и это как бы подтверждало их отрицательный опыт, а некоторые, напротив ощущали лидерскую приподнятость, как бывает с простыми натурами, попавшими в круг всеобщего внимания... Представьте себе - мы закрывали глаза и опять пытались сосредоточиться на своем внутреннем «я». Играла тихая шелестящая музыка, а мы вспоминали себя в 11-12 лет...

«А теперь откройте глаза и опишите свои ощущения!»

Описания, как и лица, были разные: взволнованные, добрые, отчужденные. Трое в слезах - что ж, увиденная ими картина оказалась грустной.

И дальше уже пошел разговор о конкретной помощи подросткам. Себе настоящему, усталому человеку в возрасте и себе прошлому, внутреннему подростку, залечивая раны обоим. «Ваши проблемы выросли из детства!»

...У девочки драматически закончилась первая любовь. Для нее самое лучшее - открыться матери, а матери обняться и плакать вместе, и вместе идти к доктору.

Только не давить горе в себе - вместе легче с ним бороться.

...Мальчик попал в руки насильника. Если ему не к кому прибежать - дело кончится летальным исходом.

Важно создать у подростка систему истинных ценностей и святую уверенность в том, что он для вас самое любимое, самое дорогое существо. Тогда он не будет одинок перед свалившимися на него проблемами.

Большинство утверждали, что семинар впервые за много лет заставил их заглянуть в себя... К последним я отношусь и я.

Никого не удивлю, если признаюсь, что семья плохо отнеслась к моему двухдневному отсутствию (семинар шел два дня). Но если раньше я бы кричала, оправдывалась, то здесь я только сказала - у меня могут быть свои проблемы. Я извинилась, что нет нормального обеда и белье нестирано. Но весь этот завал я ликвидировала с очень хорошим настроением. Девочки на семинаре очень переживали за меня, боялись, что мой рывок к себе кончится наказанием и вместо лечения ран детства я получу новые раны. Они вместе со мной анализировали все, что со мной случилось в детстве с точки зрения кармы. Возможно, моя слепота была отработкой кармы моих предков, которые не видели в своей жизни чего-то очевидного, то есть необязательно это было наказанием за мой личный грех. Даже напряженная ситуация в семье, наградившая меня целым набором комплексов, это эхо прошлого. Мне нужно было встретить людей, которые восхищались бы мной и благодаря заряду

Фоторепортаж с семинара Капитолины Островской

их доброты я поверила бы в себя.

Что ж, я их действительно встретила. Но чтобы полюбить себя - а это очень трудно после долгих лет внушения, что "ты ничтожество" - после всего мне еще потребовалось написать книжку о маленькой себе - о девочке Басе, которая преодолела себя, пытаясь дотянуться до радости. Книжку нельзя назвать сильным произведением с художественной точки зрения. Но как Басю повел за собой ее старший друг Король, так Бася повела за ручку меня, взрослую женщину, мать троих детей, которая до сих пор боится своих строгих родителей. Сама с повязкой на глазах, Бася пыталась помочь чужому больному на койке. Так и я в этой книжке - вспоминая далекое прошлое, пыталась вылечить себя (а может и еще кого-то) от страха, настроить на добро.

Конечно, когда я писала, то я про это не знала. Но когда "Бася" вышла, в моей жизни все пошло на лад.

Татьяна Турченкова СВОБОДА ФОРМЫ

Как я встретила впервые с Чернавским? Прозаически: он пришел в читальный зал искать нужную литературу. Разговорились - совпали интересы в области психологии, и кроме того оказалось, что оба жили в Шексне, есть общие знакомые... Мы быстро подружились, у нас установились ровные, приятные отношения. Не бывает ни ссор, ни размолвок, потому что нет взаимных претензий. Мы даже стали деловыми партнерами по распространению новой литературы, которую Саша привозит из Москвы.

Что он за человек? Почему именно он создал общину «Род»? Потому что это духовно очень развитый человек, я думаю, ему нелегко досталось его теперешнее просветление духа. Он много читал, путешествовал, размышлял, пытался многое сделать. Но сил попусту тратить не будет, потому что действует целенаправленно.

Он создал группу для проведения семинара. Но она стала собираться и помимо этого. Каждый, кто приходил, обрел здесь поддержку и понимание и те, кто стремятся к контакту, получают его. Многие нашли здесь друзей.

Саша Чернавский и Люда Варулина организовали несколько семинаров. Очень полезными оказались зимние семинары под руководством Алены Емелиной, психолога из Санкт-Петербурга. Участниками семинара стали не только члены общины «РОД», но и все желающие, в том числе те, кто пришел впервые.

Некоторые члены группы отрицательно воспринимают Чернавского, но думаю, это скорее их проблемы, чем его. Бывает, что судят по себе, бывает, что не могут принять что-то открыто, мешают комплексы. Вот и ищут повод, чтобы оттолкнуть его. А он ведь не стремится главенствовать. Наоборот, считает, что его помощь необходима была вначале, а если смогут собраться без него - прекрасно, его задача выполнена. Просто он из тех, кого всегда ждут.

Саша сильно влияет на людей. Благодаря ему появились, например, в библиотеке книги Айванхова, двухтомник Баха, книжка Лазарева о карме. Я их прочитала, сейчас читаю Карлоса Костанеду. После этих книг я стала совсем иначе воспринимать жизнь - не одно-, а многомерной, да и жить по-другому. После бесед с Сашей, который, сам - прямое подтверждение своих идей, я незаметно становлюсь мягкой, более гибкой, жизнерадостной, что-ли.

Правда, он не всегда выполняет то, что говорит. Ему может стать скучно. Он вел индивидуальные приемы как психолог, потом бросил. Он независимое существо, свободное и легкое.

Он считает - каждому свое и в свое время. Добро бумерангом возвращается к человеку как и зло. Поэтому делай больше добра и оно к тебе вернется. заботься о других и тебя окружают заботой... Он так и делает. И я думаю, у него неплохо получается.

Когда номер уже был готов к печати, в Вологду пришла весть о новых проектах Александра Чернавского. Будучи человеком очень живым и энергичным, он основал новую региональную структуру духовной ориентации. В декабре 1995 года в Москве была конференция международных общественных организаций, там и образовался новый Собирающий Центр творческого единства во главе с А. Чернавским.

Цель Центра - духовное объединение людей на основе Веры, Надежды, Любви по законам

Представитель Центра творческого единства в Вологде

Татьяна Турченкова

Совести и Чести. Задачи Центра, получившего название "Город Солнца":

- духовное развитие человека, семьи, общества,
- воспитание добротолубия,
- обновление форм образования,
- оздоровление человека,
- создание условий для творчества,
- организация общественного взаимодействия,
- организация внутреннего взаимодействия.
- реализация социокультурных проектов.

Центр будет действовать как на территории России, так и за рубежом.

В Вологде начнет функционировать областное отделение Центра на базе общины «Род». Ближайшая акция - конференция «Астрологическое изучение проблем семьи».

В декабре 1995 года мы реорганизовали общину РОД в информационный центр творческого единства (ИЦТЕ) - это как бы областное отделение Центра творческого единства, возникшего в Москве.

Задачи - сбор конкретной информации, предназначенной творческим людям. Мы хотим собрать данные о тех людях, которые могут развивать свои способности, получать новые знания в интересующей их области, и применять их. Это будет банк данных в виде каталога.

На этой основе могут завязаться взаимовыгодные контакты между отдельными людьми, общественными структурами, целыми центрами. А также станет понятно, каких именно специалистов следует пригласить для эффективной работы центра.

Первыми попытками работать в новом качестве были философские беседы, знакомство с медитативной живописью и музыкой Шри Чинмоя. Инициаторами их проведения были члены Сергей Шабанов, Ирина Осинникова, Владимир Осипов и Геннадий Павлов. С ними мы провели двухдневный семинар с участием координаторов московского Центра Шри Чинмоя.

Будет у нас в библиотеке уголок с книгами духовной, философской и психологической

направленности. Здесь же можно будет прослушать и приобрести кассеты с медитативной музыкой.

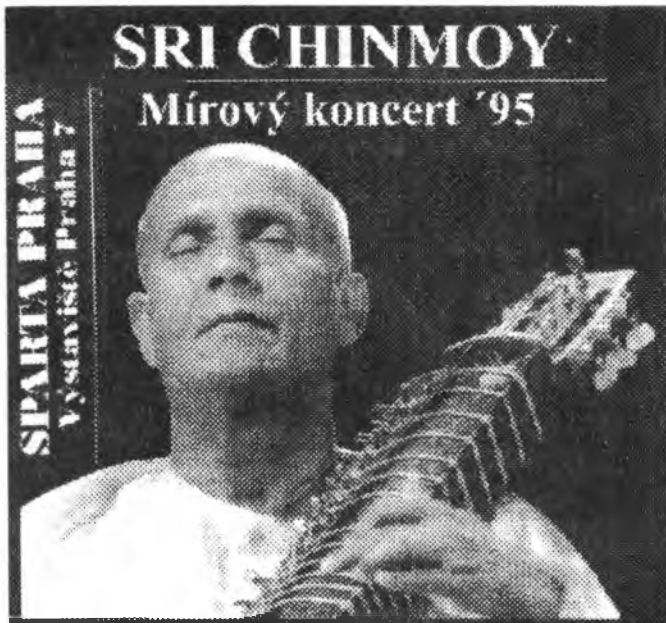
Герман Пономарев, который является внештатным сотрудником московского Гуманитарного центра дианетики Хаббарда, ввел нас в начальный курс этой науки.

Дианетика - современная наука душевного здоровья, которая поможет быстрее и эффективнее усваивать информацию, поможет стать учителем для других, а также избавиться от многих собственных проблем. «Преодоление спадов и подъемов в Вашей жизни», «Успех через общение», «Как быть хорошими родителями», «Введение в Саентологическую этику», «Основы организации», «Маркетинг», «Эффективное производство» и другие курсы - это конкретные методики духовного излечения.

После просмотра видеофильма и беседы с Германом участники нашей группы изъявили желание заполнить анкеты анализа личности, чтобы узнать немного больше о себе.

К нам приезжает из Москвы профессиональный одитор - для проведения индивидуальной работы по желанию. Мы познакомимся с различными методами оздоровления: голотропное дыхание, методы Шичко, П. Иванова и др. Эти занятия проводят М.И. Кудринский и Т.В. Антонова, которые сотрудничают и с центром социально-психологической помощи.

Планируем проведение в дальнейшем семинаров по психологии. Возможно, пригласим специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов. Но это зависит от количества желающих и их конкретных запросов. Приглашаем всех заинтересованных творческих людей к нам в гостиную Центральной городской библиотеки.

«Я смотрю на мир новыми глазами»

В музыкальной гостиной городской библиотеки долго экспонировалась выставка «Живопись и музыка доброты». Ее организаторы - последователи Шри Чинмоя в Вологде - поставили целью познакомить как можно больше людей с человеком, которого они называют своим Учителем. Их немного - 12 человек разного возраста и разных профессий. Они же подготовили документы для официальной регистрации в Вологде новой общественной организации «Центр мира Шри Чинмоя». На своих совместных встречах они читают его произведения, поют песни, занимаются медитацией. Они исповедуют гармонию духа и тела, по примеру Учителя занимаясь спортом. В октябре прошлого года некоторым из них удалось побывать в Праге на концерте Шри Чинмоя, собравшем пятнадцать тысяч человек. Они уверены, что, обретая на этом пути силу духа и внутренний покой, смогли взглянуть на все новыми глазами.

Удивительный художник, он создал тысячи картин, которые сам называет «Джарна-Кала», или «Фонтан-Искусство». Они представляют собой интуитивное, самопроизвольное взаимодействие света, цвета и ритмов, в которых вместо изображения конкретных форм, где все разделено, Шри Чинмой видит мир как единство, движущееся, переплетающееся, сливающееся. Один из наиболее частых сюжетов художника - птицы, или «птицы-души», как он их называет, утверждая, что чем больше птиц он сможет нарисовать, тем больше человеческих душ получат свободу. Он нарисовал их уже более трех миллионов - размером от четверти дюйма до трех - четырех футов в высоту - чернильной ручкой, мелками, маркером или акриловой краской.

И еще одна стихия, без которой он не мыслит жизни - музыка, которая, по его выражению, является «языком души». Он написал более 13000 духовных песен и композиций для самых различных инструментов, рождающих ощущение покоя и красоты.

Шри Чинмой - не только философ, поэт и музыкант, автор более чем 800 книг. В свои 65 лет он прекрасный спортсмен. Чемпион по атлетике с юности, Шри Чинмой всю свою жизнь уделяет большое внимание спорту, видя в нем путь физического совершенствования и призывая к этому своих последователей. Это он положил начало «пробегам Мира» по всему земному шару в 1987 году, предпослав им девиз: «Не пытайтесь изменить мир, не изменив себя».

Душа - вот то главное, ради чего живет и творит Шри Чинмой. Душа хочет и должна быть услышанной. А много ли мы уделяем ей внимания? Лишь когда становимся стары и немощны, то говорим обреченно: «А теперь пора и о душе подумать.» Наш разум бьется в тисках мыслей и проблем, мы ни на минуту не позволяем себе роскоши полной свободы. Мы все очень заняты. А на самом деле мы просто не умеем быть свободными.

Светлана Дамирова

«Птицы-души Шри Чинмоя»

Александр Лебедев ЖИВУЩИЙ В ИНДИИ И ВЕЗДЕ

Меня всегда притягивало общение с необычными людьми. Я искал людей, способных к новому, конструктивному общению. В конце 80-начале 90 годов в ДКЖ был общенческий клуб Николая Иванова. Потом небольшая группа, в которой был и я, выделилась, дав начало новому обществу.

Однажды в журнале АУМ я прочел про индийского гуру. Его имя Саи Сатья Баба. Меня поразили его рождение и его жизнь: у матери были видения, а когда он родился, в пеленки заползла змея... и не тронула. Это был важный знак, ведь змея - символ госпожи Шивы. Когда Саи Баба был ребенком, его вся деревня любила. Матери он доставлял много хлопот: приведет в дом голодных нищих и отдаст всю еду. Однажды мальчик пропал, а спустя какое-то время мать увидела - его везут на тележке и кричат: «это наш гуру!» Пророческие слова.

К тому времени, когда я держал в руках этот журнал, Саи Баба творил чудеса - исцелял души, материализовал золотые вещи... Но меня поразила его необъяснимая вселенская доброта. Ничего не требуя для себя, он жил и живет для других.

Сначала меня охватило отчаяние от того, что я не могу увидеть этого фантастического человека. Но как только я стал думать о нем, я стал приближаться к нему! Сначала ко мне приходил некий монах из Питера. Потом приезжали оттуда друзья. Потом через вологжанина Сергея Шабанова узнал, что в Питере есть Центр Саи Бабы, оттуда же он получил адрес Саи Бабы. Вообще Сергей, после того, как проникся образом Саи Бабы, прочел о нем книгу («Саи Баба - святой и психиатр») и даже съездил в Индию... После всего этого Сергей очень преобразился к лучшему, стал ровным, открытым человеком, как-то нашел себя, дела его наладились...

Для поездки в Индию, где живет Саи Баба, нужно было тогда 500 долларов. Но я настроился на то, что я должен поехать во что бы то ни стало. И каким-то образом деньги сами пошли ко мне в руки. Часть одолжил мне сам Сергей, часть дала хорошая знакомая, часть ссудил член Вологодского Общества Сознания Кришны Авадута... В общем я набрал нужную сумму за краткий срок...

Сама поездка была не менее потрясающей. В Москве даже не было билетов, когда в аэропорту я встретил обаятельного американца и догадался, что он летит туда же, куда и я. Последний момент чудом удалось улететь...

Но и это не самое удивительное. Главное - сама личность Сатья Саи Бабы.

В Путтапарти, куда мы приехали из Бангалора, расположен Колледж искусств Шри Сатья Саи Бабы и там его ашрам. Резиденция Саи Бабы - небольшой дом и сад вокруг.

Он выходит дважды в сутки, чтобы провести даршен. Это большая площадь, туда приходят люди и рассаживаются, ждут его, все в белой одежде, символизирующей чистоту. Выходит Сатья Саи, идет медленно, будто не касаясь земли, и смотрит на всех. Он почти не говорит словами, поскольку перед ним сотни людей из разных стран мира, но они воспринимают его, невзирая на языковые барьеры. Ибо он смотрит с такой любовью, что

чувства всех присутствующих устремляются на встречу. Он идет и забирает письма из протянутых рук. А на даршене положено сидеть в белом - целое поле людей в белом.

Я впервые оказался там и сразу попал в русскую группу, которая была приглашена к Сатья Саи... Попасть на интервью к нему - редкая удача. После даршена он сам выбирает гостей.

Как описать, что я чувствовал? Сначала страх, непонимание. Когда встретился с ним глазами - меня залила целая волна воодушевления и радости, даже немного стыда, что усомнился. Я увидел его любящий взгляд и почувствовал, что он поможет мне. Что я не напрасно сюда стремился. И что это уже происходит... Сейчас.

Верно говорят - Сатья Саи излучает любовь. Он почти ничего не ест - чуть-чуть фруктов - практически не спит, отдает огромную энергию людям, отдает буквально всего себя, и эта энергия не иссякает. Значит, существует питающий источник.

Многим он материализовал священный пепел вибхути, золотые распытыватели, часы, браслеты. Люди с трепетом принимали подарки. Однако существует аксиома - он дарит подарки тем, кого нужно убедить, утешить. А тем, кто все понимает, кто уже возвышен духом, подарки не нужны.

Так в мою жизнь пришло чудо любви и преобразило всего меня. Я хотел бы передать это чувство всем. Тем, кто не может съездить в Индию, можно почитать книги - их вышло о нем довольно много - в киоске эзотерической литературы в Доме книги и в библиотеке им. Бабушкина, каб. №5. Мой телефон 9-34-38.

Михаил Поляков ТЫ ПЬЕШЬ ИЗ ПУСТОГО СОСУДА, если перестал быть собой

Где-то в 70е годы популярным стал такой эстрадный жанр, как «психологические опыты». Многие вспомнят имена Юрия Иванова, Тофика Дадашева, более известен их предшественник Вольф Мессинг. Все они имели от рождения определенные парапсихологические способности, которые и демонстрировали на эстраде.

Позже подобные опыты пошли дальше... В 1980 Олимпийском году случилось мне работать в Вологодской психиатрической больнице. «Олимпийская чистка» забросила туда интересного пациента. Он был художник-авангардист. На одной подпольной выставке к нему подошли и предложили... Квартиру в Москве! С мастерской! Постоянную зарплату! У него возникли подозрения, не вербуют ли. Оказалось - нет. Просто предлагают участвовать в эксперименте: его раз в день будут подключать к «космическому потоку», а картины, которые получатся после этого, будут скупать. Естественно, он согласился... И оказался в психушке. Почему?

Сейчас ко мне обращается очень много таких пациентов. От непрерывных попыток выдать из себя то, чего нет, у них развивается тяжелейшая неврастения. Но из пустого сосуда вылить нечего.

Традиционно кандидаты в зомби отбираются из художников, литераторов и т.д. После завершения «эксперимента» их традиционно выбрасывают (не распахивают, как раньше, по провинциальным больницам). Их творческий потенциал утрачен (а может, нейтрализован). Коррекция затруднена тем, что объекты продолжают ждать обещанного высшего постижения, видения... Отказаться от соблазна труднее, чем впасть в него.

Мне известно, что одной из «закрытых лабораторий» руководил чуть ли не автор учебника по философии. Предметом изучения группы было дистанционное управление «эксперт-операторными парами» (психотронный жаргон), а объектом - весьма юные существа в гиперсексуальных проявлениях. Можно только догадываться, кто мог разрешить и профинансировать подобные исследования в конце 70-х годов.

Упоминания о массовых экспериментах появлялись и в начале 80-х годов. Меня всегда поражало их сходство со слетами КСП: тот же лес, костры, да и люди подчас те же!

Только вместо песен и общения нечто непонятное.

Когда от своего сотоварища по КСП услышал, как его «лечили», как его подруга «ушла в йогу» - тогда еще не сообразил, что это значит. Не заметил особенную «плавающую» походку, и самое главное - нарастающую апатию, падение интереса к окружающему.

В 1985 году создавали Всесоюзный Совет КСП во главе с Юрием Андреевым. Почему он? Какая связь между его книгой «Три кита здоровья» и авторской песней? Очень простая. «Три кита» великолепно исцеляют от авторской песни, да и вообще от какого бы то ни было творчества - ведь здоровье превыше всего!

Результаты «исцеления» поразительны: нормальные с виду КСП посвящают себя «самонисцелению» и контакты с ними рвутся. Умело заведенная мясорубка набирает обороты. В Питере нос не успеешь высунуть - тебя уж оздоравливают, да еще «видение сути вещей» сулят. Спасибо, и так видать.

Однажды меня пригласили на семинар несколько странным образом: мол работать будем вместе, а как - там узнаешь. Приезжаю. А

там концлагерь.

Ворота энергетического купола захлопнулись, некий вертухай объявил о режиме «Зоны»: кто ее покинет, будет наказан по «закону поля», а кто останется - будет наказан за тех, кто в бегах (режим я нарушил тут же).

Потом началось. Вместо медитации, вместо лекций - гипноз, вместо информации - бред. Вместо общения - синхронизация. Например - «паровоз» - это такая большая ламбада с тесным физическим контактом (кого возбуждает, а кого просто тошнит). Ну и в довершение - совет пить побольше воды и запрет ее отливать...

На вторые сутки у «семинаристов» начались «глюки» (галлюцинации - психотронный жаргон). А к следующей ночи кое-кто уже видел «тарелки» и даже летал на них (задним местом по полу).

Я подошел к ихним орган (организаторам) и сказал: «Что же вы делаете? Это безнравственно. Экспериментальный психоз!» А они мне: «Здесь работают законы поля, не мешай.» Даже предложили сотрудничество. И ушли кого-то «проводить через смерть». Я подходил к людям, пытался объяснить, доказывал... Все бесполезно. Они готовы были пожертвовать рассудком ради исполнения своих примитивных желаний и созерцания цирковых номеров. Даже рамкой для биолакации там пользоваться запрещают.

Мы ушли оттуда с двумя ребятами - один был художник, другой офицер-отставник, который заметил, что «в армии мозги штампуют лучше».

Потом я узнал - последствия «семинара» были жуткими. Большинство его участников больше не мыслили себе жизни без семинаров независимо от их стоимости. Многие долго и мучительно выходили из галлюцинаторного состояния, один умер. Остаточные явления преследуют пожизненно. А история «Белого братства» в сущности ничем от описанного выше не отличается. Только жертвы - дети. Для них разрыв реальности и восприятия этой реальности закончится невозможностью постигать окружающий мир.

Короче, все это оказалось скучно и неромантично. За этими красивыми облаками нетрудно разглядеть туманные вершины, на которых высечено «самоутверждение», «власть» и «деньги». Для этого орган нужна толпа, стадо. Только стадо поможет им стать «сверхчеловеками». Так что собираясь на семинары, помните о возможности столкнуться со знакомой, и все же опасной химерой. Желаю уцелеть.

КАК РАБОТАЮТ НА ОБЩЕНИЕ

Литорганизатор Вера Веденеева

или Вера Владимировна Попова - родилась в Соколе в 1944 году, закончила фельдшерское отделение Вологодского медучилища, работала фельдшером, медсестрой в детских учреждениях, последнее время - на Череповецком металлургическом комбинате. Первые стихи написала в 15 лет. Литературной деятельностью занимается более 20 лет. Участница многих вечеров, семинаров и акций литературного характера, ради которых жертвует всем. Вдохновенный пропагандист вологодской литературы, автор статей на темы литературного краеведения. Она секретарь Череповецкого клуба литераторов, возглавляемого поэтом Александром Пошехоновым, ведущая гостиной городской юношеской библиотеки им. Верещагина.

Каждая литературная дата для Веры - повод всколыхнуть сердца. Ее знают в Хантоново, где раньше была усадьба Батюшкова, в усадьбе Гальских, она частый гость музеев, она вернула свету имя Ивановой-Романовой, ездит на Бобринский угор и в Николу, следит за новыми именами и книгами. И пишет, пишет...

Вера Попова - фото Вадима Шекуна

Диктор Надежда Дорошенко

- ведущая гостиной Радио 102 - впервые вышла в эфир в марте 1995 года. Обладая живым творческим воображением и даром композиции, делает теплые незабываемые передачи, знакомит слушателей с самыми интересными жителями, а также гостями города и области. Она неисчерпаема в конкурсах, интервью, темах... Благодаря ей вологжане и череповчане смогли услышать:

- Союз Друзей Слона Джамбо - поэтическое молодежное объединение,

- Виктора Гагина и Андрея Широглазова - бардов всесоюзного значения, победителей Грушинского фестиваля 1995 года, организаторов фестиваля на реке Петух, Ольгу Кузнецову, лауреата последнего Петуха,

- рассказ о шоу-балете «Русский кураж» (ДК ФМК),

- Веру Попову с ее поэтической программой «Скажу душой»,

- Сергея Каплана, поэта и барда, Михаила и Татьяну Коноплевых, московских бардов, уроженцев Череповца,

- популярную группу «Тутти-Фрутти»,
- представителя общественного движения «Духовный Собор» Александра Новикова,

- Алексея Устинова - руководителя детского музыкального театра,

- ассоциацию художников «Новые последние» и многих других.

Книголюб

Тамара Косарева

... Она приехала в Вологду по квартирному обмену, висая в воздухе, не успев переправить все вещи, не имея понятия о том, где будет работать. А когда работа нашлась, опять же долго не брали, потому что прописки еще не было. Как можно выжить, чем кормить семью - все эти заботы способны вымотать, выбить из колеи. Но основное испытание было впереди.

"Пришлось поработать на хлебокомбинате, прежде чем попала в Дом книги. А с приходом в книжный магазин начались те самые испытания. Работа мне нравилась. Люблю книги как живые существа.

Но есть понятие среды и инородного тела. Для этой среды я стала инородной. Я бы не стала говорить о том, враждебна эта среда или нет, но она меня стала выталкивать.

Может быть, я одевалась несколько экзотично - я люблю длинные юбки, необычные деревянные украшения, может быть, ко мне приходило слишком много разных покупателей - больше, чем к другим. Работа продавца в книжном магазине, она же построена на общении. Я должна обрушить на них информацию о том, что есть, чтобы они могли выбрать, причем они тоже хотят объяснить мне, что ищут. И это, кстати, увлекательно. Более увлекательно, чем просто стоять столбом и указывать на ценники.

Общение intercourse

В общем, моя работа никому не нравилась. Начались мелочные придирки, косые взгляды. Мой мальчик пришел в отпуск из армии, я так хотела с ним побыть, встретиться, накормить, проводить, всякая мать меня, я думаю, поймет. Целую неделю сидела на работе, переживала, дергалась, а потом в последний день просто к нему убежала. Я пыталась отпроситься по-человечески, получила отказ, махнула рукой.

И когда проводила сына, тут уже пошло. Сначала выговора, потом прогул поставили, потом дошло до увольнения. Мне не хочется пересказывать все перипетии, перебирать обиды. Другая может, сама бы ушла, а я не могла, не хотела. Прежде всего, я не считала себя виноватой, и может, кому-то это покажется заносчиво, но я считала себя хорошим работником. А меня уволили, да еще по какой-то статье! Нелепо. Это был стресс, необъяснимый и неснимаемый. Он привел к сильному неврозу и меня положили в больницу...

Ситуация не исчерпывается производственным конфликтом. Корни конфликта во мне: я держалась за это место. Меня выталкивало, а я сопротивлялась, не слышав в этом подсказки и нового, более гармоничного для себя решения. Я не доверяла жизни, я ей сопротивлялась. И жизнь меня ударила.

Очень долго болела. Без меня на работе что-то происходило, люди пугались, писали задним числом приказы, вставали на меня, просили прийти, вернуться, но мне нужно было сначала прийти в себя. Я решила уйти, оторваться и предоставить все воле случая. И все изменилось!

Не было подолгу денег. В один из таких моментов пришел знакомый и принес дорогую рыбу. Подобных случаев было много. Я не делала никаких усилий, но ситуации исправлялись сами собой. Так же вот нечаянно нашлась новая работа в магазине «Знание», и это было гораздо ближе к тому, что мне нравилось, чем хотелось заниматься. Я стала ездить в Москву, закупать партии книг, я сама выбирала их, и поэтому мне было приятно заниматься реализацией.

Для редких, дорогих и интеллектуальных изданий сами собой находились такие же особенные покупатели со своей личной и очень высокой культурой чтения. Такие люди не смотрят на развалы с американскими поделками. Появилась собственная клиентура, нельзя даже сказать об этих людях - клиенты, скорее - просто друзья. Я начала привозить книги для определенного круга людей, я как бы делала им подарок и они радовали меня, одобряя мой выбор. В такой работе для меня на первом месте не денежный, а именно этический момент.

О такой работе мне всегда мечталось - собственный крохотный магазинчик, определенная, ценная мной тематика, никаких балластов. Если бы только были первоначальные средства... Но это уже из разряда проектов...

Что касается реальности - я на совещаниях встречаю своих реальных коллег и кое-кто из них замечает, насколько я лучше владею книжной информацией. О моем деловом почерке можно поговорить с Н. И. Забродиной, она знаток и ориентируется в этих вопросах не хуже меня.

Иногда мне начинает казаться, что меня опять «выжимает» отсюда и я подумываю о новой работе. Но пока ситуация не так остра - утешаю себя, что лучшего нет. И тут же вспоминаю - опять цепляюсь за дно! А это

очень опасно.

У меня в ассортименте был двухтомник Ричарда Баха. Эзотерическая литература - это вообще как лекарство. У Баха в романе «Иллюзия» есть притча, которую и хочу процитировать:

«... Однажды жили-были существа в одной деревне на дне большой прозрачной реки. Течение реки молча проносилось над ними всеми - молодыми и старыми, бедными и богатыми, добрыми и злыми. Течение шло своей собственной дорогой, зная лишь свое собственное кристальное «я».

Все существа, каждый по-своему, крепко цеплялись за веточки и камни на дне реки, ибо цепляться было их образом жизни, а сопротивление течению - тем, чему каждый учился с рождения.

Но одно существо сказала: «Мне надоело цепляться... Я верю, что поток знает, куда течет. Цепляясь, я умру от скуки.»

Другие засмеялись и сказали: «Глупец, ты отцепишься и поток, которому ты поклоняешься, швырнет тебя о камни и разобьет вдребезги и ты умрешь раньше, чем от скуки.»

Но тот не обратил внимания на совет, глубоко вздохнул и перестал держаться. Сразу же его закрутило и швырнуло потоком о камни.

Однако со временем, так как он не стал цепляться снова, поток поднял его, свободного, со дна и он больше не ушибался...»

Издатель Юрий Малоземов

Здесь он живет, здесь он родился в 1955 году: вологжанин. Русский, образование среднее. Кем работает? Легче сказать, кем Юрий Малоземов не работает. И если подвернется работа поденжнее, уйдет с этой. А вообще профессией у него много - слесарь, шуткатур, маляр, кочегар... Список длинный. Руки у пожарника Малоземова золотые, голова тоже варит. Факт, что одно время работал начальником бюро цен на станкозаводе, тоже о чем-то говорит.

А для души у него краеведение. Этим Юрий Полнэктович вплотную занялся лет шесть назад, до этого все было урывками. И главный труд, которым занялся сейчас - составление словаря-справочника по истории Вологодской епархии. На это ушло лет десять и еще надо лет двадцать. Есть еще тема: о картотеке вологодских кладбищах - составляется картотека захоронений. Занималась закрытыми кладбищами одна женщина, инженер-геолог по профессии, а потом стала матушкой Феодосией. Малоземов еще тогда помогал ей. Теперь она в монастыре, и поручила ему продолжать ее дело.

Есть у Малоземова удивительный материал по своей родословной. Немало часов и дней провел он в архиве, написал историю в стостраничную брошюру: предки описаны до двенадцатого колена по отцу и по матери. Как искать, как образуются фамилии - про это тоже есть в этой книге. Такой я еще не видел. С восхищением смотрел на графический лист, где все его «пра-пра-пра...» обозначены. Попросил его выслать мне книгу, где бы я ни был.

Но ты знаешь, родной мой читатель, не об этом хочу рассказать. Это все предисловие, в котором может быть и случайное... Впрочем, говорят, ничего случайного не бывает. Перейду на интервью.

Юрий Полиэктович, ты известен как издатель книг, издательство называется «Евстолий». Почему?

- Евстолий - русское мужское имя. Могло быть Панкрат, я долго над этим не задумывался. Посмотри - магазины, фирмы всякие носят женские зарубежные имена - Лолита, Мадина, Фрида... Назвал в противовес.

Хорошо, Юрий, у тебя есть жена, три дочери, работа основная, краеведение для души, и вдруг все это отодвигается ради издания книг. Кажется, издателей теперь хватает?

- Тем не менее издаться всегда сложно. Мне думалось - как сделать книжку самостоятельно, не обращаясь в издательство. Сначала даже мечтал завладеть шрифтом, не получилось... В газетах читал немало интересных стихов, поэзией интересуюсь давно. Видел, что не все, что достойно напечататься, печатается, многое пропадает. Умер человек, допустим, и его стихи растащили, разбросали. Мелькнет потом в коллективном сборнике два-три стиха и все. Как появились ксероксы - решил сам все издавать.

- Тогда опиши, пожалуйста, весть процесс

дополнительный тираж.

Считаю, что автору желательно издаться при жизни. Пусть 50 экземпляров, но они попадут к тем, кому это нужно. Скажу даже так: вот сделано 10000 одной книги и 50 другой. Через некоторое время и ту, и другую найти будет одинаково сложно. Кстати, немало поэтических книг было выпущено огромным тиражом, а основная его часть либо шла в нагрузку, либо в макулатуру. Поэтому считаю - тираж первых книг объективно не должен быть больше 100, ну может, 500 штук. Если выпуск на всю страну - две тысячи достаточно. Так и поэтов было бы известно больше. А из - за того, что одних выпускали огромным тиражом, других вообще не публиковали.

- Некоторые книги у тебя вышли совместно с другими издательствами. Почему?

Потому что другие имеют техническую базу и могут помочь набором или распечаткой. Это «Ардвисура», «Свеча».

- Как палоговая интекция, не наезжает?

- Кроме убытков, эта работа ничего не дает! Возможна, конечно, самокупаемость методом подписки, но я на это не иду, в одиночку не осплить, делаю то, на что меня хватает.

Итак, ради того, чтобы поддержать и издать неизвестных поэтов, занимается изданием книг Юрий Малоземов. За три года вышло 30 книжек 22 авторов. Кого же он издает? Авторы в основном вологодские: Иранда Метляева, Руфь Рафалович, Татьяна Бычкова, Инга Чурбанова, Маргарита Коренева, Наталия Старикова, Лидия Мокиевская (Сокол), Лидия Теплова (Сокол), Надежда Бурдыкова, Людмила Жукова (Северодвинск). Рыцарство относительно женских имен не случайно - много лет им не давали высказаться. С помощью Малоземова забытые имена расцвели заново. После того, как он издал первую книгу Нины Груздевой «Твое имя», вскоре вышла вторая - «Воскресенье», и затем поэтесса стала членом союза писателей России.

Но на женских именах Юрий не останавливается. Три книжки издано одному и тому же автору - Валерию Архипову (есть свои читательские симпатии у издателя!). Было бы неправильно говорить исключительно об издании стихов: у Бурдыковой вышла книжка романсов на стихи Сидоровой - с нотами, аналогично у Анны Баян, у Медведской - рассказы и сказки, у Мартыановой и Тепловой - детские стихи с рисунками, у Железняк - «Вологда в рисунках», четыре книжки рисунков у Старикова...

Малоземов выпустил лишь пять совместных изданий, все остальные - сам, все организационные хлопоты, беготня, упорный труд, потом еще найдет свое слово, чтобы автору сказать... А главное - подать ему в руки первый печатный опус буквально через месяц-два после появления рукописи.

Мы не говорили с ним о вере, о взглядах, но благородные деянья говорят сами за себя. Кроме того, он последователь системы Порфирия Иванова, а это еще один повод о нем рассказать... Но все, что о нем написано и сказано, его удивляет. Дело-то он делает простое. И хочет, чтобы относились к этому соответственно.

Беседовал с издателем Малоземовым
Владимир Бабенко

Юрий Малоземов (личный архив)

издания по твоей технологии.

- Компьютеры появились сейчас в каждой организации, там можно сделать набор и распечатку. Сделать можно дешево, а если и бесплатно, если это мои друзья, либо друзья поэта - все понимают, что поэт в России человек материально небогатый. Я вручную делаю монтаж или макет. Макет отдается на мнужительную технику и тиражируется, потом вручную шивается. Обложка на полукартоне на том же ксероксе.

А как же рисунки? Они, смотрю, есть во всех книгах.

- Художники Леонид Стариков и Татьяна Шмелева - муж и жена и оба мои друзья. Работают как иллюстраторы бескорыстно.

А каков тираж книг?

От пяти до пятидесяти экземпляров, сколько угодно автору в зависимости от его финансового состояния. Все макеты у меня хранятся, поэтому если автор придет вновь, я в течение трех-пяти дней выдам ему

Память о Елене Рерих

В ферале 1995 года Елене Рерих исполнилось бы 116 лет... Писать о Рерихах очень сложно, ответственно, и наверно, здесь не нужна частичка «бы». Ведь дело жизни Рерихов продолжается сейчас во многих людях. И в этом смысле они живы и с нами.

Мое воспоминание и впечатление от этого вечера может послужить иллюстрацией тому.

Вечер был в доме Лопухиных в Москве, в старинном особняке рядом с метро «Кропоткинская», возле Музея изобразительных искусств им. Пушкина. Сейчас тут находится Международный Центр Рерихов, выставляются картины Рерихов, личные вещи их семьи. Вечер начинался в небольшой раздевалке на первом этаже, где пальто у вас берут сами хозяйка Центра и вежливо говорят номер. Отсюда лестница ведет на второй этаж, где экспонируются картины. Потом небольшой зал, где все места оказались заняты, благо моя знакомая, врач-экстрасент Галина Кравченко позаботилась обо мне заранее. Как только сел, сразу погрузился в удивительную атмосферу. В небольшом зале было около двухсот человек, многие пришли за полчаса, за час до начала, но никакого шума. Всюду доброжелательность, снисходительность, мягкость и изящество манер. Сквозь закрытые веки можно было изучать зал, над которым плыли неспешные золотистые и зеленоватые волны, а вверху чистый голубой свет. И двигались эти волны под музыку вальса.

Когда человек с внутренним видением цвета начинает рассказывать о своих ощущениях, ему порой бывает неловко от непонимания, точно он «белая ворона». Но в том зале не было скованности, неловкости, здесь было полно белых птиц. Ровный зеленовато-золотистый фон закручивался в воронку и уходил к портрету Елены Ивановны, стоящему на фортепиано. Все смотрели прямо на портрет, и она смотрела на нас внимательно, с легкой полуулыбкой, и была с каждым. А на правой стене портрет Николая Константиновича работы их сына Святослава. Мудрец в синем тибетском халате, седые волосы и борода, а старцем не назовешь. Глаза задумчивые, глубокие, живые. Взгляд в себя, на Елену Ивановну, на нас...

Из вступительного слова вице-президента Центра Рерихов Л.В. Шапошниковой я узнал, что Елена Ивановна принадлежит к роду Голенищевых-Кутузовых...

Потом неопубликованные письма Елены Рерих к сыну Юрию читала Наталия Бондарчук. В зале тишина... Казалось, голос самой Елены Ивановны летит из Индии в Англию, где учится сын. И семейные новости, и материнская забота, и пожелания, размышления, ласка, и участие-поддержка в этом голосе. Души слушателей замирали. Удивительное владение богатством и пластикой, музыкой родного языка! Потому и доходит так легко через Пространство и Время этот голос, несущий высокий свет, Любовь и Мудрость. В нем звучание мысли и сердца большого человека. И снова золотистое, зеленое, голубое над залом.

Потом выступали три поэта, особенно запомнились Ирина Ковалева и Дмитрий Домбровский: «Если кончится любовь, то отступит удача.» Дима пел под гитару свои стихи. Сергей Ковалев, солист Большого театра, играл на скрипке в фортепьянном сопровождении Е. Жуковой Концерт П. Чайковского. Студентка музыкальной академии Гнесных Н. Рябцева

и ученики при академии А. Осьминни и О. Москалева исполняли фортепьянно-виолончельно-ноктюрны Шопена, этуод Рахманинова, произведения Бетховена и Дебюсси. Великолепие концерта было не только в том, что музыканты вкладывали в музыку всю душу... музыка струилась и переливалась в зале с изумительной акустикой... Да и сами слушатели участвовали в этом, создавая в зале высокий, летящий настрой... Счастье ощутить себя частицей такого единства душ, среди Белых Птиц... Я растворялся в музыке.

В заключение Наталья Бондарчук показала отснятый ею и ее учениками видеофильм о Елене Рерих. В фильме было не только сама Елена Ивановна, но и египетские пирамиды, веземные цивилизации, Высшие Сущности, пребывающие на земле и вне ее. Фильм шел более часа, предполагалось показать его не весь, но зал потребовал «от и до». Ведь из фильма становилось понятно, что Рерихи готовили путь к иной цивилизации, к новой, общей и объединяющей всех религии, к вере света, людей, становящихся в стремлении к Свету богочеловеками...

Елена Ивановна была связана с высшими сферами, ей были доступны видения. Она зарисовывала их, будучи отличным рисовальщиком. Мы все с трепетом рассматривали рисунки Е. Рерих, спасенные от гибели Л.В. Шапошниковой и выставленные впервые. Из этих рисунков Николай Рерих черпал порой прообразы для своих картин. Животворящий дуэт: ясновидение жены и живописный талант мужа.

Приобщение к таким жизням, к такой высоте Духа - это гармонизация, приближение к лучшему в себе. Все это стало возможно благодаря Рерихам. И спасибо им за то, что они есть и будут.

На вечере бывал Виктор Брунов

Фотограф Капитолина Островская и ее герои

Капитолина Михайловна Островская - в просторечии Капа - работает ныне в газете с бодрящим названием «Вологодский подшинник». А когда-то она закончила Загорский кинотехникум, получив одноименную специальность. Еще не было видео, но уже было кино! Капа стала работать в учебном телецентре СПТУ-28 Вологды. Ее привлекала фотосъемка. Зачем она потом перешла на подшинниковый завод - неизвестно. Но там существовал кинофотоклуб «Поиск», которым в то время руководил некто Владислав Васильевич Петухов (ныне глава фирмы «Лебедев»).

Капина жизнь протекала в свете красного фонаря. В этом же свете она видела свою перспективу (и не ошиблась). Видео наступало на горло кино. Народ стал меньше сниматься... Капа ушла в газету.

Здесь нечасто везло на фотокоров: как правило, это были странные творческие люди, которые внезапно исчезали, оставляя после

себя старый закрепитель и зияющие пустоты в газете (оставленные под фото). Капа нарушила традицию! Она стала появляться на работе ровно в восемь тридцать утра, а если надо было задержаться - задерживалась. Ее ответственность вселяла уважение. Ее снимки отличались высоким качеством, точностью подхода к теме и высокой сдержанностью. А герои сдержанно и утомленно улыбались...

Иногда в фотолаборатории Капа раздаются звонки, которые она узнает сразу. Это звонит редактор альманаха «Свеча» Г. Щекина.

- Капа! - кричит она в трубку. - Ты нужна мне! После таких звонков архивы обеих редакций быстро пополняются снимками поэтов, прозаиков, художников, критиков, актеров, вышивальщиков и психотерапевтов.

Вот и в данном номере «Свечи» большинство снимков сделала Капа Островская. Как видите, она упорно и бескорыстно разрабатывает гуманистическое направление своего творчества, успешно сочетая его с безусловно более важной производственной темой. «Литературно-художественные» мотивы Капитолины Михайловны позволяют увидеть более точный срез быстротекущего времени. Посему, перефразируя известное изречение, мы легко представим, что именно о ней сказаны слова Иосифа Бродского: «Остановись, мгновенье, ты не столь прекрасно, сколь неповторимо...»

Остановила мгновенье Елена Волкова

Людмила Комарова с сыном Данилкой

(фото Капитолины Островской)

Людмила Комарова НАСЕЛИТЬ МИР ПРЕКРАСНЫМ

(О творчески рожденном ребенке и о творчестве, рожденном этим ребенком)

В один из февральских дней 1995 в гостиниой ЦГБ открылась необычная выставка - то были небольшие живописные работы. Настоящие картины в рамках, только... вышитые. Их автор Людмила Комарова, по образованию тренер, закончила институт им. Лесгафта. Талант вышивальщицы открыла в себе недавно.

Основные темы - вологодские милые глазу места, поля, церковки, волнистые небеса и дороги. Главенствует теплый неяркий колорит: цвета - мягкий светло-коричневый, густой солнечно-золотистый, болотисто-зеленый, светло-изумрудный, палевый, кирпичный. Свои сюжеты она в основном берет у знакомого художника Владимира Смирнова, но некоторые и сама придумывает. Особенно выделяются из всех две монохромные вещи в сиреновой гамме. На одной из них вокруг церковного строения реет облако. Может, это тот самый купол? Даже над брошенными монастырями - светлая, вымоленная многими поколениями монахов атмосфера.

Бело-синее праздничное рождество. Почему ночь не черная? Потому что уже утро. «Я заканчивала работу такая радостная, в слезах, в молитве.»

Это не первая, уже четвертая выставка Людмилы Комаровой. На одной из коллективных выставок ее отметили дипломом, а вот совсем интересный документ Организации Международных культурных связей «Артинтерком» о награждении Комаровой как победителя конкурса «Вологодские промыслы» и благодарность за участие в конференции «Духовность - энергия поколений» (январь 1994 г.)

На открытии выставки Людмила была не одна, а с мужем Николаем, сыновьями Женей и Данилкой. Данилка мужественно переносил светскую жизнь в кенгуровой сумке, всяя то на папе, то на маме. Ну очень благодушный

человек.

К общественной деятельности у него уже привычка - приходится посещать и семинары, и лекции, и презентации. Когда устаёт, мирно засыпает. Потрясающее спокойствие.

Раньше, по словам самой Людмилы Комаровой, когда у них были грудные дети, они и помыслить о такой свободе не могли, обычно куда-то не выходили. Но Даня необычный ребенок. **Даня появился на свет водным путем.**

Как вам пришла в голову идея водных родов? Старших вы привезли из роддома...

- Постепенно, где-то после рождения среднего сына (всего их трое, старшего провожаем в армию). Уже тогда хотели рожать вместе, но ни в одном роддоме Вологды такой практики не было. Правда, роды были великолепными - помогли работницы 1 роддома врачи В. Болтнев, Г. Коряковская, акушерка О. Сдобнова...

Затем были ТВ-передачи об И Черковском, на глаза попал журнал «Путь к себе» с темой духовного акушерства. Я узнала, что в Вологде появились женщины, родившие в воду и впервые увидела рожденную так девочку Полину Лебедеву. Я стала встречаться с людьми, увлеченными этой идеей, смотрела видеофильмы, журналы, ходила на занятия в центр «Здоровая семья». Его организатор - Елена Лебедева, ее личный пример тоже много значил. И кроме того, были семинары... Все это стало нашей подготовкой.

Встретили акушерку, принимавшую среднего сына, подружались.

- Реакция мужа?

Сначала он отнесся к этому скептически, считал, что это нереально. Потом стал приобщаться... **Муж сам принимал «роды в ванне»...**

- Да, - добавил муж Коля, - я могу смело сказать, что впервые по-настоящему ощутил отцовство и совсем по-иному, чем раньше. Взяв Данилку в руки, почувствовал идущее тепло. Почувствовал, что в чем-то недодал и старшим детям, захотел компенсировать. И

к младшему, и к старшим стал относиться настолько искренней, лучше, что кончилось вообще смещением акцентов от работы к семье.

- *А как реагировали старшие дети?*

- Средний сын тут же перешел из младших в старшие. Стал проявлять сильную заботу и участие. Чувство ревности удалось преодолеть довольно легко.

- *Люда, вот прошло полгода. Что можно сказать о твоих переживаниях?*

- Я испытала не просто удовлетворение, а даже гордость, что смогла пройти весь путь сама от начала до конца. Ничего не боялась. Для меня это было самое счастливое событие, потому что **Данилка принес в нашу семью настоящую любовь. Это повлияло на наше отношение друг к другу и к окружающему миру.**

- *А особенности?..*

- Особенность прежде всего в том, что в отношении Дани целиком могу довериться мужу. Между ними с первого момента возникла такая сильная связь, какая бывает только с матерью. Раньше такого не было.

- *А он кто по профессии?*

- Николай врач.

О! Так ваши интересы личные и профессиональные как-то связаны?

anal international communications
АртИнтерком

Фотопродукции вышитых полотен

Комаровой - Капитолины Островской

- Ну да, я работала в спортивной школе олимпийского результата тренером, а он в областной психиатрической больнице. Общий интерес к психологии, развитию личности. Любим оба лес и природу. Это питает душу.

- Как Данилка растёт? И вообще, отличаются ли чем-то дети, рожденные в воду?

- Прежде всего, здоровьем и жизнерадостностью. И Даня спокойный, веселый. Все дети, рожденные дома и в воду, обходятся без родового стресса, питаются только грудным молоком. Даня тоже - я не давала ему ни соков, ни воды почти полгода. (Это же советует известный всем многодетный отец Б.Никитин.) Ребенок отлично себя чувствует.

Детей обливают холодной водой со 2-го дня жизни, с 7-го дня - динамическая гимнастика. Голову Даня стал держать сразу же, как родился.

Сразу положили его на живот, он получил возможность ползать, не одевали его. В 5 месяцев сам встал с кровати. Таких детишек чаще всего носят в рюкзаках кенгуру, чтобы они были в тесном контакте с матерью или с отцом.

Вы такие с Колей молодцы. Просто невероятно. Неужели это так легко?

- Это очень все просто, особенно когда помогают. Мы благодарны за помощь Александру Чернавскому, президенту общины «РОД». Мы вместе стояли у истоков ее возникновения и до нынешнего дня самые активные участники. Это касается и семинаров, и выставок, этой бумаги от Артинтеркома... В чем-то наша община «РОД» является филиалом московского центра «Путь к себе», ценный информационный поток идет оттуда через книги, журналы, семинары, конференции. Но в Вологде такое движение возникло впервые.

- И куда бы могли обратиться те, кого заинтересовали водные роды и все эти удивительные общиноРОДские дела?

- Можно прийти в центр «Здоровая семья» на Энгельса, 61. В общину «РОД» - они собираются по четвергам в гостиную центральной городской библиотеки на Панкратова, 75 (тел. 3-32-50). И к нам можно. Было бы желание! Жизнь сразу станет другой.

"Я ПРЕДЛОЖИЛ ЖИЗНЬ ЛЮДЯМ"

Экспозиция, посвященная жизни и идее Учителя Иванова была создана и впервые открыта в краеведческом музее г. Свердловска Луганской области в октябре 1994 года. В феврале эта выставка была представлена в г. Киеве в Международном Центре культуры и искусств Украинский Дом. Она содержит фотоматериалы, выдержки из дневников, свидетельства очевидцев, тематическую литературу. Все посетители могли получить консультации.

Подобная выставка организована в Вологде Центром "Начало" и киноцентром "Вологда" в январе 1996 года в кинотеатре "Салют". На открытие были приглашены представители администрации Вологды и области, общественные организации, представители прессы, теле- и радиовещания. Цель экспозиции - привлечь внимание к личности Учителя Иванова и актуальности его учения. Во время выставки в Вологде был показан фильм "Живая жизнь". Только в Вологде ее посетило более тысячи человек.

Данная выставка - передвижная, почти постоянно действующая. Экспонировалась в Москве, Киеве, Свердловске, Вологде и области (Сокол, Череповец, Кадуй), позже в Архангельской области.

УЧИТЕЛЬ ИВАНОВ И ЕГО «ДЕТКИ»

**Материалы подготовлены
вологжанами, идущими по системе
Учителя Иванова**

Наверное, никому из читателей не надо представлять систему Учителя Иванова, о его «Детке» слышали все. Многие считают ее просто оздоровительной системой, но на самом деле «Детка» - нечто большее, советы человека, которого люди по делам его назвали Учителем жизни.

Жизнь молодого Паршека, как называли Порфирия Иванова в молодости, была обыкновенной: бедность, работа сызмала, война, опять работа. Необычайной была жалость к людям, работающим беспросветно, болеющим и умирающим. Он уже видел, что Природа снова и снова «наказывает» человека, как будто что-то от него хочет. Как же помочь людям? Двадцатые и тридцатые годы проходят в поисках - ответ ищется в книгах, в наблюдениях над жизнью. Ответ приходит во сне: обнаженный человек, шагающий по заснеженному полю, победитель Природы, человек, который ничего не боится и не нуждается ни в какой самозащите.

25 апреля 1933 года мысль оформляется окончательно: чтобы жить без болезни и смерти, человек должен стать из «технического и зависимого» - естественным и в то же время независимым от потребностей. Порфирий Корнеевич часто говорил: «Если бы я точно не знал, что меня ждет новая небывалая жизнь, я бы не выдержал - давно бы умер...»

Начиная с малого, он раз и навсегда снял шапку, затем стал ходить без верхней одежды. Огромные силы открывались в нем - больные вставали, не веря счастью. А за это ему приходилось платить самую дорогую плату: своим телом, открытым снегам, морозам и зною. Ради исцеления 17-летнего паралича у прикованной к постели женщины пообещал навсегда снять обувь и сделал это.

День и ночь он шел по своей «плохой и холодной» дороге. Ему приклеили ярлык психически больного, 12 лет он провел в тюрьмах и психбольницах - но выдержал все. 50 лет жил голый, босой, не нуждающийся ни в чем. Единственный человек, возлюбивший Природу.

Он искал страждущих. Достаточно было попросить: «Дорогой Учитель, дай мне мое

здоровье» - и он приходил на помощь.

В ФЕВРАЛЕ 1995 ГОДА В ВОЛОГОДСКОМ МУЗЕЕ МОЛОДЕЖНЫХ ДВИЖЕНИЙ ПРОШЛА ОЧЕРЕДНАЯ ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ ЖИЗНИ ПОРФИРИЯ ИВАНОВА.

РАЗДАВАЛИ БУКЛЕТЫ. ДЕМОНСТРИРОВАЛСЯ ФИЛЬМ, ЗАПЕЧАТЛЕВШИЙ СЕДОВЛАСОГО УЧИТЕЛЯ И ЕГО ЖИВЫЕ СОВЕТЫ. НА ВСТРЕЧУ ПРИШЛИ И НОВИЧКИ, И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ.

ВОТ ЧТО ОНИ РАССКАЗАЛИ

*К идее Учителя меня привели болезни детей: ангины, лимфадениты, пневмонии, аллергические ларинготрахеобронхиты, лекарственные аллергии.

Начав потихоньку выполнять «Детку», приняла ее как систему оздоровления. Но чем дальше занималась, тем отчетливее ощущала, что советы Учителя дают не только физическое здоровье, но и новое понятие обо всем: как должен жить человек на земле. Как надо начинать все с малого, может, с отношений в своей семье. В пути Учителя увидела путь спасения человечества от катастроф, на которые оно себя обрекло.

В. Пинчук. 36 лет, бухгалтер

*Когда человеку плохо, когда потеряно здоровье и после многих лет хождений по больницам человек чувствует себя подопытным кроликом, когда даже твой доктор признается, что лекарства - лишь временное облечение - разве этого не достаточно, чтобы человек задумался? А задумавшись, понял, что он должен помочь себе сам!

Вот и меня с диагнозом церебральный арахноидит и остеохондроз судьба столкнула с системой П.К.Иванова. Это случилось в октябре 1988 года.

И с первых же дней занятий были заброшены все лекарства. Во время обострений только холодная вода и просьба к Учителю помогали встать на ноги. Было все за эти годы - были и слезы, и сомнения. Они-то и мешают нам получить свое здоровье.

Главное, надо очень верить и просить. Ну, конечно, и правила Детки выполнять. Это трудно. И еще: мы привыкли просить за себя, а вот отдавать не научились. Потому и здоровье получаем по крохам (по заслугам)...

Мне страшно даже вспомнить, какой я была раньше. Спасибо огромное Учителю, который помогает мне жить и справляться с недугами.

Галина Пахоменкова

*В 1989 году - в том самом году, про который Учитель сказал, что «мое здоровье признают люди в белых халатах» - я был на первой медицинской конференции.

На ней ученые и врачи подтвердили, что система П.К.Иванова действительно может помочь от всех болезней.

После этого мне пришлось побывать на многих конференциях - медицинских, научно-практических, педагогических. Я узнал, какое огромное количество людей приняли систему Иванова. А с 1992 года по стране прошли конференции с очень громкими названиями: "Бог пришел на Землю для спасения человеческой души", "Бог родился в России", "Дорога к 2000-летию одна - учиться Делу Иванова". Люди получили свое здоровье и через это опознали Того, перед кем мы стоим в природе. Они захотели сказать об этом остальным людям.

Я думаю, это главное, что мы можем съесть для себя и для Учителя. Не хочу сказать, что никогда ничем не болел - меня даже в армию не взяли. Когда болезни накатывают сильно, я знаю, что надо делать. Я прошу Учителя и они отступают.

Это важно знать всем, ибо сказано: "Если вы не скажете про меня, то камни возопиют." Особенно важно для молодежи! Нельзя жить такой жизнью, в которой есть разврат, пьянство, наркомания - это иссушает душу, спасения не дает. Спасение дает только Учитель.

Недаром Валентина Леонтьевна Сухаревская, ближайшая последовательница и друг Учителя, всегда говорила: "В ком сила и могущество? В Нем. В ком любовь к природе? В Нем. Справедливость - в Нем. Так кто же он, если не Бог?"

Сергей Стафеев, студент ВГПИ

*Моя первая встреча с Учителем

произошла в Москве на ВДНХ. Оказались мы там случайно и выставку "Эксперимент длиною в полвека" заметили только перед уходом. Я не испытывал тогда интереса к закаливанию, но вид этого человека сразу задержал мое внимание. Приятель в это время за руку меня оттаскивал, повторяя, что поезд скоро уходит. Пришлось бежать, но фотография человека в трусах, обтиравшего торс снегом да простые слова "закалка-тренировка" отложились в моей памяти.

Через полгода я по предложению того же приятеля залез в прорубь - скорее из простого мальчишеского любопытства. Мне понравилось и я продолжал, довольный собой. А через полтора года беззаботное состояние кончилось, в жизни появились проблемы, в том числе неприятные болячки. Но нутром я чувствовал, что бросать нельзя...

Поехали в Дом здоровья. Раньше слышал, что этого человека называют Учителем и победителем природы, но понять и прочувствовать это я смог только там. Его путь не мог повторить никто. Ему выпало терпеть невыносимые гонения со стороны людей. А когда его спрашивали, кто же он, Порфирий Конеевич отвечал: "Я тот, кто во мне, а сам бы давно уже умер."

Его никто не заставлял. Наоборот, в психушках твердили: "Откажись от идеи и больше сажать не будем". Но он не отказался, понимал, что он единственный, кто может дать

людям новую жизнь. С того момента, как я это осознал, в моей жизни настали порядок и спокойствие. Сейчас, когда мы приходим, например, в госпиталь, мы видим в глазах военнослужащих неподдельный интерес к Учителю.

Михаил Пишенин, студент ВГПИ

До того, как я сам начал увлекаться идеей Учителя, видел "Детку" и другие материалы. Система Иванова понравилась сразу - было видно, что это просто и правильно. Но думал, что делать усилия ни к чему, проживу и без этого. Был на встрече с последователями Иванова, они хорошо все рассказывали, но меня насторожила их убежденность, как будто никто не должен сомневаться...

Съездил на молодежную конференцию, посвященную идеям Учителя, в марте 1992 года. Там впервые попробовал выполнять правила "Детки", показалось трудно. Бросил. А через два месяца дошло, что не могу без этого жить. С тех пор четыре года иду по системе и могу сказать спасибо Учителю за то, что все произошло так, а не иначе.

Встречаясь с людьми, обнаружил, что все они сильно нуждаются в поддержке. Вместе с друзьями стал ездить в школы, военные части, к жителям поселков, заключенным, говорить об идее. Слушают везде хорошо.

В 1995 году мы организовали в Вологде конференцию, на которой побывали не только вологжане, но также их единомышленники из Череповца, Белозерска, Кадуя, Ярославля, Коломны, Санкт-Петербурга, Москвы.

Александр Гаврилюк

...В 1986 году я очень сильно заболел - в мае перенес инсульт и паралич. Продолжительное время лечился в больнице и амбулаторно. Пройдя лечение, был поставлен на учет к невропатологу и получил вторую группу инвалидности.

После инсульта к частым простудным

заболеваниям добавились осложнения: головные боли, давление, нарушение сердечных ритмов (тахикардия), от большого количества лекарств стал болеть желудок. После взятия на анализ спинномозговой жидкости начались боли в спине, появился страх смерти, как следствие - лекарственная зависимость. В 36 лет потерять здоровье! Я был подавлен всем этим. Начались хождения по поликлиникам, но никакие врачи и лекарства не помогали. Я терял надежду...

15 ноября 1987 года впервые узнал об идеях Порфирия Иванова, прочитав статью В. Орлина в газете "Вологодский комсомолец" и ухватился за нее как за последнюю надежду. Начал выполнять правила "Детки" и поверил. Болезни уходили постепенно, через

обострения. Но чем больше укрепляюсь в вере, тем лучше себя чувствую. Хочу сказать дорогому Учителю "спасибо" - за то, что дал здоровье, радость бытия, душевное равновесие, за то, что помогает в трудные минуты жизни. Со временем пришло и осознание того факта, для чего ты дважды в сутки стоишь и просишь у Учителя здоровья...

Александр Смирнов, 50 лет, рабочий

Консультационные пункты последователей Учителя Иванова:

- г. Вологда, ул. Зосимовская, 63-а, вход с торца здания, 1 этаж, помещение учебного класса - первый и третий четверг каждого месяца в 18 часов;

- с/к "Северный текстильщик" по адресу ул. Беляева. 15 - в 18 часов ежедневно.

ДЕТКА,

ты полон желания принести пользу всему народу. Для этого постарайся быть здоровым

1. Два раза в день купайся в холодной природной воде, чтобы тебе было хорошо. Купайся в чем можешь: в озере, речке, ванне, принимай душ или обливайся. Это твои условия. Горячее купание заверши холодным.

2. Перед купанием или после него, а если возможно, то совместно с ним, выйди на природу, встань босыми ногами на землю, а зимой на снег хотя бы на 1 - 2 минуты. Вдохни через рот несколько раз воздух и мысленно пожелай себе и всем людям здоровья.

3. Не употребляй алкоголя и не кури.

4. Старайся хоть раз в неделю полностью обходиться без пищи и воды с пятницы 18 - 20 часов до воскресенья 12 часов. Это твои заслуги и покой. Если тебе трудно, то держи хотя бы сутки.

5. В 12 часов дня воскресенья выйди на природу босиком и несколько раз подыши и помысли, как написано выше. Это праздник твоего дела. После этого можешь кушать все, что тебе нравится.

6. Люби окружающую тебя природу. Не

плюйся вокруг и не выплевывай из себя ничего. Привыкни к этому: это твое здоровье.

7. Здравойся со всеми везде и всюду, особенно с людьми пожилого возраста. Хочешь иметь у себя здоровье - здоровайся со всеми.

8. Помогай людям чем можешь, особенно бедному, больному, обиженному, нуждающемуся. Делай это с радостью. Отзовись на его нужду душой и сердцем. Ты приобретешь в нем друга и поможешь делу МИРА!

9. Победи в себе жадность, лень, самодовольство, стяжательство, страх, лицемерие, гордость. Верь людям и люби их. Не говори о них несправедливо и не принимай близко к сердцу недобрых мнений о них.

10. Освободи свою голову от мыслей о болезнях, недомогании, смерти. Это твоя победа!

11. Мысль не отделяй от дела. Прочитай - хорошо, но самое главное - ДЕЛАЙ!

12. Рассказывай и передавай опыт этого дела, но не хвались и не возвышайся в этом. Будь скромн.

Владимир Бабенко ДО ВАНГИ МНЕ ДАЛЕКО...

Я так его открою широко -
Мой третий глаз, лучистую лампаду,
Но распахнется дальний свет легко,
Давая силу творческому взгляду.
Юнна Мориц

Пять лет назад со мной случилась беда. Попал в больницу на кардиологическое отделение. Выписали меня с диагнозом - аритмия. Значит, надо пить немало таблеток, которые не только лечат, но и калечат. Через несколько дней «на воле» встретил Алексея Колобова, своего знакомого. В разговоре выяснилось, что у него тоже аритмия была, но он занялся своим здоровьем по системе Порфирия Корнеевича Иванова. Посоветовал и мне. И я начал.

Первые обливания с 5 мая, а первую голодовку, точнее воздержание от пищи и воды приурочил к Дню города. То ли от пережитого, то ли от моих закаливаний стал я каким-то другим - духом сильнее и физически себя лучше стал чувствовать. Разумеется, отказался напрочь от таких «удовольствий» как курение, спиртное, прекратил ругаться матом, кричать, плевать и т.д. и т.п. И благодаря этому я, в сущности инвалид, живу, работаю, жизни радуюсь.

Начались чудеса в которые было трудно привыкнуть, поверить. В голове были мысли, что так не может быть, потому что не может быть. Например. Я и старший сын стоим в ожидании автобуса на дачу, где остановка «Гончарная». На мосту показывается автобус. Я закрываю глаза и вдруг слышу ответ, какой это автобус и даже черными или красными цифрами его номер. Или спрашиваю, когда придет такой-то автобус и получаю ответ, и сверю потом по часам - все сходится минута в минуту. Бывает, что автобус сломался и об этом узнаю.

Я рассказывал такую новость Александру Петухову - одному из своих друзей. В отличие от некоторых он не стал глубокомысленно улыбаться и в один из вечеров примчался ко мне в одиннадцатом часу ночи с вестью - завтра в клубе льнокомбината начинаются платные курсы экстрасенсов и дал совет мне - иди поучись.

Пошел. Может многие думают, что экстрасенс что-то такое из ряда вон, но по Анатолию Мартынову в книге «Исповедальный путь» о них сказано так: «Люди, обладающие повышенной чувствительностью к биополю, способные им управлять, называются экстрасенсами, т.е. сверхчувствительными».

В тот год, один месяц учился я на этого самого экстрасенса и очень благодарен Галине - своей первой учительнице, которая помогла развитию некоторых способностей, дала мне знания о правильном питании, знания о психологии.

Чему же я научился и что мог после окончания курсов?

Во-первых, бесконтактной диагностике. На расстоянии от 50 см до 5 метров веду руку от головы до ног и определяю, где у человека болит, где не болит.

Прошли мы на курсах лечение по методу Джуны. Забавно было первое время часто разгонять тучи и лишь позже остепенился и применял это когда очень уж надо было или

показывая неверующим.

Развилось явление, при котором используется так называемое информационное поле - ясновидение. Сюда же относится телепатия, лозоискательство.

Например. Пришел как-то мужчина и рассказывает о себе. Законал он деньги свои и спустя год откопал в том месте, а денег и нет. Лег я на диван, закрыл глаза, расслабился и вижу гараж и место, где копал. Получаю ответ - от места нужно отодвинуться на столько-то и копать. Деньги там и оказались.

Глядя на человека, могу рассказать о его прошлом, будущем. Хотя к слову сказать, в космосе нет понятия - вчера, сегодня, завтра. Есть вечность.

Кстати, ко второй группе явлений относится телекинез - умение двигать предметами на расстоянии и левитация - самое невероятное из очевидных явлений парапсихологии. Левитация - способность некоторых людей - в основном молодых девушек - к полетам в пространстве без каких-либо приспособлений. Но эти два явления мне не даны. Все, кто ими владеет, может продемонстрировать: есть и съемки, и описания. А вот ясновидение - эта область парапсихологии наиболее мистична, ибо предполагается наличие информации о будущем. Это признают бывающие в городе Петрич, где живет ясновидица Ванга.

Мне, конечно, далеко до уважаемой Ванги, но я чувствую по собственному опыту - третий глаз год от года «видит» все больше и больше. Кому-то это дается при рождении, кому-то после несчастий, но можно способности свои (а они есть в зачатке у всех) развивать с помощью специальных упражнений.

Одно из упражнений приведу в качестве примера. Оно описано в книге как упражнение по набору энергии ритмическим дыханием. (Экстрасенс, МП «Век», г. Череповец, 1991 г.)

Упражнение я делаю сразу после обеда. Лежа. В течении пяти минут надо расслабиться так, чтобы все мышцы тела не ощущали ни малейшего физического напряжения. Затем одна рука, а точнее, большой палец, закрывает правую ноздрю, а указательный приставляется к середине бровей, чуть выше и вращая, им слегка нажимаем (по часовой стрелке). Делается ритмическая гимнастика. Вдох 20 секунд, затем 10 секунд задержка дыхания, затем 20 секунд выдох. И так 12-15 минут. В левой руке держишь часы с секундной стрелкой. Потом проделываешь все также, меняя руки. Сбоев дыхания быть не должно.

Все равномерно - вдох, задержка, выдох. Но что бы так делать сразу - не получится, надо готовиться постепенно в четыре этапа по одной неделе каждый этап.

Все это описано в книге.

Теперь мне хочется поговорить о книгах вообще и своих в частности. В разные годы они выходили. И вот какая интересная с ними история происходит с точки зрения биоэнергетики.

Первая книжка стихов - «На разных станциях». От нее идет тяжелый поток. Этомне говорили люди сверхчувствительные. Когда книга создавалась во мне еще были зависть, злость и другие нехорошие черты.

Вторая книжка стихов - «Из семейного альбома» - снимает головную боль, успокаивает. Не верите? Возьмите и почитайте.

Третья книжка «Стансы» обладает этими же свойствами, но сила воздействия меньше. Думаю, что это произошло из-за того, что в 1994 году я уменьшил воздержания без воды

и пици до суток вместо ранее 42 часов, да и такие черты характера как зависть, нервозность начали меня одолевать. Хотелось объявить о свойствах своих книг, чтобы их покупали. Не сделал этого, выдержал. А книжки мои все равно раскупили.

Теперь о Библии. Читал по одной-две главы на ночь и стал замечать - не снятся мне плохие сны, а если я по каким-то причинам не почитаю, сны плохие приходят. Вот два факта о книгах и почему так, возможно, подтверждение в статье священника Родиона в «Собеседнике православных христиан» N1 от 1991 года изданного в Ленинграде. Приведу оттуда такие строки: «Фиксируя на чем-либо внимание, человек простирается своим биополем к данному объекту и входит с ним в контакт. Например, читая книгу, мы невидимым образом устанавливаем связь с ее автором (даже если

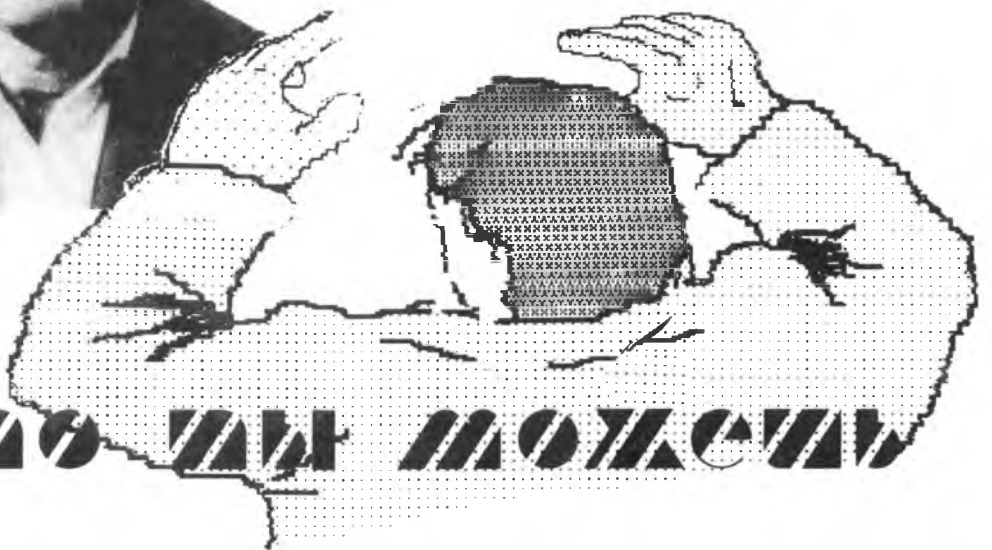
тот уже умер) и с тем состоянием души, в котором находился писатель в момент создания своей книги. Читатель может входить в те же мысли и чувства и особо тонкочувствительные - даже переживать те же ощущения.

Вот это свойство человеческой природы и является так же одной из причин, почему Святые Отцы рекомендуют постоянное чтение Евангелия и святоотеческих книг. Ибо здесь читатель общается с Богом и Святыми, восходя в их мысли и чувства, сам духовно возрастает. Кроме того, Святые, чувствуя чтение своих трудов, молятся за читающих.

Сейчас читаю и коплю медицинскую литературу, литературу эзотерическую. Лечу людей очень и очень редко, и то в основном делаю классический (шведский) массаж. Три года назад закончил еще курсы массажа и владею пятью видами.

Очень много планов литературных и в свободное время (а его ох как мало) пишу прозу. Лечить - мое время еще не пришло, но я знаю - это время придет и тогда все другие дела потеснятся на второй план. А пока расскажу про человека, который идет по тому же пути, что и я.

Владимир Бабенко(на фото) берет интервью у целителя

Человек у которого я взял интервью - мой друг. Ему тридцать шесть лет. Не крещенный еще, но верует. Работал по трем специальностям - слесарь, а еще он телемастер и ювелир. Человек творческий, художник. Учился на экстрасенса дважды - один месяц в 1989 году и три месяца в 1991 году, где мы познакомились и сдружились. Впрочем дело не в количестве учебных месяцев, а в самом деле.

Я не называю тебя по имени...

Мой учитель сказал: »Никогда не называйте себя экстрасенсами«.

Это феномены, а я себя к таким не отношу и считаю, что семьдесят процентов людей могут добиться таких же результатов, как и я - если приложат желание и трудолюбие под руководством Учителя.

- У каждого все с чего то начинается. С чего же началось у тебя?

Каждый человек к чему-то склонен с детства. Вот и я с седьмого класса любил читать статьи о мистике, о сверхвозможностях человека в газетах и журналах. Искал книги, но вот книг в те времена (семидесятые годы) и не найти было. Жизненные ситуации складывались так, что отводили от этого, потом же снова приводили, но от судьбы не уйдешь. Когда открыто появились книги Джуны, то это уже не просто факт, это уже практические знания и я их освоил и опробовал на близких, знакомых. Подтвердилось.

- Что ты можешь?

Лечу аллергию, кожные заболевания - псориаз, диатез у детей - кстати легкоснимаю. Это моя как бы специализация. Кроме этого научился уже на трехмесячных курсах делать

все виды контактного массажа, бесконтактный биоэнергетический массаж, мануальную терапию. Впрочем, тебе это известно - позже стал использовать все в комплексе.

Помню с какой серьезностью ты лечил, когда мы учились. Общались эти три года, мы на эту тему не беседовали. Я пишу стихи и прозу и очень редко лечил. В разговорах и житейских делах мне в голову не приходило, что ты активно помогаешь людям, делая их здоровыми. Скажи, сколько людей ты вылечил?

- Я веду картотеку. В ней записано кого и от чего вылечил, все клиенты по моей просьбе принесли свои фотографии. В общем, по мануальной терапии, помощь оказана более пятидесяти раз, в других болезнях еще столько же. Детям - девять.

Но почему бы тебе не заниматься только этим делом? Ведь это приносило бы много денег.

- Сейчас время меркантильное, требующее средств на существование, но брать деньги за это нельзя, то есть я их не брал и не беру. Существовать на что-то надо. Вот я и работаю слесарем на одном из заводов города Вологды. Много времени занимает сам сеанс лечения. Это примерно час на человека и чтобы выдержать семь сеансов подряд, требуется и время и физические силы, которые сейчас отдаются семье.

Какой образ жизни ведешь? Для поддержания формы что делаешь?

Конечно, здоровый. Не курю, выпиваю редко. Те кого я лечил, приводят иногда своих знакомых и родных. Отказать не могу. Перед сеансом лечения заряжаю энергией из космоса, а если заболевание запущенное, тогда выхожу на голодание по системе Порфирия Корнеевича Иванова. Впрочем все делаю. Систему Иванова считаю способной давать человеку колоссальную зарядку энергией. Потом снова не обливаюсь, не голодаю и т.д. Считаю, что способности никуда не денутся.

Что же в лечении ты считаешь главным?

У меня свои взгляды и довольно принципиальные. Все проводимые сеансы в залах неэффективны и могут быть вредны. С каждым человеком надо работать индивидуально и как минимум час. Много времени уходит на разговор с пациентом, надо его к себе расположить, узнать о его образе жизни. Часто получается, что и заболевание идет от его образа жизни. Определить причину - это уже девяносто процентов успеха. Очень часто приходится сталкиваться со взглядом или порчей. У меня есть своя трактовка этих определений.

Будем ли раскрывать твою трактовку?

- Да. Существует в организме человека несколько органов, которые обладают почти всей информацией о состоянии организма. Ты знаешь, что используется придогностика (по глазам), почечная и другие. Но ты не ведаешь о том, что глаз человека отображает не только состояние самого организма в физическом плане, но и глаз отображает информацию, наложенную другими людьми.

Для меня это новость. И что дальше? По глазу я определяю, вижу чужую

информацию. И когда стираю ее, заболевание проходит.

Теперь стоп. Людям нужны примеры в виде сказок. Вот и расскажи.

- Приходят к тебе двое - муж и жена. Женщина беременна и ты, закрыв глаза, получаешь у Учителя ответ - когда родится ребенок, какого пола. И видишь ты ребенка вначале к тебе попойкой, а потом просишь Учителя ребенка повернуть и он поворачивается к тебе, а месяц и число светятся цифрами. Так? А теперь ты говори.

До вывода астрального тела также надо готовиться и ввести организм в состояние полного расслабления и в этом состоянии вызвать образ любого человека. Он возникает как бы на экране. Глаза закрыты, разумеется. Можно мысленно образу задать любой вопрос и получить ответ.

Информация может прийти и зашифрованной и когда что-то сбудется то лишь тогда начинаешь понимать предсказание. Вот у одной пары при определении пола и время рождения показало мальчик, что так и произошло, а цифры светились две - семь и четыре. А этого не могло быть и я был озадачен. Потом выяснилось - ребенок родился на седьмом месяце беременности и двадцать восьмого числа. Умножьте четыре на семь.

- Ладно. Это мой пример о тебе. А еще?

Как-то перед рыбалкой я и не хотел вызывать образ и как бы само собой обратился к Иванову с вопросом: »Ехать или не ехать?» »Ни в коем случае,» - был ответ. Стал отговаривать друзей. Отговорить не удалось. Сам не поехал, они сильно обиделись. На следующий день друзья должны были вернуться. Вернулись, слава Богу, правда через двое суток, так как их занесло пургой. Дело было зимой. Всю ночь провели в холодной машине...

А я, представь, в один из дней в один из дней января получил ответ не садиться в троллейбус, так как он сломается и загорелся. Не поверил, залез. Не знаю загорелось ли, но сломался и дыму было много. И случилось это прямо напротив дома, где я жил много лет...

... Знал я и кто будет моей женой. Увидел ее и лишь через год достал адрес, где живет. Знал, что будет предоставлен случай быть вместе и он произошел через полтора года.

- Чтобы бы ты хотел сказать в заключение беседы?

Лечить - это непростое дело. Многие этим занимаются ради своего интереса, чтобы потешить свое самолюбие. А вот когда придет настоящий больной с верой в тебя и ты последняя инстанция, тогда ответственность слишком высока. Вот здесь-то надо тонко разобраться: братья за лечение или нет. Отрицательный результат ломает мгновенно человека, который мог бы еще пожить, побороться сам.

И еще. Когда встречаешься с широкой аудиторией, люди просят чудо, ну вот как ты пытаешься рассказать «сказочки». Людям надо доказательство... Так вот, никому ничего не надо доказывать. Единственный путь доказательства, который я использую - самому научить их примерно тому же, что могу сам

Вера Веденеева ВАМ ЖИТЬ, «ОТЕЧЕСКИ ПЕНАТЫ»...

...Время росы давно миновало. И дождь помилдовал нас, обошел стороной. Солнце не в зените, с утра у него минорное настроение, оно полно грусти. Милое светило лишено обычного горячего любопытства и похоже, на весь день: его скупые, рассеянные выглядывания никого не допекают.

Прохладно. Ни вредных комаров, ни мошек. Воздух напоен июльской тишиной и какой-то потаенной задушевностью. Обманчиво близко предстала перед нашим взором вершина холма, известного по описаниям и как мы можем убедиться, трехступенчатого. По этим едва приметным ступеням спускались к господскому пруду аллеи прекрасного парка бывшего родового имения Константина Батюшкова в Хантоново. «Бывшего» - не столько временное понятие, сколько печальное дополнение к когда-то существовавшему: был сад, была усадьба, было... были...

Нынче был ранний пик сенокосной поры по всей Вологодчине. А здесь травы не скошены, высокие, густые упругие, они волнуются под ветром. Но мы в своем кратком паломничестве бессильны помочь, а краса раскинувшегося зеленого простора скорее не радует, а тревожит.

Как будто окрепли взбегающие по ступеням холма молодые деревца, посаженные студентами Череповецкого пединститута, местными школьниками, интеллигенцией района и города. Подают надежды крохотные елочки, за которыми ухаживают учащиеся Мяксинской школы под руководством Бахаревой Надежды Анатольевны. Это - малые попытки восстановления культурного руковорного парка, в центре которого вот уже лет десять - огромный камень. Сейчас великан приближен, видимо, как экспонат, к цивилизации - на подготовленную площадку у дороги. И поставлен он уже не так, как природно располагался.

«Помню, мы с девчатами прибежали плясать на этом камне,» - рассказывала Пина Васильевна Фоминых, приглашенная на заседание известного в Череповце научно-литературного общества учащихся. Руководитель общества - Надежда Леонидовна Деревягина.

Кто решает судьбу камня, которому суждено стать мемориальным? Видимоте, кому не верится, что паломники, идущие поклониться Батюшкову, одолеют путь до природного места легендарного камня. В официальных источниках отсутствуют свидетельства нынешних сельчан о том, как два трактора надорвали все свои «лошадиные» силы, пока не выкорчевали страдальца и не оттащили подальше, сбросив в ручей. А он с тоской некаменной сумел как-то при падении плоской стороной повернуться к заповедному пруду. Мы не посмели фотографироваться у камня. Каждый лишь тихонечко прижался к нему, милому великану и никто не ощутил холода, обычного для любого камня в нежаркую погоду. Сфотографировали сам камень, возложив цветы, мысленно попрощались с местом, где осталась частичка и нашей души. Неспешно подошли к пруду. Небрежные остатки костра, обугленный ствол березы, несчастливо выросшей на самом краю берега - все это никак не располагало к поэтическим раздумьям.

А пруд был свидетелем старины. Рассказывали, что его выкопали местные тошенские мужики, а барин с барынями любил кататься по нему на лодочке.

Именно здесь Надежда Леонидовна Деревягина, приведшая нас в любимые сердцем места, осторожно выпустила из рук розы. Одна роза тотчас пропала под водой, а оставшиеся, символически нечетные, стойко и грациозно удерживались на поверхности, неоднозначно утверждая жизнь.

Все было необычно в этот миг. И стихи Батюшкова в исполнении Надежды Леонидовны и ее ученицы Татьяны Гудумак, прозвучали боговдохновенно...

Число, избранное нами для поездки в Мяксу удивительным образом совпало с датой известной по старому стилю. Это печальная дата ухода из жизни (после страшной болезни) Константина Батюшкова - 7 июля 1855 года...

Нас подвинула в дорогу не жалость к страдальцу, а восхищение его талантом,

Фото автора статьи

На фото: Татьяна Гудумак(слева), Надежда Леонидовна Деревягина и Оксана Демина у пруда в Хантоново. Прямо за прудом стоял дом Батюшкова.

влюбленность самого Батюшкова в свои «Отечески пенаты», как называл он Хантоново.

У первого дома деревни Хантоново, что смотрит окнами на вершину холма, находится стальная опора высоковольтной линии. Здесь находились дворовые постройки материнского дома.

«Да, сегодня 140 лет как не стало нашего Батюшкова,» - подтвердила хозяйка дома. Я поразила такой памятью. «Не связано ли это как-нибудь празднованием Иконы Казанской Божией матери?» - сопоставила я. И услышала: «Раньше Летняя Казанская престольным праздником в Хантонове была...»

Раньше была... Но и ныне отмечалась, правда, в Нелазском храме праздником иконы Владимирской Богоматери, в Степановском - Тихвинской иконы, где прошли службы с крестным ходом, в том числе в Степановском - с участием Владыки Максимилиана.

.. Впервые в поход к батюшковским местам и в Мяску Деревягина отправилась в начале 80 годов. Ее и спутниц, промокнувших по пояс от обильной росы, приветил как и нынче, Танся Алексеевна Беляева - пригласила в дом, высушила летние одежды, напоила чаем, словом добрым согрела. Заботливо хлопотала она и в этот раз. Уговорила отвезти и шей из русской пещки, и чайку - пенить на понутье. Не забудется ее

гостеприимство.

Впервые побывавшего в этих местах удивляет разительная перемена: после привычного мелколесья вдруг оказываешься перед лицом бесконечного водного простора, уходящего к горизонту. И еще, куда ни глянь - холмы, холмы, доставляющие местным жителям непредвиденные заботы. Однако красота несказанная. И мы весь день пробыли в плену у этой красоты, где каждый холм как пьедестал вечного, отворяющего двери в мир иной... Стерты в угоду свете дорогие приметы усадьбы Батюшкова. Но в защиту его памяти тем величественнее выступает сама природа.

Хантоново-Череповец

Р. С. : Жители Хантоново прониклись благодарной печалью к памяtnому Камушку, посоветовались и решили отправить Н.В. Фоминных в Мяску, просить о возвращении его на прежнее место. Директор совхоза выслушал ее с пониманием. После теплой продолжительной беседы сказал: «Ошибки надо исправлять» В один год не получится, в другой, а все же настанет момент свершения. Будет ли это в сентябре, в день Рождества Пресвятой Богородицы, а на Вологодчине это еще и день Матери, но это будет праздник, светлое и святое событие - так считают жительницы знаменитого Хантоново.

Галина Щекина "При чем тут усадыба?"

Литературная осень 1995. Есенинский вечер с участием актеров Театра для детей и молодежи в библиотеке Бабушкина, авторская программа Владимира Анкудинова, посвященная Есенину на областном радио, есенинские уроки в школах, в городской центральной библиотеке, очередная годовщина Цветаевой, и несколько неожиданное обращение к неизвестному доселе поэту Владимиру Гальскому, русскому эмигранту, имеющему полное право считаться вологодским.

Вечер его памяти в ЦГБ на Панкратова начался с рассказа об усадьбе Гальских Горка, расположенной близ Череповца. Этот дом имел свою драматическую судьбу как и живые люди, его населявшие, он стал ключом к изучению

единственным заказчиком и спонсором которой выступило Череповецкое музейное объединение.

Поэт Гальской - это прежде всего его стихи, их боль, их неземная чистота. Стихов много прозвучало в тот вечер. Освоем отношении к поэзии Гальского говорили секретарь Череповецкого клуба литераторов В. Попова, вологодские поэты Б. Гуляев, О. Кузнецова, библиотекари Т. Турченкова, Л. Молчанова. О поразительных совпадениях в личном восприятии мира и образного мира Гальского рассказала ведущая гостинной. История издания стихов коснулась тогдашней исполнительный директор "Грифона" С. Щекин - помех было столько, что книга вышла буквально чудом.

Украшением вечера стали песни и романсы на стихи Гальского - их авторы В. Рыжаков и В. Шахов. Оказывается, Гальской, писавший стихи в классической форме, очень созвучен нам особой горечью и сердечной смутой.

Решено эти вечера сделать ежегодными. Не исключено, что однажды гостем библиотеки станет сын Гальского Константин, проживающий

Усадьба Гальских (архив музея)

целого дворянского рода Гальских-Верещагинских-Яншиной, настоящей цвета русской нации.

Об этом рассказала Т. И. Никитина, первый директор музея-усадыбы. Поразительным было ее появление на вечере, так, как устроители были уверены, что она находится в Череповце. Татьяна Никитина, полюбившая чужое дворянское гнездо больше своей жизни ("мое сердце осталось там"), видела всех потомков Гальских, приезжавших в Череповец на Верещагинские дни. Шутя, ее спросили тогда: "Что ты будешь делать, если в усадьбу вернется хозяева? В услужение к ним пойдешь?" - "И пойду. И это не значит, что бывшему живому хозяину хуже служить, чем нынешнему министру культуры".

Вместе с вологодской фирмой "Грифон" Никитина занималась выпуском книги Гальского "Путь усталости". Собственно, сам вечер памяти Гальского состоялся три года спустя после исторического выхода этой уникальной книги.

в Париже. Все материалы вечера могут служить разработкой для других организаторов и почитателей творчества Гальского. Библиотека намерена выйти с темой Гальского в школы, посоветоваться с педагогами, в какой форме давать этот материал детям. "Гальского пора изучать в школе!" - такая публикация появилась вскоре в газете "Вологодские новости".

"А при чем тут усадьба?" - спросила гостя вечера, Г. Макарова. - Ведь сам Гальской там никогда не жил." Верно. В том-то и дело, что жил в усадьбе только его дед Иона Гальской, женившийся на воронежской помещице и давший начало южной ветви Гальских. Благодаря великой революции В. Гальской жил и умер в Касабланке. Если б не это, то Гальские до сих пор бы были россиянами, вологжанами и их не пришлось бы разыскивать по Америке и Франции. Поэтому - "Путь усталости"...

Вологда

Последние хозяева усадьбы (архив музея)

Это нас роднит

Многие дороги в Череповце начинаются от его вокзала, где стоит маленькая часовня. Оттуда и начался визит поклонников В. Гальского к усадьбе Горка - войти, поставить свечу за упокой раба божьего Владимира, прошептать слова самой простой молитвы... Дальше - 17 автобусе до школы и вот Матуринская, 30. Простор усадьбы открылся не сразу, после дороги в колдобинах и ветхих сараек. И как бы ни удивлялись глаза тому, что 150 лет не текла крыша, внутри все вост от вида заколоченного, словно ослепшего барского дома. Взор невольно искал не временных, а вечных примет, и умиротворяли его раскинувшиеся вокруг речные холмы.

Под тихий говор экскурсовода Татьяны Посоховой обошли скованные стужей покои, потрогали витые перила, заглянули в уютные подвалы и забрались на самый верх, на чердак. Там уже много новых полов, крикших свай, свежей деревянной обшивки. Особенно комната с треугольным окном, смотрящим на реку. Она выходит в небольшую залу, из которой раньше обозревался сверху розарий... Боже мой, розарий.

Однако несмотря на висевший на стене план реконструкции усадьбы она явно казалась бы гробом, если бы не конюшня, вернее, по-старому - жеребятник. Там разместились самые настоящие породистые кони. Бросишь в кормушку кусочек батона - быстро стучают и подбирают хлебусек. Сюда едут со всех концов города учиться верховой езде, причем не бесплатно, вот и выходит, что лошади сами себя кормят. От вида неторопливого белого коня и ведущего его мальчишки становится легко. Не все, все тут мертво.

Потом сердечная беседа с директором музея Людмилой Пацфиловой и - краткое прощание с дорогим местом. Все сменяет в юношескую библиотеку им. Верещагина на встречу.

В библиотеке собрались в тот день по большей части школьники - из детской художественной школы Череповца, из п. Тоншалово из Владимировки - воспитанники Нелазской средней школы, где комната памяти И. Северянина, вместе со своей наставницей Валентиной Самарковой.

Как дети читали Гальского! Как произносили горькие взрослые речи их детские уста! Приходила на урок Аня, читавшая с восьми лет цветастые строки...

Уже знакомая всем Т. Посохова сделала поразительный экскурс в мир стихов Гальского как эмигранта. И конечно, звучали песни на стихи В. Гальского в исполнении вологодского барда Виктора Рыжакова. Шахов внезапно заболел, а мы его так вспоминали на

концерте и особенно в усадьбе - он любит лошадей... Встречу организовала координатор клуба литераторов Вера Попова. Она собирала чужих людей в круг, дарила подарками, вдохновенно декламировала, согревала и поила чаем. И как она соединяла наши руки, так высокое имя Гальского соединило наши души.

Череповец-Вологда

К истории издания Гальского

В 1992 году, когда собирались открыть музей-усадьбу Гальских в Череповце, издательству «Грифон» было предложено издать книгу стихов Владимира Гальского. Когда исполнительный директор Сергей Щекин увидел рукопись, над ней уже шла работа по набору текста и по оформлению. Собственно, тогда, зимой 1992, работу по изданию книги вело издательство «КИИС» - директор Татьяна Прилежаева - и оно сделало частично набор и наброски макета. Но 1 апреля работа стала тормозиться. Протестуя против прихода учредителей, сотрудники тайно покинули свое помещение на ул. Ленина и перевезли компьютеры в один из кабинетов бывшего обкома, который принадлежал Комитету по делам молодежи. С этим было связано много драматических моментов.

В целях защиты своих прав и возможности продолжать работу было создано другое издательство под названием «Грифон», которое закончило работу над созданием книги. Поэтому в выходных данных обозначено два издательства. В действительности это одни и те же люди.

Летом того же года исполнительный директор встретился в Москве с директором типографии Андреем Карабахинным и договорился, что в августе будет представлен оригинал-макет будущей книги. Однако одновременно с верткой макета шла подготовка рекламной серии - плакат, буклет, визитка для музея-усадьбы. Все это имело один графический образ и стиль.

Параллельно велась деятельность по поиску и закупке бумаги, и тогда при ненадежных связях и неразберихе это было нелегко. К оплате принимались специальные чеки. Именно в момент оплаты партии бумаги эти чеки отменили! К счастью, при издании Гальского такого не произошло, но оставших бумаг для другой книги того же издательства Андрей Степанов сильно рисковал. Он поверил своим партнерам и вскоре... в РКЦ Госбанка исчез платеж! А Степанов все же дал бумагу. Это типичное явление того времени. В таких тяжелых условиях издавали книжку Гальского.

Планировали выпустить книгу к 28 октября, по плану не суждено было сбыться. Причины задержки были разные, в том числе и вынужденная реорганизация при разгоне «КИИС», переезды, потом скачки цен. Все было неустойчиво, ненадежно. Окончание работы пришлось на лето, кто-то уехал в отпуск, кто-то оказался в командировке. Не успели.

Конечно, заказчик очень нервничал, Татьяна Ивановна Никитина все время звонила в Вологду. На открытие музея были приглашены зарубежные гости - 25 потомков и родственников Гальского.

Когда макет был готов, Сергей Щекин встретился в Москве с сыном поэта Владимира Гальского - Константином Гальским. Он редактировал всемирно известный «Ридерс-дайджест». Когда заглядывали сотрудники, он говорил с ними по-французски.

Константин Владимирович быстро прочел набор, внес поправки, именно благодаря ему удалось избежать опечаток. После исправлений макет был предоставлен типографии...

И в конце концов в типографии сдмалось оборудование! Не много ли несчастий для одной книги? Вместо октября книга пришла на два месяца позже. Тогда это казалось катастрофой, хотя что такое два месяца на общенсторическом фоне...

Книга Гальского «Путь усталости» вышла тиражом 10000 экземпляров. В продаже было очень ограниченное количество, совсем малая его часть попала в библиотеки, остальное принадлежит музею. Сам же факт издания трудно переоценить! Это единственное в России издание Гальского, русского поэта-эмигранта, умершего в Касабланке. И это редкая возможность ознакомиться с его поэтическим наследием.

Владимир Шахов:

"Гальской стал моим поэтом..."

Постоянным гостем гостиной ЦГБ стал Владимир Шахов. Любителям вологодской КСП системы он известен как автор и исполнитель своих песен, а по-настоящему он человек театра.

Программу выступлений он строит как пестрый калейдоскоп песен на самые разные темы Тут и серьезные вещи - «От нуля», «Золотой олень», это как письмо любимому, «Гавань» - песня из книги с одноименным заглавием, «ах, эта книга никогда, наверно, не выйдет»... Такая гавань есть у каждого - и мечта, и прибежище от грусти. А есть и дурашливые песни - например, о веселом мальчишке, «новом русском», а вот «Старый кабриолет» - настоящая жемчужинка галантного жанра.

Поражает страсть Шахова к историко-религиозной теме. Он спел однажды средневековую балладу из 14 строф, и там было все - сюжет, война, смерть и любовь: «Стрела арбалета тебя не заденет, стрела от амура сердце заденет»...

- Значит, ты романтик?

- Ну, если я люблю турниры, посвящения, баллады, рыцарей и дам...

Эту балладу Шахов пел на одном из выпускных вечеров и ему подпевали ребята, точно так, как на нашем вечере в гостиной ему подпевали девочки из его театральной студии и смотрели на него восхищенными глазами. Например, Елка Боброва (сыгравшая на одном вечере очкарика Басю), для нее он - и учитель, и друг, и целый мир. А может даже «Ангел добра» - по тексту одной своей песни. Работая много лет в детской студии «ПодРосток», Владимир Шахов и его жена актриса Татьяна Слинкина не просто учат детей играть сценки, они дают им заряд радости и счастья, открывают пути к прекрасному. У них есть авторские педагогические программы, и к ним можно обратиться за помощью.

Шахов никогда не поживает на лаврах, мотается между работой и концертами, вот этой весной участвовал в театральных мастерских на базу Дома творчества детей молодёжи, в фестивале, посвященном Победе.

Володя, но как же твоя личная творческая судьба? Ты организовал столько сезонов для других, а сам на слеты почему не едешь?

- Так я же не бард, я выращиваю кактусы. Ездить на слеты, добиваться мест - это не для меня. Я пою для своего удовольствия. Вот когда надо на спектакле, и для тех, кто это любит. Остальное не для меня...

Легко догадаться, что человек такой поразительной душевной организации оказался особенно восприимчив к старой дворянской культуре. Книгу Гальского Шахов прочитал как бы глазами разных поколений и все пять песен получились разные. "Волк" - резкий, жесткий ритм, почти рок:

"Страшен лес городских домов
В мутный час, когда сходит ночь.
Сердце ждет человечьих слов,
Тех, что могут еще помочь.
Но ушедшим там клык, здесь нож,
Кто ушел, тот ушел навек.

Владимир Шахов (фото Владимира Шекуна)

Как со зверем и в этом схож
Возгордившийся человек."

"Вечер был хрупок и розов" - легкий романтический вальс:

"В этом лесу я весной уронил свое
счастье,
Всюду лежат и теперь золотые осколки...
Вот за стволами мелькнуло знакомое
платье,
Песню мою подхватили деревья и
смокли..."

"Не рвись назад" - порыв и глубочайшая тоска, все сплетено в духе ретро - как танго:

"Не рвись назад, не утешайся зря
Нелепой притчей о блудном сыне,
Ведь только в памяти твоей горят
Огни, давно угасшие отныне.
... Ты родину свою унес с собой,
Ее в пути нигде ты не оставил.
Доволен будь везде своей судьбой,
Себя жалеть под солнцем мы не вправе..."

Но все они пыльные и... личные. С одной стороны страшно, когда строгая литература переходит в разряд "легкого" туристического жанра, жаль, если обронишь что-то невесомое, важное... А с другой стороны, никто не призывает этим ограничиться. Главное - книга больше не лежит на пыльной полке, ходит по рукам, говорит, поет, звучит...

- Гальской сразу стал моим поэтом. Он чувствует все как я. Об усадьбе не могу слушать без волнения. Я ужасно люблю лошадей. И я туда обязательно приеду.

Что касается подачи книги для школьников, то Шахов, не мудрствуя лукаво, читает стихи Гальского у себя в детском театре и счастлив видеть в ответ восхищение своих воспитанников.

Татьяна Посохова «ПУТЬ УСТАЛОСТИ» ВЛАДИМИРА ГАЛЬСКОГО

Вряд ли поэт Гальской считал бы череповчан своими земляками, но именно здесь, на левом берегу Шексны расположена усадьба Горка - родина его деда, Ионы Гальского. Этот дед в свое время женился на воронежской (!) помещице и уехал в ее поместье. Эта ветвь Гальских прижилась на юге России и дала поэта.

Первые детские воспоминания Гальского связаны с именем матери - это Золотарево Орловской губернии:

Но и теперь в сознании моем
За годами скитаний, войн и бедствий
Встает таким, каким казался в детстве,
Потерянный, но не забытый дом,
Зеленым бархатом лежит газон,
Бегут ко мне пологие ступени,
Залитый солнцем вижу я балкон.»

(Гальской В.: Путь усталости. Вологда, Грифон, 1992 - стр. 128)

Мы могли бы никогда не узнать об этом, если бы не случай. Одна из сотрудниц череповецкого музея услышала по радио «Свобода» имя Константина Гальского. С помощью компетентных органов удалось с ним связаться. Это было в самом начале перестройки, люди у нас на западе неохотно шли на контакты. И сын поэта на все вопросы отвечал неохотно-уклончиво, но стало известно, что его переводят в Москву главным редактором Readers Digest на русском языке.

Уже работая в Москве, он встретился с сотрудниками музея, рассказал о своей семье, познакомил со стихами отца. Так стала проясняться простая и трагическая история. Обычная дворянская семья, закруженная вихрем революции, скитается сначала по югу России (Орел, Киев, Полтава, Новороссийск), а затем, спасаясь от ужасов гражданской войны, эвакуируется в Константинополь. Так начинается «путь усталости».

«Грузились. Наполняли пароход.
И трюмная зловонная утроба
Смыкалась как холодный свод
Свинцового запаянного гроба.»

(стр. 149)

Потом приходит время Плетневской гимназии и университета в Белграде, отмеченное атмосферой высокой духовности. Открываются русские учебные заведения, издаются журналы, поэтические сборники. Все как будто спешат рассказать о России, именно о своей России, оставленной далеко и хранимой в сердце. Все покинули ее по разным причинам. Кто-то из — за классово-ненависти к новым хозяевам жизни, кто-то, подобно Гальским- из — за страха за детей, кто-то потеряв все состояние и лишившись крова, просто не видел иного выхода. Все они пытаются осмыслить революцию, эмиграцию, «падение новой Атлантиды». И как «вечный спор о правде и о вере», многие в то время пишут мемуары, ведут политические и литературные дискуссии.

Если бы не эти потрясения, неизвестно, стал ли бы сын торговцев-молочников поэтом или занялся бы расширением молочного хозяйства. Во всяком случае, поэтов в роду до этого не было. Но с начала 30-х годов в Белграде Владимир Гальской активно

занимается литературой, становится членом Союза русских писателей и журналистов, печатается в газете «Русское дело», журнале «Русские записки», сборнике «Литературная среда».

30-е годы - это уже вторая волна в эмигрантской литературе, состоящая из тех, кто покинул Россию детьми. Для них - «Родина - воспоминанье детства»:

«Далеких дней живые лоскуты
На дне души хранятся и поныне,
Я бережно храню их как святыни,
Но летописи, дней моих листы
Уж не связать...» (стр. 128)

Не будучи участниками событий, они не в состоянии понять ненависть отцов, не сумевших отстоять Родину. В поэме «Бездорожье» (Белград, 1936 г.) В. Гальской как раз обращается к «отцам», первому поколению эмигрантов.

«Вы счастливы. Вам есть о чем жалеть,
Вам есть кому и за кого молиться,
Вам мертвые эживые кажут лица,
И в старческих сердцах клокочет месть.
Вам в пораженьях не забыть побед,
Из не сумеют вытравить обиды...

...Но горе нам, не знающим услад,
Былых побед и славы опьянения,
Нас медленно уничтожает яд
Бессмысленного пораженья.

И ненависть глухую затая,
Мы тщетно ищем воздуха и шири,
мы задыхаемся в огромном мире,
Бездомные России сыновья.» (стр. 148)

Гальской никого не осуждает, никого не упрекает: «О вашей участи судить не нам, Вы кровью заслужили лучшей доли.» (стр. 150) Поэт убежден, что доля его поколения - самая трудная по сравнению с отцами, которые надеялись вернуться победителями - причем многие и умерли на чужбине с этой надеждой - и с жадной мести. Трудней доля тех, кто даже не знал Родины, для кого родиной стали Белград, Париж, Харбин...

«Не проклиняйте нас, отцы и деды,
Мы ваша плоть и кровь, но мы не вы.
Мы не горели в чаяньи победы
И не теряли в бегстве головы.
...Мы всюду лишние. Нам все чужое.»

(стр. 151)

«Бездорожье» написано в 1936 году, когда уже стало ясно, что Советская власть в России укрепилась и возвращение к прошлому невозможно. Эмигрантская пресса не могла не видеть, что их Россия и СССР разошлись слишком далеко. Мы опять читаем у поэта:

«И в этом мире затхло-изобильном
Мы никогда покоя не найдем,
Пока не мстителем, а блудным сыном
Войдем опять в опустошенный дом.
Тогда из хаоса разъединенья
Согласно русская полется речь,
Вновь процветут заглохшие селенья,
И в мирный серп перекуется меч.»

(стр. 151)

В этих стихах не столько уверенность, сколько мечта об идеальном пути для поэта и его поколения относительно России, и путь этот мирный:

«Мы не хотим России вахт-парадов,
Колонных зал, мундиров, эполет.
Нам падшего величия не надо,
Но вне Руси нам места в мире нет.»

(стр. 152)

Не случайно и время у Гальского лишь «годов мельканье», и чем дальше, тем меньше он ждет от времени. Он лучше многих понимает сытую жизнь предвоенной Европы, благополучное для европейцев время для поэта - всего лишь «дни инкубации болезни

мировой». Никогда он не видел будущее в виде рая, а мотив напрасного ожидания перемен присутствует в его стихах постоянно. Но грядущие испытания он не мог предвидеть.

В начале войны с Россией Гальского мобилизуют на строительные работы в Германию, где он вынужден работать на немцев. Смятение поэта передает стихотворение «1939 год», написанное еще в Белграде:

«Слышу тяжелый шаг
Серых чужих солдат.
Кто же теперь мне враг?
Кто же теперь мне брат?» (стр. 63)

Отношение к западу у Гальского всегда было двойственным.

«И чувствуя, что есть чем поживиться
И свежей падалью наполнить рты,
Союзники, как траурные птицы,
Слетались стаей в русские порты.»
Это о 1919 году.

«Мы задыхаемся в огромном тесном мире,
Бездомные России сыновья»; «В этом мире
затхло-изобильном...» - о жизни в предвоенной Европе. А когда идет война с Россией, а он работает на немцев, появляются стихотворения «Немцам», «Берлин» (1943 г.)

«Я ненавижу вас, рабы войны,
За то, что тысячи прошедши километров,
Вы не могли понять моей страны...»
(стр. 79)

1945 год Гальской встречает в Мюнхене. Победа русских не приносит радости, а немцы если уже не враги, то все равно чужие:

«Не лица, свиные хари
Грызут обрубки сигар.
Каждый у них здесь пария,
Кто не несет товар...»

Поэт опять стоит перед выбором. Многие русские из Германии, Сербии, Болгарии уезжают в США и Канаду, обосновываясь там навсегда. Надежды на возвращение в Россию окончательно утрачены.

1945-1947 - годы интенсивной литературной работы. Стихи этого периода передают душевное напряжение, нравственные искания, философское осмысление событий.

«Все ново - шляпы, платья, лица,
Но всюду кроется обман.
Напрасно в воздухе струится
Весенний солнечный дурман» (стр. 77)

«Ведь все, что было, неозвратно,
Навеки мной погребено.
Я прожил жизнь свою развратно,
Любил и женщин, и вино.» (стр. 126)

Пускай потеряны и родина, и дом,
Изгнанникам дано иное счастье:
Во всем величье целостном своем
Мир ощутить, разорванным на части.»
(стр. 98)

Одновременно идет и переоценка своей литературной деятельности, поиски направлены на обретение простоты и правды - «Все, что я называл искусством...» (стр. 46-47).

В 1947 году Владимир Гальской женится на Анне Ильинской, через полгода переезжает в Марокко. Все дальше от родины, все больше тоски и разочарований. Живя в Касабланке (Марокко) Гальской работает в строительных фирмах, пишет стихи, печатается в «Гранях», «Возрождении», других русских журналах.

После развода и отъезда жены с детьми в США в 1959 году, мотив одиночества и горечи в стихах усиливается.

«Одиночество - обычный жребий
Всех поэтов до исхода дней,
Но в заботах о насущном хлебе
Я обязан жить среди людей.
Пляшет мир вокруг свой дикий танец,
Топотом колышет шар земной.
Слишком русский, слишком иностранец,
Я повсюду и везде чужой.» (стр. 58)

С середины 50-х годов перестает печататься, но к 1960 году решает издать свой первый сборник: составляет план, отбирает стихи, располагает по отделам. Первые три части - «Путь усталости», «Urbi et orbi», «Зеркала» напечатаны без изменений.

Четвертая часть «Поэмы, другие стихи и мысли» подготовлена сыном поэта Константином Гальским, материалы собраны по различным изданиям в Белграде, Париже, Мюнхене, из архива самого поэта и его сестры Мариамны.

Интересно, что поэт включил в книгу большинство лирических стихов о любви, о природе, которую обожал, но оставил в стороне такие серьезные вещи как поэма о своем поколении «Бездорожье» и острую историко-политическую поэму «Повесть новых временных лет». Возможно, он хотел издать их отдельно. Но этого мы не знаем...

Подготовка сборника не была завершена. В 1961 году поэта не стало. Похоронен он в Марокко. Первый и пока единственный сборник стихов Гальского вышел на родине, в России, которую он преданно любил всю свою недолгую жизнь.

Вера Веденеева Хроника воспоминаний о Нине Ивановой- Романовой

Кто она

Нина Иванова-Романова - педагог и писательница - родилась в 1909 году и всю свою жизнь посвятила воспитанию молодежи. Закончила Череповецкий педагогический техникум и жила в Череповце, работала учительницей в Дементьево Заоякшинского (Череповецкого) района. Заочно кончила педагогический институт им. Покровского, по окончании учительствовала на Крайнем Севере. Во время войны 1941 года переехала в Ленинград. Там организовала эвакуацию детей в Ярославскую и Омскую области, где работала до 1944 года. После возвращения в Ленинград работала в детприемнике МВД до 1964 года.

У Нины Михайловны рано пробудился талант творчества, ею интересовался литературный институт им. Пушкина, где Нина Михайловна была сотрудником рукописного отдела в течение пяти лет. Она печаталась в толстых журналах в 60-х годах, а в 1989 году в журнале «Нева» вышла ее «Книга жизни», по которой московское ТВ снимало фильм.

(Из некролога Дома ветеранов РАН г. Пушкина, где Н.М. Иванова Романова находилась с 1987 по 1995 год. Там же скончалась в связи с нарушением мозгового кровообращения.)

Будем помнить

... Да, признание к ней пришло поздно, лишь после опубликования «Книги жизни», когда автору было 80 лет. Место действия - Череповец 1929 года, когда Нина Михайловна заканчивала техникум. Тогда же произошло событие, перевернувшее всю ее жизнь. На собрании городского литературного кружка она встретила ссыльного студента Московского университета Александра Афанасьева. «Он был умен, талантлив, образован. По сравнению с учащимися техникума он был как звезда,» - писала потом Нина. К тому же увлекался литературой, писал стихи. Она нашла в нем родственную душу. Дружба их продолжалась около года, затем его перевели в другое место, а в 1945 году расстреляли в одном из лагерей Колымы.

... В городе Череповце Нина Михайловна прожила семь лет, здесь похоронены ее родители. В 1928 году в газете «Коммунист» были опубликованы ее ранние стихи. Теперь возврат к ее имени состоялся в №42 п 96 «Череповецкого металлурга». Череповец -

духовная родина Нины Михайловны, самый близкий и родной для нее город...

(Из статьи Ольги Владимировны Шеляпиной, кандидата филологических наук)

Я думаю о вас

... Я напитаться ее слогом не могу. Посчастливилось прочесть две машинописные книги стихов Нины Михайловны Ивановой-Романовой, в которых живой дух поэтессы. Подарив городу юности творения всей своей жизни, поэтесса оставалась в нерасторжимой связи с ними. Настолько сильна была ее вера, что стихам суждено жить, что это оправдывалось самой действительностью - газета «Череповецкий металлург» открыла городу имя Нины Михайловны рядом великолепных поэтических публикаций, статьей Ольги Шеляпиной... Подборка стихов была сделана Риммой Сергеевной Мининой.

- Вы знаете, как хорошо это выглядит в печати, гораздо ярче, чем когда пишешь, - отзывалась Нина Михайловна от публикации в «Череповецком металлурге» от 24 января 1995 года, - Во-первых, тщательно, нет опечаток. И еще: мне хотелось бы послать газету на родину моего героя и в Москву. Римме Сергеевне низко кланяюсь и всем, кто меня помнит... Это большое дело, это уже не погибнет.

И только после этого расписывается в

Нина ИВАНОВА-РОМАНОВА

акте передачи рукописи музею.

Это встреча в январе 1995, в Татьянин день. А еще было 4 ноября 1994, день рождения Череповца, памятно связанный в с праздником Казанской Божьей Матери. Я приехала в пушкинский пансионат и привезла Нине Михайловне привет от города юности - подарки, книги, любимые конфеты и розы! Купить розы поэтессе - таков был наказ сотрудников Череповецкого музейного объединения. Составленное ими официальное приветствие она прочитала неоднократно! И взволнованно повторяла:

- Я умоляла, чтоб Бог послал мне хоть немного радости, а ее сразу столько много!

Буквально за день-два до моего приезда в Пушкин, в место ее последнего пристанища, вернули скитавшуюся несколько лет вторую рукопись ее стихов и и она не ведала, как переправить ее в милый Череповец. С моим приездом проблема развеялась, поэтому радость поэтессы была неопишуемой, а совпадение нашей встречи с ее надеждой - символичным.

Весь притихший осенний полдень она посвятила авторскому просмотру рукописей. В 16-30 она еще сидела за письменным столом. Первая книга рукописи «Баллада XX века», посвященная Александру Афанасьеву, была уже передана мне, но чувствовалось продолжение монолога с самой собой, когда на столе еще оставалась часть вторая - «Вторжения».

- Жизнь вторгалась в меня, а я вторгалась в нее...

...Мне не забыть то, как она устами книги краешка коснулась. И столь же бережно в прощальный миг почтительно-нежно лбом в нее уткнулась. Вздохнула, выпрямилась... Лик то выражал надежду, то смятение. Но более и явственней всего она желала книге обретения пути дальнейшего и счастья своего...

Затем короткое сердечное прощание, поезд

С-Петербург-Вологда. У меня в руках было нежданное сокровище, с которым я должна была по возвращении в Череповец расстаться...

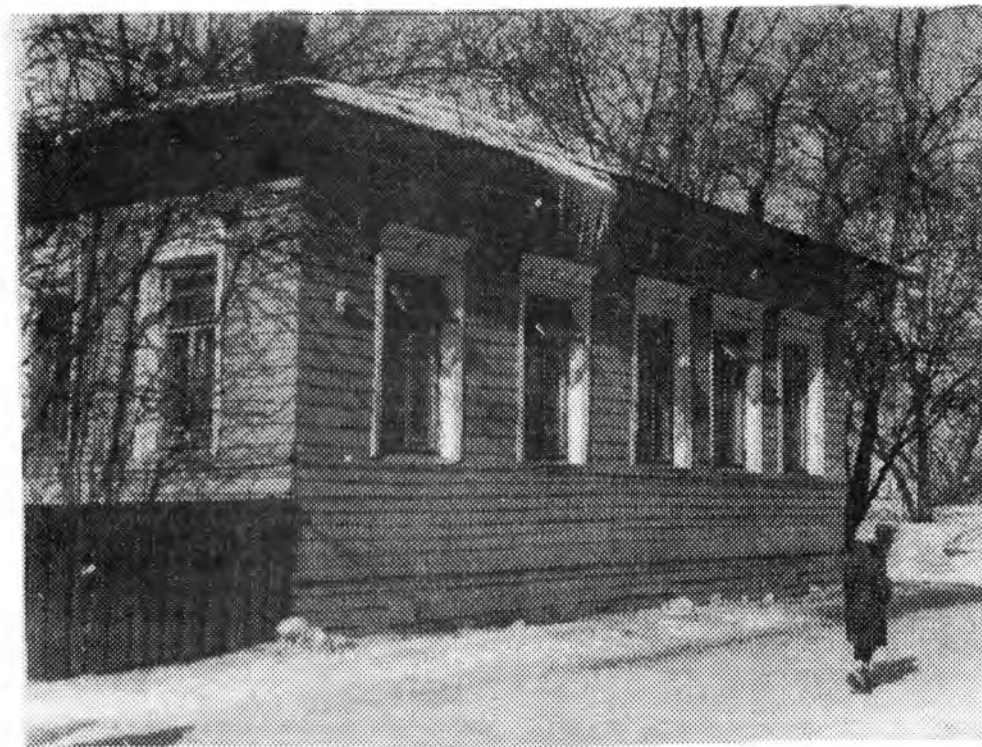
Я читала и перечитывала полюбвившиеся стихи Нины Михайловны Ивановой-Романовой. Я вбирала их в себя с гордостью современницы, испытывала радость от завораживающей ритмики, от достойно начатого и завершенного слога, в сплыве которого и нежность, и прозорливость неженская, и гордая открытость ума и сердца без оглядки на звания и последствия...

Теперь не получу ни открытки от нее, ни письма. Как она сама их любила, с какой страстью и тоской ждала каждый день! Когда мое послание в декабре 1994 задержалось, она не скрывала тревоги: «Не поленитесь написать, пока я жива...»

Давно ли я выпрашивала у нее адреса родственников, и вот уж сообщила по ним же скорбную весть...

...Много ли истинно ЖИВЫХ душ остается, когда покидают мир такие, как Нина Михайловна! Но тем явственней ощущаешь родство оставшихся близких душ. Когда уходит человек из жизни, эта печаль обнажает его ЖИВОЕ воздействие на нас. Тело освободило вольнолюбивую душу, чтобы она в своем полете соединяла нас со Вселенной. Теряя близких по духу, все же обогащаемся звучанием образа, который теперь уже последним мазком завершен. И он целомудрен, чист, свеж, освещает своим светом все, что не принято было ранее. Как будто явью становится духовно воскресший человек. Самые же первые ноты - не долюбил, не досказал - остаются несбыточным предостережением живущим. Почему? Непостижима тайна сия.

Ушел человек. Но если главным его талантом была душа и это наше достояние теперь? Это ли не причина для любви и восхищения? Не утрачилось же возвыситься до благоговеющего благородства. Оно созидает.

Череповец. Дом на Советском пр., в котором жила Иванова-Романова (личный архив)

Вадим Шекун: ОДИН В ХОЛОДНОМ ХРАМЕ

Несколько лет яездил в Прилуки один, там еще ничего не было. Я любил там бывать, снимать, это было мое место для одиночества, для размышлений. Там всегда было красиво, тихо. Но вот в монастыре началась какая-то жизнь, застучали топоры, замычали коровы- это мне не понравилось. У меня отнимали часть жизни.

Придя к о.Ефрему, я увидел у него компьютеры, это тоже не понравилось. Он раньше работал на ТВ, разбирался в фотосъемке и смотрел, как будет выглядеть групповой снимок монахов и послушников монастыря весной 1993 - тогда его и засняли у камеры. Интервью для 7 канала он давал неохотно. По многим причинам материал не получился, а он не был в претензии. Он часто был в окружении людей и я видел, какое к нему восторженное отношение.

Это красивый, властный человек, хитрый и расчетливый. У него в жилах течет кровь армянских князей, у него три высших образования, он психолог, знает людей, умеет ими управлять. И о Боге он говорил с ними особенно, по-разному с каждым, не то чтобы на равных, а скорее поднимая до себя. Он сразу исходил из того, что Бог есть и в этом была какая-то твердость, жесткость, исключавшая колебания. Если в разговоре возникал вопрос, на который он не мог дать ответа, или собеседник чего-то не понимал, о.Ефрем отсылал его к богословской литературе.

Среди окружения о. Ефрема были и молодые люди 17-18 лет, очень любившие его. Когда заходила речь о его смерти, они говорили, что не боятся этого - «ведь и на том свете батюшка будет молиться» за них. Но эти ребята такие догматики, они мыслят только в узких дозволенных рамках. Да и вообще у меня сложилось впечатление, что среди монастырских людей слишком много больных, убогих и несчастных. Тот слишком стар, тот молод, тот завистник. Основная масса проходящих в монастырь - калеки, старушки, мечтающие об исцелении мощами.

Среди них не видел умных, интересных людей. И никто из них не мог что-то отдать, все хотели что-то взять...

Во всем монастыре один о. Ефрем был великолепный собеседник, яркая личность, при этом сильный лидер и хозяйственник. При нем за короткое время Спасо-Прилуцкий монастырь сильно изменился, развернулись ремонтные работы, все время там шли службы, даже если для этого о. Ефрему приходилось молиться ночами одному в холодном храме.

Фото Вадима Шекуна

Вера faith

Фото Вадима Шекуна

СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛОС Надежды Бурдыковой

... Зимней стыллой порой маленькая девочка в пальтишке и платках сошла с автобуса в Вологде и медленно побрела через горбатый железнодорожный мост. Она устала и замерзла, а ноги незаметно привели ее к красивому зданию за мостом. Высокая дверь открылась, и изнутри, из праздничного тепла и сияния, донеслось церковное пение. Как ее манило туда войти! Но страх наказания не пускал. В школе тогда ругали тех, кто крестился, да и родители...

Девочка не осмелилась войти в храм, но зато позже пришла туда шестнадцатилетним сознательным человеком. И не без ее участия туда вошли за нею ее брат, мать и отец. Так детское предчувствие предопределило характер, судьбу.

Надежда Валентиновна Бурдыкова родилась в 1965 году в Сокольском районе Вологодчины, училась в Сокольской средней школе. Родители ее - Валентин Иванович и Тамара Николаевна Бурдыковы - большую часть жизни прожили в деревне Барское Сокольского района, с ними вместе делила Надежда тяжесть крестьянского труда, училась ценить нетленную красоту родной земли. «С тобой навек, моя земля», так назовет она потом одну из своих авторских программ. Гостеприимный родительский дом часто посещали гости - среди них режиссер В. Половников, журналист В. Есипов, писатели Р. Балакшин и А. Ехалов, поэтесса Н. Сидорова, музыканты братья Заволокины... В редкие часы отдыха так хотелось петь и играть - дом наполнялся Надиными песнями. Не сразу, но появилось в деревенской избе и фортепиано для дочки, а потом даже два.

Сначала была музыкальная школа, потом полтора года музыкального училища, которое не суждено ей было закончить из-за болезни горла. Также трудно было найти работу, связанную с музыкой. Однако песни оставались всегда. Рождались птицами из переполненного сердца и начинали свой зыбкий полет по жизни.

В 1992 году Надя вышла замуж за Сергея Халтурина. Венчанию с ним в Лазаревском храме предшествовала трогательная и драматическая история их знакомства. В силу разных обстоятельств Надежда оставила дом родителей и в замужестве переехала жить и работать в Вологду...

Надежда Бурдыкова - Серебряный Голос России, как любовно окрестили ее на одном фольклорном фестивале - успешно выступала в Новосибирске, Челябинске, Севастополе, то есть в других городах гораздо больше, чем в самой Вологде. Хотя она никогда не отказывается от встреч, наоборот, порой у троителей труднее уговорить. Известны ее выступления ее в управлении связи, в институте «Вологдапроект», в педагогическом институте, на подшипниковом заводе - не однажды, в областной филармонии, в городском ДК, во Дворце Культуры железнодорожников, в санатории «Новый источник», в Кадникове и другие. Иногда публика как бы сопротивляется дрожащим трелям голоса, хлопает креслами, выдавая свою внутреннюю глухоту. Гораздо чаще люди, вначале равнодушные, заражаются глубокой эмоциональностью пения, потрясенно аплодируют, сопереживая, плачут. На одном филармоническом концерте известный вологодский автор Андрей Козловский подал певице огромный букет роз.

В настоящее время известно о существовании примерно 300 песен Надежды

Надежда Бурдыкова (личный архив)

Бурдыковой, причем основная часть сохранилась на магнитофонных пленках и только малая частица опубликована. На творчество Бурдыковой оказало влияние социальное положение русского крестьянства, его вековая усталость и умирание. Мотивы обреченности прошли через Надину душу и оставили сильный след в виде песен-плачей, иногда исполняемых без музыкального сопровождения. Это явилось толчком к поиску духовного идеала.

Несомненно, значительную роль в жизни Надежды Бурдыковой сыграло знакомство со знаменитым певцом русской эмиграции Александром Шахматовым, живущим в Австралии и дважды побывавшим в Вологде. Сердечная дружба и сотворчество связывают ее с поэтессой Натальей Сидоровой. В 1994 году в издательстве «Евстолий» даже вышла тиражом 150 экземпляров уникальная книжка «Тишину аккордами нарушу» - сборник песен Надежды Бурдыковой на стихи Натальи Сидоровой. Через год вышла первая авторская книжка - «Ты прорисуй, моя Русь православная», где Надежда выступает и как поэт, и как композитор.

Здесь надо добавить, что Надежда в течение кратких молодых лет успела посетить многие монастыри, в том числе Киево-Печерскую лавру, Троице-Сергиеву, Псковско-Печерскую лавру, женский монастырь Кюхтинцев в Прибалтике. Общение с духовными лицами восполнило духовную жажду и очень развило природное религиозное чувство. Очень повлияли на образный мир Надиных песен песнопения отца Романа. Тем более - духовные песни Надежды Бурдыковой - и неповторимое явление, заслуживающее бережного сохранения и распространения. Тот кто захочет с ними ознакомиться, может обратиться в центральную городскую библиотеку.

Надины песни

ФЕРАПОНТОВО

С любовью, не спеша

Не за - бу - ду миг благос-ло - вен - ный, не дой -
 - дя пос - ледня-я верс - ту, мы уз - ре-ли об-раз сокро -
 - вен-ный-мо - на - стырских ба-шен кра - со - ту. Над кре -
 - ста - ми ним-бы зо-ло - ты-е, из да - ле - ких веч-ности вре -
 - мен смот-рят Во - ло - годски-е свя - ты - е, пре-по -
 - доб - ный от - че Фе - ра - понт. Смо - рят
 Во - ло - годс - ки - е свя - ты - е, пре - по -
 - доб - ный отче Фе - ра - понт. Под свя-//

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

С воодушевлением

Воскре-се - ня - е Христо-во, Воскре - - ни-е жизнь вос -
 - тор - жеству - ет сно-ва тем мгно-ве - - ни-ем. Солнце
 прав-ды вос - си - я - ет, вос-по - ет зем-ля. Все вок -
 - руг благос-лов-ля - я, все вок - руг лю - бя! (rise) Все вок -
 - руг лю - бя! Е - ще серд - це пол - но мукой, тем стра -
 - да - ни - ем, страхом горьким о раз-лу - ке, ис-пн -
 - та - ни - ем, что за ду - ши на - ши при-нял во спа -
 - се - ни - е - Воскре - се - ни - е Хрис-то - во! Воскре -
 - се - ни - е!
 Воскре-//

Не забуду миг благословенный,
 Не дойдя последнюю версту.
 Мы узрели образ сокровенный-
 Монастырских башен красоту.

Над крестами нимбы золотые.
 Из далекой вечности времен
 Смотрят вологодские святые,
 Преподобный отче Ферапонт.

Под святым молитвенным покровом
 Мудрый старец, мы пришли к тебе.
 Научи нас тихим, теплым словом,
 Укажи дорогу к доброте.

Дивный старец, просвещенный Богом,
 Мы стоим с открытой душой
 За святой обители порогом
 Ты нам даришь радость и покой.

И продлится в памяти мгновенье,
 Жаль пора покинуть этот край.
 Ты в дорогу дай благословенье,
 Нам на жизнь благословенье дай.

Небеса закатными лучами
 Осветят на озере ладью.
 Я заплачу светлыми слезами,
 Я тихонько сердцем запою.

Воскресение Христова, Воскресение.
 Жизнь восторжествует снова
 тем мгновением:
 Солнце правды воссияет, воспоеет земля,
 Все вокруг благословляя, все вокруг любя.

Еще сердце полно мукой, тем страданием,
 Страхом горьким о разлуке, испытанием.
 Что за души наши принял во спасение -
 Воскресение Христова, Воскресение.

К жизни вечной, к миру, свету
 путь святой открыт.
 Слово Нового Завета сердцу говорит.
 Это слово, эта радость да коснется всех!
 Будет милость, будет благодать,
 побеждая грех!

СОКРОВЕННОЕ (о Марии Фатеевой)

Письма в редакцию

«Свечи»

Здравствуйтесь, дорогая Галина Александровна. Глубоко тронуло меня Ваше внимание к моей скромной книге. Спасибо вам! Сожалею, что так долго не могла Вам ответить из за того, что была в отъезде в Москве там мне был сон, что дома, в Череповце, ожидает женщина, которая хочет мне помочь. Это оказалась Вера Владимировна Шова, которая помогла связаться с Вами.

Философию я не изучала, хотя книг прочла множество. Некоторые литературно написаны, но нравственно никуда читателя

есть также много зарисовок и маленьких рассказов для детей. Если Вы что то печатаете на эту тему, могу отослать Вам.

У меня было много устных отзывов на мои книги. Было бы и больше, но никто не знал моего адреса. Высылаю несколько отзывов на вторую книгу. Моя племянница говорила, что ее муж был потрясен и плакал...

Гори, гори моя "Свеча",
Не гасни в час тревог,
И донеси мою печаль,
Жар сердца моего.
Гори и пламенем согрей
В дни скорби всех людей.
Чтоб в дар, как солнечный рассвет,
Блеснул нам Божий Свет.

Мария Ивановна Фатеева

Мария Фатеева (личный архив)

не ведут и ничего не дают. Мне много пришлось перестрадать, что помогло мне глубже понять жизнь. Мне хотелось служить людям, дать им что то, и я начала писать.

Времени не было, муж не одобрял мое занятие, даже, случалось, рвал написанное. Но я не отступала. Начала писать горячо, от всего сердца, но потом спешила, и и в чем то, возможно, не дала нужного пояснения. Цель была - вызвать читателя на раздумье о жизни - в злобной ярости люди губят ее. Ценность жизни, в чем она? Я сама часто размышляю, когда пишу.

Удалось написать и издать две книги «О прожитом и пережитом» (1989) и «О жизни, тайнах души и смерти» (1994). Посылаю Вам свою первую книгу «О прожитом и пережитом», из которой будет ясна моя биография. С радостью подарила бы Вам ее, но это последний экземпляр, переиздать с дополнением к 50 летию Победы не было возможности.

Второй книжки могла бы прислать и больше, но сын продал в Череповце только половину, остальное отослал в Москву, а дочь при возможности помогла, но не некогда, двое детей, работает, а книги лежат мертвым грузом... Обидно, что не доходят до читателя.

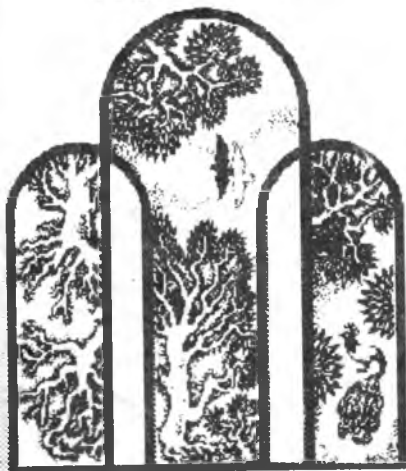
Есть еще три рукописи, но они не отпечатаны на машинке, надо еще найти машинистку. В них мысленные разговоры с мужем, основные проблемы семейной жизни,

Книга как глоток воздуха

Дорогие читатели! Хочу поделиться впечатлениями о книге Фатеевой «О жизни, о тайнах души и смерти». Эта книга написана человеком щедрой души на основе собственного опыта. Она в очень простой форме освещает то, что волнует всех... Многие десятилетия в нас искореняли веру, священное писание было под запретом. Мария Фатеева говоря о свете веры, о библии, о дороге к храму, как бы подсказывает путь для исцеления души. Она говорит: «Наука о душе - самая важная из всех, но ее не преподают ни в одном университете... Для познания своего истинного «я» загляните глубже в душу свою. Понаблюдайте за своим поведением и поймете, чему душа ваша радуется и отчего скорбит.»

В книге говорится о передаче мыслей на расстоянии, о тайгах предвидения, о даре исцеления, о душе человека - все это овечном, но есть наряду с этим и проблемы сегодняшнего дня - тревога по поводу возрастающей преступности... Не победим преступность в будущем, если не возьмемся по настоящему за воспитание детей и подростков».

По ее мнению, вера возрождается медленно, «отягченные грехами не спешат во храм». А пока - есть безбожие, нет заслона пьянке, наркомания, преступника не остановить. Автор также предостерегает нас в отношении явлений, подрывающих веру (масонство, оккультизм), просит не употреблять сердечную

О ЖИЗНИ, О ТАЙНАХ ДУШИ И СМЕРТИ...

(Рассуждения о самом сокровенном)

энергию для мести, особое место отводит высшей любви и преданному служению.

На меня книга Фатеевой произвела огромное впечатление. Мысли автора так созвучны моим...

Она не может оставить равнодушным ни одного человека, зовет задуматься над своим поведением, заслать вглубь себя, пересмотреть свое отношение к жизни, понять, какие есть в нашей жизни ценности...

В прошлом я учитель, сорок шесть лет была членом КПСС. У нас в плане воспитательной работы обязательно было атеистическое воспитание, это всегда было трудно для меня. Однажды на пионерском собрании, посвященном антирелигиозной пропаганде учительница в резкой форме сказала: «Никогда не говорите Боже, Господи, помощи...» А ведь слова Господи Боже были в учебнике русского как междометия! Такое чувство грусти унесла с того собрания... А на днях столкнулась с подростком, который о религии сказал: «Ах, об этом... Столько лет говорили, что нет, а теперь хотите...» Тут я поняла, как мы навредили подрастающему поколению, отлучив его от Бога... Мне стало страшно.

Не пройдите мимо маленькой желтенькой книжечки Фатеевой, скромно, но со вкусом оформленной. Это книга - глоток свежего воздуха в наше нелегкое время.

М.Л.Кавина

Письма к Марии Фатеевой

Рисунок сломанной березки, из ствола малый росток. Внизу подпись.

«Май 1945 года. Это Вы. Тогда. Позади война и болезнь с псиния-черным их цветом. И Ваша жизнь сломанная, как эта березка, и потянувшийся к солнышку новый хрупкий росточек. От него вскоре пойдут еще два-малышки и девочка. Впереди не безоблачно, но это - голубое небо. Это май 45-го...»

Решила черкнуть Вам, не дожидаясь ответа. 9 мая думала о Вас, и вдруг картинка - как вспышка, как озарение, которое невозможно оставить в себе. Как умела, перенесла на бумагу. Пусть это будет моим маленьким подарком. Солнышка Вашей жизни! Нас всегда должно что-то согревать - мечта, надежда, вера, людская забота, чья-то любовь...

Я точно знаю, что наша с вами встреча наша дружба неслучайна, предопределена на Небесах. Вы внесли в мою жизнь нечто очень

важное, просто необходимое. Вы взяли меня за руку и повели к Знанию. Труден путь, но останавливаться уже нельзя. И главное, нестерпимо хочется узнавать все больше. Как жаль, что не хватает времени и здоровья, хотелось бы успеть, одолеть, осилить... Буду за вас молиться...

Т. С. Попова, г. Архангельск

Для меня, в прошлом атеистки, странно было читать о Боге (эпиграф, стихи), с предубеждением перевернула страницу, но когда начала читать, не могла оторваться. Какая искренность, какое знание жизни, какая доброта, какое стремление помочь людям!.. Хотя все, что ни напишешь, будет мало. Очень трудно писать отзыв о книге, которая является дыханием человека с очень щедрой душой...

Клара Ивановна, учитель из с. Мякса

Ваши мысли и рассуждения созвучны с моими. Перечитывая книгу, я подумала, что могла написать примерно так же, но мне не дано, т.к. моя любимая партия отняла у меня Бога, к которому в душе я все-таки стремилась. Но с вами всегда был Бог и это вам помогало. Мой муж уверен, что выжил в концлагере и не был убит во время финской и отечественной войн потому, что верил в Бога и на груди у него была маленькая иконка. Нашему поколению крепко навредил строй- и физически, и духовно...

С какой радостью я прочитала ваши слова - «Любовь - пламя. Но зажечь лампаду, чтобы в сердце горело пламя, должен сам человек. Любовь признает лишь закон творческой отдачи. Кто любит, тот ничего не требует, но все отдает с радостью...»

Я подтверждаю это, мне всегда страшно было думать, что мои дети мне чем-то обязаны, верю, в трудную минуту они придут на помощь, но нам с мужем всегда было достаточно того, что они нас уважали.

Если бы вашу книжечку прочитали все люди! Сколько бы они поняли ошибок и заблуждений!

Спасибо за «Целительные силы» Малахова. Дочка прошла операцию, перед тем укрепив и очистив организм по Малахову и быстро стала поправляться. Позже она купила все книги Малахова и Лазарева и вообще стала другой, даже семейные отношения улучшились. Я рада, что она написала и открылась вам. Теперь за нее спокойна. А все благодаря вам и вашей книге.

М.Л.Кавина

...Вы уж пожалуйста, простите меня за то, что отбираю у вас много времени и энергии, но ваши письма дают мне очень много. Я из истерички превратилась в довольно спокойного человека, Мы совсем не ссоримся с мужем, даже начинаю нравиться себе. Дочка часто напоминает, что мое уничтожение - отвратительное качество... Да, этого не отнять, но что делать, это дала мне моя мачеха и партия. И я не одна такая...

Спасибо за книги, которые вы прислали, я подавала коллегам, дочке и одной молодой учительнице. На днях с ней встретилась, она с доброй улыбкой говорила о книге: «У нее свой стиль, она ни на кого не похожа, она пишет как думает. Сказала, что муж отобрал у нее книгу и с радостью читает... У нас вообще многие вас прочитали. О вас думают, говорят...»

М.Л.Кавина

Вера Веденева В САМЫЙ СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ УСПЕНЬЯ

Через меня послышится ли пенье
И музыка моей земли,
В селе Нелазском на Успенье
Вновь голосу ее внемли...

То был день долгожданного у нас праздника - 300 летия храма во имя Успения Пресвятой Богородицы в селе Нелазское Череповецкого района.

Любовь Сергеевна Новожилова встретила самой первой на этой земле. Я запомнила учительницу по школе в поселке Шульма, где она преподает русский и литературу. Эта школа, несмотря на новое название населенного пункта, сохранила старое название - Нелазская. Сегодня педагог-филолог оказалась в роли официального хранителя Нелазского храма. Тревоги Любовь Сергеевна были понятны - такой экзамен первый в ее жизни. В кроткой ее улыбке был трепет и смущение - все ли успелось. Много труда было вложено и учениками Нелазской школы, и ветеранами села... «Травка посеянная не успела взойти,» - с сожалением заключила она. Любовь Сергеевна бережно хранит записи живых подробностей: Пасху в этой округе праздновали по неделе, переходя из одной деревни в другую. До сих пор помнят и такой обычай: после освящения воды в крещенский мороз семь ден не полоскать в проруби белье...

Итак, время было раннее, но люди уже подходили и в благоговейном почтении не решались переступить порог храма до начала службы. А с какой готовностью запаслись ведрами те, кому посчастливилось доставить в храм воду... Неведомые мысли осеняли каждого, кто спешил одолеть лестницу, поднимаясь с водой. Все воспринималось как знак судьбы. С заворуженностью внимала я чистоте распахнутых глаз Любови Сергеевны, а также торжественным действиям добровольного помощника в храме. Сухощавый, прямой, с уверенной статью, с шапкой седеющих волос и бородкой - Сергей Алексеевич Елесичев - отец Любови Сергеевны. Не зря Бог послал ему храм сторожить, дочери красу вокруг него наводит.

«Деревянная церковь в Нелазском была построена во имя Успения Пресвятой Богородицы в 1694 году... Четверик главного объема с четырьмя прорубами образует в плане равноконечный крест. Каждый из прорубов завершается бочкой с полилицами, примыкающими к срубам четверика. Центральный объем увенчан крестчатой бочкой, над которой возносится стройное пятиглавие, с трех сторон храм окружен крытой галереей, устроенной на далеко вынесенных консолях. Из крытого крылечка у западного фасада лестничный марш, обшитый тесом, ведет в галерею.» Закljučая описание храма в книге «Устюжна. Череповец. Вытегра», А. Рыбаков далее пишет: «Из галерей в помещение церкви ведет крашенный портал с килевидным повышением, сделанный по образцу перспективных порталов в каменных храмах. Боковые грани входа трижды перехвачены старинными резными «веревочками». Этим же мотивом резного декора с накладными розетками портал украшен

вверху и по внутренней кромке у дверных косяков.»

Жительницы Череповца, девчушками бывавшие в Нелазе, в первые мгновенья печалились об утраченном. Лишь те, кто видел сиротливые бревенчатые стены, дивились переменам, стоившим немалых трудов, а также волнений, терпения, знаний.

Отец Александр, благочинно проводивший службу в храме, в своем заключительном слове отметил самоотверженность и простых людей, и административных, и научных - всех, благодаря кому храм обрел вновь свое наивысшее назначение на земле.

После всенощного бдения - вечернего богослужения, предшествующего праздничной литургии, работники музейного объединения Череповца провели тревожную ночь, никакая вневедомственная охрана не могла в них вселить покой: реликвии из запасников музея доставлены бесценные. Хоругви с ликом Спасителя и Казанской Богоматери, иконостас с неперменной храмовой иконой справа, царские врата, плащаница, насыщенная яркой синью чистоты небесной с латинописью по краям, в позолоте. Все это поражало воображение...

Народ в церкви все прибывал. Олюшка Сергеева едва успевала следить за свечами. Они в радужном хоре огней скоро сменяли одна другую. Язычки их пламени победно стремились ввысь... Тихое потрескивание свечек умиротворяло и исцеляло душу. Таинственно и кротко мигали лампадки. Звучали слова Евангелия от Луки из уст отца Александра... *«Когда Елисавета услышала приветствие Марии, възгнал младенца во чреве ея, и Елисавета исполнилась Святаго Духа, и воскликнула громким голосом... Благодословенна Ты между женами, и благодословен плод чрева твоего...»*

Блаженный Августин говорил, что в музыке и пении человек может излить восторг и полет души. Как вдохновенно, радостно звучало Величание в исполнении певчих Воскресенского храма Череповца: «Величаем Тя, Пренепорочная Мати Христа Бога нашего и всеславное славим Успенне твое...»

Кончину Богоматери окружает не печаль, а радость. В книге Софии Снегосеровой «Земная жизнь Пресвятой Богородицы» есть описание ее внешнего вида: «... Одежда ее всегда была чужда роскоши и скромная; поступь величественная и твердая; взгляд серьезный и приятный; речь кроткая, льбящая прямо из незлобивога сердца; обращение безыскусственное и простое. Вся красота Ее божественной души отпечатлевалась на Ее лице, но эта красота наружности была только прозрачным покрывалом, сквозь которое светились все добродетели непорочной души.» Смерть Богоматери лишь краткий сон, за которым следует восхождение и вознесение... Церковь с самых далеких времен видела в Богоматери великую молитвенницу за человеческий род, соучастницу в тайне искупления, наименование Ее икон выражает глубокую веру в ее покров (из книги Александра Меня).

Истинный праздник дарил нам Успенский храм, возведенный без единого гвоздя неизвестным мастером. По особому примечались лица, допущенные ко причащению Таинств во время храмового праздника. Светлана Константиновна Чернова, научный сотрудник Череповецкого музея, помогала сухонькой бабуле не затеряться во многолюдье и добраться до священника на исповедь...

Сколько лет не было на этой земле крестного хода, помнят в точности одни стены храма, поэтому отец Александр подробно разъяснял порядок шествия. Но очумелая ребятня все стремилась проникнуть вперед и оказалась под рукой у бабушки, когда он, остановившись против храмовой стены, посылал

Нелазская церковь (архив музея)

во все стороны окрест потоки освященной прохлады родниковой. Этот символический дождь, давно не окроплявший стены, почтено воспринимался ими теперь. Капли благодатной воды как предвестие добра принимали все стоявшие. Ритуальное действие завораживало ощущением единения с величием древнего храма. И воздух словно слух обрел, вся солнечная глубь внимала свершаемому чуду - Воскрешению из Забвения...

Уместно в такой момент упомянуть о людях, без которых сие чудо не состоялось бы. Рябнин Леонид Алексеевич (ныне заместитель главы районной администрации), Абакшинойда Нина Леонидовна (заведующая отделом охраны памятников), вся районная администрация, научные сотрудники Соболева Татьяна Петровна, Чернова Светлана Константиновна, Пономарева Светлана Владимировна, Быкова Валентина Александровна, Риммер Эльвира Петровна (заместитель директора по научной работе), Сергеева Татьяна Ивановна (директор музейного объединения).

При выходе после службы взору каждой просветленной души предстала незабываемая

выставка в духе Третьяковского: храмы и часовенки Вологодчины, они притягивали, звали к себе, продолжая священное общение с нами. Евгений Евгеньевич Мартышев, композиционно соединивший разных авторов в этой выставке в галерее храма, в это время готовился к личной выставке в Москве, но нашел время похлопотать ради такого события... Я, как и другие, не торопилась покидать счастливо подаренный мир открытый.

Очарование каждого мига этого дня жило во мне. Эльвира Петровна Риммер стала одним из них. Прислонившись к теплой бревенчатой стене, стояла она, соединив руки за спиной - наконец смогла хоть немного отдохнуть после напряженнейших нескольких суток. Я встретила ее с улыбкой ее глаз и стала осторожно спускаться по лестнице, храня в себе свет ее образа. «Почему я не художник?» - сожалела я который раз за день.

На площади слышались пенье и пляски, раскинулись вереницы торговых рядов с товаром диковинным. Но меня уже больше ничто не привлекало. Только желание сберечь чувство неразрывности со всем тем, что было пережито в храме.

Алла Бархоленко БАБКИН ЦАРЬ

(отрывок из романа)

"...И наверно, я вспомню что то еще. Она же много мне говорила. Она водила меня ночью в лес. На берег озера в полнолуние. И купала меня в воде. Вода была серебряной и живой. Все было живым и участвовало. И бабка просила о чем то. У воды, у деревьев и лунного света. И они ей обещали. Нет, они сразу стали делаться, какона просила. Я, не отталкиваясь, стала подниматься из воды. Я торчала, как пробка, и вода доходила мне до плечикоток, хотя мои подошвы ощущивала задушивая плота. Потом бабка, не позволив мне одеться, босую, повела по нехоженому лесу, через чащу и болотный бурелом, где торчали страшные черные выворотни и между коническими моховыми кочками антрацитно блестя неподвижная пучина..."

Пучина казалась бездонной, но не слишком странной, и Лушке вообще в ту ночь странно не было, как и никогда потом, до последнего времени. И все же, не боясь, она избегала попадать на провальное, лунная белизна голых ног и алчный антрацитовый блеск казались не подходящими друг другу, и Лушка предпочитала пружинить на выскальзывающих кочках, пока не обнаружит, что ступать на них надо не прямо сверху, а несколько сбоку.

И потом они стали подниматься по склону через просторный внизу напоротник, слетевшие листья которого рассекали лушкино горло и засевали круглыми спорами, и через крапиву и малинник продралась на увенчанную каменным гребнем вершину пологой горы.

Бабка пошептала с камнем, подвела к нему Лушку и велела встать на него босыми ногами, и стоять не качаясь, и ждать сколько надо, потом сказать, что будет. И Лушка встала и зажмурилась, и в ней все постепенно остыло и затвердело, она срослась с подземной скалой и стала выступом, одним из многих, медленно живущим под лунным светом, а с замерших в безмолвии гор и распадков к ней что-то затруднилось, и получилось, что маленькое лушкино тело может вместить много и еще останется место для чего-нибудь другого.

Потом бабка растирала ее чуткими руками и что-то говорила то ли ей, то ли всем окрестным горам и простертому над ними близкому небу, которое, как поняла Лушка, прикасаясь ступнями к уходящей в глубины каменной елке, всем остальным пребывала в ночной самосветящейся вышине. Бабка, растерев ее и возродив круговращение горячих токов в лунном девчоночьем теле, ни о чем более не спрашивала, а велела лечь, где больше поправится и спать до рассвета, а она, бабка, будет ухитить ее дальше, а на рассвете разбудит.

И на рассвете разбудила, вывалила в росе и поставила лицом на восток ждать царя. Царь выплыл из-за горы величаво и кругло, богословил все им рожденное и пошел на работу, все медленнее поднимаясь ввысь.

А они, усталые и смиренные, без единой царапины на теле, побрели домой, к бабкиной деревне, в отдельный бабкин хутор, и в тот же вечер бабка отправила ее смрадным автобусом в районский город, ничего не знавший ни о кочках, ни о напоротниках, а сама на следующее утро больше не проснулась.

Та ночь странно быстро забылась, будто задернулась шторой, и полностью не вспоминалась никогда, а выплыла откуда-то

только сейчас, сейчас Лушка снова прошла купание, чащобу и лунный свет на вершине широколобой горы, и ее, в смоговом мертвом тумане и за решеткой, коснулся оживляющий взор пурпурного утреннего Бога.

* * *

Дома девочка с гордостью поведала о ночном путешествии по лунному свету. Мать велела глупостей не выдумывать. Лушка обиделась, что не веряя, напустила в ванну воды, побарахталась, пристраиваясь к малым объемам, и наконец, крикнула, чтобы мама посмотрела. Мама, соскучившаяся по дочке, снисходительно заглянула, а узрев девочку, балансирующую на воде, как на канате, победела и забыла, как кого зовут.

Лушка впечатлением удовлетворилась, торжествуя засмеялась и почему-то погрузилась в воду до эмалированного дна. Мать, утратив все ориентиры, ринулась спасать, выдернула ребенка из ненормальной воды и, прижав мокрое тело к несвежему халату, в котором возилась на кухне, заметалась по квартире в поисках укрытия. Лушка коленками сопротивлялась необоснованному спасению и пыталась вывинтиться из вполонных объятий. Мать выпустила ее на широкую супружескую тахту - место самое обжитое и потому наиболее безопасное, и голосом, прижатым застрявшей в горле паникой, неубедительно постановила:

- Так делать нельзя.

Лушка смотрела внимательно и ждала продолжения. Мать объяснила недостающее:

- А то можно утонуть.

Девочка, смутно ощутив, что как-то странно уменьшается из почти взрослой, какой была рядом с бабушкой, в маленькую и зависимую, подумала и признала, что утонуть действительно можно, соседка Катерина утонула в ванне даже зимой, а дядя Коля из крайнего подъезда, зимой и летом сбегавший на все выходные со своим деревянным ящиком на рыбалку, а потом даривший ребятишкам и кошкам мелких серебряных чебаков, так глубоко нырнул в озерную тишу за зацепившемся крючком, что заблудился, потому что там получилось темно.

Так что мама сказала правду, а бабушка правду не успела объяснить, а скажет ее в следующий раз. У матери сгорел широк, три раза посолнилась каша и сбегало молоко, отец обильно ужинал перед ночной сменой хлеба и луком, обиженно не замечая ножа и рукой отламывая от буханки, а от луковницы откусывая крепкими зубами так, что до Лушки долетали невидимые ищущие брызги.

После его ухода мать уложила Лушку спать себе под бок и бессонно просторожила всю ночь, бесстрашно пугая темноту ничего не видящими глазами.

Через день пришла телеграмма о смерти бабки, мать победела и слова кощунственно заявила, что ни на какие похороны не поедет и Лушку ни в какую деревню не пустит никогда не пустит, потому что дочка у них городской ребенок и ей вредно без завода, а в деревне все отравлено радиактивной Течей, он что, забыл, как у его мамы у сарая росли грибы величиной с ведро? Ребенка испугали и сглаздили, это же очевидно, его надо немедленно к врачам, так что она, хоть зарежь, останется дома, а он как желает. Муж приличия ради обложил дуру-жену так и этак, и поехал на похороны в одиночестве.

Мать поволокла Лушку к невропатологу, после чуть про стояние на воде в полной ванне. Лушка разглядывала на стене трех поросят и тишу Алису и молчала на окольные вопросы, и чтобы мама больше не волновалась,

Проза prosa

отрицательно мотала головой. Мать беспомощно плакала, и ей прописали взрослое успокоительное на детском рецепте.

Потихоньку мать выполла успокоительное Лушке, раздобыла затридорога каких-то заморских таблеток и велела запивать теплой водой, как при простуде. И не мыла дочку две дополнительных недели, боясь неожиданностей.

Маневры, собственно говоря, напрасные, ибо Лушка все давно потихоньку проверила: стоять на воде больше не получилось, она нормально шла ко дну, из чего и сделала вывод, что мама сильнее бабушки. Мать, довольная результатами своего лечения, повеселела и, окончательно поверила в город, даже съездила к покойной свекрови на сороковины. Дочь просилась тоже, но мать сказала, что там будут пить водку, а маленьким девочкам это нельзя, а то станешь алкоголичкой, как тетя Паша, которая собирает бутылки. Лушка кивнула, потому что мама опять говорила правду: тетя Паша сама рассказывала, как в бутылках совсем не виновата, потому что когда тетя Паша родилась, ей макали соску в самогон, чтобы она покренче спала.

Лушка осталась дома одна, мама обещала к ночи вернуться, было воскресенье, на работу в садик Лушке не нужно, и она достала своих кукол и стала играть в поминки, рассказывая им вспоминалки про бабкин огород, на котором никогда нечего не мерзло, а гусеницы опадали со смородины и капусты неживым сором, про бабкиных ненормальных кур, которые несли по два яйца - одно обычное, другое без скорлупы прямо на сковородку; про бабкину козу Зорьку, которая рожала по пять козлят, а молока надаивала по шесть литров; козу эту у бабки два раза крали, а бабка не давала себе труда даже огорчиться, и Зорька, с рогами как серпы, через день-другой возвращалась сама - первый раз за пятнадцать километров, второй - за двадцать, по дороге она сама себя доила, чтобы не испортить удоев для бабки.

Еще была вспоминалка про дождик, который любил поливать только бабкин огород, когда было жарко, и совсем не проливался, если все уже намокло; и про солнышко, которое работает как мужик, и тоже устает; и про ветер, который около бабки не дул, если она нарочно его об этом не просила, так что около бабки можно было укрываться, как под крышей.

Куклы про ветер ничего не понимали, потому что жили в коробке без сквозняков, и Лушка, повесив на шею квартирный ключ на ботинном шнурке, побежала рассказывать вспоминалки во двор, и снова начала с козы и козлят, но дети в песочницах сказали, что козлят не бывает, а только котят, и козы не бывает, а только козел, а яйца получают совсем не в курицах, а в картонных грохотках, и не два, а сразу все, и рождаются они от денегек, на фабрике - в ямку в грохотке кладут по круглой монетке, включают ток, и за ночь монетка вырастает в яйцо, маленькая монетка - в маленькое, большая - в большое, которое диетическое и с красным штампом. В песочнице признали, что с монетками получается более убедительно, чем с куршей.

Лушка торопливо рассказала вспоминалку про бабушкин огурец, который был длиннее Лушки. Лушка ложилась под него и ела с одного конца сколько влезет, а с другого огурец опять вырастал и кормил их с бабушкой целое лето. А еще была тыква, такая большая, что Лушка на ней лежала, тыква греда изнутри, потому что желтая, она солнечный ребеночек и внутри там семечки, которые зимой нужно бросать в небо, чтобы солнышку было из чего вырастать каждый день.

И совсем нет, сказали Лушке, тыквенные

семечки продают в аптеках от глистов, а если их бросают в небо, то оттуда вместо дождика пойдут червяки, и землю закроют на карантин.

И вообще Лушка про бабуку врет. Бабки, которые настоящие, самогонку делают и у магазина водкой торгуют, чтобы алкоголикам опохмеляться удобно, а лежать на тыкве нельзя, потому что свалишься. В ответ Лушка сняла с ног новые туфельки, молча отлушила ими всех окружающих неверующих и, забросив туфли в ободранный куст бузины, босиком удалилась в котлован за домом, где собиралась сначала строить кинотеатр, потом колхозный рынок с крышей, но сделали помойку, чтобы не ждать мусорные машины.

Лушка села на половину кирпича и пересказала свои истории битым бутылкам и черным мухам. Мухи перестали гудеть и внимательно слушали. Мать нашла босую Лушку спящей около мятого ржавого ведра, взяла на руки и отнесла домой, на верхний этаж.

- Нельзя ходить босиком, - сказала мама, - а то можно порезаться.

Через месяц мать снова перепугалась до сердечной приступы. Ночью разразилась трескучая гроза, сверкало и гремело, молнии били только что не в супружескую тахту. Мать испугано проснулась, но включить свет не решилась, покорно помня, что включенные электроприборы во время грозы опасны. При новом световом всплеске показалось, что кровать ребенка пуста. Хотелось тут же закричать, но женщина не решилась, чтобы собою не испугать, и подумала, что девочка, может, в туалете или на кухне. Лушки не оказалось ни там, ни тут, не было ни под кроватью, ни в гардеробе, где можно спрятаться от грозы, но входная дверь, слава Богу, была заперта изнутри.

Мать в рвущей грудь немоте оглядывала малое однокомнатное жилье, ребенка не оказалось даже в кладовке, оставался только балкон. Мать ринулась туда и запуталась в узкой двери и занавеске, но Лушку, о Господи, обнаружила, девочка, босая и голая, стояла под ливнем, струи расплели хилые косички, текло с опущенных рук, по спине и ногам, отдаленный свет уличного фонаря туманился в кисее пара и мелких отскакивающих брызг вокруг детского тела, Лушкины глаза были закрыты, она улыбалась, слизывая с губ дождевые ручьи.

Молнии, ослепляя, рвались справа и слева, хотя как-то мелко и нестрашно, и это пугало еще больше. Мать выпуталась из занавески, протянула в ливень руку и втащила дочь в комнату.

- Так нельзя, - сказала мать. - Можно простудиться.

- Они играли, - сказала счастливая Лушка, моргая мокрыми ресницами.

- Кто? - замерла мать.

- Молнии, - сказала девочка.

- Молнии не могут играть, - правдиво сказала мать.

- Могут, - не согласилась Лушка. - Они живые, как котенки.

У матери дальнейших слов не нашлось, она заменила отсутствующее немедленным действием - потащила дочку вытираться махровым полотенцем. В то же утро жена приказала мужу прикрепить, наконец, на балконе давно заготовленные рамы, и муж на этот раз подчинился без возражений. Над балконом простерся плексигласовый навес, и последующие дожди стали цивилизованно стекать по стеклам...

* * *

Анастасия Веселова ПЕРЕКРЕСТОК

Невесомо, нежно, мягко летящая завеса из белых лохматых снежинок. Мир пестрых фонарей, окон, царство новогодней зимы. Томление в груди... Если бы не рваные мысли в голове и не страх, что ничего уже не страшно, что ничего уже не успеть!.. Но через пару часов он кончится и будет совсем легко, свободно и спокойно. Начнется долгий новый год.

А пока в мире снежинок и фонарей - таинство, не ведомое простому смертному, по которому чувствует сердце. И больно ему, и сладко. Ожидание.

Ежегодное ожидание чуда.

Я вздрагиваю на ходу - это прощентала шинная машина и растаяла в белой пелене. И опять жутковатое царство затановившего дыхание новогодней зимы.

Город вымер, сокрылся в праздничных квартирах. И все в ожидании чуда. Какого?

Заранее известно - чуда НЕ БУДЕТ!

Последний перекресток загадочного лабиринта улиц, наполненных сказкой.

Оставшиеся мне шаги ничтожны, а там - наигранный уют украшенной комнаты, равнодушный поцелуй, бокал шампанского под бой курантов, пожелания счастья, любви, радости... И все. И ничего. Начало ежегодной новой жизни, улыбки лица, ладно, если только на одном мелькнет улыбка. Вечный, кем и когда - неизвестно - придуманный сценарий. Законный, не имеющий права смениться. Так даже спокойней - никаких неожиданностей, все идет СВОИМ ЧЕРЕДОМ.

Последний перекресток. Сотворить довольное счастливое лицо и - вперед, с головой в праздник. Чуда нет... Боже! Такого быть не может, потому что не может быть. Четыре стороны у волшебного перекрестка. Север, юг, запад, восток. И со всех четырех сторон сразу идут люди! Из какого космического замысла, зачем, что свело их здесь в этот поистине чудесный вечер? Казалось, гром небесный грянет среди молчания улиц!

Сошлись шесть судеб, шесть жизней. Одна - моя. Навстречу - две почти угасших. Справа - еще одна, на грани между тем, чтобы ярко гореть или совсем потухнуть. Неужели исчезнет?

А что остается, если каких-то полчаса назад все для нее кончилось?

Больше не начнется, даже с новым годом. Полчаса прошло с той минуты. Полчаса, за который утратился весь смысл жизни - для нее, для этой судьбы.

Одной из шести. Быть может, самой счастливой. Куда идет она, где кончится, когда?

Только бы не в эту чудесную ночь! Милая девочка! Поверь, все придет снова. Подожди только два часа. Если бы я могла помочь тебе! Но наши судьбы лишь перекрестятся, как улицы. И вот ты проходишь мимо, унося с собой свое отчаяние. Иди, только будь в эту ночь благодарна. И поверь в чудо. Желаю тебе ЧУДА!

Четыре стороны у перекрестка... Две судьбы, почти подошедших к развязке. Они идут парой, со светлыми лицами. Завидно! Никогда раньше не были счастливы люди! Кажется, что всегда они были такими. Но за годы, которые они провели вместе, были и ссоры, и обиды, и потерянности. Все ушло куда-то, осталось счастье. Осталось чудо... Пусть оно всегда будет с вами!

Четыре стороны... Еще две судьбы. Мать ведет за крохотную ручонку родного человечка. Никто не знает, куда приведет его эта теплая ладонь. Но я-то могу предположить. В эту волшебную ночь я вольна выдумывать. Желаю опять же - чуда, но какого! Собрать бы все самое-самое, и это самое - стало бы твоим! Не хватает необыкновенных идей... Пусть исполнится простое и главное - не совершай ошибку!

А это что?! С хвостом-баранкой, с пятном на боку, с мокрым посом, на нем блестит растаявшая снежинка. Пробежал, никого не видя, по своим делам. Куда и откуда несут тебя твои холодные усталые ланы? К праздничному ли столу с сахарной костью или в пустой темный подвал с тонкими рыжими когами? Беги. Нам не понять сейчас друг друга.

Четыре стороны у перекрестка. Сошлись люди и - разошлись. Казалось, гром небесный грянет среди молчания улиц. А ничего не случилось. Хотя нет!

Было ЧУДО. Была ВСТРЕЧА. Как планеты, не достигаемые друг для друга, на миг сойдутся однажды, чтобы больше никогда не сблизиться в безграничном пространстве, так и люди эти, встретившись кратко, растаяли во вседено лохматых снежинок. Среди миллиардов звезд...

Одинокий свет тусклых фонарей над опустевшим перекрестком. Над городом. Миром.

ФАНТАЗИЯ

Мне опять не спалось. Я долго ворочалась с боку на бок, заставляя себя заснуть, по тцетно. Зажгла почтничок и ужаснулась - часы показывали половину четвертого.

Я с досадой встала, прошлась по комнате. Но заняться было нечем. Подойдя к окну, я распахнула форточку и глубоко вдохнула пряный осенний воздух. Город забылся безмятежным сном праведника, окончившего тяжелую рабочую неделю.

«Ну вот, все спят, - с обидой на себя подумала я, - а ты маешься!»

Меня начинало раздражать мое бездействие. И тут я вновь наткнулась взглядом на два ярко горящих окна в пятиэтажном доме напротив. Они были задернуты шторами, но светились так, как если бы вся была увешана лампами дневного света. Каждую ночь, когда не спалось, я наблюдала за ними. И всегда они пылали таким же болезненным светом. Что там, за этими окнами? Горе? Печаль? Радость?

Я поднималась по лестнице почти без надежды застать кого-либо дома. День выходной, может, хозяйка ушла в гости, уехали на дачу, все, что угодно. Но я по-дурачки волновалась... Сейчас откроет какой-нибудь молодой человек, в него влюблюсь, и мы будем просиживать целые ночи напролет вдвоем...

Я позвонила. Звук почему-то не получился. Никто не открывал. Я раз-вернулась, чтобы уйти. Раздался неприятный ржавый скрежет в замке.

- Тебе кого?

На пороге стояло непонятное существо неопределенного пола с серым отекившим лицом и тупыми злобыными глазами. Полурастегнутый застиранный халат смешно торшился, а стоптанные сандалии готовы были развалиться.

«Чего и следовало ожидать», - разочаровано подвела я итог и произнесла:

Проза *prosa*

- Савельева Лидия Михайловна не здесь живет?

- Валн отсюда! - дверь оборванной обивкой отпихнула меня и захлопнулась.

Со всем не расстроенная, я спускалась обратно. В конце концов, мне же легче!

- Извините меня, конечно, - пропала маленькая, сморщенная вроде картофелины старушка.

- Вы что, приходили к этим? - она ткнула коротким пальцем вверх.

Я кивнула. Бабуля нахмурила безбровый лоб и презрительно пробубнила:

- А еще интеллигентного вида.

- Подождите, - рассмеялась я. - Кто там живет то? Просто я ошиблась адресом.

Старушка недоверчиво посмотрела.

- Пьяницы там живут. День и ночь выпясывают. Мы и милицию на них вызывали, а нечего путевого. Выпустили. Ладно, идите от греха подальше.

Я попрощалась.

Ой, подождите! Кефирчика мне не купите?

Бабуля умоляюще впиалась мне в глаза.

Какой разговор! Сейчас.

* * *

Я стояла, облокотившись на подоконник, и сама с собой спорила: "Надо же было ерунду насочинять! Конечно, там все по-другому. Нормальные люди..."

Совершенно спокойная, я поднималась на третий этаж. Не думала ни о чем. К чему приду, то и будет.

Я остановилась около аккуратной двери, позвонила. Вместо звонка раздалась мелодия.

Дверь почти сразу отворилась. На меня смотрели уставлые печальные глаза.

- Извините, но я вас не знаю, - мягко произнесла пожилая женщина в ситцевом домашнем халате.

Я совсем растерялась.

- Может, вы ошиблись квартирой?

- Да, да! - ухватилась я за спасительную фразу. Мне нужна Антонина Сергеевна. Конечно же, я ошиблась, извините.

- Пойдите! Я Антонина Сергеевна. Вас Саша пригласил?

Я ошелась.

- Нет... почти безнадежно добавила. - Но ведь вы не Калугина?

Женщина грустно улыбнулась.

- Вы действительно ошиблись. К тому же, в нашем подъезде Калугиных нет. Посмотрите в других.

- Спасибо.

Мне хотелось провалиться сквозь землю. Так неудобно все вышло. Я спускалась обратно с испорченным настроением.

- Глубоко прошу меня извинить, проговорилась смешная старушонка в старинном чепчике. - Вы к Антонине Сергеевне приходили? Она не дала мне ответить и жалобно затараторила:

- Уж вы приходите к ней почаще. А то ведь совсем одна, старая. Как муж-то, Николай Степанович, царство ему небесное, помер, она и не спит по ночам. Спотворного нахвещается, а ее не берет. А потом ходит и плачет, и плачет да успокоительное пьет. Ведь больше трех лет прошло, а она страдалница, никак не успокоится.

- А кто этот Саша? - еле прервала я бабулю.

Лицо ее сразу посерьезнело.

Ох, этого бы Сашу да ремнем отстегать!

Инициативно воскликнула она. - Магь совсем погибает, а он хоть бы раз пришел пожалел бедную. Внучек иногда забежит, на минутку,

дак уж она так рада, так рада...

Я понемногу тупела от эмоционального стрекотания этой тощей аристократической старушки, пахнувшей, как едобная булка, пудрой и дешевыми духами.

- Извините.

Она резко и немного обиженно умолкла.

- Извините, мне нужно идти.

Я попрощалась и сделала пару шагов. Сзади раздался печальный вздох и бормотание:

- Никому мы, старые, не нужны... Ой, подождите! Минуточку.

Старушка полезла в бесконечные складки своего неуклюжего дореволюционного паряда.

- Кефирчику мне не купите?

Она с надеждой смотрела на меня и протягивала на сухой, но еще твердой ладони несколько монеток.

- Ну конечно, о чем говорить! И уберите ваши деньги.

Бабуля с радостью спрятала мелочь обратно и заочно сказала «спасибо».

* * *

Мне было смешно и грустно. Старая банальная ситуация - одинокие старушки. Душещипательную историю я сочинила. И снова этот дурацкий кефирчик...

Я нехотя поднималась вверх по лестнице. Много напридумывала, а выйдет что-то совсем непонятное. Но узнать-то надо, любопытство заело. Будь что будет.

Я подошла к нужной двери в углу площадки. К моему удивлению, звонка не оказалось, а на двери висела табличка: «Просьба без особой надобности не беспокоить». Меня это очень заинтересовало, по стучать я не стала - особой надобности у меня не было, и через силу заставила себя пойти обратно.

С нижнего этажа на меня с интересом взирала мелкая бабуся. Во взгляде ее чуть сощуренных глаз светилась легкая хитринка, ввалившийся рот и сильно выдающийся вперед подбородок придавали ей вид заядлой собирательницы и разносчицы подъездных новостей.

- Правильно сделала, что не постучала, поддерживающе сказала она.

- А не то бы выскочил да заорал. Днем он спит, а ночью бродит. Борода - во! Сам пемьтый, замусоленный. Тыфу! К нему вот такие же пациенты-ки ходят, как ты. Он их рисует... Бабуся снизила голос и, наклонившись ко мне, добавила. - Говорят, голыми. Тыфу! На что и живет, не знаю. А грязница какая дома, ногу сломаешь! «Я, говорит, весь в творчестве!»

Я по-идиотски улыбалась и кивала.

- А ты-то не пациентка? - неодобрительно спросила старуха.

- Нет, - как можно убедительнее ответила я. - До свидания.

- Погодите, - взяла она меня за руку. - Не спешите. Сходи мне лучше за кефирчиком. Да поболтаем маленько, а? Мелочь-то, поди, найдется? - лукаво прищурилась она.

Я заулыбалась и утвердительно кивнула головой.

- Ну вот и хорошо. Ступай. Но чтоб посвежее кефирчик-то. Слышь?

* * *

Рассказала об этом и сама поверила. Только не было никакого кефирчика. Никуда не ходила и не пойду. Потому что никогда не решусь непрощено вторгнуться в чью-то жизнь. Не в моих силах облегчить чужие страдания. А в радости чужой вряд ли я нужна.

Но дускай там, за шторами, все будет хорошо. Пусть... Я подняла голову, ожидая увидеть все тот же свет, и не нашла его. Окна уснули.

Нина и Анастасия Веселовы (фото Кашголины Островской)

Нина Веселова родилась в Ленинграде в 1950 году. Закончила Ленинградский университет, факультет журналистики, жила и работала в Вологде в газете «Вологодский комсомолец», училась на сценарных курсах в Москве, писала сценарии к фильмам, в т. ч. к фильму «Я капелька» (совместно с Ю. Половниковым). Помогала известной вологодской поэтессе Наталье Сидоровой. Организовала и провела семинар пишущих женщин Северо-Запада в 1990 году. Широко публиковалась в областных газетах, в альманахе «Мария», с повестью «От отца и матери» - в альманахе «Молодые годы» («Молодая гвардия»), в журналах «Советская женщина», «Наш современник», «Дружба народов».

Анастасия Веселова родилась в Вологде в 1975 году, здесь же закончила среднюю школу. Начала писать рано, с 15 лет, в 1990 году участвовала в семинаре пишущих женщин Северо-Запада с циклом новелл-сказок. Публиковалась в городских и областных газетах - «Красный Север», «Русский Север», «Вологодские новости». Пишет в основном прозу, на литобъединении «Ступени» и на областном литературном семинаре обсуждалась ее повесть «Маска».

Нина Веселова ЗАМЫСЕЛ

Началось с газетной публикации о везаных смертях, которые вызваны остановкой сердца. Я читала и чувствовала, как холодеет низ позвоночника...

В самом деле, почему мы надеемся, что смерти будут предшествовать долгая и тяжелая болезнь, за время которой можно будет смириться с неизбежным уходом и хоть что-то еще успеть сделать? А если вдруг вот так, сразу, мгновенно, без явных симптомов, которые могли бы насторожить и спасти?

Нет, думать об этом, быть может, и надо, но - бессмысленно: сидеть, что ли, и дожидаться своей кончины? Прислушиваться к сердцу? Вот сейчас, вот-вот... Лично меня так увольте. И без того во мне хватает отчаяния и совсем недавно я выкабалась из его пучины, чтобы начать деятельную жизнь. Конечно, это не всегда удается, если быть честной, но все-таки я стремлюсь не терять зря ни минуты. И если я далеко не все время провожу за письменным столом, то это не значит, что оно бесполезно для творчества. Там, внутри у сочиняющих существует отлаженно особая вселенная со своими законами и не нам их менять, но нам - чутко прислушиваться к ним, уважать таинственную пульсацию неведомой энергии и терпеливо к ней пристраиваться.

Вот сейчас, допустим, во мне стойкий затяжной период молчания, вызванный может быть, безвременной слякотью и неблагоприятными изменениями в атмосфере. Любому ясно, она тончайшим образом связана с тем, что происходит в нас самих, противиться тому и бдеть над бумагой из-за лозунга «ни дня без строчки» - по-моему, просто грешно. Как всяким смертным, нам пужно время на друзей, на близких, на бытовые неурядицы. Не лучше ли просто отдать себя тем, кто застенчиво останавливается у двери нашего домашнего «кабинета», не смея нарушить возведенный в святое творческий процесс? Во всяком случае, я стремлюсь это делать, и любому занятию отдаюсь всей душой - стирке ли, уборке, кухне.

Не хвастаюсь, это замечено не мною, а сердобольными друзьями, кое-что понимающими и ценящими. Им так редко удается видеть меня, например, у телевизора с каким-нибудь заделем в руках - часы эти, пусть и не скрашенные полным духовным слиянием, воспринимаются как блаженный дар...

Однако сама себе я дороже иная, сосредоточенная, как мне кажется, на мировых проблемах, на темах вечных, быть может, ежечасно не осознаваемых. Моя задача как нищего человека - как можно глубже внедриться в сознание каждого и произвести там настоящую революцию, которую затеяли сейчас всем обществом и вряд ли выиграем, если не будет того, за что борюсь и я. Отнюдь не считаю, что эти внешние, общественные процессы самоцель, а все остальное лишь средства достижения. Наоборот, я убеждена, что изменение сознания есть сверхзадача нашего бытия и наших общих трудов. А уж бытие будет изменяться в лучшую сторону соответственно.

Впрочем, моя расколотость уводит меня в рассуждения очень далеко, тем более речь-то не об этом, речь о сердце, которое стучит во мне как во всяком и позволяет мне записывать всю эту философию - или чепуху? - вместо того, чтобы биться над художественным воплощением... Хотя что ближе к художественности, придуманное или реальное? А время ждать не будет, оно летит стремительно, безвозвратно! И каждую минуту

может случиться остановка сердца...

Господи, да зачем они такое печатают?! Совершенно ясно, что не я одна сейчас читая, держусь за левый бок и встревоженно прислушиваюсь: тук-тук, тук-тук... тук... Ну, где же дальше? Тук... Тук... Тук-тук... Слава Богу! Стучит все еще. Ну, а рука моя левая, если пошевелить... А рука моя, вдруг вспоминаю я, вот уже неделю болит в предплечье! А ведь это - смотрю я сноску - вполне может быть скрытым симптомом сердечного заболевания, на который обычно не обращают внимания. Но как обращаться? Отбросить газету и бежать делать кардиограмму, крича, что боюсь везанности? А там мне шифрованными кривулями выведется здоровенька мускулатура сердечных мышц и доктор, пряча ироническую усмешку, посоветует больше бывать на свежем воздухе, чтобы ликвидировать излишнюю мнительность. И будет прав! Потому что нельзя после спортивной юности прирастать к стулу и при этом надеяться, что старость тебя дома не застанет. Да еще удивляться слабости творческих позывов и тому, как оглушительно тянет ко сну среди дня. Даже приходится ледяной водой обливаться. Но не сидеть же в ванной, и кстати... Ледяной водой можно и плечо застудить...

Значит, все хорошо, прекрасная маркиза? И вы здоровы как сто тысяч братьев здоровы быть не могут? Тогда за дело. И забыть об эфемерной кончине.

***

Увы, столь бравый и насмешливый ход рассуждений меня не спас. Подавленность от прочитанного не оставляла до вечера. И когда я с деланной улыбкой сослалась на усталость и ушла к себе, началось ЭТО.

Оно свалилось на меня сверху как старый тяжелый полушубок, сжало грудь. Я сняла с себя всю одежду, чтобы облегчить дыхание, однако слева, под лопаткой, осталась какая-то рукоятка и не давала шевелиться. Я едва дотянулась до тумбочки и нащупала в темноте валидол. От таблетки стало холодно во рту и сиротливо-стыло на душе. Я постаралась внушить себе, что скоро это пройдет, можно будет улечься поудобнее и заснуть. В самом деле, спустя какое-то время боль незаметно забылась и я даже включила ночник, чтобы полстать журнал, поскольку сон все равно не шел. Однако текст оказался слишком пресным и пошлым по сравнению с незатихающей скорбью, звучащей во мне. Я снова потушила свет и закрыла глаза. И тут некстати вспомнила, что постель, на которой я лежу, куплена за бесценок у близких знакомых после того, как на ней умерла их бабушка. Я не скажу, чтобы я не помнила или не знала такого факта, но прежде не придавала ему никакого значения. Теперь же он выстудил вокруг воздух и провел льдинкой по застопавшему сердцу. Я скринула зубами, повернулась на правый бок.

Ну зачем, зачем я думаю об этом? Сколько раз за свою жизнь я приходила к неутешительному выводу: думать о ТАКОМ, воображать ТАКОЕ не имеет смысла, потому что выхода нет, НЕТ! И человек обязан примиться с недоступностью понять свой уход. Об этом тупик можно голову разбить, но нельзя ничего предостеречь, переначить. Покорное смирение, работа, - вот все, что остается ближе к концу, когда нет иных утех и исчезли заблуждения юности. Да, но можно ли заставить себя работать, сознавая близость своего исчезновения? Мыслимо ли это, если одна только мысль бьется, пульсируя: не хочу, не хочу, не хочу! И мечтается, как в детстве спрятать голову на коленях у сильного, старшего, дожидаться, что тебя поглядят по волосам и солгут в усюкосние, что смерти нет.

волосам и солгут в успокоение, что смерти нет, а если и есть, то только не для тебя, а если для тебя, то теоретически, когда придет твой срок, люди непременно что-то придумают... Что-нибудь чудодейственное, способное отменить безжалостный приговор...

Только годы бегут, и вот уже на твоих коленях детская головенка, остуженная первым предощущением смерти и ты ищешь - и находишь! - слова, которые помогают пролиться дающим надежду слезам. Так что хватит играть в дество, потому что как ни крути, от ЭТОГО не отвертишься... Позже ли, сейчас ли...

Я опять ощутила, как сдавило сердце, но заставила себя не думать о нем. Думать надо было о деле, хоть это не помогало заснуть. Замыслов-то, замыслов сколько в голове! Чудовищно обидно закончить свой теперь, в эти часы, так и не завершив главного, к чему шла долго и неистово, не считаясь со скепсисом окружающих... Только бы не сейчас, Господи! Уже кому как ни Тебе известно, что в моей душе и как важно, чтобы обрело оно словесный образ! Даже не для меня, а для других, которые тоже жаждут прозреть и блуждают в потемках.

Ту-тук, тук-тук, - стучит мое сердце. Миленькое, сильное, не торопись, не усердствуй слишком, чтобы тебя хватило на все задуманное! Я никогда не стану терзать тебя бездарной любовью, обременять излишней печалью, я никогда больше... Я даже постараюсь заснуть сегодня раньше, чтобы ты отдохнуло вдосталь и чтобы с утра мы могли приняться с тобой за дела!.. Тук-тук, тук-тук, тук... тук...

***

Надо же, как легко висеть под потолком! И как я сама оттуда, сверху, выгляжу странно, незнакомо, словно там, на постели, и не я, а кто-то иной, тайно живший во мне все эти годы, вызревавший под моей плотью, а теперь вывернувшийся наизнанку... А истинная я теперь свободна, неуловима, недесуща и дано мне знать, как все будет дальше, и наблюдать бесстрастно, как это дозволено Всевышнему...

Я знаю, что сначала, как всегда поутру, в мою комнату заглянет дочь и тихо окликнет меня. А я не отзовусь. И тогда она, побледнев, побежит звать на помощь взрослых и сминая школьную форму, упадет на диван, сотрясаясь от рыданий.

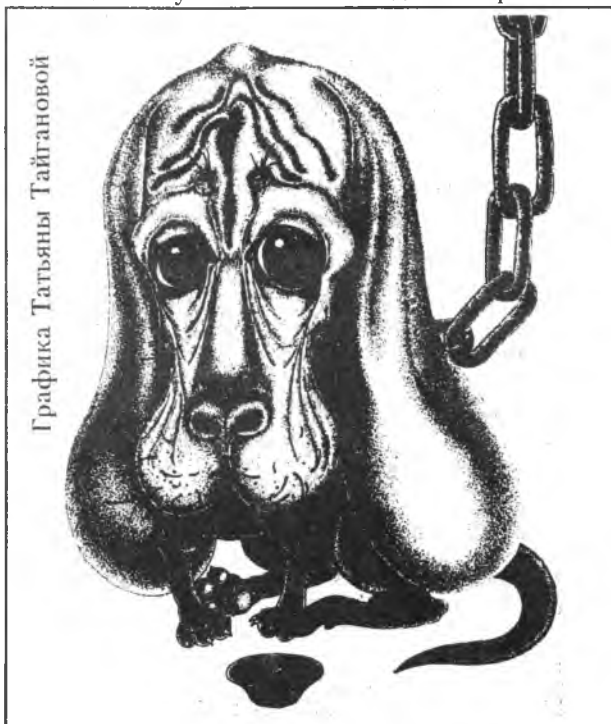
Зайдет ко мне подруга и сжавшись в комок, чтоб не дрогнули руки, закроет мне веки. А мы-то гадали с сеном, кто кому это сделает! Пусть просит она, что я поспешаю. Меня позвали, отказы ТАМ не принимаются... Бедная, ей придется идти подавать телеграммы, это, пожалуй, самая тяжелая миссия из всех предстоящих. Остальное будут хлопоты, подгоняемые желанием завершить погребение. На почте ей впервые придется осознать, что произошло. И найти, за что уцепиться, чтобы жить, ведь на нее останется моя дочка, а рядом с ней нельзя сдавать, как бы не переполнило душу отчаяние.

Итак, сначала она сообщит родным. Отец, получив извещение, опустится на ступеньки крыльца и будет беззвучно дрожать, пока жена

не хватится его, не выйдет следом и не увидит телеграмму. Тогда они заплачут вдвоем, но вдвоем им будет, конечно, легче.

Полетят телеграммы двуродным и троюродным, из которых разве что трое-четверо смогут приехать проститься со мной. Не потому, что неслишком меня любили, просто большинству не позволит работа, которая правит миром и являет собой идола, которому молимся всю жизнь, чтобы под конец понять, что главный смысл был вовсе не в ней. А кое-кому не хватит денег на поездку, хоть путь и недалёкий - весь наш рабоче-крестьянский род никогда не был богат и не ставил перед собой задачу разбогатеть. Впрочем, это не мешало никому из нас радостно жить и быть любимцами, а уж копить на черный день на всякие там уходы вообще недостойно оптимиста.

Родного брата жалко оставлять, это да.

Графика Татьяны Тайгановой

Жалко с тех пор, как он в десятилетнем возрасте с зажатым в кулаке гривенником протопал несколько километров, надеясь посмотреть кино в клубике, где кино никогда не показывали. И жалко теперь, когда он расстался с откровенно загулявшей женой и лишился сразу трех сыновей, которых супруга ему не отдала. А они так похожи на отца своего, что глядя на них, я так и вижу его, бредущего на сеанс, которого никогда не будет...

Жалко тех, с кем я слита была душой, в последние свои годы и кто так или иначе влиял на мои нравственные поиски, с кем хотелось дойти до самого края, чтобы изведать и загадочную старость... Наверное, им будет не хватать меня, потому что среди людей, которым я доверялась, была я в общем сильной и своей энергией создавала столь желанную иллюзию земного бытия. Плохо, когда рядом нет того, с кем можно хоть ненадолго забыться от тягот непосильного.

Жалко любимого человека, который востребует сообщение через неделю-две после того, как плоть мою спрячет отлюдских глаз. И пошатнется на почтамте, а потом в ближнем сквере, под непрестанно знойным солнцем, заикаясь и не вытирая слез, станет читать горькую молитву, не имеющую отношения к тем богам, которым я молилась и которые не дали нам воссоединиться, чтобы прожить счастливо хотя бы остаток дней. Однако привычная нам разлука была так похожа на разлуку вечную, что чувство моего любимого не претерпит существенных изменений, бывши и так сплошь духовным. И это лишний раз докажет, что женский мой путь я завершила успешно и от страстей любовных душа очищена напрочь.

Через месяц-другой и отец моей дочери случайно узнает, что она осиротела, но как и прежде ничего существенного, чтобы ее поддержать, предпринять не сможет - или не захочет. И его несчастную душу в который раз сожмет боль недоумения, почему после всего пережитого им в этой долгой невыносимой

жизни Бог еще оставляет его на муки, забирая к себе молодых...

Но вот уж где почти не будет сожалений, так это среди бывших сослуживцев. Хорошо, если скажут - да, нормальная баба была, открытая, что говорила, то и делала, что делала, то и говорила. Надо и нам спешить, не ровен час, а ничего за душой нет! Вот ведь и она даже - и талантом Бог не обделил, а что успела? Ну, с десяток приличных очерков, ну, книжонку, которая пропала без вести в книжном море, ну переводики, стишки, а больше-то и ничего! Все кричала - кино, кино, а где ее фильмы, где сценарии? Ничего теперь не будет, а дипломы на том свете в зачет не идут. Где пьеса, которой она спешила похвастать, где роман, который писался уже лет десять? Все это слова, слова, слова и никакой тебе славы, адью!

Чудаки. Они будут сожалеть о чем-то, что совсем не внятно мне, с высоты глядящей на все, чем жила. Ведь то, что так и не сделано, было мною, и не должно было осуществиться! Оно лишь манило своими очертаниями, чтобы в пути к нему я прошла предписанную мне долю страданий и блаженств. Чтобы узнала, как это восхитительно - пребороть себя, свое нежелание и лень, апатию и мнительность, отчаяние и пессимизм, свое упадничество, негладно поселившееся в душе после долгих лет бездумного порхания, чтобы я переборола все это и увидела воочию, в строках - то, что мучительно бурлило внутри меня, никому не видимое и не нужное, но придававшее смысл моему существованию, помогавшее осознать жизнь и саму себя в ряду со всеми, кто есть, был и будет. Впрочем, что я могла воображать тогда во-вторых, в-третьих!

Наивны мы и самоуверенны, пока пребываем во плоти, и так меняемся, стоит только вознестись над бренностью! Жаль, что поведать об этом земными словами заказано... Люди-люди! Помните, как я писала - Вот и все, затих последний танец У моей причудливой судьбы. Я была покорна точно агнец. Даже если были вы грубы. С высоты свободного паренья Я гляжу теперь на вас на всех И не знаю больше сожаленья, И не жажду временных утех. Дочь моя давно сменяла раица на заботы возле очага. Вот и все, затих последний танец, Жизнь моя была мне дорога... Жизнь моя... была мне...

Там-тари-там-тара-тара-тара, там-тари... Эх, еще бы разглядеть, с кем танцуешь, чувствуя холодные железные объятия и заставляя сердцем в ожидании обещанного поцелуя!.. Ну же, где ты? Почему я слышу дочкин голос?

****

- Мамочка! - услышала я снова и ощутила теплое прикосновение к своей щеке. - Заплети меня, а то уже восемь!

Я вскочила и машинально принялась раздирать спутавшиеся за ночь дочкин волосы. Она терпеливо переносила рывки, только изредка морщилась и ойкала.

- Все? - обернулась она наконец и перехватила у меня кончик косы.

Я молча кивнула и пошла мыться. Голова была тяжелой. Чтобы проснуться, привычно опустела рука в ледяную струю... и начала вдруг что-то вспоминать...

- Я пошла, закрой за мной!

Я зацелкнула дверь, с сырыми руками вернулась в комнату и сев на постель, прикрыла глаза. Что же мне такое снилось? Что-то мрачное... Или наоборот - легкое, воздушное... Кажется, я опять летала во сне! Господи, сколько ж можно летать во сне? Так и умереть в полете немудрено!

Стоп! умереть... Я открыла глаза и увидела на столе развернутую газету и злополучную статью. Так вот оно что. Значит, во сне я умерла. Потому что мое сердце вело себя прекрасно... А как сейчас? Все было нормально, словно и не на моей тумбочке лежал раскрытый валидол. Та-ак, хорошие-хорошие заявочки... А если бы это случилось

в действительности? У меня снова предательски похолодел копчик, и я, промокнув руки пододеяльником, обессиленно легла на подушку. Отчужденно, как не к себе, подумалось: а ведь вправду ничего стоящего за жизнь не сделано! И ничего я уже не успею...

Внезапно села в постели и даже хмыкнула над собой. Да что же я за дура такая! Как же сразу не сообразить, какой славный сюжетец идет мне в руки? А я пишу какне-то подводные течения там, где все и так видно насквозь. Так, так, так... Значит, рассказ мы так и назовем - «Замысел». И начинаться он будет с того, как я читала газету про...

Я снова легла, чтобы лучше думалось. Итак, я читала газету про внезапные остановки сердца. А потом легла и у меня в действительности слева появилась боль. Та-ак... Надо записать хотя бы начало, чтобы не потерять тональность вещи, а уж потом пойдет как по маслу. Где же карандаш? Ах вот, опять закатился между книг.

Значит, «Началось все с газетной публикации о внезапных смертях, вызванных остановкой сердца. Я читала и чувствовала...»

Что же я чувствовала? Да в общем то, что и без статьи, только сейчас мне ни к чему состояние страха, которое будет пронизывать всю вещь, и начинаться оно должно с первых строк, иначе многие просто не станут читать дальше. Захватить внимание сразу, вот что главное!

Эх, до чего же стройно течет мысль, пока лежишь и пишешь про себя, не имея дела с ручкой и бумагой! Но стоит встать и сесть за стол, как начнутся благословенные муки, на которые ты должен почему-то идти по собственной воле. Спору нет, они сладостны, но все-таки горчат, как подумаешь, что кто-то выдает целые тома сразу на компьютеры и получает чуть ли не готовую книгу по одному велению голоса, нашептывающего машинке мысли! Я никогда не занимаю такое орудие прозводства. А ведь вполне может оказаться, что и у меня не меньше мыслей и чувств, достойных постороннего внимания! Но они обречены сплунуть в бездонности извилиц, дремотно упряганных под моей черепной коробкой. Можно, конечно, заставить себя встать, расходиться, все-таки сесть за стол. Но что может выдать голова, которая провела ночь в кошмарном сне? В конце концов, я имею право перед работой прийти в нормальное состояние, я просто обязана выспаться! Иначе кому мои вдуманные сочинения будут нужны?

А кто сказал, что они должны быть нужны? Кого-нибудь великих теребили за рукав, требуя пиши, жить не можем без твоих строк?! Нет. Не хочешь - не пиши, лежи, глядя в потолок. Как я теперь. Меня вывела из строя мшущая ночь. Приенится же такое!.. Однако отдохну и непременно возьмусь за дело. Ведь замысел мой, что ни говори, гениален! И не будет в рассказе ни слова лжи, все правда, как было. Как я легла, почувствовала боль слева... Как... Ой!.. Вот так же, как сейчас... Это надо обладать таким самовнушением!..

Спокойней надо, равнодушной, это ведь работа, литература... Потом я взяла валидол... Вот так и теперь он не помешает... А потом боль отступила... И сердце стучало: тук-тук... тук-тук... Я слушала его и незаметно... Нет, надо бы все же встать и писать... Или уж завтра?..

Да, значит, я вчера слушала сердце и незаметно заснула, а оно продолжало стучать как сейчас: тук-тук, тук-тук, ой... И сколько ему еще суждено? Надо знать это или лучше не надо? Тук-тук-тук, тук-тук... Тук, тук... Ту...к...ту...к...к...

*****

Надо же, как легко висеть под потолком!.. И как будто я теперь свободна, неуловима, вездесуща, и дано мне знать, как все будет дальше: в комнату мою сейчас заглянет дочь...

Сергей Донец СНЫ СИЛЬВЕСТРА

(отрывок из повести)

Сильвестр в неизменной тубетейке бродил по заплеванному причалу. На том берегу моря муэдзин славил пророка. На этом славил труд, равенство, братство - насилуя поселянину первым, причесывая под второе и кичась несуществующим третьим. Две девчонки облизывали эскимо, показывая в смехе ровненькие жемчужинки нецелованных зубов, а пьяная компания матросиков, пестря зebraми-тельняшками, отправилась в ресторан «Приморский». Несколько теток отдаленным конвоем тащились следом. «Выпить, выпить где море, проклятые, и не повылазить глаза, - гундосила высокая баба в фартуке поверх халата в горошек. - Ироды jordанские.»

Ветер гнал мусор вдоль художественного изогнутого чугуна набережной. Концы, связывавшие морские суда с городком то напрягались, то слабли, спуская капли прибое со своих нитей на прибрежную пену. Пахло йодом и креветками. Йод Сильвестр не любил за то, что он жегся, а креветок сроду не любил. Это из только в кино так нахваливали... Замордованный нищий гуготел и волкодавом бросался на каждого встречного - то ли хотел укусить, то ли поцеловать: в его водянистых глазах стоял то ли смех, то ли ужас. От него резко пахло привокзальным сортиром.

Сильвестр гулял сам по себе, но где-то среди заморенных пассажиров сидела мамка. Она не дала на мороженое, но обещала дать по шее, если будет просить. Поселяне балакали громко и ели сало. Мужская половина курила «Беломорканал», пуская дым кольцами в советское барокко на потолке.

Над центральным входом висела огромная картина. На ней морская пехота с баркаса штурмовала еще незахарканную Малую землю. Ленточки бескозырок закушены лиловыми губами, с автоматов изпэша идет сиреневый дымок, а сквозь кирзу сапог просвечивают зеленые султанчики взрывов. Крайний справа дядька в черном бушлате, спотыкнувшись о фрицевский свинец, уже летит в свое бессмертие, его глаза отражают и море, и небо, и батарею немцев, и хутор на Кубани с хатками, беловолосыми хлопчиками и поникшими головками подсолнуха.

Про войну Сильвестр всё любил, про войну слушал, а ночью плакал в подушку: жалел, что не попал воевать.

Напротив картины с десантом висел портрет усатого старика в военном. Сильвестр знал, что старика зовут Сталин, а больше ничего не знал, но боялся - сидел тихо напротив и прятал глаза от портрета.

Вокзал гудел недобро и воял сотнями немых тел. Людская масса, как сплошное шовище, двигалась к кассам и обратно, билась пупальцами рук о буфетную стойку, тащила узлы и корзины, материлась и звала отставших, сливаясь голосами с пароходными гудками, иногда лягала хуторянина и гоготала над разъявою.

Бабка с бельмом на правом глазу рассказывала страшные истории про похищение детей. У ее соседей украли пятилетнего ребятенка, долго искали, а потом в подвале ювелирного нашли сверток, а там тело как детское, а голову нашли в другом месте, и без глаз. «А вот еще был случай, - продолжает старуха, - нашли белую шайку врачей, так вони чи туркам. чи мериканцам отправляли дичьи органы.» Сильвестр испуганно жался к мамке и сопел от страха, а жуть-то слушал. Страшных историй тогда рассказывали много. То где-то в карты урки первого прохожего проиграют, то сами же урки друг друга проиграют, то дамы полусвета в трамвае

«чебурашку» за деньги покажут.

Сильвестр не любил вокзалов и томился. Мамка засыпала, он бегал кругом, но от зала ожидания далеко не отходил. За каждым углом чудились врачи в халатах и стопорами в руках, под крышками канализаций визжали полчища крыс размером сноворожденного теленка и доедали остатки прохожих, проигранных в карты, а милиционеры казались переодетыми шпионами, а грузчики и носильщики - ворами из знаменитой шайки Сундука Паленого...

Когда Сильвестр вернулся к мамке, то увидел, как двое молодых жиганов пробираются мимо сумок и мешков, замирая на секунду-две возле кладь. Их Сильвестр уже видел в буфете - не обращая внимания на мальчика под стойкой, они обсуждали план очередной кражи. Малый, который повыше, в клетчатом пиджаке и морских клешах, в выглядывавшей с груди деревенской косоворотке, занкался и постоянно сплевывал на парусиновые штiblеты. «Ты, паря, или меня слушай, или вали, - плюнув в очередной раз, высокий кивнул блондину. - Как только я дам знак, хватай шмотки и через вон ту дверь мотай в проулок.» Блондин, одетый очень прилично в тройку и кожаные туфли, приподнимал в знак согласия шляпу и давился сельтерской «Ты че, пацан?» увидел Сильвестра, выругался высокий. - Мотай к мамке.»

Кто-то из жиганов допустил ошибку. Дядьки в брезентовых плащах, побросав сало, кинулись наперерез воршкам, уносящим чужие чемоданы. Через минуту вокруг жиганов и дядек выросла толстозадая толпа... Жиганов били, милиционер с внешностью школьного учителя не спешил вмешиваться. Жиганов били с оттягом. Трещали глухо кости... Проваливались черепа... Усатый старик одобрительно шурился со стены... Высокий еще пытался стоять на ногах, но оторванное ухо и вытекший глаз выбили из сил. Он стал на колени, уперев голову в украденный чемодан. По черноморским клешам текла жигановская кровь. Блондин, уже без шляпы, свернулся калачиком и не подавал признаков жизни. Только тогда в толпу пробрался милиционер. «Прошу свидетелей, прошу свидетелей, - он развел руками, - кто видал?» Толпа, выдохнув, разомкнулась на все четыре стороны света. Вдруг под сводами вокзала раздался одинокий вопль: «Убили!» Кому он принадлежал, Сильвестр не понял, но горло сжало тоской. Он повалился на станционный диван, потом встал и деревянной походкой направился к выходу.

Море билось в причал. Обреченно кричали бакланы. Закал пылал, сливаясь с изумрудом волн. Пахло йодом и кровью. Сильвестр подошел к краю пирса и шагнул вниз. Но не пошел на дно к нелюбимым креветкам. Ничуть не удивляясь, оглянулся и увидел шагавших за ним жиганов - малого в шляпе и и высокого в широченных клешах.

Дважды в год по причине glandовой простуды Сильвестр валился в сильный жару и бредил. Лечили квасцами, молоком с медом, компре Сильвестры ставили. А боль отпускала не раньше, чем через десять-четыренадцать дней. Наступал кризис. Сильвестр проваливался в сияющую бездну. Душа расставалась с телом. Сознание отрывалось от плоти. Очень больно отрывалось. Душа вырывалась в форточку и парила над городом. Став летучей мышью или насекомым, Сильвестр летал над макушками акаций и электропроводами, снижаясь до крыш, заглядывал в окна, видел чужую жизнь. Из-за отращения к чужому счастью он не запомнил увиденного, помнил только смешение красок, голоса, странные чужие запахи жилья и одинаково пахнущий нечной дым.

Полет внезапно обрывался падением. Потом Сильвестр вспомнит это ощущение,

прыгая с парашютом Д-1. Тело теряет свой вес и лишается сущности, душе печем управлять, кроме себя самой. Ужас наполняет все клетки. Плоть пустеет страхом как стакан теплого лимонада, жизнь выходит вместе с пузырьками газа. Так просто наше личностное «я» превращается в ноль.

До каких рассуждений было тогда мальчику? Выползти бы из петли, выбраться бы из тьмы на свет, воздуха бы глотнуть. Какое просветление, когда все горит, кровь разносит жар и сущит замученное тело? Материя испаряется с потом и превращается в эфир. Теоретически да, практически - вопрос.

Эта раздвоенность потом всю жизнь будет преследовать Сильвестра, пренсясь и раздвирая внутренности сущего, будет переходить в псамешливое Потустороннее, зырящее со стороны на муки и радости homo sapiensa с замашками человекообезьяны.

Сильвестр будет помнить момент зачатия. Будет расти в протоплазме, переняв хромосомы пращуров, соблюдая традиционный ритуал развития зародыша, чтобы всю жизнь помнить странствованье в лабиринтах крови матери. Над физиологией он будет не властен. Но с духовной структурой будет бороться неперестанно, сталкивая генетическое «эго» с личностно-продуктом освоенной культуры и воспитания.

Болезнь будет отпускать маленького Сильвестра на мгновение, чтобы потом еще глубже погрузить его в бездну подсознания, экспериментируя как с кроликом: выживет - не выживет. Сильвестр выжил. Хотя жил потом с артритом под скрип суставов и с вечными уколами боли в сердце. Жил не благодаря, а вопреки судьбе. В книгах он давно перестал искать главную премудрость: ее просто не было. Об этом он стал догадываться с тех пор, как научился читать. Но догадываться - это еще не значит быть убежденным.

Человечество, пытаясь обмануть самого себя, изобрело письменность, но не стало с этим мудрее. Стало легче передавать опыт, копившийся веками, но запутанный опыт начинал сбивать с толку. Лжепророки и прорицатели плодятся как грибы после теплого ливня. И что же они пророчили? Не более того, что было уже известно.

Сильвестр помнил себя в другой жизни - ПРОТОЖИЗНИ. Или ему так хотелось? В жаровом бреду трудно отделить реальность от вымысла. Видения сливаются с галлюцинациями. Память о шумах и красках сливается с реальными звуками и цветами. В возбужденном болезнью мозгу происходят накладки. Центральная нервная система дает сбой, а может, выходит на новый уровень возможностей... Кто знает?

«Сынок, сынок, - мама тормошила метавшегося в бреду сына, - да когда же ты поправишься?» Сильвестр неузнаваемо глядел на мать и отворачивался к стенке. Крылья черной птицы снова уносили его ввысь. Он улетал в предыдущие жизни. Становился дождевым червем, пропускающим через свое тело тонны земли. Рыбой, выброшенной на берег. Замурованным камнетопсом Аменхотена Шестого с картинки в Детской энциклопедии.

Нахло известкой и горем. Жрецы на капище приносили жертвы богу Амону. Рабов и животных укладывали вокруг свежесонного господина. Желтая лихорадка трясла фараоновых жен, а день был еще долгие и нескопчасмы молитвы египетских золотоустов.

От пирамид не отказались полностью, но книгу уже почитали лучшей пирамидой. Знатным грамотеям поклонялись. Писцы по праву становились знатью, ибо они ткали материю мирового разума.

Всего СИЛЬВЕСТР не мог понять, по бредил воспоминаниями. Ему ЯВЛЯЛОСЬ на миг откровение о памяти с обратным знаком. О воспоминании, обращенном в будущее под удары ветвей вишен об оконные стекло под

мотоциклетный треск на улице и крики галок на огороде, под шум цепи Тобика.

Будущее стучало колесами паровозных тележек. Будущее проклеивалось скворчком и скворечне сквозь хрупкую скорлупу и ломалось мартовским льдом в лужах. Каждое мгновение настоящего уходило в прошлое. Стоило болезни вмешаться в этот механизм, как тут же рвалась связь времен, нарушалась хронология событий.

Выздоровев, Сильвестр ничего не мог вспомнить о будущем. Оставалось ощущение сладкого и одновременно отвратного предвкушения познания. С выздоровлением телачий восторг молодечества делал свое дело. Но во сне и экстремальных ситуациях Сильвестр снова испытывал ужас и наслаждение от перемены во времени и в пространстве...

В тот день он с Дюкорятами катался на велосипедах. Пошел дождь. Дорогу размыло. Ехали домой по скользкой обочине. Встречный ЗИС-151 отжал их с шоссе. Сильвестр, резко вильнув, рухнул на асфальт. От удара он потерял сознание.

Весь мир для Сильвестра надолго замкнулся в потолок палаты. Долго не проходили провалы в памяти. Сознание один на один крохотным светлячком билось со тьмою. Мальчик сутками бредил. Сильное сотрясение мозга на какое-то время расстроило речь и повлияло на зрение. Сломанные кости срастались медленно. Сильвестр находил утешение в мыслях. Днем проваливался в сон от больших доз спотворного, а ночью прислушивался к темноте и смотрел в окно.

Однажды стояла лунная ночь. Звезды мигали и будто грели. Палата была освещена светом звезд и луны. Сильвестр почувствовал легкий толчок в левую руку. Поморщился от боли и - не поверил своим глазам: на место сиделки взгромоздился неизвестный тип. Крупноголов. Лысый. Плоское лицо. Вместо рта - липовые подоски. Кожа почти зеленая. Одег то ли в скафандр, то ли в спортивный костюм серебристого цвета. Уши во всю голову, но правильной формы. Глаза как у состарившегося китайца. Голос исклявый. Говорит непонятно, но знакомых слогов все больше и больше. Даже мелодия известной в то время песни «Широка страна моя родная...» Тоненькими пальчиками он берет Сильвестра за руку. И тянет на себя. И, о чудо! Сильвестр при этом не чувствует боли. Увлекаемый гуманоидом он уже у открытого окна. Внизу мелькают огоньки фар редких автомобилей. «Третий час ночи,» - отмечает Сильвестр, отправляясь в полет.

Сергей Донец (фото Катитилины Островской)

"Пишет вам не знатный, а простой..."

Письма Михаила Жаравина относятся к периоду 1990-1993 годов.

Здравствуйтесь, Галина Александровна!

У будущего «неплохого автора» очередной заскок. Хотя вполне возможно, что не заскок, а наоборот. Поясняю: заскок, это когда рвешь всю писанину... в общем, я запутался - если у меня случился заскок, когда я впервые взялся за ручку, то теперь, значит, не заскок, а возврат на землю, к нормальному состоянию пишущего человека. Выходит, что писанина была для меня своеобразным шитом.

Я жил мыслями среди моих героев: ждал любовника, как та баба с комодом (*стихи из сборника «Дверца»*), ехал вместе с Росляковым в Петрозаводск, не зная, что там ждет, боялся, но шел Колькой Канюковым в баню (*«Камушек с серебрянными пятнами»*), с Озерцовым бродил по лесу, с Валентином жил у деда Матвея (*«Приснились лесные страсти»*), летел на похороны с Сережкой Басковым (*«Фиолетовое солнце»*).

И еще со многими, о которых вы не читали, потому что я не написал, но знал их, хотел, видел, чувствовал, помещал их в ту или иную ситуацию, сам за них болел, желал выйти людьми и помогал, чем мог...

И не написал, и вряд напишу, - изорвал почти все, что попало под руку, оставил только Рослякова, потому что обещал вам дать почитать. Но я его так забросил и он, бедный, в Волховстрое - на полпути из Петрозаводска в Вологду.

Так и я - завис. Нельзя жить там - все-таки по земле ходим, а здесь тоже невозможно жить, улыбаться, здороваться, работать и думать, что все прекрасно! Вы на коленях - я в темном дупле...

Но с коленей можно встать, встать самой, без чьей-либо помощи и жакнуть кулаком по столу... А вот из дупла самому не выйти, да и выхода два - либо не писать, либо напротив писать - ни того, ни другого оказывается не могу... Колька вот говорит - просто нужно завести бабу и будет все чики-чики, незаметно и естественно все решится само...

А сегодня мне приснился сон - меня манила, махала мне рукой с балкона девочка и я полез, полез прямо по стене, а дом высокий - вот-вот, а она, когда почти дотянулся, снова звать стала, но уже снизу, с земли - я обернулся и сорвался. Так ясно видел себя всего окровавленного на траве распростерым, почему-то в мотоциклетной каске. Кого-то очень знакомого напоминала девочка, а кого, я так и понять не мог. Отнимаю у вас время, несу всякую чушь, зачем?

Все-таки Рослякова я вам отдам почитать, пусть и черновик, пусть и без конца, пусть и ересь, зато потом я забуду о нем без сожаления, а Клара так напоминает Вас, хотя это случилось произвольно. Внешне, когда пытаюсь представить своих героев, то Клара похожа на вас и никак не могу от навязчивого образа освободиться.

Какое глупое письмо!

Какая Марья без Ивана!?

Какой барыш, да без обмана?

И как без холода зимой?

Любая маленькая радость

Раздуется, как детский шар,

Коль до нее была печаль...

Спасибо Вам - на настоящий момент вы - единственный человек, с которым я могу болтать о чем попало - это оказывается так необходимо - выговориться, поплакаться, а назавтра может и позабыть.

Здравствуйтесь, Галина Александровна!

Вы очень ловко увели меня от разговора о Вашем рассказе. В чем тут соль? На мой взгляд дико то, что мы Чеканутым считаем человека способного или взваливающего на себя ношу, ваша героиня - одна из них, а мы-то считаем ее переживания ненормальными, а нормальным, если кто-то не хочет валандаться с детьми не только чужими, но и своими. Вот вся суть - так куда, куда катится все наше хреново социалистическое общество? Ненормальные и нормальные. Кто для себя, кто для всех. Как лучше? Кому это нужно - будут ли сдвиги к тому единственно верному стержню? - без рассказов подобных вашему - вряд ли. Как бы он ни был изложен - имею в виду те переживания, отсутствием которых Вас попрекнули - пусть они и остались за кадром, но они ощутимы, они чувствуются - так я считаю, как и налицо вся дикость истинного положения вещей в нашем обществе. Читать, а тем паче воспринимать написанное, тоже нужно уметь. Согласны? Мы не умеем, да зачастую просто не хотим. У нас - у большинства, по крайней мере, такой принцип - а, Щекина? - чего она там может хорошего написать и не глядя мельком по строчкам - чвирк, чвирк глазками и понятно, ничего не увидели. Ценим безоговорочно тех - многотомников и уже более менее признанных, а таких, которые рядом - начинающих, пытающихся сказать Слово - не замечаем, не ставим ни во что - согласитесь, зачастую это так. Вашу мысль я нарядил по своему - бескультуре, что подлаешь - детективы подавай читателю. Потому у нас многие авторы пробиваются слишком долго и трудно, а некоторые вообще бросают писать. Но жизнь будет называться жизнью до тех пор, пока она, пока в ней все разнообразно, если же все и у всех будет одинаково - это конец. Сплошная армия, сплошной детектив - а жизни-то нет. Не знаю, поймете ли Вы то, что я хотел выразить здесь, но говоря яснее - у меня интерес вызывает разнообразие. Наплевать мне на все литературные уровни - лишь бы я понимал автора. Бывает, возьмешь книжку стихов какого-нибудь признанного, а читать не можешь, если не улавливаешь в стихах чего-то эдакого, так все и пройдет мимо, а ты попадетесь несколько слов непризнанного, а в памяти застрянут и всплывают, хоть бы ваше к примеру:

Да не заменят тающую страсть,

Слепая сила, грубость и обида... и т.д.

Надеюсь, не зазнаетесь, а, Галина Александровна, когда Вас признают массы? От всей души желаю вам творческих успехов, да не слушайте никого - ни кукушек, ни петушков, пишите так, как считаете нужным, раскованно и все будет о кей!

21 марта 1990 М. Жаравин

P.S. Хотел сделать приписку, критик из меня хреновый, том более цензор-рецензор, но ведь вы извинений не терпите, тогда обходитесь, будьте довольны тем, что я тут навыщелкивал - только общие слова и мало или почти никакой конкретики.

Михаил Жаравин

Я В КВАДРАТЕ

Галине Шекиной

Один мой знакомый - уже довольно известный писатель - общаясь, смотрит сочувственно и грустно роняет:

- Писать можно о многом, но ты сам понимаешь - наиболее ценно пережитое, пережеванное, переваренное и прочувствованное неоднократно...

Он прав, и я благодарен ему - несмотря на занятость, находит время прочесть очередной мой опус и сказать несколько, иногда и одобрительных, слов. Я и пишу о жизни, в основном о своей собственной. И то, что поведано дальше, творится со мной уже четвертый месяц. И возможно, мне никто не поверит, что все это именно вот так, скажут: придуряешься! А может, и впрямь это происходит только в моем мозгу? Тогда мне место в дурдоме...

1
Очнулся я далеко за полночь - в голове звенело, слегка подташнивало. Щелкнув выключателем, я осмотрелся - бардак, ужасающий бардак. Комната, смахивающая на клетку для порося, когда я займусь тобой? Все-то богатство: уписанный неоднажды детисками, изрядно продавленный, скрипучий диван, обшарпанный, подаренный братом на нищету, письменный стол, а на нем машинка. И бумаги, бумаги, бумаги... Доля человека, пожираемого муками творчества!

Ого, половина пузыря осталась... Ч-черт! Почему я опять ничего не помню? Пора, что ни говори, завязывать, менять подобный образ существования! Верно, первое время графомания спасала меня от дуростей, я жил на бумаге, но теперь палочка-выручалочка не действует, не спасает с той поры, как вселился я сюда, а моя бывшая супруга вышла замуж! Подумать страшно, мой сыновья зовут папкой чужого мужика! Наверно, он в самом деле хороший мужик, раз зовут! А мне обидно! Не сержусь на младшенького, ему четыре года, но старший-то - девятилетний, а родного батьку знать не хочет... М-да-а-а...

Я глотнул из горлышка и глянул на себя в зеркало: видок! Действительно, помят, небрит и шпан... Сколько же мне дурить? Люди женятся по пять-шесть раз, а я? Да мне, если дамю, больше тридцати не дашь! Женщину заиметь? Всерьез! Бросить бумаготворчество. Без меня писателей предостаточно! Брат постоянно говорит: «Покинь графоматерью и к тебе потянутся женщины...»

После глотка вина в голове зазвенело сильнее, и вдруг я ощутил сильное беспокойство, скорее даже приступ непонятного страха. Мне показалось, что в комнате кто-то еще есть! Я глотнул из бутылки снова и осмотрелся внимательно - нет, все тихо и пусто, дверь заперта и в ней ключ...

Страх не отпускал - изморозь колотила спину, дрожали руки. И боюсь-то не знаю чего! Нет, надо идти к брату, авось переночевать пустит, пусть и поругается немного...

2
Я боюсь. Шестую неделю он преследует меня, говорю - он, но что это на самом деле - не знаю, с одинаковым успехом о нем можно сказать - она, оно... Я говорю - «он», в моем сознании это невидимка, мутант, существо мужского пола...

Стой памятной попойки, когда я среди ночи приперся к брату, я не появляюсь в своей семиметровой, путешествующей по знакомым. Брат терпел меня неделю. Но когда у него среди ночи загорело радио и стало читать голосом Кашпировского дурацкие проповеди, а потом из закрытого крана потекла вода, а выключенный телевизор, где кончилась телепрограмма, показал какую-то белберду... Брат не выдержал.

Я позвонил ему на работу.
- У меня тихо, ты носишь это с собой... Обратись к специалистам.

Это советовал родной старший брат! С таким же успехом можно предложить лечь в психушку.

Маринка... Везет же мне на женщин с таким именем... Выгнала меня после трех ночей. У нее пропал сон, она принимала и димедрол, и более сильные таблетки, но спать не могла, с вечера до утра смотрела, как я дрыхну, изнуренный сексом с ней же...

У Шурика Козлова я не мог засыпать сам, мне все казалось - раскладушка брыкается подо мной и скрипает. Она скрипала и в самом деле - Шурик подтвердил, сказав: «Если маешься этим самым - могу дать адресок. Одинокая женщина, жадная до мужиков.»

Женщина довела меня до последней точки. Едва я засыпал, она кричала как под ножом: «Володя-а! Володенька-а! Не убивай!» Я будил ее, она тряслась и сообщала, будто бы я крался к ней с большим ножом, и у меня стеклянно поблескивали глаза.

И у нее все прекратилось, едва я ушел.

3
Вернувшись в заждающуюся меня комнатушку, я осознал: преследователь не желает мне зла. Он наглядно демонстрирует свои возможности и всегда, даже когда я на работе, а тружусь я токарем на заводе - всегда находится рядом, невидимый, бесплотный, не осязаемый. Он изучает меня, одновременно позволяя мне привыкнуть к его беспокойному соседству. И я, решив подстраховаться, отказался от употребления алкоголя, все же кто его знает, возможно, пьяная голова способна выдумать и почище... Перестал пить, перестал бояться!

... Квадрат двучлен равен сумме трех выражений, квадрат первого, удвоенному произведению второго на первый и квадрату второго... Владимир, повторю...

- Я в квадрате равен сумме четырех измерений, первое - то, что мы видим - руки, ноги, голова. Второе - то, что хотим...

- Достаточно! - прервала Нина Клавдиевна. - Первое - мы видим два в журнале, второе - хотим видеть то же в вашем дневнике! Он еще утрирует! Проходите новую важную тему, а он... Вон! Вон из класса!

Я вышел в коридор, а за дверью еще долго хохотали ребята...

4
Как сладко все-таки опуститься на привычный диван и моментально, ни о чем (впервые за последнее время!) не думая, заснуть.

Я видел темный квадрат на уровне четвертого этажа, рядом с балконом, я плыл к нему по воздуху. Я видел себя со стороны и одновременно, размахивая руками и ногами как в воде, я продвигался к квадрату как будто там мой берег! А воздух был густ, плотен и свеж, и я радовался, что плыву в воздухе, а не в воде, нет опасности захлебнуться, и каждый новый глоток прояснял мне голову, но туманил глаза. Вдруг я стал видеть все переливчато, предметы потеряли очертания, границы квадрата показались мне просто окном. Я растерялся. Сверкнула молния, я снова увидел себя со стороны - вот он я! - безошибочно, по крайней мере мне так мнилось, выбрал я один из четырех неясно светящихся силуэтов...

5
...Мы поменялись ролями - он ходил на работу, встречался с моими друзьями, а я всюду волочился за ним, хотя обрел способность, от которой я мог появиться в квартире жены, запугать до смерти ее муженька. Но зачем это мне нынешнему? Он (я) увольнялся с работы, я требовал выдать мое тело. А он, стоя перед зеркалом, причесывая свои, еще недавно мои, волосы, только насмеялся...

Я проснулся в холодном поту и, кинувшись к зеркалу, понял - сон! Всего лишь сон! «Кто ты? - хотелось кричать - и почему ты прицепился именно ко мне?» - «Не пугайся, скорее не он ответил, а подумал я сам, - сегодня впервые направление твоей мысли не контролировалось. И видишь ли, ты еще не освободился от страха. А страх - плохой советчик...» - «И зачем нужно меня контролировать или не контролировать?»

распадал я себя. - И кому это нужно?»
Зеркало затуманилось, и его поверхность...
Боже!

Вывеска: гинекологическое отделение. Лица: женщины, женщины, женщины... Врач в маске укладывал каждую очередную на рогатую кушетку и... И никто не замечал, как от тела матери в какой-то момент отрывалось что-то почти невидимое и летело к открытой форточке... Это невозможно... Возможно... Возможно... Я погиб, не родившись...

Неприкаянная душа моя взвилась над серым домом, над многолюдным трескучим городом. Вот она слилась с миллиардами себе подобных, блуждающих, опоясывающих грешную землю. Когда это было? Вчера? Полвека тому назад?

Я рос параллельно своим сверстникам, только быстрее их...

Кто моя мать? Почему она решилась умертвить меня, не узнавшего тепла ее рук, не увидавшего цвета ее глаз, не услышавшего ее голоса?

Ведь кажется, что я уже некогда жил: я отчетливо помню себя в детской кроватке и на руках у мамы. У нее полные, нежные, ласковые руки. Она наклоняется надо мной и подмигивает мне. У нее огромные васильковые глаза. Я тону, захлебываюсь в этих глазах как сейчас в синеве небес. Мама... Она достает грудь, и из припухшего коричневого соска струйка брызжет мне в нос, уши, глаза... Ма... Ма-ма!..

Призраки замков, черти, домовые, лесовые, гуляши, - да мало ли как не называли нас люди! И никому нет дела, что мы - произведение рода человеческого... Мы нерожденные и умерщвленные - и нет нам пути ни в ад, ни в рай... Мы заполнили околоземное пространство... Мы почти цивилизация...

Я очнулся, потому что понял - дальше так нельзя, нужно решиться на неожиданный, серьезный шаг. Долго перебирал свои рукописи, иные злобно рвал, некоторые складывал в папку. Я завещаю их детям, я твердо верю - сыновья прочтут и поймут: батька хоть и подвинутый, но все же не худой, честный... Ну вот, теперь можно головой вниз, четвертый этаж - чмяк! И вечный покой... Неужели каждый самоубийца приходит к мысли о расставании с жизнью подобным образом?

6

... - Ма-ма! Мамочка-а! - надрывался ребенок, и я, подхватив его, спросил:

- Мадыш, а как звать твою маму? И куда она пошла?

Ребенок перестал кричать, но хлюпал и показывал грязной ручонкой на раскрытую

стекляшку универсама.

- Пойдем искать твою маму? Мы ее обязательно найдем, она, наверно, самая добрая, самая красивая. Значит, мы быстро и легко ее найдем... шептал я, и мальчик успокоенно заулыбался.

Она ударила меня по щеке и закричала:

- Не смей трогать моего ребенка, алкоголик!

- Постой, так это что... я не узнал сына? - мне хотелось рассмотреть его получше, но она опять закричала:

- Милиция! Помогите! - вырвала малыша у меня из рук. Тот снова заплакал:

- Мама, дядя хороший...

- Ложь! Не было этого! - возмутился я.

- Конечно, не было, - легко согласился первый светящийся силуэт.

- Поэтому именно ты, а не кто-то другой пришел к нам... ты сам ответил на свой вопрос, - добавил второй.

- Но! - возразил я, - это довольно наивно и глупо. Вы имеете возможность познакомиться меня с человеком, который не узнал собственного сына?

- Хуже! - вмешался третий. - Мы имеем возможность познакомиться тебя с людьми, которые не узнают и убивают своих детей...

- Хватит! - заорал я. - Я решил уйти и никто меня не остановит!

- Это непросто сделать - вздохнули разом все силуэты, и я, встав на подоконник, отчетливо увидел на асфальте темный квадрат.

- Мы можем многое, но не все... Я ищу свою мать. Я хорошо ее помню - у нее родинка на подбородке и огромные голубые глаза. В них стояли слезы... Почему она решилась умертвить меня, не узнавшего тепла ее рук, не услышавшего ее голоса...

- Ты хоть знаешь, когда и где это было, как ее звали...

- Время не имеет границ. Это вы стареете, меняетесь, а мы... у нас все неизменно. Она переходила улицу и я узнал ее. Случилось несчастье - ее сбила машина. Я знал, ей суждена смерть, ни в коем случае не имел права вмешиваться, но это была моя мать, и я обрел плоть - совершил страшнейшее преступление. Я стал тем хирургом, который мчался по вызову, он должен был опоздать, а я успел, я ее спас, а испарившись, налюдал, как удивляются медсестры - доктор требует подать больную в операционную, а она уже прооперирована... Доктор убедился в этом и подумал, что у него не в порядке с головой: хватил мензурку спирта и поехал домой. А я сообразил, какая беда прошла мимо! Ведь если бы он увидел себя, то есть меня в его обличи, он бы, не сходя с места, умер... А это катастрофа, нарушение хода истории... И вот наказание - твоя комната, моя тюрьма...

- Ну и перевоспитывайся себе, зачем же меня-то преследовать?

- Мы оба перевоспитываемся. Я ищу свою мать, я не должен ее видеть, а тебе это можно...

7

Не поднялась рука порвать этот бред, и я, решив рано или поздно показать его знакомому писателю, попытался уснуть...

И снилась мне Нина Клавдиевна с темным квадратом в руке, она манила меня, приговаривая:

- Нырять сюда и завтра ты объявишь на весь класс, что в квадрате существует пятый угол...

И снилась мне бывшая жена с грустной миной на лице, и мне, откровенно говоря, было жалко ее - она никогда не увидит того, что видел я...

И снились мне сыновья, они баловались и кричали:

- Папа, а какой сегодня пароль?

- Я в квадрате, - говорил я.

- Папка в квадрате! - повизгивал младший, не узнавший около универсама и показывал на мой портрет, который почему-то висит в их квартире на самом видном месте...

- Ты в квадрате - это мы! - поправлял старший, и мне очень хотелось, чтобы все это произошло наяву...

Елена Кузеванова ПИСЬМА К В.Ю.

1. Дары и подарочки

Младшая сестра дала почитать мне Набокова. Теперь, посмелее четырехлетнего высокомерного отказа от «мирской литературы», после ежедневного и ежечасного бормотания мантры и обещанного очищения ума, действительно воследовавшего, причем до степени детства - я возвращаюсь в норму: постепенно, читая поначалу лишь сказки, так как ничего иного поначалу воспринять не могу, и вот теперь... Дозрела, следовательно.

Какой невероятный, неподъемный дар - Набоков. Геологические сдвиги в моем литературном ландшафте: русский классический ряд пришел в движение, потеснился и открыл взору новую картину, увенчанную сияющей короной. Вообразите восторг простодушного путника: какое открытие, какая божественная, фантастическая фигура, всех великих предшественников в себя включившая, и - заключившая новым, неожиданным витком спирали...

И ведь в какую минуту явился, в какое чудное для меня, убогой, мгновение.

Во время, предшествующее хождению моему в кришнаитство, я переживала ряд добросовестных попыток реализоваться в качестве жены и матери. Но свойственный мне литературный слух - сомнительный, в сущности, вторичный дар: уж лучше бы что-то практическое, более применимое в хозяйстве - не давал мне покою, ища выхода.

Дело безнадежное: меломан может сколько угодно полно, тонко и верно прикидываться музыкой, но собственное его мурлыканье себе под нос от преполнения чувств после оперы - малоценно. В лучшем случае он вдохновит парочку знакомых сходить в концерт, в худшем - поймавши их за полу, будет тщиться воспроизвести чудо, но вряд ли ему это удастся...

В моем случае дело осложнилось тем, что всю сознательную жизнь испытывая потребность писать, я рациональным краем сознания запрещала себе это и в общем, достаточно прочно стояла на горле собственной песни - лишь изредка, когда делалось совсем уж невтерпёж, допуская некоторый писк и шипение - для спуска пара.

Накануне уловления меня в кришнаитские сети я в очередной раз вознамерилась так «серьезно писать». И что вы думаете? Стоило мне сочинить *плевенький рассказик*, как *буквально* тотчас же по написании (не раньше!) и поставлении последней точки, испытав связанные с этим некие приятственные ощущения, я встречала в попадавшей мне периодике и эпизодике либо ту же тему, либо тот же сюжет, однажды зеркально отображенный, либо мое моралите. Если бы я думала, что это кого-то интересует, я могла бы привести подробности. Но тогда я, уловив закономерность, я пребывала в полном шоке и фрустрации. Совпадения казались мне явным знаком, говорящим: «Не пиши. Ты видишь - все уже сказано. Кому нужны твои вторичности, подумай...» Тогда я остановила свои экзерциции и по примеру Фрэнни, стала практиковаться в постоянном повторении молитвы, стараясь рассеять сгустившийся словесный туман в бедной моей голове.

Господи, как я устала тогда от себя. От невозможности каждый миг не видеть, не думать, не вспоминать слова... Вот тут-то на сцену судьбы вышла моя сестра. Она была очень

хороша тогда в этом нашем стиле «некрасивой красавицы»: С откуда-то взявшейся тихой изысканностью - откуда бы, в самом деле, - у интеллигенточки во втором поколении казачьего крестьянского рода-племени. И вот она, пиза чай на кухне, рассказала мне о концерте, в котором только что побывала с подругой. «Очень милое, знаешь, сопрано, немного жесткое в верхах, и выбор романсов - ну настолько, знаешь, без всяких сюрпризов, что просто прелестно... А во втором отделении, представь себе (улыбка большого, мимически неисчерпаемого рта - сейчас ее крохотная дочура так же многообразно улыбается и дергает уголком, и и делает губу сквородником...) - там были *кришнаиты*.»

И свершилось: музыкальным пальчиком помавая, она напела мне *мантру* и дала ядовитой окраски и соответствующего содержания книжицу, купленную ею из любопытства. И все завертелось, аж на пятилетие...

Я была совершенно счастлива тогда. Я обрела смысл и цель, обрела способ избавиться от косых и близоруких своих умствований, достичь душевного равновесия, приобщившись к древнему знанию. Я разошлась с мужем - по духовным, как мне казалось соображениям, я позволила двенадцатилетней дочери бросить школу... Не перечить глупостей, на которые была способна ежедневная идиотка.

Потом я с Божьей помощью переболела своей сепантской чумой, перенесла тяжелый кризис, опасно пробалансировала на грани психического сдвига и надеюсь, снова пришла в норму: я даже снова взялась писать! Знакомый журналист попросил меня написать что-то вроде исповеди бывшей кришнаитки, и я, во исполнение необдуманного обещания, честно взялась за перо. Забытое наслаждение... Закончив «исповедь» - которую знакомый вернул мне с утешительным «это для нас слишком хорошо» - я, разоглавшись, написала несколько рассказиков. И тут на сцену вышла моя сестра, и младенец на ее руках переливался всем спектром выразимых эмоций: «Знаешь, - сказала она, - возьми-ка ты Набокова: мама долго будет валандаться, а ты ведь быстро читаешь. А я тебе потом еще дам...»

Отом, что моя сестра нежно любит Набокова, я знала и раньше. Она уже делала попытки приобщить меня к этому чуду. Но во время триумфального возвращения Владимира Владимировича на родину (которую он не признал бы своею - его Россия кончилась с ним, как и русская литература, которую он завершил, заключил божественным аккордом) - время его возвращения было занято у меня упражнениями в постах и молитвах, заучиванием санскритских текстов и прочими отвлеченными вещами, так что я все пропустила...

Кое-что я, разумеется, читала - не лучшее - только теперь, очевидно, дозрела. Я влюбилась в Набокова, увы, столь же восторженно, как ранее в Кришну, а еще ранее...

Это, впрочем, малоинтересно. Вне зависимости от непостоянства моего характера Кришна будет вечно играть на своей дудочке, сводя с ума бедных пастушек, а Набоков вечно будет играть свое, набоковское. И Боже мой, как же я его люблю. Он все про меня знает. Как я благодарна ему, например, за фразу: «... и лучшее умолчим о состоянии чулок». Тут ведь целая жизнь тысяч женщин, снашивающих бельё вдребезги: бюстгалтеры-ветераны, трусики, воплощающие скорее воспоминание о самих себе, новые колготки, превращающиеся в праздник, который хочется отметить проходом в мини-юбке, и непременно какой-нибудь хам воспринимает это на свой счет, дурак.

Итак, я открыла, я влюбилась, я буду истово читать, наслаждаясь великолепием могучего и свободного... Набоков завершает

эру, сказала я? - но он же и открывает новую: из его «абсолютно непромокаемого пальто с клапанами» уже выходят, выползают, и будут вылупляться впредь тысячи последователей, исследователей, эпигончиков: ради Бога, вель гора всегда служит приютом множеству разнокалиберных существ, которые роют в ней норы или порхают над ее цветами - что же мне так больно и так трудно?

А меня нет.

Я, оказывается, описанный экземпляр, имеющийся в набоковской коллекции, и крылышки мои распяты на расправилках, и булавкой пронзено мое бедное сердце, Адмиралтейскою иглой...

Все, все знает дотошный Владимир Владимирович: и о «небольшом периоде модного религиозного прозрения», и о «його-мистическом дамском лепете», и он говорит: «Послушайся меня, не пиши ты больше!»

Что же получается? Вяжет себе девушка в провинции свитерок по собственному фасону, а приехав в Москву, обнаруживает, что все поголовно с таких свитерках, только получше, фабричной вязки, и столичная подруга снисходительно хвалит: «Ты неплохо вяжешь...» - «Да я же сама придумала...» - «А стоит ли изобретать велосипед?»

Да: все повторилось сначала, мне вновь было щелкнуто по носу и указано истинное мое место. И все же, все же, я не брошусь теперь и топиться во смиреннии, испуганная, я буду продолжать рассказывать себя, свое, - вязать свитерки и жилетки - просто потому, что так уж я устроена: что бедной бабочке до миллиардов предшественниц, которые так же махали крыльями? - она честно маячит здесь и сейчас.

Поэтому я говорю наследному принцу русской литературы, последнему ее королю, триумфально вернувшемуся из изгнания: «Я безумно вас люблю, но - простите - все равно буду кропать свои стишки и рассказы,» - по крайней мере, до следующего выхода на сцену моей сестры - моей судьбы.

2. Без памяти

Он напомнил мне десятилетней давности событие, коему оба мы были свидетелями, и пронаблюдав с этимологическим интересом мои эволюции - «Ничего не помню... Ах, вот, кажется!.. Ну да, разумеется...» - с насмешливой снисходительностью сказал:

- Я тут взялся посмотреть эти мексиканские сериалы... Что-то ведь есть там, если народ их так любит... И вот в каждом потеря памяти, потеря памяти - у женщин, разумеется.

И поскольку в предыдущем течении разговора я уже дала ему повод убедиться в моей склеротичности, он тут же мило обыграл сей казус, избравив меня, якобы взявшуюся за мемуарии - подпершись, старушечьим голосом: «Вот, помню...» - и обратно, отобразив мои торжественные мимики, с комическим вздохом: «Ничего не помню...»

(На самом деле это были два разных человека, но для краткости совместим их, ибо при всех различиях одно необходимое качество у них было общим: спокойное отношение к женщине, без этого демонстративного превосходства, которое есть не более чем изнанка зависимости.)

Идя домой я подумала, что все эти Келли, Марии, Марианны, благословенно теряющие память на изломах судьбы, вовсе не такие уж ходульные персонажи. Вот в Ведах утверждается, что память и забвение исходят непосредственно от Того, Кто олицетворяет для неверующих - смерть, для верующих - жизнь вечную. Я не могу произвольно забыть то, что мне хотелось бы забыть, я не могу произвольно вспомнить то, что

мне хотелось бы вспомнить.

А вот Андре Моруа считает, что «самая поразительная память - это память влюбленной женщины». Это верно, да: пока она *влюблена*. Пока влюблена - помню все, вижу - все, кроме остального мира, совершенно ненужного. Зато уж каждый его взгляд, слово, каждая бумажка и интонация, и всякое лыко - в строку: все без разбору тщательно собирается, хранится. Но память мужская: путешественник, составляющий карту местности, изучающий образцы флоры и фауны, тщательно классифицирующий находки и берущий с собой необходимое. В результате чего багаж растет неуклонно и постепенно, в нем все ценно и подчинено единому замыслу, определяющему данного индивида и его воззрения.

Но память женская - ребенок на прогулке, подбирающий все подряд: стеклышки, цветочки, стрекозу, камешки, фантики, так что когда неглубокий рюкзачок вскоре переполняется, заботливому родителю не остается ничего более, как только со вздохом - «О, Господи!» - ибо известно, что Господь медитирует на Себя самое - вытряхнуть всю эту дрянь: «Иди, гуляй, дитя.»

Дитя, конечно, обижается страшно, ведь тут все его ценности! - но родитель умело переключает все его внимание: «Смотри, какая красивая птичка,» - и простодушное создание со слезами на ресницах уже следит чудесный полет. На вкрадчивое родительское: «Я же не все выбрасываю, смотри, вот это стеклышко... вот этот камешек, пожалуй мы оставим...» - дитя реагирует невнимательным - «да, да, хорошо», - и всем сердцем оно уже там, далеко, и бежит вослед этой новой птичке, новой мечте, а создатель насмешливо провожает создание взглядом и сметает кучку праха в мусор.

Каждая жизненная эпоха сопровождалась у меня подобным препарированием, - и это было очень больно, но значит, и необходимо. Узоры на новой змеиной коже близко повторяют старые, но все же это новая кожа, но все же узор развивается из прежнего...

Правда, меня пока не били по голове, я не попадала в автокатастрофу как Мария, и Господь миловал меня от *полной* потери памяти - ведь он всегда был сторонником индивидуального подхода - вплоть до подсчета волос на наших головах.

Вообще все это достаточно спорно, и фонограмма заглавия - бес памяти - с необходимостью тянет за собой *духа забвения*, в коем растворимся и я, и мой милый знакомый, и Мария с Марианной - куда более реальные, чем мы: и моя благодарность затеряется в общем хоре, где всякое дыхание хвалит Господа, и в вечном шепоте бытия: «Люблю тебя - без памяти...»

3. Фонтан

Любезный Валерий Юрьевич! После нашего разговора я ощутила приступ деловой активности. «Уай нот? - сказала я себе. - Сделаю-ка я материал о враче Иван Васильиче - у него интересная концепция болезни и здоровья, да и лекарь он отменный, не шарлатан какой-нибудь. Потом еще о юрьевецкой школе, работающей с двойной нагрузкой в три смены, в то время как сроки ввода новой школы откладываются... Да еще куда ни шло - о любимом моей Сергее Карелине, принятом в Союз художников при ЮНЕСКО, но не допущенном пока местный аналогичный юнион...»

Я успела даже просмотреть указанную вами газету - и только после этого энтузиазм мой рассеялся. Во-первых, как я поняла, там редактор женщина, а это дело безнадежное (для меня: надеюсь, что не для газеты). Во-вторых, там уже есть Елена Чижова,

две Елены Чижовых на одну газету -это, согласитесь, перебор. И хотя я по натуре не совсем Чижова, а скорее, Кузеванова, Владимир Лазаревич Краковский считал, что если я когда-нибудь возьмусь за ум и серьезно займусь литературой, мне следует воспользоваться именно девичьей своей фамилией. Бедный Владимир Лазаревич, как он обманулся в своих надеждах! Едва я собралась взяться за ум, как выяснилось, что братья, собственно, не за что. В результате чего русская литература лишилась писательницы Елены Кузевановой, равно как и Чижовой: бедная русская литература! Но несмотря на это, драгоценный Валерий Юрьевич, я все же вынуждена с прискорбием сообщить Вам, что решила пока отказаться от блестящей карьеры журналистки...

Вы были добры ко мне, я бесконечно ценю это. Именно поэтому и пишу вам свое странное письмо - глубокой ночью, на кухне, под нескончаемое журчание крана, который мне, как злостной неплательнице, отказывается чинить наше доблестное ЖЭУ.

Ах, любезный Валерий Юрьевич! Тирольское «лорп-ри» Вашего имени, терпеливое понимание Ваших умных глаз, наблюдавших меня и во время моего романа с ВЛК, и в период кришнаитства, и ныне, или застарелая моя графомания разгулялась в полнодуние - но хочется мне рассказать Вам то, что, в общем, ни в сказке сказывать, ни пером описывать не рекомендуется. Но Ваше доброе слово - которое и кошке приятно - отворило мою простую, детскую (не побоюсь этого слова), где-то даже отзвучившую душу - посему Вы теперь и обречены терпеть мой излияния. Вам, умудренный В.Ю., нетрудно будет вообразить, что меня никто не понимает: согласитесь, здесь вообще мало кто кого понимает; а если же кто-то что и понял, то он начинает носиться с этим, как с писаной торбой и приставать к другим, тем самым только увеличивая всеобщее взаимонепонимание. Поэтому лучше всего: «молчи, скрывайся и тан» - это самое лучшее, право... «Мы слизь... Реченное есть ложь»

Кому как не Вам, при Вашей жуткой работе, этого не знать. Наблюдать ежедневную смерть слов. Марина хорошо проехала по поводу Ваших коллег писателей, равно как и читателей газет (слотателей пустот), и я с ней солидарна, как и с Булгаковым, предупреждавших о вредном влиянии газет на пищеварение. Я газет не читаю. Пищеварение у меня хорошее, было бы чего варить. Не вздумайте обижаться на меня: на меня нельзя обижаться. Тем более что я отлично вижу, что Вы далеко не исчерпываетесь своей социальной ролью: стала бы я иначе метать... (что? - бисер, икру, парфянские стрелы - нужное подчеркнуть).

Я, видите ли, взялась говорить о том, о чем говорить нельзя, потому и хожу кругами. Я, знаете ли, глубоко и удивительно счастлива, о чем, собственно, и намеревалась Вас известить. Вы можете усомниться в этом моем утверждении, сославшись хотя бы на собственные мои песни: если они искренни, а иначе и быть не может, то разве видна там «счастливая женщина»? Но все дело в том, что песенки мои - это отраженное отношение ко мне других людей, отклики на их эмоции, отклик на их эмоции в мой адрес: «Бить тебя некому.» и «Надо уметь подавать себя» - это отзвук попыток любимой, единственной подруги наставить меня на путь истины. «Талантом на помойке» обозвал меня под горячую руку Сергей Якубович.

«Когда-то я день начинала молитвой, А нынче встречаю его сигаретой,» - это уже

гриппозное влияние несравненного Анатолия Николаевича.

Все это - правда, но достаточно поверхностная: в верхних слоях своей атмосферы я легко поддаюсь влияниям, течениям, беззастенчиво мимикрифицируюсь - из бескорыстного желания соответствовать обстановке. Моя житейская непрактичность, неустроенность, невезучесть, безусловно, расстраивают меня - в основном, из-за детей, но на самом деле не имеют отношения к внутреннему состоянию, не зависящему от поверхностных волнений и даже тре... Останется ли оно со мною до здешнего конца или я растеряю его, как теряют многие, стяжавшие было? - Бог весть.

Это не пресловутое счастье молодости и красоты (никогда я не была так несчастна, как только в молодости, красивая и любимая). И это не медитативное внушенное счастье, столь полно мною изведенное в кришнаитстве. И это не «маленькое счастье» бедняков, построенное в отдельно взятой квартире. И это не «счастье творчества» - потому что я не занимаюсь этим, я этого не люблю, фанатичное самовыражение мне столь же неприятно, как и все вообще все фанатичное (фанатизм играет важную роль в деле самодисциплины и очищения, но застревать на этой стадии - нелепо). И это не йогическая самодостаточность: «Когда ваша Кундалини поднимается, вы становитесь просветленным...» В общем, и ни то, и ни другое - хотя отчасти и то, и другое, и третье.

... Вы спросили, интересует ли меня что-то в жизни - какие-то люди, события, и я замотала головой: «Нет...» - Но это неправда, меня очень интересует жизнь, Господь, люди - но меня не вдохновляет «житейский шум трескучий». Я не взялась бы доказывать Вам, что созерцание выше и лучше деятельности, да я так и не считаю. Все мое время, и вот, очевидно, у меня сейчас созерцательный период. Но есть деятельность - и деятельность. Деятельный дурак невероятно опасен - для себя прежде всего. Очень хорошо об этом у Померанца в «Записках гадкого утенка», о «скорой помощи» и «медленной помощи». А что до меня, то я просто страшная индивидуалистка, лентяйка и вообще с приветом, как давно уже установили мои соседи и знакомые.

«... Он имел одно виденье,

Непостижное уму...» -

помните, тот рыцарь бедный, с посторонней точки зрения, плохо кончил. Но что хорошо среди людей - не всегда хорошо перед Богом. И еще я думаю теперь, что **любая** организованная религия - это нелепость. Нельзя организоваться в Духе. Здесь только ты и Он. И все. И развитие ваших отношений - это и есть главный смысл и главный роман жизни, а все остальное - декорация: но какая! Нельзя не соблазниться, правда?

Вообще все разговоры о Нем имеют куда большую опасность взаимонепонимания, чем любые другие. Поэтому самое время мне идти баньки, тем более, что завтра рано вставать: знаете ли, В.Ю., что теперь, когда каникулы кончились, я уже не путаю дней недели, потому что всегда надо знать, когда физкультура, а когда наоборот, труды...

Свой фонтан я, с Божьей помощью, кажется, заткнула, но как бы мне прикрутить этот проклятый кран?..

Прощайте, любезный В.Ю., простите мой лунатический бред. Если такое во всех отношениях бесполезное создание, как я, сможет быть Вам хоть в чем-то полезно - оно будет счастливо.

Александра Мартьянова Шутка в День Победы

Посвящается Саше Беловой

Неистовый лучезарный всадник мчался с востока на запад. Обгонял шальные майские ветры и неяркие лучи, нехотя поднимавшегося тусклого солнца. Сходу, не раздумывая, перемахивал ранее недостижимые ручьи и речушки, перелетал кусты - не огибая их, срезая досадные углы на поворотах. Прямые молодые травы тотчас упруго распрямлялись и будто с любопытством устремляли гибкие свои стебельки по направлению летящего незнакомца. Он потерял счет сиротливым серым деревенкам, что притулились на вековечных, скрученных ветрами, прибитых дождями холмах у скорбно притихших речек. Кажется, он забыл названия этих деревенек - простые, ласковые, понятные. Вернее, не силится вспомнить, которая за которой мелькает. Не помнил, проскочил ли речку с изломанным мостом, притворил ли очередной отвод, позади ли осталась мельница или она еще впереди. Кошунственно-ненужной казалась сама мысль терять бесценные секунды на мелочные детали и ничего не значащие уточнения. Трепетно-ликующая весть растворила его в этом мире до последней кровинки, до последнего нерва, до последней жилки.

Однако нарочный твердо знал и ни на миг не забывал: сейчас ему нужна только скорость. Спешил так, как если бы умирающая мать ждала его с чудеснейшими каплями. Ясно сознавал: там, в следующей деревне, безумная, проклятая война еще беснуется. Долгая-долгая, изнурительная. Страшная, косит без разбору и без оглядки: крепкие, напоенные земными соками упругие животворящие стебли, томные, несмело раскрывающиеся чудными глазами цветы и бескровный прошлогодний сухостой - это люди. Надорванные, обессиленные люди могут не выдюжить, не вынести, не дождаться его святого, живительного, такого долгожданного слова «мир».

Он спасет их! Он успеет! Должен!

Через минуту уже на середине деревни слышалось: «Мы победили! Товарищи! Победа! По-бе-да! Всадник слегка придерживал коня в редкой, стремительно стекающей из домов и полей толпе. Измаявшийся конь нетерпеливо перебирал копытами. Невесомые белоснежные хлопья пены падали из-под железа с губ. По взмокшему крупу серебристыми извилинками сгинулся пот.

- Поздравляю! Всех поздравляю! Конец войне! - колокольцами звенело в стеклах последних домов. Ликование, объятия, радостные слезы и восклицания оставлял нарочный за собой. Он впервые позавидовал птицам. Остро и болезненно позавидовал...

- Эх, мне бы коня! - вслух выдохнула, услышав приближающийся топот копыт, щупленькая веснушчатая девочка лет девяти по прозвищу Шутка. (Так называла она себя всякому, кто спрашивал, как ее зовут, заменив при этом коварную, неподдающуюся Р доступной легкой Т). Перед носом Шутки мелькали черные задубелые пятки быстроногих сорванцов-мальчишек. Они услышали ошеломляющую новость, не сговариваясь и не раздумывая, тотчас кинулись вперегонки в соседнюю Лобаниху:

первыми известить о победе - это ли не подвиг! Шутка ни в каких затеях не хотела отстать от мальчишек. Мужественность в натуре тщедушного существа прививалась сама собой - от братьев. Однако побеждать в играх ей не удавалось.

Всадник вскачь обошел ребяtiny. Те в радостном азарте не могли угомониться и бешенно продолжали нестись под гору до самого ручья так, если бы за ними гнался гоголевский Вий. Там, запыхавшиеся, сгрудились, поталкиваясь, чуть опнулись и, без особого сожаления о несостоявшемся подвиге ринулись обратно в горку. Шутка в трепетной стайке случайно из последней превратилась в ведущую и тут же поняла: это первенство просто так без боя не отдаст, до деревни, пусть и в гору, никого вперед себя не пропустит.

В пылу забыла Шутка о бесчисленных болячках, цепких, кусачих, рассыпанных по ногам. Вот уж которую весну являются они, треклятые, неожиданно-негаданно. Чирей, эти коварные вулканчики. Одни созревают, другие проклевываются, третьи затухают. Тянущая боль сковывает кожу, вгрызается в нее, не дает двигаться, тем более бегать или прыгать. Ежедневно разнесчастная Шутка, обливаясь слезами, отмачивает и отдирает ветхие одежды от кровоточащего тела. «Вот уж травка прощикнется, как рукой снимет... Вот уж воды внешние схлынут, болячки-ти с собой и прихватят... Вот уж на березе листик развернется... Вот уж солнушко...» - старушки обнадеживают, внушают веру в солнечное целительное весеннее тепло.

Мучительно, терпеливо ждет Шутка чуда. И действительно наступают такие красные денечки, когда наглая нарывная ярость переходит в недоуменное замешательство, напасть неожиданно затихает и пропадает вовсе. Но не бесследно. Как после кострищ, брошенных без присмотра, зияют безобразные ямурины на теле земли, так и на коже маленького человека неестественно поблескивают знаки-отметины на всю жизнь. Безжизненная пергаментная пленочка затянула неприглядные, негоящие прорубки, сквозь которые видны синие живые ручейки кровеносных сосудов.

Невесомое тельце девочки напряглось, каждая жилка натянулась до предела и заиграла в лад неистовому бегу, слабые ручонки налились какими-то приятными незнакомыми токами и сообщили им мощное, ритмичное движение-взмахи крыл гордой и сильной птицы. «Проиграть... можно. Кто осудит девчонку! Проиграть... нельзя! Сегодня! Сейчас!» Сейчас, когда что-то властно подталкивает, поднимает и возносит ее над землей, только успевай переставлять ноги. От счастья Шутке захотелось плакать.

И тут же какая-то давняя обида колючей искрой влетела в грудь и начала беспорядочно метаться, наносит уколы, приостанавливая сказочный разбег. «Я худа, я слабее всех. Никогда и ни в чем мне не победить. Никогда!»

А еще страх... Он хуже всякой слабости. Парализует, связывает, убивает удаль и риск. Шутка вспомнила, как прошлым летом, нет, весной же, на пригорке, на солнцепеке, шумная ватага ребятишек играла с Марфой - убогой старушкой, прибившейся с чужой стороны. Она помогала всякому, как могла, за кусок хлеба, за кров на ночь, а в свободное время иногда по просьбе сгрудившихся баб изображала в какой-нибудь избе, размахивая кулаками, разбушевавшегося пьяного мужика. Дикий хохот распирал корчившиеся, безобразные тела, сквозь стены вырывался уханьем, лаем, воплями. После такого «концерта» плачущая Шутка делилась с матерью: «Как жалко Марфу». «Что поделаешь,» - кротко ответствовала Анфиса.

Деревенские дети Марфу любили, как всякий ребенок любит бабушку, пусть и чужую. Но

случалось, и не щадили, повинуюсь необъяснимой детской жестокости. Угощали последним куском и тут же могли затеять с ней игру, которую любой взрослый, увидя, мигом бы пристыдил и разогнал озорников. Так случилось и тогда на горушке.

Старушка широкой неловкой копешкой сидела, перебирая по просьбе Павлы вконец запутанный моток суровых ниток. Вдруг Руль из озорной удали легко и смело перепрыгнул Марфу. Та напряглась, но молча продолжала свое дело. Руль - еще раз и еще. Марфу умолили сползти пониже по склону, чтобы для разгона осталось больше места. Она неохотно повиновалась. И пошла потеха. Шутка несколько долгих минут ужасалась и негодовала про себя. Но, видя, как у товарищей все идет ловко и развесело, сама захотела прыгнуть. От волнения предательски задрожали коленки. Прошло еще несколько минут, пока она приняла окончательное решение. Разбежавшись, изо всех сил прыгнула... и кубарем покатила от звонкого и твердого удара коленкой, как выяснилось - по лбу. Марфа захлопала носом, не поднимая головы, извлекла откуда-то из складок юбки белую тряпицу с рваными краями, стала утираться. Все окаменели. Даже Руль не промолвил ни слова. Шутка застыла: спасительные и облегчающие слезы не приходили. Тихо и понуро расходились. Каждый казнил сам себя по мере вины, ибо каждый знал: никто никогда об этом не узнает, значит, иного наказания попросту не может быть...

«Проиграть мальчишкам - можно. Самой себе - нет! Сейчас - нет! Нет! Ни за что! Сегодня... Опять, как всегда... Все равно... Уверенное дыхание быстрого Руля слышится за спиной. Ему кричат: «Давай, да-вай! Выручай! Хватай! За мышинный хвосте! Ну! Не подкачай!» Длинноногий - надежда ватаги - близок к цели, вот-вот схватит за тонюсенькую косицу, но что-то мешает ему. Раздраженно и недвусмысленно прерывает горланит: «Ну, смотри, не обижайся... потом, ежели... вместо ходулечки спички вставлю!» Но козявка, пичуга, муха (как только он ее не обозвал) неуловима.

- Выручай! - услышала Шутка отчаянный мальчишеский визг. Встрепнулась, рванула, что было мочи. Еще мгновение, и, запыхавшаяся, она победно схватилась за стойку забора-знака деревенской границы. Еле удерживала себя на ногах - они дрожали. Но падать нельзя! Она вся сияла, излучая радость победы. Руль, раздосадованный, зло, с налету девочку в ногу. Оградив растопыренными пальцами вспоротый, кровоточащий нарыв, Шутка, скорчившись, медленно осела. Низко опущена голова и прикрыты глаза, но не скрыть слез, которые зародились счастливыми в победный взлет, а сейчас капают беспомощно и горько...

В стихийных детских играх девочка не раз встречалась с коварством сильных. Самый сильный, вожак - не всегда самый великодушный. Но девочка понадеялась на неоспоримость честного и очевидного выигрыша и не остереглась. Синяки, шишки, ссадины в играх, потасовках считались у них в пределах дозволенного. Кровь - за пределами. Маленький Иван, брат Шутки, с отчаянным воплем, совершенно неожиданно для всех с размаху, дерзко и молниеносно боднул обидчика в живот. Тот как ши пролил, рухнул в канаву с молодой крапивой и, как пробка из горячей бутылки, выскочил обратно.

Взвинченный Руль, сдерживая ярость, ухмыляясь в предвкушении великой битвы, подчеркнуто неторопливо, даже лениво, направился к Беловым. Всеобщий хохот сразу приутих, произошло еле заметное движение ребятни, и Руль вдруг узрел, что надежно огражден полукругом друзей-судей. Такое случилось впервые. От удивления он хмыкнул. Мальчишки

давно изучили характер Руля, предвидели или предполагали о дальнейшем ходе событий, и, не сговариваясь, остались молча стоять решительной стенкой. «Переживем!» - таинственно проговорил он.

Смекалистому Рулю не хотелось терять верховодства и тем более, не представлял он себя отужоженным хилыми кулачками сопляков, хоть болей и болячек вообще не признавал. По части терпеливости среди подростков всегда существовало необъявленное соревнование-соперничество, иногда доводившее до потери сознания, до самоистязания, до переломов костей - в зависимости от «игры». Это или прожигание кожи горящей спичкой, солнечным лучом через лупу, или сидение под водой до чертиков, до посинения, или прыжки с амбаров в рыхлый снег весной. Чаще других выигрывал Руль. Сейчас он демонстративно драл ногтями сразу оба локтя, ругал свежими нехорошими словами молодую жгучую крапиву, решительно направляясь к деревне. Все - за ним. Как ничего и не бывало. Молчаливое участие мальчишек, внезапное буйное заступничество братишки успокоило Шутку, смягчило боль физическую и душевную. Однако тут же явилась в сознании боязнь за Ивана: что-то будет...

Толпа посреди деревни выросла, нароилась. Суетилась, обнималась, плакала, гомонила. Самая молодая из женок Пиюшка, не вдова и не мужняя (в самом начале войны получила казенную бумагу - ненаглядный, горячо любимый ее муж пропал без вести) страшно, отворачивая голову, сорвав с головы белый платок, на углу которого красовалась собственноручно вышитая алая роза.

Лето от лета четкость отточенных лепестков терялась, от пота и частых стирок шелковистая яркость блекла и тускнела, от солнца и дождей роза выгорала и линяла. Вблизи виден был розовый ореол вокруг некоего кроваво-красного бутона, который будто раздавленный истекал жизненно необходимыми соками. Издали он еще горел бесформенным жарким пламенем, но только вблизи сквозь тревожащий трепетный огонь можно было разглядеть былую хрупкость пышной розы. Всегда досадно и горько от признания невозвратности былого расцвета, что источающиеся цветком сукровичные потеки, еле заметные, как бы выеденные кем-то дырочки на истонченном, ветхом полотне - признаки верной и близкой гибели платка, а с ним - неминуемой, преждевременной гибели еще довольно крепкой, радующей глаз, добротной рукотворной вышивки.

Как и в первые дни по получении черной вестки с фронта Пия стелала и притала, что жить ей больше нисколечко не охота, что глаза ни на что не глядят, так и сейчас она визжала, перекрывая всеобщий плач: «Что же ты со мной сделал! Что ты наделал, о-ох! Загубил ты мою жизнь! Загу-у-бил!» Соседки, искренне жалея сокрушающуюся в безутешном горе бабенку, утешали, как могли.

- Пия, Пия, что ты милая! Успокойся! Что ты делаешь-то! Пошто так-то! Образумься! Без вести - не похоронка!

Бедная баба худо слушала, доводы о многодетных вдовах, о ее дочери, о молодости, наконец, не задерживались и не укладывались в ее помутневшем от тоскливого одиночества сознании. Шутка в растерянности и некотором недоумении вторила машинально словам-причетам, ей показалось, что бабы забылись на какое-то время от своих жгучих, неизбывных печалей, истово переключаясь на смягчение чужой боли, на спасение одинокой несчастной души.

Из толпы вдруг рванулась Анфиса, мать Шутки. Пронеслась, как безумная, мимо дочки, не узнав ее. Девочка вмиг заподозрила неладное:

мать бежала не домой! Всем существом Шутка устремилась за матерью: уцепиться, схватить, оста-новить, залить светлыми слезами горькие всполохи материнской беды, отвлечь на себя внимание, уберечь, спасти... Ноги - набухшие бревна - ни с места! Анфиса зажала лицо руками, метнулась через канаву прямо мимо мостка и скрылась в огромном пустом в этот час божаткином доме.

Шутка оторвала от земли более сильную пудовую правую ногу, потом - левую, пошагала к мостку. Не дойдя, тоже спрямила путь через канаву, побежала, юркнула в ворота, взлетела по лестнице, бесшумно проскользнула в щель между дверью и косяком. Мать согнулась в три погребели на тесной лежанке, сунулась головой в щель между большой и малой печами, надрывно и безутешно выла. Горе стиснуло беззащитное тельце девочки. Ничем она не могла помочь или утешить. Казалось, сегодня мать получила вторую, окончательную, взаправдашнюю похоронку на отца. Так же убивалась она в тот пасмурный осенний день. Одна в пустой избе, упав грудью и распластав руки на сложенные отцовские пальто, костюм, шапку, рубашки, причитала. Дети забилась по углам сенников и неслышно плакали от безмерной жалости к матери. Что-то им подсказало: сейчас ей надо побыть наедине со своим горем...

Отцовская одежда уж давно проедена, столярные инструменты обменены на хлеб. Но не было минуты, чтобы в этом доме не ждали отца. Надеяться - может ошибка, может, придет. Не раз, как только выпадала возможность, Анфиса тайно от детей бежала гадать к цыганке, пряча под фартуком последнее яйцо. Она с такой тоской и надеждой впивалась в таинственную черноту глаз, что гадалка ничего иного, кроме дороги королю не омелькалась предсказывать. И надежда теплилась, не гасла...

Рыдания переходили в всхлипы, вновь захлестывали Анфису, стихали и, опять скапливаясь, вырывались в полное неизбывной тоски и щемящего отчаяния высокое, почти собачье повизгивание. Девочка стояла, не шелохнувшись, зажав одной рукой рот, чтобы сдержаться, не выдать себя сдавленными всхлипами, другой - поминутно размазывала по щекам неумные соленые ручьи.

Прошло какое-то долгое мучительное время. Мать приподняла простоволосую растрепанную голову, покачала ею из стороны в сторону, шумно вздыхая, стала расправлять на колене мокрый скомканный головной платок. Ладонь на что-то наткнулась: еловая ли иголочка, колючая ли щепочка. Мать машинально поскребла ногтем, резко выдернула, как занозу. Решительно, хлопок, стряхнула платок в надежде хоть как-то расправить самые глубокие неприглядноломанные складки. Шутка чутьем уловила в обмякшей фигуре вызревающую твердость, готовность во что бы то ни стало дальше нести свой крест. У нее отлегло от сердца. Шутка неслышно выскользнула из горницы.

Где-то пели женщины. В глаза игриво плеснуло светом помолодешее солнце. Ослепило. Закружилась голова. Перед глазами замельтешила, понеслась в бесконечность легкая, мелкая сеть из прядей болотной тины. Шутка с силой крутила и мотала головой, закрывала и открывала глаза, глубоко вдыхала, хватала пелену рукой, но ни остановить, ни разорвать невод-призрак было не в ее силах. Откуда-то справа от нее, из земли, поток стремительно вырывался и наискосок устремлялся в небо. Как ни ухитрялась она, явственно не могла узреть и осмыслить не только начало и конец, но и разглядеть то, что происходило прямо перед лицом. И самой ее как бы не существовало - невесомая бездыханная пылинка какой-то чудесной волей приклеилась к

утопанной бесчисленными человеческими следами неширокой дорожке. Устояла, не рухнула. Сама не своя. «Нет, я не мертвая... Ведь мне очень хочется есть,» - мелькнуло в детской пытливого головушке, и Шутка, округлив невидящие глаза, протянула правую руку с растопыренными пальцами, шагнула наугад в необъяснимую, неизвестную, но совсем не страшную пучину.

Она улыбалась. Война кончилась: завтра будет все! Завтра наедемся... Дома Анфиса напряженно-сосредоточенно с твердокаменно остановившимся лицом, сухими глазами и плотно сомкнутыми губами машинально безостановочно сновала по хозяйству. Казалось, была она, как всегда, задумчиво-молчалива, почти отчужденна, но доступна детским вопросам, шуткам, ласкам. Однако, дети чуткими сердцами уловили, как глубоко ушла в себя мать, как поверхностно проявляет ее взгляд и терпеливо и тихо ждали первых признаков оттаивания, не докучая ничем.

С какой счастливой резвостью Шутка с сестренкой Лидушкой бросилась исполнить просьбу матери: сбежать к близким ивовым кустам, что у ручья, наломать свежий веник да хорошенько промести в избе каждый угол. Они поняли, что мама оттаивает, постепенно приходит в себя, отодвигая тяжелые думы, возвращается к ним, своим детям, которые пока еще не щебетали, сдерживались, блюдя какой-то неписанный запрет, однако, радость уже подступала, трепетала, и сердце готово было птахой выпорхнуть из груди - то ли от вернувшегося маминого внимания, то ли от предчувствия всеобщего, вселенского праздника Победы.

Сапожонки заскорузлыми голенищами хлопали по тончавым Шуткиным и толстеньким Лидушкиным голяшкам. Вешняя ледяная вода каким-то неведомым образом обязательно выискивала щелочку или прокол в дотоле крепком, добротном сапоге, просачивалась, обжигала ногу.

- У меня сапог промок, - просто сообщила Шутка, - а у тебя?

- Да, - согласно и гордо отозвалась сестренка, - пальчикам так приятно, так прохладно. Как у тебя.

Шутка пропустила вперед припрыгивающую Лидушку, обдумывая, с тревогой, как бы побыстрее вернуться домой, как бы не застудить малышку. «А ну как нарывы пойдут...» Жалость к сестренке вдруг охватила Шутку, а та, как большой, сказочный, светящийся одуванчик, покачивала в такт бегу белокурой головой на фоне нежно зеленоющей, как будто колючей, только что бесстрашно выскочившей на белый свет травки.

- Кого-то убили, - прошептала Лидушка подскокившей сестре. Обе испуганно уставились взглядами под крайний куст, где ничком лежала женщина.

- Ты что! Война ведь кончилась, - в жутковатой тишине, заикаясь от дрожи, как можно увереннее поспешила успокоить Шутка сестренку и не в меньшей мере себя. Они, взявшись за руки, неслышными шагами подкрались поближе по направлению не к голове, а к ногам и опять замерли. Несчастная завалилась на выбеленные морозом острые одеревенелые прошлогодние будылья. Тонкие оголенные пики торчали из земли. Больно было подумать, что вонзились они в нежную мякоть лица, окропаясь теплом живого человеческого биения. Крепкие маленькие кулачки мертвой хваткой сжимали пучки переломанного сухостоя. Кровавый рубин связал два пальца струистым пояском и канул в мураву.

«Держись за землю, трава обманет», - вспомнилась Шутке божаткина поговорка,

смысла которой никак не улавливала до этой минуты.

Вдруг белый платок с выцветшей розой невнятно загугоргал, тоненько заскулил, тяжело оторвался от земли. Голова качнулась раз другой и как чужая пудовой гирей ткнулась обратно в колючий ворох прошлогодних стеблей.

- Спит, - догадалась Лидушка и, сморщив носик, добавила, - пойлом пахнет. Отошли.

- Не будем никому рассказывать, - задумчиво посоветовала Шутка.

- стыдно ведь...

- Само собой, - бессознательно, по взрослому горячо поддержала Лидушка. Девчушки скоро направились в сторону, к другим кустам. Помогая ногтями и зубами, кое-как наломали по душистому веннику. Продрогли до костей. Бросились бежать, чтобы согреться. Вода чавкала в сапогах и хлопала под сапогами. Но Шутку озноб бил не от холода: в ее сознании никак не укладывалось увиденное. Шустрая бабочка Пия, иногда по молодости и гуторила что-нибудь, по словам баб, невпопад, всегда, однако, привлекала завистливое внимание девочек, «я тоже буду такой», - сейчас нюхала землю под кустом, как беспомощный слепой котенок, тыкалась мордочкой во что попало, будто отыскивая сладкое молочко. Ошеломление, оскорбление, стыд и невозможность чем-либо поправить случившееся туго схватывало тяжелым непроницаемым узлом молчания трепетное Шуткино тельце.

С каким суматошным азартом, с какой придирчивой тщательностью, с каким ненапрянутым легким старанием металась девочка по избе. Прибирались и щетбали, щетбали, восклицая и смеясь. Гибкий, душистый венник так и метался по половицам и углам.

- Вот как свеженькой - то зеленою запахло. Вот и молодцы! Два наломали? Пойдите-ка! Принесу банку с водой... - Анфиса легко освободила нежные ветки от неумелой завязки второго венника, опустила в банку и бережно поставила на лавку под божницу. Отошла, взглянула - головушку набок - подошла, маленько расшингала плотный веер и, довольная, весело взглянула на дочек. Великолепный, небывало большой ароматный букет очаровал всех. Девочки вдобавок молча удивились находчивости и невообразимой выдумке мамы, радуясь чудесному превращению венника в букет. Всякий, кто заходил в этот день к Беловым, обязательно обращал внимание на зелень, останавливал свой взгляд так же трогательно-задумчиво, понимающе-сочувственно и умиротворенно, как пресвятая Богородица, от которой из таинственного полутемного угла во все стороны исходили серебряные лучи.

Неожиданно распахнулась дверь, и средний брат Вася, который учился в семилетке и в семи километрах от дома, предстал перед изумленными сестренками.

- Война кончилась! - с видом победителя объявил он, швыряя видавший виды пустой холщовый самосшитый вещмешок за шкаф.

- Знаем! Раньше твоего узнали! Нарочный проезжал... - затараторили девочки.

- А вот и не раньше! Когда нарочный до вас доскакал, то мне уж в это время давным-давно все известно было! А директор запретил уроки и всех распустил по домам. Вот так!

Новости и открытия этого дня, как разнородные бусы, Шутка едва успевала нанизать на нить осмысления. Вот и свежая искрящаяся бусина: брат-молчун, не говоря, выдавливал обычно из себя в разговоре не более трех слов кряду, тут разбежался, речистый, и выпалил сходу чуть ли не доклад. «Говори, Вася, гово-

ри! Что-нибудь, что знаешь, хоть несуряцицу какую... Буду слушать тебя неустанно, исполнять любые малые поручения, когда ты мастерешь что-нибудь для нас!» Но Вася умолк как отрезал, и подступаться с расспросами не было смысла.

Вбежал Иван. Штаны на одной лямке. В руках трещетка - небольшой деревянный ящичек без дна. С помощью ручки внутри него крутят колесико со вставленными по краю гибкими деревянными пластинками. Пластинки поочередно ударяют по стержню, соскальзывают. Треск, похожий на автоматную очередь был правдоподобен, и непривычно звонок, чем не раз пугал деревенских баб. Доходили и до ругани, когда, казалось, несметные полчища двух фронтов схлестывались, окружив деревню, ползали по-пластунски в глубоком снегу, заскакивали в бани и сени, карабкались на чердаки, волокли «раненых», расталкивали в запале взрослых. И у каждого трещетка. Название «автомат» так и не приклеилось к деревяшке. Ноше ние этого личного оружия на уроках физкультуры и военного дела было обязательным. Причем для мальчиков и для девочек. Поскольку девочки и пытались, да не осилили самостоятельно изготовление автоматов, то от военрука Фауста Степановича вышло для них послабление - разрешалось пользоваться бросовым, бездействующим оружием. Однако, и с таким никудышным, одна видимость, подспорьем, Шутка с подругами ходили и в атаки и в разведку, не раз обмораживали пальцы и носы в тридцатиградусные морозы на заснеженной целине за кладбищем на горе, внизу на озере и на ледящей ветряной крутизне меж ними.

- Бросай оружие! Войне конец! - весело прокричал Вася. И маленький Иван не послушал брата, с силой трахнул трещетку на пол. Ручка отскочила. Шутка, жалея штуковину (все-таки Василий целое воскресенье пилил, строгал и тюкал молотком, подобрала останки и отнесла на шесток: утром маме на растопку все-таки...

Медлительная сладкая истома обволакивала щупленькое тельце Шутки. Она погружалась в волну горячей родственной гордости за своих любимых братьев и сестрицу, за то, что есть они, при том такие милые и пригоженькие, каких нет больше во всем свете и никогда не будет. Почти материнское чувство к ближнему объело девочку. Хотелось объять разом всех и закричать во всю волюсть: «Вы - мои самые лучшие! Я! Люблю! Вас! Сильно! Крепко! На веки! Как никто!» Но девятилетний опыт несладкой жизни настойчивым шопотом подсказывал наверняка: сделай она неосторожный жест, вымолви лишнее слово, тем более закричи пусть и от радости, и потаенное очарование, похожее на блаженство, вспорхнет, пропадет, сгинет, как видения сна. Таков приют всего душевного, хрупкий приют человеческого сердца, приют невидимый, нетленный, но так легко ранимый.

Радуйся, Шутка, просветлению! Сейчас! Сегодня радуйся! Ведь уже завтра даже безобидная мушка может превратиться в африканского слона - толстокожего, неуклюжего, непонятного. По воле необузданного врожденного женского изумления, скоропалительного суждения и бесстыднейшей примерки чужой одежды на себя, Пиюшка предстанет в совершенно непотребном виде, мертвецки пьяной, сунувшейся рылом в навозную жижу. А девочки Беловы, будто бы, выволокли ее за волосы на сушину и еле-еле отводились. И так тяжело будет тебе, Шутка, от подлого вранья, от жалости к Пиюшке и от невозможности объясниться, ибо мала еще, права голоса не имеешь. Радуйся, Шутка,

ПРОЗА *prosa*

добрый минуте, светлому дню! Ведь через день-другой домишко Пии, что стоял не по-людски, не в ряду домов, а на отшибе, притулясь к загороду домовитых Коклюшкиных, исчезнет с лица земли. Дожди будут немилосердно хлестать и размывать совсем недавно теплый, рыжий остов печи. Долго-долго будет таять эта упрямая глиняная свеча, долго будет стоически сопротивляться стихийным силам природы, пока редкие горячие слезы хозяина окончательно загасят надежду на возврат к прошлому теплу милого семейного очага.

А Шутка случайно на развалинах найдет крошечный, с ноготок, пузырек. «Электрическая лампочка, - скажет удивленный Вася, - отдай мне». И Шутка, не задумываясь, отдаст диковинную находку, тотчас прикинёт, смекнет, что брат-смыселка найдет достойное применение ей. Вот только может ли она еще светить, навсегда останется тайной. Ибо в глухой деревеньке не к чему было примкнуть ее, не нашлось источника, чтобы напитать и высечь хоть слабую искру.

Радуйся, Шутка! Радуйся сегодня... Судьба-змея выжидает, пока Пиюшку покинет последняя искра надежды, спешно продаст она небогатый скарб, домишко - на дрова. Подхватив узлы и дочку, ринется в омут неизвестности, на сторону. Судьба-змея суматошно сунет паникующую, вконец изломанную свою игрушку в мужские объятия первого встречного. Судьба-змея выждет, дотянет до захлебывающегося крика нового существа. И вдруг!

- Анфисьюшка! Чудо-то! Отвори скорее! - обжигаящим, росным утром Павла колотит кулаками в ворота. - Колюшка пришел! - выдохнет она. - Живой и невредимый! Бабы долгую упряжку стоят, уставясь друг на друга.

- Правда ли?
- Вот те крест!

И тогда Анфиса, вскинув руки и взгляд в равнодушную, недостижимую вышину, возопила: «Так есть ли бог на небеси!» Вся деревня от мала до велика сгрудилась вокруг солдата. Шутка пролезла поближе. Николай сидел на обшивке чужого дома. На округлых широких плечах так непривычна для деревни просторная белоснежная рубашка с воротом апаш. Крупные русые кудри аккуратно пострижены. Весь невысокий, ладный, крепко сбитый. Шутка отродясь не видывала таких красавцев. Непрестанно курит, поникший, отрешенно смотрит в землю перед собой. Неторопливо выпрашивает про всех и о своей семье: как, что, где, когда. Бабы и старики скорбно отвечают. Дети ловят каждое движение, слово, впиваются глазами в пришельца. Он не поднимает глаз. Бабы вздыхают, промокают глаза концами платков, увещевают: «что теперь делать», «не сокрушайся», «не убивайся», «надо уж начинать по новой», «время исцелит»...

А он, Колюшка, вздохнул и задумчиво молвил: «Заронила она искру в сердце мое...» И эти чудные слова прилюдного признания и тяжкий мужской вздох ненавязчиво и решительно заключили неловкое совещание. Нечего далее было спрашивать и нечего более было советовать.

Незаметно, друг за другом отходили взрослые, и вскоре Николай остался в реденьком кружке детворы. Улыбчиво-виноватым, пристальным взглядом окинул он каждого, про себя легко отгадывая, кто чей, дружинисто встал. Рука сама потянулась к льяным Шуткиным волосикам, так пронзительно напомнившим белокурую головку дочери. Легко потрепал и молча направился по своим невеселым делам, отринутый, одинокий.

Прикосновение руки Шутка помнила, но совершенно равнодушно, даже гордость, так естественная в ее возрасте, не проснулась, и даже явную зависть подруг она пропустила мимо

ушей. Зато слова об искре запали глубоко в душу. И сейчас она могла думать только об этом. Сердце представилось глухой темнотой в груди - ни зги не видно, только посреди светится малая точечка, горячая, трепетная. Помигивает, но не гаснет. Всем кажется она снежинкой колючей, а Николаю - искрой. Потому что согрела в ледяном окопе, исцелила от смертельной раны, по-могла выдюжить в плену. Значит - спасла. Что же с искрой теперь? Шутке вспомнился стеклянный пузырек, случайно найденный на семейных развалинах. Без искры, как холодная ледышка, заляпанная глиной. «Неужели Василий не найдет средство зажечь его?»

Шутка истово верила в божественную тайную связь этих искорок, этих огоньков. Она молила солнце, явный образ бога, чтобы оно, всевидящее и всеильное, помогло воспламенить, высечь искру в малюсеньком нутре заброшенной стекляшки. А потом... Ой, что будет потом...

Девочка старалась не вспоминать злые перешепоты баб о Пиюшке: «Пустая, дак пустая и есть. Одно от нее несчастье! Ногтя его не стоит!» Но они проникали в сознание, больно царапали и не было сил вытолкнуть их взашей, приходилось, морщась, разжевывать горькие пересуды и глотать.

Радуйся, Шутка, весне и Победе! Радуйся и первой своей победе в соревновании с мальчишками. Радуйся, ибо не знаешь, что первая победа неудержимо позовет в неведомое, к еще более высокой и трудной победе. И так бесконечно, до истязания себя. Но назад ничто не возвращается, как бы не нужны и несостоятельны были эти победы. Познавший сладкий миг преодоления, человек не остановится, не отречется и вновь устремится пусть даже к миру, который притягивает демоническим зовом, и нету слабого человека сил остановиться и оглядеться, задуматься и отречься от изнурительного тернистого пути. Поисгине, как в крошечном семечке таятся богатый дуб, так в слабом человеческом теле приютится дух неистовой силы, всепожирающей страсти к творческому созиданию. Потому - человек!

Радуйся, пока терзания духа твоего впереди. Радуйся и оставь в себе эти счастливые, неповторимые крупички на всю жизнь. Они не вернуться, не повторятся. И ты будешь с трепетом их ждать лишь во сне. Как мать твоя, Анфиса, будет с этого дня встречаться со своим Ваней только во сне. Даже, спустя много лет, в восемьдесят четыре года однажды утром она расскажет удивленным, уже посевшим детям: «Ваня сегодня приснился. Будто не подходит ко мне, не признается. А мне так горько, так обидно. Жениться будто собирается. А не на мне... Прикидываю, на кого же позарился? Взглянуть бы, чем та взяла... А потом, будто обнимает меня, а я плачу, не могу остановиться. Он пытается - что, мол, с тобой? А я про себя думаю - не скажу, будто не слыхивала ничегошеньки, не расстрою из-за напраслин нашу любовь.»

Слезы навернутся на глаза взрослых детей. Слезы умиления и гордости: не диво ли это человеческое - с таким свежим чувством говорить о любви в восемьдесят четыре года! О любви к первому и последнему. К единственному. И запоем Анфиса Ивановна, выводя тоненько, чистым голосом любимую песню незабвенного Ивана Федоровича: «Эй, вы, ну ли, что заснули? Шевели, гляди! Воронные, удалые, гривачи мои...»

Нечасты такие счастливые вечера, когда детки хором просили мать лечь в серединку между ними на широких нарах за шкафом. Тихо переговариваясь, умиротворенно, сладко засыпали. Услышит мать мерное сопение деток,

неслышно выскользнет из объятий. Походя зажмет копилку, лихорадочно соберет разномастные доскутки, клубки и иголки и начинает колдовство. Купленное у ссыльной немки за несколько картофелин полотенце превращается в юбочку, ветхий пиджачишко обновляется крепкими заплатками, блестящие калашки благодаря ремешкам предстают в образе лакированных туфелек, сапоги, что «просили каши», плотно сомкнут «рот», рваные овчинные доскутки являются в виде добротных варежек-шубенок... Колдует-мудрствует Анфиса. Ранним утром та же картина. Когда она спит, неведомо никому.

Наступил вечер Дня Победы. Старшие по краям, малые прилипли к маминым плечам, вдыхают ни с чем не сравнимый запах маминого тела. Все четверо уютно устроились на раскинутых мягких руках. Настал момент реального земного покоя, ощутимого сладостного состояния. Надежный живой плот, скрепленный воркующе-доверительным говором, токами маминого тепла и нежности. Семейному плоту предстояло плыть по бурному морю жизни без кормчего. Безжалостная стихия бросала его в пучину бурунов, внезапно выкидывала на гладь чистой протоки, порывом капризного ветра увлекала в сторону, на камни, кренила, силясь разбить в щепки, опрокинуть. Чем страшнее неистовствовала судьба, тем яростнее впились железными скобками цепкие детские пальцы в податливое тело держательнице семейного плота. И ни один не отвалился, ни один из пятерых не сгинул в пучине. Вырастила Анфиса оравушку, каждого подтолкнула к мечте, вдохнула волю, внушила о всепообеждающей силе доброты.

Эх, Анфиса, горькая доля у тебя, молодой, многодетной вдовушки, куда выпускаешь ты птенцов своих, под какими знаменами! Наивно мыслишь ты, что страна это осемсветная Тимониha, где и всаую жуткую голодуху не вешали замков на воротах, а умирающую старушку Веру Плетневу кормили всем миром, принося к ее изголовью без всякого афиширования кто что мог, благо ворота денно и ночью стояли нараспашку. Не догадывалась ты, что мир, куда уйдут дети, это не мир, а сражение, жестокое, постоянное, незатиhaющее, где кто кого смог, тот того и с ног. Неподготовленной окунулась в этот водоворот беловская безотцовщина. Оборониться не разумели, не то что наступать. Но как же никчемны иной раз доброта и скромность! И как же спасительны и очистительны в ином наступлении дерзость и злость!...

В такие умиротворенные минуты Анфиса обычно мечтала вслух: «Юрий, этот большой уж, в техникуме, наставлен на путь... Вася все выдумывает, мастерит: изобретателем будет. Шура явная учительница. Иван... Вот Иван - не знаю пока. Лида - эта вся такая аккуратненькая, белутка, наверняка - врачом.»

Как все всколыхнется в неумных сердчишках, в пытливых головушках, будто вот она, птица мечты, тут и есть, трепещет уже в ладонях. У Ивана вдруг начинала чесаться спина, он ерзал, невольно оскорбленный намеком на неопределенность. Это вызывало недовольство остальных детей, ибо плот грозил распаться, следовал упрек, а то и легкий тычок в бок, не больной, обидный, ибо не заслужен. Ком в горле Ивана перекрывал дыхание. Никто не знал, как необъятно широка была душа маленького Ивана. Она вмещала весь земной шар, нет, всю солнечную систему. И до всего ему было дело, как и Васе. И ничего определенного. Бесхитростный, обидчивый, легкий на подъем малыш с годами всем утрат

нос по многосторонности всяческих знаний, а всегдашняя задумчивая молчаливость Васи неожиданно для родных (только не для него) счастливо прорвется к стихии слова - в прозу. Улеглись, утихомирились.

- Что примолкли-то? Ведь война кончилась... - заговорила мать.

- Мама, а ты купишь завтра другого матарьялу и сошьешь мне настоящую юбку? Не в клетку, а в цветочек, - заторопилась первой выложить свою просьбу Шутка,- а то Руль обозвал меня немецкой юбкой

- Не «матарьялу», а «ма-те-ри-а-лу». И при чем тут «немецкая», когда давным-давно твоя,- почему-то в сердцах отозвался Вася.

А Анфиса продолжила его:

- Да и немцы не те. Переселенцы - они разнесчастнее нас, может, в сто раз. Поло-тенце я за пять картошин выменяла. Трое деток у женки было, с голодухи, может, уж все перемерли, горемычные... - Сделалось тихо. - А вы все живы, слава богу. Будем выкручиваться потихоньку, хоть и голодно.

- Ну что вы все про юбки да про голод? В такой день! - подал опять голос Вася.

- Верно что! - Иван с радостной готовностью поддержал брата. - Давайте говорить про еду!

Все дружно засмеялись. Сон долго не брал Шутку. Она представляла прекрасный завтрашний день. Сапоги будут не одни на двоих, будут настоящие туфли. Что хлеб! Пряников привезут, можно будет обглаживать их запросто, как до войны, а остатками угощать телянка. Но самое желанное - чистая бумага и цветные карандаши. Если бы ей сказали, что «завтра» растянется на долгие годы, она бы ни за что не поверила... Воистину блажен верующий!

Александра Мартянова

родилась в д. Тимониha Харовского района Вологодчины в 1936 году, закончила вологодское педагогическое училище, затем ВГПИ по специальности русский и литература. Преподавала в первой вспомогательной школе, в том числе рисование. Прозу пишет давно, соединяя строгую документальность и эмоциональное восприятие жизни.

Людмила Скотникова ДОЧЕРИ ИРМЫ

Письмо от дочери пришло в воскресенье. Дочь Ирма жила далеко, письма писала очень редко, а такое пухлое вообще было впервые.

Она росла ребенком со странностями, любила бродить одна. Забиралась в густую высокую траву, могла часами сидеть там, выдумывать чудные истории. Особенно любила рассказывать страшные сказки, с серьезным лицом вещала про людей с других планет, которые к ней якобы прилетают.

В день двенадцатилетия сбежала со своего дня рождения, а вернулась только под вечер в совершенно заторможенном состоянии. В ответ на расспросы понесла нелепицу о звонких колокольчиках, о солнечном шаре, о существах из него, деливших ее на глазах. Существа кружились вокруг нее хороводом, а когда она дотронулась до одного, они вдруг приблизились и вошли в нее, в ее тело. И дальше она ничего не помнит. Когда очнулась, среди ясного неба светлась звездочка. И все. И все причуды с того момента кончились. «Повзрослела?» - подумала мать.

Письмо Ирмы поразило. Вначале шли извинения, просьбы не принимать все это за бред сумасшедшего. Потом - действительно бред...

«...Помнишь тот случай в роддоме? Я рожала тяжело и единственное, что помню отчетливо - то, когда мне показали мое сокровище и с первым писком я услышала: «У вас прекрасная девочка...»

В тот день больше не было рожениц и я лежала на столе одна. Ребенка запеленали, отнесли в другую комнату, врач с сестрой вышли из родильного. Сколько времени их не было, не знаю. Утомленная недавними муками, я лежала, закрыв глаза, как вдруг опять, будто в детстве, услышала звон колокольчиков. И детский плач. Я ничего не поняла, но повернув голову, обнаружила неподалеку новорожденного младенца, совсем голенького. Как раз там, где только что лежала моя девочка.

Откуда он взялся? Здесь никого не было. Хотя я и лежала в полусне, но шаги я точно услышала бы. На звуки явились врач и сестра и в легком замешательстве сообщили, что «найденыш» похож на мою малышку как две капли воды. Они показали мне! Дитя, которого поднесли ко мне, замолкло, заулыбалось во всю беззубый ротик, а в это время моя за стеной залилась плачем. Мне тоже стало жаль малышку, с этой минуты обреченную жить доме ребенка, без надежды узнать своих родных...

Моей девочке исполнилось два года. Утром мы с ней долго гуляли, она бегала по траве, прыгала, хохотала. Дома моя Вика оказалась такой чумазой, что я решила запихнуть ее под душ, а сама пошла за большим махровым полотенцем.

Когда же открыла дверь в ванную, дочка стояла, хватая брызги руками и в водяном тумане ее очертания стали как бы расплываться. Я испуганно потянулась к ней, и все тут же стало на свои места, то есть в ванне, на месте Вики стояло две Вики.

У меня подкосились ноги, я упала на пол. Девчонки стояли и ревели: «Мама, мама»...

С перепугу позвонила в скорую, но когда они приехали, то только отругали меня. Моих бессвязных объяснений они не слышали, того, что у меня документы только на одного

ребенка, знать не хотели. Кинулись к детям, послушали их и сказали, что те совершенно здоровы. Мне заявили, что в следующий раз оштрафуют за ложный вызов.

Я просто не знала, что делать! Я даже в милицию звонила. Там ответили, чтобы поменьше пила. Куда я только ни ходила - нигде всерьез не приняли. Однажды спросили: «А который же твой?» А я уже и сама не знала. Вот это самое страшное.

Моя подруга неожиданно сказала: «А, так это та девочка, которую ты не признала в роддоме?» Я засомневалась и стала разыскивать то место, куда мог попасть «найденыш». И когда наконец это удалось, мне отказали! Мне не разрешили даже посмотреть на ребенка и постарались выпроводить побыстрее: «Нет оснований».

Но я не могла уйти. Стала бродить за забором, надеясь, что детей выведут гулять. И действительно, вывели потом маленьких цыплят, они шли вереницей, держась за пальто впереди идущего. Я машинально позвала: «Дочка!»

Две крошки отделись от группы и вразвалку заторопились к забору. Подбежали, потянули ручки: «Мама, мама!»

Мама, мама, они были - две капли воды - моя Вика. Мои Вики... Вика и Вита. А эти у забора так сразу меня признали, что я их обхватила через забор и зашептала: «Дочурки мои, детоньки, вы мои, мои, нашла я вас...»

Да, я знаю, мои кровинки. Значит, должны жить со мной... Мама, это так страшно, мне кажется я сойду с ума. Ты приезжай, помоги мне. Ты сама увидишь. Может, подскажешь, как быть дальше. Не исключено, что через два года, в день рождения Вики-Виты, все повторится снова... Теперь я даже уверена в этом.»

АРГОШКА

Она сидела на полу своей комнаты, опершись спиной о стену и руками держа его безжизненную голову. Темные глаза, еще минуту назад с болью и тоской смотревшие на нее, затухали, стекленели. Последняя слезинка блестела, скатываясь вниз. Она долго гладила его по голове, называя ласковыми именами, словно не замечая, что его больше нет...

Муж принес его маленьким щенком. Такой подарок он сделал ей на день рождения. Щенок еще не мог понять, почему его отняли от матери, везде искал ее запах и тихонько поскуливал. Муж с сыном шумно радовались приобретению, ласкали, тискали его, не замечая, что самой хозяйке этот подарок совсем не по душе.

С первых же минут она почувствовала к щенку не то чтобы ненависть, а какую-то злобу. Как посмел муж, не спросив ее, притащить в дом этого безродного щенка, да еще сказать, что это подарок? Почему это она должна принимать такие «подарки», да еще выражать громадную радость? Почему? Но у них в доме было не принято резко осуждать чьи-либо действия. А никаких аргументов «против» ей высказать не дали. Муж с радостью взял на себя заботы по кормлению, уходу, гулянию со щенком. Пустующую темную комнату тут же приспособили для щенка, постелили старенький коврик, налили в тарелку воды, отрезали кусочек мяса. И все это - не замечая безучастного вида хозяйки.

Только щенок, ласкавшийся к мужу и сыну, со страхом поджимал хвост, когда сын подносил щенка к матери, восторженно твердя:

- Мама, смотри, какой он, смотри, что за прелесть!

Ну что же, пусть щенок живет, но она не подойдет к нему и не приласкает, ей это не нужно. Так решила она и развернувшись, ушла на кухню. Щенок рос из неуклюжего создания превращался в прекрасную собаку. Аргошка - назвал ее сын, только отец звал его Арго. Мать же, изредка наливая ему еду, покрикивала «эй, пес!» - и он беспрекословно откликался. Однако шел, как будто стесняясь того, что он здесь. Осторожно подходил к миске и поглядывая своими темными глазами, съедал все, что она давала, даже если был не голоден. И это ее тоже раздражало. Потом она привыкла к собаке, но приласкать не посмела, а может, и не захотела.

Прошел не один год. Аргошка стал красавцем псом, на которого многие смотрели, любясь. Он послушно выполнял любую команду, следовал за хозяевами, был веселым, крепким, сильным. Сын повзрослел, отделился от родителей, обзавелся своей квартирой, машиной. В свои неполные тридцать он уже имел животики и седину на висках. «Не в отца», - думала мать. Тот и в шестдесят не имел ни одного седого волоска. Да и сама имела пышную красивую прическу, а редкая седая волосинка бывала решительно выдернута.

В ту осень они не раз ездили в лес четвером. Мать любила бродить по лесу, он притягивал ее своим спокойствием и тишиной. Она ходила в отдалении от сына и мужа, они же вдвоем постоянно находили общие темы для разговора и беседовали часами. Аргошка бегал около них, наслаждаясь свободой, дразнящими запахами и еще чем-то, непонятным человеку. Так было и в тот раз.

Пока отец и сын бродили поодаль, мать присела на пенек отдохнуть, услышала голоса и поднялась им навстречу. Но это были чужие ей люди - два молодых человека, явно подвыпивших. Один хохотнув, спросил: «Ты че, одна?» Она, чтобы не разговаривать с ними, развернулась и пошла в сторону, но запнувшись за сучок, внезапно полетела на землю, рассыпав грибы. Поднявшись на колени, она стала собирать грибы и тут почувствовала, что ее взяли за локоть. Хотела поблагодарить, обернулась и увидела пьяное, в жуткой улыбке лицо... Поднявший ее за локоть вдруг схватил кофту и стал рвать пуговицы, а второй, подойдя с перочинным ножиком, тихо с хрипом сказал: «Молчи, старуха, а то - прирежем.» От страха она рванулась в сторону, запнувшись за корзинку, вновь повалилась в мягкий мох.

«Володя!» - хотела она крикнуть, но грязная потная рука закрыла ее рот и только «Во!..» -

разнеслось по лесу. Чужие руки раздирали одежду, сорочку. Она попыталась еще раз крикнуть, дернув головой, но опять только «Во...» Спокойный голос откуда-то издали откликнулся ей: «Э-э!» она уже не могла соппротивляться, она поняла - там спокойно собирают грибы и говорят, говорят... Тогда она последним дыханием крикнула: «Арго!» и два потных тела набросились на нее...

Уже сквозь боль, стыд, страх услышала лай собаки. Аргошка подскочил и с остервенением

набросился на бандитов. Не ожидая такого нападения, оба разом бросились бежать, а Аргоша, застав у ног хозяйки, грозно зарычал. И только тогда она услышала, как муж и сын побежали к ней. Она села на поваленное дерево, пес глядел на нее своими умными глазами, кажется, впервые без страха и виляя хвостом...

Подбежавшим отцу и сыну она по чьему-то выговору: «Будьте вы прокляты!» То ли значение вкладываем мы в слова, когда произносим их? Вряд ли. Но слова, что она сказала, вскоре сбывлись. Через полгода погиб в автокатастрофе сын. Через год не стало мужа - сердце. И они остались с Аргошкой вдвоем.

С того страшного дня она относилась к собаке по-другому. Сама кормила, гуляла с ним, часто ласкала, и разговаривала, будто это был человек. Пес старел. Он уже не бегал, как раньше, а ходил, часто садился и высунув язык, смотрел на

свою хозяйку. В ветлечебнице, куда она привела его, сказали: «Старый пес, скоро умрет». От этого стало муторно и страшно.

Ночью Аргошка тихо заскулил. Хозяйка встала, включила свет, поняла, что он умирает. Он не мог поднять морду, только черные глаза глядели с тоской и как ей показалось - с жалостью. Она села на пол, положила его морду себе на колени и стала гладить, говоря ласковые слова, вороша шерсть, не замечая, как слезы стекают по ее лицу. Из глаз Аргошки тоже как будто выкатилась слеза и живой огонек стал затухать. Сначала сердце сжалось, потом сдавило всю грудь, стало трудно дышать. Несколько сильных толчков и остановка. Все остановилось. Они так и остались - мертвая хозяйка, сидящая на полу и мертвая собака, лежащая головой на ее коленях.

ЗАГАДКА

Я познакомилась с Людмилой Скотниковой лет семь назад на выступлении Андрея Разина (экстрасенса). Она о чем-то спросила, я заинтересовалась, сразу запомнила ее - маленькая, хрупкая, светловолосая. Потом оказалось, что нам идти в одну сторону и она подороге рассказала мне, что ждет меня в ближайшие месяцы. Одно время мы потеряли друг друга из вида, а когда опять увиделись, я постаралась больше не пропадать. К тому времени стало очевидно, что все, что она предсказывала, сбывлось с невероятной точностью.

Написали в газете об исчезновении девочек - Людмила тогда сразу сказала, что их найдут живыми. О пропавшем ребенке - утонул, его обнаружат после того, как вскрыется весенняя река. О мужчине, которого искали - убит. Постепенно все подтвердилось. О тех, кто пропал или заболел, она говорит такуверно, будто читает по книге. В любом деле знает его исход. И если пообещает успех - так оно и будет.

На остановке с ней прощаемся и вдруг слышу: «Зайди в «Детский мир», там сапожки твоему ребенку оставлены, последняя пара.» - «Люд, кончай шутить.» Но в магазин все же иду. Действительно, сапожки есть, хотя нужный размер находят не сразу: отложенная пара в стороне, предыдущего покупателя цвет не устроил. И такого много...

О ней одно время много писал вологодский «Русский Север». Гадалка - или как еще принято называть - ясновидящая, настоящая, без обмана, не берущая денег. В номере за 25 января 1992 года есть публикация «И ручка золотить не надо» - восхищенный рассказ журналиста Сергея Ладухина, который «встретился с ней в компании вологодских УФОлогов». И ему она тоже нагадала что-то неопровержимое, личное. И тепло от ладоней шло, и чувство прикосновения к загадке было. И приятельница, которую предупредили «неприятностях со стороны Бронета в сером костюме» - фигурировала, и тоже подтверждала точность предсказаний. А о самой Люде? Посмотрите на Джуну - на любом снимке видно, что колдунья. А тут милая улыбающаяся женщина. Никаких ореолов.

Немного о ней самой. Родилась 7 августа 1953 года, коренная воложанка. В 1970 году закончила школу. Живет в Вологде. Муж работает водителем. Мать пятерых детей. Участвовала в движении многодетных семей, несколько лет работала в центре «Семь-Я» вместе с О.Груздевой. Много пережила, но откликалась на чужие нужды всегда, несмотря на то, что своих хоть отбавляй: проблемы с жильем, пропитанием, заботы о детях.

Свой дар заметила в себе в пятнадцать лет, не считала это чем-то сверхъестественным. Уже имея семью и детей, училась на курсах экстрасенсорики у Юрия Линника. Кроме ясновидения может излечивать отдельные недуги. По крайней мере я, будучи матерью троих детей, предпочитаю ее, а не врачей. Результат лучше.

Ее дар не облегчил ей жизнь, скорее наоборот. Ведь «излишнее» знание очень тяготит человека! Для себя никакие чудеса не использует, говорит, что не дано. Для детей в серьезных случаях - может.

Вроде все просто внешне, а что внутри - неведомо. Она не любит говорить о себе. Для нее все мы - открытая книга, а она для нас закрытая.

Ко всему еще - попытки писать. Начинала с частушек, потом - рассказы, которые читаются с удовольствием, не поймешь, где в них юмор, где грусть. Жаль, что она относится к этому несерьезно.

Елена ШОВЕНЬ

Татьяна Тайганова СИЛЫ ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА

(из вологодской переписки)

Дороги дороги

Среда литературная страшна своей безнадежной тоскливой пьянью, мужским шовинизмом и полным одиночеством. Два года курсов я прожила в тяжелой депрессии, которую не сразу смогла оценить и осознать. Жить было не на что. Посреди вечной этой пьяни я ночами красила шерсть и вязала - для физического самосохранения и морального тоже. А мимо все так же проплывали бесстыдные рожи, кто-то кого-то бил, размахивал ножами на национальной почве, кто-то кого-то презирал, не будучи избран в сердечные привязанности. Вообще об этом стоит писать, только вооружившись основательно чувством юмора...

Хотя во всяком ужасе есть свой свет, ведь затрещины тоже полезны. Я протащила себя через это жерло, хотя оно было страшно своей убогой утробой. Я знала, что будет плохо, но сознательно пошла на это плохо, иначе бы чувствовала - что-то недополучила. Я живу очень замкнуто, однообразно, в этом есть страшная тяжесть. Заложена природой большая энергия и вот она от тяжести становится плоской, как лист. Эта уплотившая нереализованная энергия убивает меня точно так же, как кого-то водка. Трудно сохранить душу в одиночестве. Поплачу, обкурю свои обиды. Жаль, что ты далеко, я была бессильной дурой и не поехала к тебе, а теперь билеты недостижимы, хоть волосы отрывай. Хотелось бы пригласить тебя к себе, но знаю, что ты такая же нищая. Придется восстанавливать общение в виде эпистолярного жанра. Дороги в России дороги, а потому жди взлета в этой области. Может поэтому и в литературе что-то изменится.

Что значит «покинула Муза»

Сию рисую цикл к своим стихам и вдруг медленно и объективно осознаю внутреннее иссушение, граничащее с равнодушием. Такого понятия как вдохновение я никогда практически не знала, поэтому жалею не на его отсутствие, а на отсутствие другого присутствия - либо внутренней духовности, либо желания заниматься чем-то вообще.

Некорректное сравнение

Сравнение любого писателя - с его могучей силой, природным набором полноценностей - со мной, неимущей, слабой, бездетной советской бабой по меньшей мере некорректно.

Мое творчество вынуждено, оно возникло из мук наших советских безобразий. В других условиях я может, стала бы нормальной матерью трюх детей, о чем и объявила в пять лет своей маме. Или воспитателем чужих гениев. Но мой дар вынужден. К тому же изматывающий соглядатай совести. Это не значит, что совесть только у меня, она как раз в стороне, как Господь, я лишь обреченно бушую в дырах, где она отсутствует.

Мужчина и женщина в творчестве несопоставимы. Мужчина пишет от избытка, женщина от отчаяния. (У нас в России только один Федор Михайлович писал от отчаяния.)

Как гнетет женщину отчаяние, знает только

женщина. Это недоумение, хроническая тревога, отсутствие точки опоры (кроме абстрактной нравственной), требование от мира истинности, а не игры, отказ от купли-продажи, несбыточная мольба о милости святых, непонимание - где ты, кто ты, зачем? Вот на фоне постоянного страха за близких полная клиническая картинка. Такова женщина, подорванная, как миной, силами творчества.

И в итоге, если верить некоторым иррациональным силам - «грех нерадости». Душевное истощение. Хотя есть мама - друг безмерный и оберегающий, тетя, подруга Вита, - живу не то что в одиночестве, но в мире беззвучном. Нет эха.

«Муж Тайганов»

На курсах. Есть специалист по зарубежной литературе - Джамбинов. С мировым именем, Фолкнер, Джойс, четырнадцать языков. Интереснейший человек, правда, азиат по крови. Я на лекции не ходила, но сдавать пришла. Нас присутствует десять человек гениев, все мыслители и я сябу.

- Ну, что отвечать будете?

- Ремарка отвечать буду.

Джамбинов не понимает. Не Джойс. Второй сорт или третий. Для меня Ремарк вместе с соплями и сахаром - путеводитель по войне, немцы в этом плане поняли кое-что лучше нас. Но он все равно не поверит.

- Ремарк, - говорю, - оказал влияние на моего отца.

- ?..

- Он объяснил моему папе правильный образ жизни.

- ?!

- Мой отец решил жить по Ремарку - купил машину, нашел друзей...

- Не понимаю, - тарашится Джамбинов.

- Ну как же, - понимает меня сзади Володя Гуркин, автор пьесы «Любовь и голуби», - три товарища, очень по-русски.

- Не понимаю. А как ваша фамилия?

- Тайганова.

- А-а, - облегчается Джамбинов. - Слышал от ваших сокурсников. Говорили, да. Ваш муж Тайганов пишет под Джойса. Я даже в записную книжку учел на «Т». Буду искать и непременно прочитаю.

- Я Тайганова.

- Да-да, запомнил. Ваш муж Тайганов...

- Я незамужем. - говорю уже толстым голосом, который мог бы принадлежать мужу Тайганову.

- Да-да, - соглашается Джамбинов. - Тайганов. Ремарк. Непременно...

Шабашка члена союза

Или вот мою пол в литинститутском душе. Жара, пар, заезд заочников. И помогаю, и мыть приятно, частичное оправдание жизни. Диалог.

- Девушки, душ новый, поберегите. Вы народ заочный, дикий, скамейки не тащите.

- А у вас тут тесно, в другой душ нельзя?

- Отчего же нельзя, дверь там уже выломана, крыса дохлая специально ректором подложена, второй душ подлежит ремонту, ну и мусор давний, поскольку у народа хронические расстройства на литературной почве.

- А вы тут работаете?

- А как же. А все лишнее, пожалуйста, в урну.

- А вы тут учитесь?

- На курсах.

Бедные голые заочницы наконец вникают,

Проза *prosa*

что перед ними как бы голый член союза.

- А вас как-нибудь зовут?

- Тайганова.

Молчание. Потом неуверенно:

- Которая «Ласковый лес»?

- Ласковый, ласковый. А лишнее, пожалуйте, в урну.

Не поверили! Как говорит мама, писатели бывают только умершие. Так что нет у меня никакого имени.

Плач над мятыми десятками

Родная, залезла в ванну с твоей газетой, то есть с газетами, потом вылезла, перечитала письмо, опять поплакала над ним. Ты же переполненная жизнью до краев!

Ты пишешь о мистических совпадениях души, будто я вариант тебя самой, а мне кажется, что что это у меня трое детей и я выпускаю безумную газету, у которой - уверяю тебя - должно быть настоящее и будущее! Вы с Михалычем - сами сила и будущее, то самое могучее Вопреки, которое крылья превращает в плавники, а плавники в крылья. А еще рыдала над твоими бабами, которые давали на газету мятые десятки. Да почему ты об этом в газете-то не писала? Боже ж мой, как же из людей все это добыть навечно? Ну куда они все это прячут, так что сами найти не могут?

Я ведь такая же, страшно не люблю себя, всю жизнь мучаюсь грехом нерадости, не умею радоваться, хоть режь. Почему, ну почему я не ценю свои памятные десятки?! Пишу и опять белугой реву, потому что люблю баб за их невысказанный бред, за патологическую логику и за то, что их нельзя не любить. Только за десяткой пойти не к кому...

Писательница в России

Я здесь одна, с двумя мамами, тремя кошками и одной собакой, облысевшей от длительного мясного воздержания. Ты извини, даже хлеб в деревне слишком дорогой. Мама за последние месяцы похудела на двадцать кило. Даже сигареты мне покупает на пенсию. Фирма, рискнувшая меня издать, не может заплатить за тираж и он лежит второй год в типографии. Отчаявшись получить книжку, высылаю тебе рукопись. Оформление, естественно, мое. В посвящениях есть и твое имя.

Работай под музыку

Можешь улыбнуться - я замечательно вяжу, художник божьей милостью, но вещи мои абсолютно изотеричны, в них зашифровано мизогония. В Москве набрала заказов, всю зиму сижу, исполняю долги. Решила пару отдать пару вещей в салон. А в салоне художественном даже смотреть не стали - не нужно, говорят, рынок завален дешевым и качественным импортом. И действительно... Мама проверила, подтвердила и вздохнула с коварным облегчением. Но морда у меня, видимо, была краугольная. Поэтому мама собрала какие-то подписки и отнесла их в магазин (неделю таскала сумки), купила маленький магнитофон. А потом разыскала Рериховский центр - музыку для медитаций, замечательную, конечно: «Таня, ну ты же всегда раньше рисовала под музыку, ведь иначе тебе работать трудно... Вот и будешь рисовать под музыку...»

Молчаливая песнь

Посылаю ксерокопии тех иллюстраций, которые делала к несостоявшейся книжке Жмайло (череповецкая поэтесса). И еще то,

что называю поэзией. Наверно, это очень медитативно. Как та самая музыка. Пишу стихи редко, мучительно, в прямом смысле это стихами назвать нельзя, одно точно - это не проза. Мечтаю, чтоб после каждого текста шел мой рисунок, нечто среднее между японскими свитками и российской действительностью. Иногда кажется, что некоторые можно было бы петь... Бедные мои стихи никому не нравятся кроме мамы и Виты, хотя у Виты вкус неправильный. У нее, к сожалению, есть музыкальный слух, поэтому она для пения предпочитает каноны. А у меня с канонами развод. Я и рисовать-то начала потому, что страстно мечтала о музыке. Петь не могла, поэтому стала петь в графике. Там петь получается и музыка вполне медитативная.

Так же, как у людей

Я выросла со зверьем и все его люблю, хотя и не слишком сентиментальна. Извини - у меня к божьим тварям привязанность и почтение, потому что меня вовремя научили их понимать. Ты на кошку ругалась, а она у тебя помощи просила. Просто ты заматана бытом и детьми - а тут еще и «любить в нерабочее время» - не всегда посилено. Что касается кошачьих родов - все так же неэстетично, как и у человеков.

Знаешь, как у нас появилась кошка Варвара? Ее подбросили к нам под дверь трехмесячным котеночком в лютном ноябре, в коросте, уши как пальчики, ползала как сбитый с лошади рыцарский панцирь. Глаза не открывались, но голос в три ночи был могучий. Тоня не выдержала и рыдая от сочувствия, втащила в дом. Долго лечила, сдирали коросту, мазали облепиховым маслом.

Выросла Варвара без мамы и когда пришла пора своих котят родить - не могла понять, что и зачем бы. Металась из угла в угол и гневно требовала, чтоб за нее родил кто-нибудь другой.

Удочерившая Варвару сямская Майка в это время сидела взаперти, чтоб не подумала, что мы на Варвару покушаемся. Так она, маленькая, изящная и тонкая, дверь вышибала как в «Солярисе», пришлось пустить ее. А тут еще овчарка Катерина интересовалась. Полный бедлам. Но Катька живо от Маечки по любопытному носу получила, Майка же Варвару затащила в корзину, обняла всеми четырьмя лапами, прижала к прутьям - «мр-мр»-уговаривала, так вместе и рожали. Маечка котят принимала и вылизывала. Варвара родила и бросила, а Майка усыновила. Сама гоняла Варвару в корзину - кормить. А та приходила кормить, играть, не понимала, откуда эти четверо и зачем? В этой истории ни слова не выдуманно. Как не уважать?

А рукописи канули

Что сказать про повесть «Графоманка»? Это про меня. Это я Графоманка. Понимаю, что писалась автобиография и отчет перед Богом. Что это твое, но оно трагически и мое. Все, что терзает тебя, или, будем учтивее, твою героиню, истерзало меня, несмотря на диаметрально противоположную бытийность. Полагаю, что все пишущие женщины узнают себя там, именно на уровне графоманок, это лучшее, чего ты могла добиться.

Я стояла перед Спасом Вседержителем и вопрошала, что же делать теперь, когда почти сорок, все выгорело, а в жизни не было никакого смысла, сплошной вымысел. Рыдала привычно, не в первый, не в последний раз... Твоей героине повезло с «немецкой волной»,

а на меня не среагировали, я посылала стихи, но я не в обиде, я же не поэт. Но рукописи канули. То, что у тебя - это посылала на конкурс женского рассказа. Где-то в Болгарии канул «Лес» («Ласковый лес»). Где-то в Германии «Предел»... А за твою героиню можно только порадоваться.

"Женщина, иди к другим животным"

Ты несправедлива к ней, обвиняя в творческом эгоизме. То, что ты называешь этим словом, есть право жить в состоянии творчества, право на среду себе подобных. Лично я в безуспешной борьбе за эти права погибла, и не от борьбы, которая утонула во всемирной вате, а по причине отсутствия этих прав вообще.

Твоя героиня чудесным образом совмещает творчество творчество жизни и правду вымысла. Это редчайший дар. Она идет и попутно всех поднимает с колен, мимоходом. Так что обвинения в ее адрес отвергаю. А быть для нее Женой и Матерью ложь. Для нее возвратиться к Ауробиндо - это стать механизмом, лишиться искры божией. Ежели не дано материнство во всех ипостасях, если Адам говорит Еве «иди к остальным животным», если с Христом распята любовь, мужчины и женщины выброшены друг из друга и обратно не хотят. Если нам, разрушающим все и вся, остается только плакать. Кто защитит маленьких людей, любящих что-то христовой неполюбой любовью? Кто разъяснит это милосердие? Мать детям своим. Нормально чувствующий художник. Женщина. Потому что у мужчин топор по компасом. У женщины может и компаса нет, но и топор не подсунешь. Может быть, в нормально нравственном обществе Ева предоставит Адаму делать бычий труд творчества, а сама займется созданием нового Адама и детьми.

Отрицатели и делатели жизни

Выступала на презентации своей книги и читала из твоего письма, как ты у баб десятки на газету занимала. Сзади меня в черном сидела моя героиня Шурка Розенфельд (Галка Филлиповская) рядом со взрослым - вырос, пока вышла книга - сыном. Мне странно что моя проза («Любить птеродактиля») кажется кому-то апокалиптической, так по-видимому, реагируют читатели, связанные с литературой. Нормальные реагируют нормально, потому что сами в литературе пока не увязли и штампов нашего времени не нахватались. «Русские Скарлетт» - вот это верно. Лично я полагаю - и обратного мне никто не докажет - что я пишу очень жизнеутверждающие книги.

Реакция Петрушевской на тебя меня не удивила. Она и Садур - женщины отрицания, создающие нигилистическую салонную прозу. Я художник и человек утверждения. Можно любое утверждение разбить отрицанием в пыль, но само отрицание на том и закончится, а пыль еще послужит стройматериалом. В итоге отрицание ведет в ничто, а утверждение создает твердь, на том стоим. Нет смысла обращаться к отрицателям. Они помочь ничем не могут, стоят ни на чем и сами нуждаются в помощи...

Петрушевская наговорила тебе чушь и прикрылась больным человеком, полагая, как дама светская (советского образца), что весь свет осведомлен о ее трудностях. Странно, что ни в чем не обвинила... Не приближайся к ним. Отрицающие женщины коллапсируют, устремленные в свое небольшое эго. Ты, неведомая им Галя Щекина, истинный творец истинной жизни, что читается

в твоей «Графоманке» и бьет в глаза парадоксальным сиянием - будешь ими отвергнута и унижена, поскольку они принимают лишь себе подобных.

Жди. Слово творит, душа творит. Кто знает, может и Петрушевская повернется к свету.

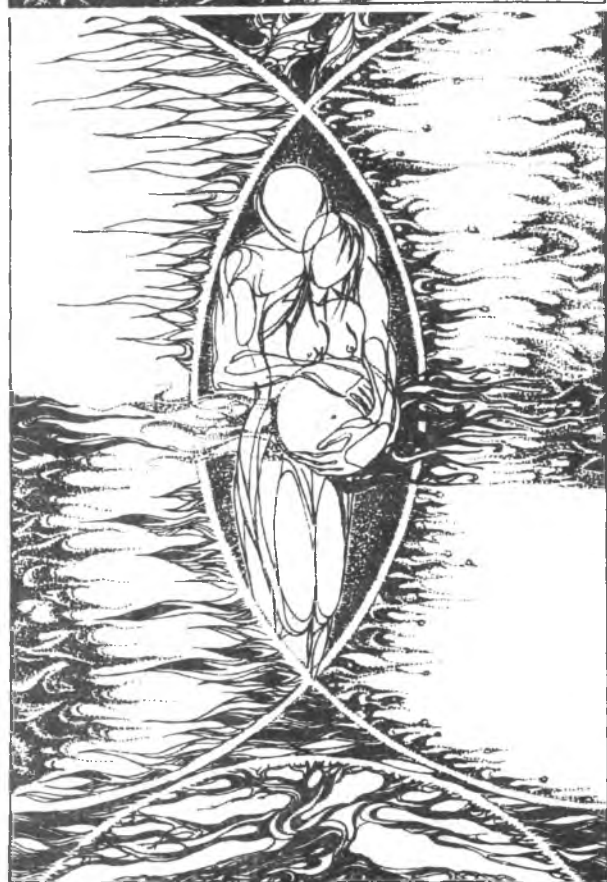
Меня тут оживил пожилой интеллигент В.В. Павлов (челябинское телевидение), который снимал о мне две передачи, в том числе мою графику с моими же стихами и сейчас отыскал и снял, у меня даже видеозапись сохранилась как вещдок. Я наконец ему сосватала Виту, потом Жмайло и тебя. Но есть трудности - он просит твои письма, а «Графоманку» прочесть не может после двух платных операций в клинике Федорова. Когда я предложила прочесть ему вслух, он смутился и частично дезертировал и напрасно, я его все равно настигну. Он нормально неумущий, тихие редкие интеллигентные запои и психушка раз в полгода, после которой его опекают влюбленные психотерапевты (он их излечивает). В прошлом году он шел по улице и в свой высокий интеллигентный лоб получил от души железным колом от неинтеллигентных мускулистых молодых людей - просто так, шел мимо. Ну как не звездануть по такому лбу, очкам и бороде! Ты бы, увидев его однажды, схватила рогатину и преследовала бы с целью охраны... Пиши.

Надеюсь, понимают все

Твое письмо поддержало меня в тяжкую-тяжкую минуту, как всегда по-настоящему. Ты душевно талантливый человек (великий Талант Жизни, что с моей точки зрения важнее прочего) и ты должна быть художником. Может, я могу чем-нибудь помочь? Моя оценка обычно жесткая, но по натуре я меценат в творческом плане, есть чутье главного, прореживание в других и возможность подсказать тем, кто к этому главному идет. Вита в какой-то степени продукт такой помощи... Пиши Бога ради. И ради людей. Ты должна состояться. Надо бы встретиться. Но время ненормальное и война в мире. Не знаю, как получится. Наша сила в работе, и больше ни в чем, надеюсь, это понимают все.

Татьяна Тайганова и ее «Молчаливая песнь».
Цикл «Адам и Ева»

Татьяна Тайганова

КРУГОВОРОТ ЛЮБВИ В ПРИРОДЕ

Молодые родители с нетерпением ждут от своего ребенка первого внятного слова, надеясь втайне, что начальными понятиями окажутся признательные «мама» или «папа». Но дети упорствуют, часто говоря совсем другое, и родители, натолкнувшись на первое «Дай!», не знают, следует ли радоваться, или педагогически разумнее вовремя насторожиться. Требовательные младенцы, как ни странно, правы больше, чем взрослые наивные мифотворцы, ибо да я н и е (дар) есть ничуть не меньшая первооснова и причина мира, чем материнство или отцовство. Но мы догадываемся, что невозможно, непростительно всю жизнь оставаться на уровне требования «Дай!», и опустившийся пьяница, не помнящий себя в жажде хотя бы физического тепла, терзая женщину этим словом, на самом деле безответственно заклинает на домладенческом языке.

1. Магическая цепочка

Вместе с взрослением человека взрослеют и слова, которыми он определяет свою жизнь, и «Дай!» эволюционирует в понятие «даяния». Говоря друг другу «да», мы выражаем согласие, «да» - и двое становятся единой плотью, чтобы породить младенца, который, начав познавать мир со слова «Дай!», когда-нибудь научатся говорить «да», и поймет потом значение слова «дар». Говоря «да», люди объединяются духовно, от - да - вая вместе со своим согласием часть себя, да - руя мир соседу по жизни. Загадочная цепочка слов «да - подарок - дар - даяние - по-даяние - отдача» явно имеют некое общее зерно, давно забытый объединяющий смысл, утерянное напоминание нам сегодняшним о начале мира и самом главном его законе, по которому всем до единого предстоит существовать: **в с е ж и в е т, о т д а в а я.**

Мы все - на разном уровне - что-то отдаем. Нет среди нас людей только берущих. Отдача - пусть минимальная, нелепая, часто безответственная или уродливая, присутствует даже в падении: водку-то пьем не как-нибудь, а на троих и ведь даже на этом уровне понимается непристойность забирая всего кайфа в единоличное пользование. Только берущий - не смог бы существовать, ибо стал бы нарушением закона природы. И так и происходит - когда человек по какой-нибудь причине начинает захлебываться в невозможности отдавать, он впадает в тяжкие депрессивные состояния, сопровождающиеся самоизоляцией; в дурном настроении мы стараемся оставаться одни, чтобы не множить собственное зло и не заражать окружающих. И, если кризис не удастся преодолеть возрождением в себе способности к отдаче, то депрессии заканчиваются трагично - человек истребляет себя из жизни. Или - в другой ситуации - изолирует себя в сумасшедшей дом.

Тот, кто упорно хапает сегодня, еще не понимает, что материальные потребности не бесконечны. Он остановится послезавтра, и остановит его тоска. Однообразие накопленных покажет, что голоден он вовсе не физически, что удовлетворение прибавленного к быту предмета восстанавливает душевное равновесие очень недолго, примирения с жизнью все равно не происходит. И внутренне равновесие не

приближается, несмотря на изрядно пополнившуюся семью бытовой техники и ухоженный холодильник. Такой человек очень несправедлив к себе самому, потому что предпочитает самые малые и проходные роли в жизни - роль шофера у мерседеса, роль вешалки для платья или роль бездонного желудка.

Нам очень хочется немедленно и лично убедиться справедливости полезным для нас образом: увидеть, как вдруг наш сосед раздал тряпки, холодильники и мерседес: если уж не нам с вами, то хотя бы сиротам-инвалидам. Мы ждем и жаждем внезапных чудес, но любое чудо, как младенца, вынашивает не Бог, а сам человек. Как беременная женщина - один на один с миром и глубоко внутренне. И вряд ли этот процесс может уложиться в привычные девять месяцев. Чуждая жизнь во всю ее длину нам неведома, как и собственная, и неправильно подводить и себе, и другому прокурорские итоги и требовать внезапных чудес. Чудес случайных не случается. Но есть цепь отдачи - «Дай» - «Да» - «Дар». Она неизбежна, непрерывна и прекрасна в своей обязательной незавершенности, и это вовсе не круговорот воды в природе и не взаимные взятки, а нечто большее и осмысленное, потому что если бы все замыкалось в круговорот и попросту в круг, на нас с вами сегодняшних ни у какой воды не хватило бы потоков. Мы, шесть миллиардов таких противоположных и часто враждебных друг другу, живы еще и сегодня, и это - самое убедительное доказательство, что в мире непрерывно рождаются все новые и новые берега самоотдачи и любви.

2. Вечный двигатель

Все живое просит у ближнего «Дай!» - и ближе отдает: пенсионерка, спешащая в шесть утра на дополнительный заработок, поделится с промерзшей на скамейке кошкой своим небогатым завтраком, кошка приютит чужого последыша; мать, рожая ребенка, уходит своей жизнью в него, родители обеспечат собой ему тело и сознание, и, чем больше в ребенке накапливается физической жизни, тем меньше ее остается для матери и отца; даже нежеланный ребенок - дар, ибо лишь протест и зов слабого и беззащитного может вызвать у ожесточившегося человека порыв жалости и сострадания. Мать отдаст себя в пропитание, отец первым расстанется жизнью ради детей, природа безвозмездно дарована нам в употребление и пищу, а чтобы в ненасытности нашей земли не истекла, - стихии добровольно сливаются друг с другом, и проверим, что отдает даже то, что явно не является человеком, и это закон.

И в конце пути все жертвует себя еще раз, последний, чтобы цепочка жизни не прерывалась. Если мы с любопытством спросим, зачем нам столько вещей, - ответ будет предельно прост - вещи нам служат. То есть - что-то нам отдают. Более того, человек перекраивает землю в механистический мир только по подобию мира живогомаго, и нет, пожалуй, вокруг нас ни одной машины или предмета (кроме человекоубойного оружия, разумеется) не служащего, и не отдающего. Если таковы дом, холодильник и стиральная машина, то мы с вами не лучше, ли, не способнее ли к отдаванию больше их?

Культура отдачи воспитывается семьей, собственным опытом и традициями, прошедшими тысячелетнюю практику. Подарок, сопутствующий празднику, - древнейший символ, зашифровавший закон жертвы и память о божественном происхождении человека. Эта традиция рассматривает человека - как дар

миру, а жизнь - как дар человеку, и напоминает ему - дари, отдавай - твоя очередь! Подарок представляет нам возможность испытать радость бескорыстной отдачи, радость же напоминает, что мы - все - вполне способны любить друг друга и быть значительно выше себя ежедневных. Наша радость и есть наша истинное лицо, все прочие лица - временные гримасы, рожденные невежеством и неумением.

3. Голова в подарок

Полуминутную рекламу Русской Недвижимости, говорящей с теле экрана языком достатка и идеалов, многим до сих пор не удается забыть: неизведанный нами комфорт, декорированный таинственным полумраком и живым огнем в камине; спальня, малыш в изумительно чистой кровати; мама и папа, украдкой упаковывающие приношения Деда Мороза под елку. Непосредственный сынишка, не дождавшийся ухода Деда Мороза, выпархивает из-под одеяла и, не стесняясь смущенных родителей, потрошит подарок. Обескураженные (по сюжету) родители счастливы - а что им остается? Если в убедительно богатой рекламе все в порядке с демонстрацией семейного достатка и счастья, то, может быть, что-то неладно с идеалами? Нетерпеливый прагматичный сынишка лишил себя чуда - под елку что-то уложено, явно ему личн, значит, собственностью следует побыстрее завладеть. Дед Мороз и рождественские чудеса - привилегия неумищих, для собственника необязательны, и смысл рекламы прост - хапай, пока дают. К рекламе претензий нет - слава богу, все в ней прилично: не грабят, не убивают, не насилуют импортными шоколадными эверестами и даже не терзают назойливыми, навязшими в зубах стоматологами, - акции на то и созданы, чтоб их хапали. Но сегодняшняя реклама фокусирует завтрашние наши идеалы, а в них явная проеха; под елкой отсутствовал подарок, зато наличествовала маленькая взятка, и телемальчик, видимо, именно так это и понимал, и рекламный сюжет продемонстрировал отсутствие у него иллюзий.

Согласитесь - вокруг подарка всегда присутствовала атмосфера тайны. Истинный подарок - дар, рождающийся в тишине. Это индивидуальное творчество, доступная каждому из нас маленькая поэма любви, признательности или уважения, символ, выражающий пожелание самого насущного, отношение, прямое или недосказанное, и, как любой символ, истинный подарок глубоко мистичен, в нем всегда присутствует некий подтекст, безошибочно ощущаемый душой. Эта проверенная практикой тысячелетий традиция совсем не случайна в нашей жизни - история подарка отражает все стороны развития этических представлений человека. Вспомним разнообразие ритуалы свадебных даров, часто не только символизирующих законы домостроя или шариата, но и прямо обеспечивающие будущую семью начально необходимым, в и этом смысле и русское приданое и азиатский калым одинаково нравственны. Вспомним дары волхвов царю небесному и дары послов царям земным; наконец, для того, чтобы осознать весь глубинный подтекст подарка, можно припомнить и немилосердные подношения голов тех же послен неугодным правителям, что недвусмысленно обозначало конец миру и начало войне. Сегодня мы взрослее, чем в одиннадцатом веке, и большинство из нас все-таки не стремится уже одарить ближнего своего отрезанной вражеской головой. Однако мы по-прежнему очень чутки к тексту и подтексту даримого, и все вложенное внимание или - напротив - пренебрежение и полное равнодушие

прочитываем безошибочно.

Одной очень достойной всяческого уважения семейной чете были преподнесены две ручной работы тончайшие фарфоровые чашки - красивый дар, жаль только, что ослепленный вдохновением художник изобразил на каждой паре, хоть и мудрых, но все же змей. Даритель, адресуя восточную символеку двум озадаченным россиянам, совершил явный промах и не учел обязательного подсознательного поиска в подарке мистического смысла. Это непопадание было искренним и не таило зла. Откровенно недобрых подношений мы не станем сегодня касаться, оставив эту проблему священникам и экстрасенсам; недобрый дар к тому же всегда очевиден и комментариях, как правило, не нуждается. Попробуем понять другое - осознаем ли мы смысл того, что делаем, когда готовим кому-нибудь подарок, и почему нами преподносимое далеко не всегда рождает радость. Непопадание подарка в цель случается тогда, когда мы забываем о его вещем смысле, поэтому постараемся о вещем помнить.

Одна неимущая подруга оплакивала свою бесприятность другой, столь же неимущей: «Представляешь - когда-нибудь - чисто, светло, распахнуты окна, горячее лето, звучит Шопен и ветер колышет шторы... В горошек... Ситцевые, чтоб было им легко на ветру...» Горько смотреть, как несколько лет подряд женщина не решается варить банальный борщ в новенькой кастрюльке с розами, ибо и кастрюлька, и розы предназначены несбыточной радости - собственному жилью. Подруга решила сочувствовать по возможности энергично: Шопен в подарок был найден без труда, в этот же конверт уместилась и неутешная мечта о квартире. Подойдя к проблеме здраво, подруга ограничилась однокомнатной, всего на четырех альбомных листах, утя санузел и балкон с петуниями за занавесочками именно в горошек; практичное воображение подсказало протекающие краны, все небогатое будущее наличие с розочками расставилось в углы, и... чудо произошло, ибо горячее желание, чтобы ближний обрел, наконец, свою крышу над головой, породившее хоть малый и беспомощный, но истинный подарок, что-то сдвинуло во вселенных весах, и через пару лет он воплотился в настоящие стены. Маленькая вселенная в горошек, нарисованная со всем стойким юмором отчаяния, распахнула бумажные двери, служа верным пристанищем душе. И когда чудесным образом появилось почти из ниоткуда жильё реальное, с протекающими, естественно кранами, вряд ли радость подруги была столь по-детски свободна и независима. Она и сегодня, если хочет побыть в одиночестве, открывает нарисованные двери. Этот вещей подарок не стоил не копейки хотя, конечно, потребовал двух вечеров, некоторого усердия и любви. Это был подарок-символ, хранимый бережно и по сей день. Не стоит забывать мудрого Грина, объяснившего, что любое чудо создается вручную, лопатой, иглой или хотя бы воображением. Для создания вещей даров в чудо нужно хотя бы поверить.

4. От дара к взятке

Но торопясь и не слишком вникая в ближнего, мы чаще делаем ложные подношения и, вынуждая другого делить с нами ложь, чувствуем внезапное смущение и пустоту. Мудрость гласит, что внимание дорого. Внимание требует не столько денег, сколько воображения и способности проникать в состояние другого человека. Глупая привычка одаривать - по средствам - дорого приводит к добросовестному исполнению ритуала дарения,

и только. Хватаясь за целлофанированные стебли дорогостоящих букетов, как за спасательный круг, мы, тем не менее, понимаем, что несем весьма абстрактное пожелание абстрактного добра, чувствуем его недостаточность и мечемся по ненужным накопленным предметам, не прижившимся в нашей семье, и в итоге выходим из положения по принципу: «на тебе, Боже, что мне негоже». И, возможно, теряем шанс обрести взаимопонимание и дружбу вместо поверхностных светских отношений. Может быть, лучше подарить примитивные, но жизненно необходимые галюши, чем тридесятую вазочку для пыли? - практичность не создаст, конечно, праздника, но все-таки нормальная забота о нуждах другого честнее лакированного равнодушия.

Отпалев от ценников и декларируемого телевизором «уровня жизни», который правильно было бы определить, как «уровень быта», подчиняясь негласному рыночному диктату, мы лезем вон из кожи, стремясь убедить одариваемого в своей экономической состоятельности и преподносим несомненную материальную ценность. Такой путь губелен для душевной радости, ибо лезем к другому прибыток от того, что богат ты, а не он, и к тому же не стесняешься себя богатого демонстрировать? И, теряя внутреннюю независимость, одариваемый тоже старается ответно продемонстрировать свою высокую стоимость. Начинается безрадостный торг, когда двое, отбросив условности и всякие там мистические тайны, заранее оговаривают весомость будущих даров. Рынок успешно движется, уважаемые господа экономисты, но не в торговле хлебом или металлом, а в человеческом общении. Дорогостоящий подарок - за редкими исключениями, продиктован необходимостью, типа свадьбы или крестин, - является завуалированной взяткой, и есть смысл помнить об этом и дарящему, и принимающему.

5. Ребенок не для рекламы.

Неумение радовать друг друга скрывает еще одну бессознательную ложь - мы совершаем ошибку, даря другому то, что очень лично нравится нам. Домосед, всю жизнь охотившийся на тигров по телевизору, дарит вегетарианцу лосиные рога, - это не промах, как в ситуации со змеями, это подмена ролей, передаривание: выбрав в охотничьем магазине страстно желаемое и отвалив немалые деньги, домосед на самом-то деле сделал подарок себе. Он им обладает, хоть и кратко, но по глубине ощущений емко, примеряя втайне дося на собственные стены, разыгрывает невидимые даже ему самому драмы на охоте. Он надеется убить пару зайцев - побывав собственником несбыточного факта (первый заяц), оставшийся от факта владения утиль (то есть собственно рога) отдать с барского плеча другому (заяц второй). И очень искренне потом недоумевает, глядя в вытянувшееся лицо приятеля-вегетарианца, почему тот не может радоваться вместе с ним столь ценному приобретению. А бедный приятель был бы, возможно, до слез рад сетке огородной свеклы без нитратов.

Пройдя через ошибки и не слишком частые удачи, мы все-таки надеемся научиться радовать других, не досадуя на самих себя. Сегодняшний нищий день просто толкает нас к творческому отношению к жизни, наша нищета не только беда, но и немалое благо, потому что учит ценить то, что обретается без денег, потому что только в самостоятельном, не обусловленном спросом-предложением творчестве человек способен производить на свет чудеса. Если мы будем понимать и принимать это благо, то перестанем стесняться бедности и наверняка возродим в себе чувство юмора.

Истинный подарок - всегда чудо, потому что подразумевает радость и предсказание любви, он неминуемо рождает праздник даже в сумерках, он помогает нам сбыться, поэтому будем осторожны и внимательны в его выборе и искренни в его цели.

Восьмилетняя девочка, которую никогда не снимут для реклам, очень любила исследовать шкафы, когда оставалась дома одна. Она виртуозно вскрывала щеколды, замки, крючки и молнии, и ей здорово за это попадало. Нет, она не была неизлечимой воровкой и, когда выросла, не ограбила банк. В шкафах и ящиках она искала не деньги, а хоть какую-нибудь тайну, но находила пуговицы и отутюженные наволочки. Накануне дня рождения девочка спаведливо заподозрила, что сегодня шанс обнаружить тайну в доме значительно увеличился, и была, разумеется, права, потому что в темной коробке с уютгом вдруг натолкнулась на нечто интригующее, шуршащее и незнакомое, и догадалась, что в темноте для нее вызревает подарок. Конечно, очень захотелось подсмотреть его прямо сейчас, но как-нибудь чуть-чуть, чтоб увидеть не целиком, а что-то оставить еще на завтра. Она зажмурилась... и осторожно прикрыла коробку. Ведь она родится завтра, и пусть подарок тоже родится завтра. А тайну она все же нашла, и пусть тайна живет дольше. Каждый из нас - дар Божий - миру. И самый действительный подарок другому - ты сам. Если, конечно, ответственно выбираешь в себе то, что можешь отдать.

Сергей Фаустов ПРАЗДНИК

Я позвонил коротко, как бы нажав на кнопку калькулятора: звук не последовал, темный глазок изнутри засветился. Замок щелкнул, дверь отворилась. Первой вошла моя тень.

- А, заходи, - сказала жена моего одноклассника, одноклассника, даже односельника, если не считать больше. Он меня и пригласил отметить встречу Нового года.

- Здравствуй, Саша, - сказал одноклассник Боря, - с наступившим.

- Да что там, обыкновенная жизнь, обыкновенный праздник.

Снимая шубу, заглядываю в комнату. Поздравляю с Новым годом. Поздравляю классически, без наворотов.

- О, Саша!...

Ставлю на стол полбутылки водки, оставшейся после вчерашнего. Усаживаюсь около жены одного из гостей. Муж - Петр, жена - Люся. Люся мне говорит, что я пришел к шапочному разбору.

Я знаю, что в той бутылке из-под шампанского с затертой этикеткой, что стоит сейчас на столе, слиты очень давнишние недопитки от предыдущих застолий, которые в этом доме бывают не чаще раза в год. Помню, как в прошлом году, я ее открывал, разматывая проволочный камуфляж и долго выкручивая присосавшуюся к бутылке пробку. В бутылке выдохшееся вино образовало торическую пустоту, вакуум. Предчувствую, что если придется пить пеструю разбавленную смесь разных алкогольных напитков цвета спитого чая, то этот Новый год запомнится. Добрые надежды обманывают чаще, чем худые предчувствия.

Со словами: «Выпей шампанского!» - мне наливают фужер. Петр открывает полбутылки водки, которую я принес и ухитряется ее опрокинуть на свои брюки. В бутылке остается уже треть половины. Со словами: «Штрафная, штрафная!» - остатки этой трети Петр наливает мне в фужер, а оставшиеся капли - в свой наперсток. Потом встает и уходит в другую комнату, избегая развязки. Все женщины, а их три, начинают сдвигать все блюда ко мне, и наклоняют тарелки почти перпендикулярно. Они угощают меня так стремительно, что похоже на сброс остатков... Так оказался в тарелке салат со сметаной, првратившейся в творок. Со словами: «Закусывай, закусывай!» - положили склизких огурцов с еще более склизким репчатый луком.

Я огляделся. В углу комнаты стояло пианино, наполовину скрытое елкой.

На большом блюде лежала истерзанная курица, целыми в ней были только крылья с коричневой корочкой с пупырышками.

- Загнанных куриц расстреливают, не правда ли? - говорю я, придерживая локтем качающийся стол.

Входит Петр в спортивных штанах, которые у него были заранее надеты под брюками. Войдя, включил телевизор.

- Джентльмен тот, кто сняв брюки сохраняет приличный вид, оставаясь в тренировочном костюме.

Я говорю тост о том, чтобы прежнее счастье оставалось и в будущем.

Все смотрят на меня и я в одиночестве отхлебываю нечто штрафное из фужера. Остальные ничего не едят и не пьют. Для видимости тыкаю вилкой в тарелку. Страшно, если начнут накладывать еще.

Стул подо мной скрипит и качается все время. Мне говорят, что все хотели бы, чтобы вместо меня пришла бы моя жена, чтобы послушать ее песни под гитару.

Борис приносит гитару и начинает петь сам. Как всегда первой и единственной хвалит его жена. Потом передает гитару Петру, чтобы тот спел Высоцкого. А он мне: «Спой, Саша, спой». Меня как всегда спасает одна фраза: «На гитаре я играю один раз и этот раз уже БЫЛ». Гитара ставится в угол.

Тут все смотрят на жену Петра, Люсю. Она не заставляет смотреть дважды, одевает очки, достает из сумки толстые папки сборников песен. Пытается сесть за пианино, но правая половина клавиатуры загорожена колючей елкой. Передвигают ведро, в которой стоит елка, но не дает шнур гирлянды. Все говорят: «Может достаточно?» Но в таком случае можно играть только на басах, а в правый бок ветки колют. Петр отгибает ветки и держит их. Люся ударяет по клавишам, обнаруживая, что пианино издает только диезы и бемоли. Кто-то предлагает: «Может пианино отодвинуть?» Жена Бориса приносит веревку и завязывает елку.

Это четвертая веревка в комнате. Привязана дверь, чтобы не закрывалась, штора, чтобы не опускалась, накидка на телевизоре, чтобы не свалилась. Все садятся позади пианистки, устремив взоры в тексты. Начинают петь песню «Мне сверху видно все, ты так и знай!» Борис не поет и уходит в свою комнату готовить слайды. Его жена листает сборник песен и, обращаясь ко мне говорит, что надо переписать слова песни «Журавли». Люся пытается строго по нотам сыграть сольный проигрыш, но останавливается, ей не нравится, что пианино выдает элементы спонтанного авангардизма.

Я ухожу смотреть, как Борис перебирает слайды. На батарее сохнут его брюки. На тумбочке магнитофон, как он сам говорит «мой ровестник и потому вызывающий отвращение к музыке». Впрочем, пианино тоже создало отвращение у женщин и они сели смотреть журнал «Бурда». Раздел макияжа в журнале не вызывает интереса и приговаривается термином «штукатурка».

Но разговор о красоте поддерживает жена Бориса.

- Вот на пианино - вы заметили? - стоит букетик в премиленькой вазочке. Ведь он сделан из травы и стеблей чертополоха, они были опущены в рассол и вот теперь блестящий вид от кристаллов соли.

- Хорошо к пиву, - говорю я.

- Когда воблы нет, - добавляют другие и смеются.

Появляется Петр в высушенных брюках и просит прощения за подтяжки. К шторе веревками привязывают пятую простыню и Борис начинает показ слайдов - это отчеты о его путешествиях на Гавайские острова, на Домбай, в Прилуки, в Вышний Волочок.

Цветные слайды вызывают оживленное обсуждение. Изумительные изумрудные склоны гор, аквамариновые небо и море, краплек курток и охра изб на фоне снега, контраст монастырей и девушек в бикини... Это был другой мир, на который все смотрели с ленивым интересом.

Все неожиданно прерывается морганием лампочки треском в розетке.

В вынужденную паузу уносят посуду со стола, чтобы освободить место под чай. Уносят мою недопитую водку и мой недопитый фужер с гремучей смесью. Я знаю, что на кухне их сольют в старую бутылку. Ее закроют пробкой и замотают проволокой. Я под видом помощи быстро уношу свою недоеденную тарелку. Не знаю, как с ней поступят на кухне, может, еще

рассортируют.

В чашку с изображением океанского шторма наливают слабый чай и мне единственному подают оставшийся от прежних застолий кусок пирога. Избыток сахара компенсирую вкус прокисшего молока в пироге.

Праздничное застолье переходит в новую фазу. Начинается загадывание загадок. Борис говорит:

- Восемь ног, два крыла, три головы, два хвоста. Что это такое?

- Драка - говорю я.

- Неправильно.

- Тогда дракон.

- Тоже неправильно.

- Ну, не знаю.

Все задумываются, но на границе нетерпения Борис дает отгадку:

- Это человек сидит на лошади с курицей в руках.

Я сразу вспоминаю курицу на тарелке и тут же загадываю свою загадку.

- Джентльмен ли тот, кто загадывает загадку леди, на которую она не знает отгадки?

Все и в самом деле думают, что это загадка, но я первый говорю, что ответа не знаю.

- Ну, хорошо, вот серьезная загадка. Два копыта, два рога, посередине хвостик.

- Козел.

- Нет.

- Вот черт.

- Правильно.

Загадывает Петр: есть восемьдесят одна монета. Одна из них фальшивая. Как с помощью четырех взвешиваний найти фальшивую? Никто

не может догадаться, но и Петр, томя ожиданием, молчит. Тут положение спасает Борис. Он загадывает новую загадку.

- Джон и Мери собираются ложиться спать.

Джон идет закрывать входную дверь и слышит в спальне звон разбитого стекла, грохот. Он прибегает и видит открытое окно, а Мери лежит на полу на последнем издыхании в луже воды.

Вопрос: что произошло? Допускается задавать десять наводящих вопросов, на которые он должен отвечать «да» или «нет». Женщины начинают спрашивать, я считаю вопросы. После восьми вопросов грядет крах. Наконец я спрашиваю:

- Мери - женщина?

На это следует: нет. И тут все догадываются, что Мери - рыбка. Или русалка, добавляю я. Все радуются и я тоже.

Праздник продолжался. Это не было скучным. Это было уже интересным. Какой-то сломанный мир, существующий вопреки логике, вопреки законам. Или здесь действуют только психологические законы? Это загадка - почему существует сломанный мир, но в ней спрятаны поддерживающие связи, веревочки, разглядев которые я смогу найти отгадку.

Я пошел на кухню. Бутылка стояла еще на подоконнике. Тут неожиданно заработал давно включенный телевизор. Я взял веревку, привязал за горлышко бутылку и подвесил под самый потолок к плафону. Выйдя в комнату спросил:

- Предлагаю сыграть в игру "Тепло-холодно".

Надо на кухне найти бутылку.

Петр вскочил и крикнул:

- Я первый, - и пошел на кухню.

- Тепло, тепло, горячо... - говорю я, предвкушая, что игра может быть длинной.

- Расскажи, - просят остальные.

Старуха живописует, при этом старик хлопает себя по колену, говорит: «Ай, хорошо!» Потом говорит так.

- Выздоровливать лучше всего именно с такой температурой.

Разгорается дискуссия.

- Здесь есть немножко от моей болезни, слава Богу, что мало, всего на три копейки, но конец болезни мне неясен.

- А чем неясен? Нормальный конец, главное не пропустить ни одного признака.

- А я, как болеющая, жажду новых медицинских открытий. Но я хочу и могу сопереживать, поэтому продолжай болеть и держи в курсе.

- А я думаю, что описывая свою болезнь, не следует точно называть больные органы. Надо как-то обобщенно или даже совсем изменить, чтобы создать общность, единение организмов...

- Как для простудного процесса здесь нормально. Но для настоящего заболевания симптомов недостаточно. Надо еще поболеть, понаблюдать...

Обсуждение заканчивается. Болезни дают о себе знать.

Тут мимо проходит седой старик с бородой. Видно, что его болезням вряд ли кто составит конкуренцию. Он понимающе смотрит на компанию и тихо говорит:

- А где Марфа? Давно ее не видал.

- Умерла Марфа.

- Вот не приходила она давно сюда, не обсуждала свои болезни.

- Да, закономерный конец.

- Прописал бы я вам анальгину, пока он не исчез, но тебе, - говорит он третьей старухе, - не поможет он, пока другие будут смаковать твои симптомы. И нет новых синдромов в старых болезнях. Смени лавку - и ты познаешь много нового.

АНЕСТЕЗИОЛОГ

На лавку под солнцем села старуха. Она явно была стара и явно с печатной болезнью на лице. И эту свою печать она не скрывала, а наоборот, сохраняла с бережностью, чтобы не исчезла. Болезнь делает ее значительнее в собственных глазах и позволяет с другими старухами разговаривать на равных.

- Я тебе рассказывала вчера о своей болезни, - говорит она второй старухе, - так ты мне что-то ничего не ответила.

- А что я могу тебе ответить? - говорит та. Отрицательно отношусь к твоей болезни, продолжай выздоравливать.

- Ты бы хоть доводы привела: как выздоравливать, что надо делать, что не надо.

- О чем разговор? - подходит третья.

- Вот я говорю ей, что надо продолжать выздоравливать, а она недовольна.

- А у меня есть новая болезнь, - говорит третья старуха, - послушайте.

Первые две старухи слушают и чувствуют, что они этой болезнью уже переболели.

- У тебя начало болезни затянуто, а в середине что-то непонятно, - говорит первая.

- Зато кончилось-то хорошо.

- А мне не понравилось. Думаю, врачи не вышкнут и не отправят в стационар.

Подходит к лавке старик.

- Вот еще один старпень, - оживляются старушки, ну-ка расскажи, чем болеешь?

- А ничем!

- Так уж и ничем?

- Завязал болеть. Надоело.

- А глаза-то налип. Ведь вредно, поди.

- А у меня всегда в глазах налито.

- Намедни, - заявляет одна старуха, - не успела закончить с одной болезнью, как другая привязалась.

Галина Щекина ЗИМА В ЗЕЛЕННЫХ ТРАВАХ

Кошка появилась из рук приятеля, гонимого необходимостью убивать.

Мы сидели на кухне после ужина, о чем-то добродушно болтали. В это время из кожного рукава приятеля, который тихо сидел поодаль - у него был период голодания - выглянул комочек снега. Выполз, понюхал атмосферу и улез обратно. Это было так вдруг, как в мультимпликации! Мы замолчали. После бесконечных минут накаленной тишины он опять показался и медленно вышел на табуретку.

«А-ах...» - выпали в осадок дети. Тут же загремели чашки, забулькало молоко - последний пакет распорол! Снег плавно изогнулся, лизнул блюдце и задумчиво поставил хвостик карандашом. И ушел принимать территорию... Приятель тоже ушел, сделав свое черное - или белое? - дело и усмехаясь в несгораемые пожарничьи усы. И началось, началось.

Молока в холодильнике всегда не хватало. Дети часто болели, им самим надо было много молока пить, но молоко доставалось только тем, кто успел утром - ветеранам, к вечеру основной продукт с отдела исчезал, а нереальное как снег существо как раз его и хотело. Белое тянулось к белому! Перед остальной едой брезгливо дрожало.

Дети долго и бурно обсуждали, мальчик оно или девочка. Они побежали, показали снежное существо соседской бабке. И та постановила: девочка! Вечером гордые раскрасневшие дети сказали торжественно:

-Мам, котеночково имя - Зима.

-Может, мы лучше вернем котеночка? - заискивающе спросила я. - Мы не договаривались на девочку, она начнет рожать по сто штук... Я не переживу.

-Переживешь! - бодро сказали дети. - Ты где видела такую белую, такую пушистую Зиму?

-Лучше бы не видела, - слабовольно сдалась я. - А не будет как с хомяком? Помните, как умер хомяк? У нас гибнет все живое.

-У хомяка не было домика, - разумно подытожила дочь. - Он сбежал под пианино и его пришлось доставать лыжной палкой. Была бы клетка, так и лыжная палка ни к чему.

-Но у него вздулся пузырь на лбу! И он не ел четыре дня! А потом закоченел и вы все трое, никто из вас даже не заплакал.

-Заплачем, мамочкин, если что, - утешили находчивые дети.

Ком снега по имени Зима из чудного кукленочка сделался грациозной кошкой. Не худой копией взрослой кошки, а изящной и плавной, только небольшой. Может, она и была худой из-за неполноценного питания, но из-за ворса ее белого и длинного, смотрелась прямо-таки облаком.

Она со всеми установила свои правила. Младший ее донимал бантами и завязочками, так что она от него вырывалась и с глухим рывканьем шпарила под диван. Среднего предпочитала на время кино, чтоб лежать на его животе. А вот с дочкой в любое время муркала бесконечные песни. С дочкой у них было родство.

-О-о! Ну и теплая она! - восклицала дочь, - Не прогнать, какая теплушая...

По утрам я чистила дочкину юбку сырой вырежкой и чертыхалась. Если не успевала, она так в школу и шла. А я сама пыталась установить с Зимой дипломатические отношения, но у меня не получалось! Я смотрела на нее, она на меня. И каждая подозревала подвох... Утром на всех парах, прямо в ночной рубашке, я мчалась ставить чайник и кошка опрометью неслась за мной вслед. По квартире рассыпался двойной скокот.

Лихорадочно шаря по пустому холодильнику, я достала дешевую колбасу дачную. Зима понюхала, пожеманилась и отъехала задним ходом. Я прищурюсь, смотрела на ее маневры.

-Что тебе не так?

Она с видом оскорбленной добродетели отодвигалась еще, отряхивая лапки.

-Как ты смеешь, - бормотала я, стремительно нарезая оставшуюся колбасу на сковородку и бухая туда яйца, - ты видишь, даже дети едят, а ты ковыряешься!

Кухню заполнял ароматное шипенье и кошка, уныло свернувшись в пирожок, поднимала уши, настораживалась... Поворчав минуты две, я швыряла ей кусочек из сковороды, который она, вежливо обжигаясь, съедала. То есть она не любила холодную еду! И не любила, когда еду бросали в блюдце задолго до ее прихода. Но если она видела, что при ней приготовили, остудили, подали, как в ресторане, тут уж смягчалась. А мне было обидно! Я согласилась взять, подрядилась кормить, когда у меня самой нищета, так должна быть благодарность или нет?

Принесла цыпленка, отрезала крылочки, лапки, гузки. Кошка неслышно выплыла из-за угла и встала над блюдцем, углубившись в новый запах. Прямо застыла вся.

-Слабо тебе холодное съесть, - прощентала я, пытаюсь однако не нарушить познание.

Но тут сработали инстинкты и раздался хруст косточек.

-Ага, - возликовала я, - зов крови! Хищник он и есть хищник.

Но я рано обрадовалась. На первый-то раз она остановилась на крылышках, на второй потребовала шейку, спинку... Она разевала розовый ротик, зычно вякала и становилась очень наглой, смотрела на меня остановившимися глазами. Такое попрошайство даже не вязалось с ее царственным белоснежным обликом. Чтобы она отстала, я бросала еще, еще... Однако, помня о детях, старалась не скормить ей всю курицу.

Налопавшись, она садилась напротив, осоловело качаясь.

-Чего добила? - спрашивала я ее. - До обеда борьба с голодом, после обеда со сном?

Она только ушком поведет. А спала в кресле и на диване. Чтоб на кухне лечь - ни боже мой. В крайнем случае на больших комнатных тапках, облепляя их плотным белым войлоком. И если ее случайно кто-то заденет, она поднимет все так же лениво голову или уши и весь ее балдежный вид как бы говорит: не то чтобы это вершина блаженства, но так - жить можно. И мне, такой задерганой, не успевающей между работой, плитой и двойками, это было обидно вдвойне. Неужели я должна метаться, ишачить и терзать себя, только чтоб эта ленивая сонная тетушка... не знаю даже, как сказать... лежала и потягивалась?

Я знаю, что кошек купать нельзя. Им это вредно. Но когда Зима выползла на улицу гулять, она своей пушистой кипенью собрала по крыше всю сажу, так что обратно шла

чучело чучелом. А дети вечно с ней обнимаются!
«Зима, Зимушка, а какая ты мягкая, теплая.
А какая ты печка...»

Я эту печку в ванную, а она - придушенно
орать. Тельце стало твердое как дерево, пух
и шерсть единся, шея длинная как у жирафа, глаза
одичалые. Я одной рукой держала ее в тазу,
вторую быстро мылила - еще и шампунь
дорогой рекламный на нее, поганку, тратила.
Дети, конечно, участвовать в этом не хотели.
Они потом брали ее, завертывали в пленку
и грели. И она муркала, муркала, как каша на
огне. Потом шла дрожать и вылизываться.
А я тоже отходила как могла. Это купание
было самое нервное дело.

- Что ж ты раньше не вылизывалась?
Сразу после помойки? - ехидно спрашивала
у нее. Она не реагировала. Не считала
важным с мучителем общаться.

Ночью, бывает, встану - кому поить,
кого в туалет. Кошка воспринимала это как
сигнал к жратве и пока я что-то не брошу ей,
с кухни ни в какую - сидит под раковиной,
надсадно мяуча. Я брошу кусочек, а она схватит
и бежит, пригнув байку, в темный угол...
прятать. Спрашивается - зачем кланчнись, если
все равно не трескаешь? Если она все же ела,
хрустя костями в ночи, то тоже сильно меня
раздражала.

- И днем, и ночью! - негодовала я.
Обжора! Обжорство - признак слабоумия.

И бросала в ее сторону тапку.

- Не шпыняй божью тварь, - бормотал
добрый папа, - она не виновата, это биология.

И она, кстати, чувствовала его
безусловную поддержку. Вечером, когда нас
пять человек собиралось у телевизора либо в
большой комнате с уроками и газетами и
получалась невероятная плотность населения
на один квадратный метр, кошка стремилась
к папе. Мягко вспрыгнет на его доброе брюхо
и давай вино на нем давить. Топчется, топчется
полчаса, пока не устанет. Папа тихо гогочет от
вина и цекотки, мы все бросаем свои занятия
и тоже смеемся. Тогда она обижено ложится
и еще час муркает. Ко мне она не лезет, знает,
что шугану, хватит мне этих юбок чистить.
Только мельком глянет на меня и мимо... и
небось, думает - к этой злоке ни за что... и нос
задерет... Что, понравилось?

Настоящая идиллия началась как раз с
ее родами. Перед тем она долго ползала на
своём раздутом животе, как баржа на перевозе.
У нее лапы плохо доставали до пола, морда
вечно сонная, вид вообще до того
биологический и тупой, что сил нет. Даже
дочка смеялась - ну ты и раздулась. Зима, не
лоши...

Я уж не говорю, сколько она лопала еды
в это время, сколько куриных пожек,
отложенных для детей, котлеток и яичницы
покрала с высокого подоконника. Бить ведь
нельзя, чем она и пользовалась. Но я никак не
могла привыкнуть, что все это надо прятать.

Потом однажды стала метаться и тревожно
вякать. Лазала то туда, то сюда, забивалась
даже в одежный шкаф, чего я вынести никак
не могла. Неужели я еще должна давать ей
спать на своих полотенцах и детских маечках
с бабочками? Я сдержалась, поставила ей
коробку с подстилкой в угол, но ей это не
понравилось и когда я пришла с работы, она
уже не орала. Я покскала ее, пропикла на
писк и чуть в обморок не упала. Мама родная!
Родила на моих руках! В диване! Плоды
бывших влюбленностей, цоиски истины и
духовности - были в крови-грязи и в котятках.

Перетачив все это безобразие в коробку,
я выбросила папки и три месяца
восстанавливала рукописи. Котят утопить не

удалось, дети мои страшно вопили, что коли
те под светлую Пасху родились, губить
нельзя, ангелы-хранители не одобряют... Зато
ангелы одобряли полное издевательство надо
мною, когда я полностью зависела от этой
мяукающей семейки. И то, сколько дадут поносить,
и то, сколько еды останется. Только соберемся
строганины из мороженой рыбы наделать -
как они уже потрусили туда в немой тоске.

Теперь на кухню уже проносилась не
одна пасть, а целая орда в пять пастей, я в
ужасе бросала им две-три сырых рыбы и
закмурившись убежала, чтоб не видеть их
урчания и потасовок. Эх... А ихний тазик,
который адски вонял, и бабушка со стопами
вышпыливала его в прихожую, чтоб я,
единственная кошачья прислуга, его выносила?
Я пыталась приобщить к гуманитарной помощи
детей, уверяя, что следить за кошками
должны они, но они меня не слышали.
Видимо, я какая-то бесобразная,
неответственная мать, не могу заставить.
Покричу, помахаю ремнем и бреду сама с этим
позорным тазиком на боку - выносить.

Знал бы мой верный приятель с усам,
что он натворил! В некоторые моменты я уже
не понимала, что кошки снимают стрессы и
электричество. Пусть бы снимали что угодно
у кого угодно, только б не у меня... Я в
оцененении наблюдала их дикие игры,
разбросанные где попада экскременты, мокрые
покрывала на креслах и цирковые раскачки на
шторах. Дети, разумеется, визжали, и прыгали
с ними вместе.

А я шептала: «Надо же, господи, как я
не люблю животных.» Открыв это в себе,
ужаснулась. Раньше думала, что я добрая, а
жизнь мне доказала обратное.

- Не любишь? - удивлялся добрый папа, -
Оглянись назад. Причина не в ней, а в твоей
психике. Все внутри тебя.

Он был прав. Психика держалась еле-еле.

Я пошла к своему знакомому
психоаналитику, у которого на визитке
лучилось синее небо в кучевых облаках и
золотом проступала фамилия. Как будто он
такой реющий дух вроде чайки Джонатан.

- Слушай, есть у меня сомнения насчет
моих этических норм, - неуверенно сказала я -
Это же патология - ненавидеть кошку? Божья
тварь, тем более дети как ее любят. А как
быть мне?..

Аналитик нежно улыбнулся.

- Когда нет детей и друзей, когда никого,
кроме кошки и собаки, когда магазины
забиты едой и сервизами для кошек - это
патология. Когда близких променяют на
зверя, на тварь божью - возможно, патология.
Но когда у тебя такой плотный общеческий
круг, когда даже людей больше, чем надо -
тут ничего патологического нет. Твои вышки
- сигнал близким, что ты уже без сил, вот
и все. Любовь к живому - это проявление
духовности, конечно... Но твои отношения с
кошкой не говорят о твоей бездуховности. Вы
изучили друг друга и не совпали. Инстинкты
одной не дают жить другой. По крайней мере
ты честно в этом признаешься. А честность -
тоже признак духовности. Думай о себе в таком
режиме...

Глаза психоаналитика были синие и
безбрежные, как небо на его визитке. Мне
показалось, что он пытается дать мне
положительную установку, излечить меня от
моей ненависти к кошке... Я смутилась.

Это были далеко не все испытания.
После того, как я вместе с детьми долго
унижалась и расчихала всех котят, всю эту
шумную псюрню - началось, оиять началось.
Кошка стала скрести лапами голову и содрала

с нее всю кожу до голого черепа. Приходят ко мне чужие люди по делу, кошка выходит из-за угла в прихожей и садится. Люди смотрят - у нее башка за ушами окровавленная. У них постепенно глаза вытаращиваются и они смотрят, смотрят, не в силах даже нить разговора поймать. И скомкав любую идею, убегают, не попрощавшись. Может, они думали, что я ее бью, так как я злая зараза или сама кошка заразная - не знаю. Короче, я детям обрисовала обстановку и сказала, что если они ее в ветлечебницу не свезут, я ее усыплю.

Дети долго шушукались, боялись ехать, зверячья больница у нас далеко, но поскольку были каникулы, они взяли денег и рискнули. Видимо, до них дошло, что я уже не шучу. Оказалась у кошки в ушах какая-то моль, она там копошилась и создавала невыносимый зуд. Врач насыпал ей в уши пуд серы и она перестала драть свою бедную башку! И через неделю череп зарос. Все-таки дочка молодец, волевой человек. Решила вмешаться - и помогла. Да они вместе... Они даже как-то сдружились в тот день, в знак защиты Зимы.

У детей был праздник. Обнимались с кошкой день и ночь: «Зимочка, какая ты царица, какая ты у нас бочка выросла...» А я даже про себя не могла ее по имени называть. Ни по имени, ни как добрый папа - тварь божия. Только первое слово. Тетеря, наконец.

Казалось, это навсегда: детское мур-мур и мое отчаяние. И вдруг коллега по работе, завхоз Мариночка подошла и вслед попросила котеночка. Я говорю самодовольно:

- Какое там! Кончились котята.

- Ну со следующего раза... - не отставала Мариночка.

- Так вам kota или кошку?

- Конечно, кошку. - Мариночка завздохала. - У меня мама в деревне так просит, так просит кошку! Чтобы мышей ловила, много котят рожала, чтобы вся деревня свободно вздохнула. Я привозила ей котов, да они сбегают и дичают, такие худые оказались, урки, а не коты.

Сердце мое громко застучало. Я поняла, что если мне судьба дает шанс, надо шанс ловить. Удалить ее, сослать - только так можно спасти ее жизнь. Только ссылка! Иначе я не ручаюсь...

- А если большую кошку?

- Так вы ж не отдадите большую, жалко, небось...

Это мне-то жалко? Я от близкой свободы даже разволновалась. Договорилась, что Мариночка придет с сумкой на замке, когда детей дома не будет и сразу на машину и в деревню... Так все и случилось. Был тяжелый момент, когда они узнали. Дочка плакать пошла. Я в сильном напряжении пыталась ей говорить, что больше так жить не могу, у меня скоро крыша поедет. Что они не хотят мне помогать, все свалили на меня, а я кроме работы, детей и плиты уже не имею права попеть под гитару, постучать на машинке, вообще пожить как все люди, без этой нервотрепки. Я взывала к жалости. Она сморкалась и смотрела на меня так, как если бы крыша у меня уже поехала и я совершенно убогий человек.

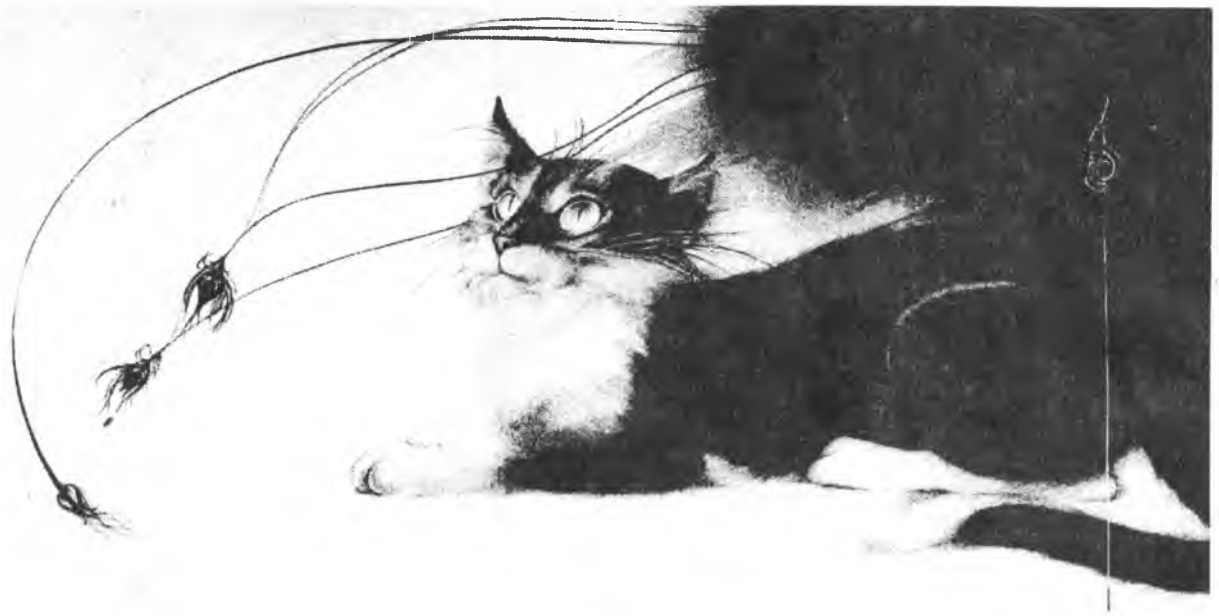
- Ты ничего не понимаешь, - грустно сказала она.

- А ты? - горько спросила я.

Все затихли и понурились, как при потере близкого...

Каждый раз, когда Мариночка возвращается из отпуска, она рассказывает потрясающие новости. Кошка рожает в деревне как из пушки. В каждом доме теперь есть белый кот! Кошка совершенно не любит их маму, то есть хозяйку. Подходит и ластится только к хозяину избы, с ним же спит на кровати. Кошка развелась на мышах и приобрела в деревне сильный авторитет. Она сперва ловит себе, потом окрестным котам, которые сидят у ворот и ждут. А может, это все ее дети? Она важно идет и несет мышью, кладет ее перед этими лентяями. Тенюхают и подарок, и дарительницу. Мурчат, обливаются, но не кидаются лопать сразу. Это ритуал. Потом она вперевалочку уходит за другими мышами. И как она мышей ловит, когда на вид такая баржа, не повернется? Ее теперь не надо купать, она стала белая-пребелая, снег, а не кошка. Идет, подняв хвост как у белки трубой, переваливается, больно толста. Она идет себе среди травы, сонно смотрит через плечо зелеными глазами и дальше. Можете съездить, посмотреть, а я и так верю. У нее, наверно, настала настоящая жизнь, где правит природа. Жизнь Зимы в зеленых травах.

Графика Ольги Борздиной

**Анастасия
Веселова
КРИЧАЛИ ЧАЙКИ О
ТАЙНОМ ГОРЕ...**

Опять тоска мою терзает душу,
И власть ее не в силах я нарушить.
Она живет во мне и днями и ночами,
Руководит слепыми палачами,
Которые, ее покорны слову,
Меня пытаются изошренно-ново.
Сбежать от них хочу я - бесполезно.
Лишь оживу, опять в тисках железных
Моя душа забьется слабой птицей.
Ее запрут в холодную темницу,
Где слезы мрачных духов подземелья,
Ей поднесут, как сладосное зелье.
Припав губами к мертвому напитку,
Увидеть вдруг, как слабнет с жизнью
нитка
Ее связующая призрачно-обманно...
И уведет Морфей ее в свой мир туманный.
Но и во сне ей не познать покоя.
Все то же испытание тоскою
Она покорно примет, уж смирившись.
И стихнет сердце, так и не забывшись.
А я, устав от тысячей бессонниц,
Пойду туда, где со священных звонниц,
Летит ко мне благая весть спасенья,
Открытая Христовым воскресеньем.
Войду я, преклоню свои колени,
Услышу с неба ангельское пенье
И просветлев прозревшими глазами,
Омою душу грешными слезами.
Соприкоснусь я с истиной святою
И вымолю желанного покоя.

24.07.94г.

* * *

Осень жизни. Осень года.
Два прохожих человека. -
Утомленная природа
Остывающего века.

Унесли листья столетий.
Голо дерево желаний.
Впереди широкой плетью
Обжигает страх познаний.

За чертою мироздания
Темнота ли, свет манящий?
Там пусты земные звенья.
Там - любви восторг пьянящий...

Прохожу под листопадом
Жизнь свою я без оглядки.
Здесь командует парадом
Осень века, как заплатами

Листья желтые роняя
На прорехи наших судеб.
Но боюсь, что в кущах Рая
Места нам с тобой не будет...

30.10.94г.

* * *

Когда тебя не было рядом со мною,
А ночи были холодны и бессонны,
В темноте, задыхаясь пустотою,
Я молила Бога подарить сон мне.
Чтобы я утонула в море горячем,
Сбывшихся по волшебству желаний.
Чтобы я позабыла, как душа моя плачет,
став от бесконечности ожиданий.
Чтоб в блаженстве витала я в просторах
Вселенной,
Слыша Голос, зовущий к вечности Рая.
Никогда не вернулась бы в мир этот
тленный,
А парила б, в бессмертии крыла
простирая.
И услышав молитву Разум Всевышний...

Но пришел ты и вывел меня из забвенья!
И тогда мне мой сон показался вдруг
лишним,
Я его прогнала, вняв твоим увереньям...
Отчего же теперь - ведь ты рядом со мною,
И дыхание наше звучит в унисон -
В темноте задыхаюсь я теснотою
И молю Небеса возвратить мне тот сон.

8.10.94г.

* * *

Сгорало солнце вдали на море
Лиловым светом.
Кричали чайки о тайном горе,
Прощались с летом.
Внушали сердцу тоску полета
В чужие гнезда.
Ночь не спешила. Ждала чего-то.
Мерцали звезды.
А за спиною томились крылья,
Прося пощады.
Устали спать, покрылись пылью,
Взлететь бы надо...
Душа рванулась за белой стайкой
На небе ночи.
«Пусти меня, я буду чайкой.
Пусть жизнь короче!»
Забуду землю, дела мирские,
Отдамся воле...
Лишь только сердце плеснет тоски мне -
На рану соли.
И я вдруг вспомню - с тобой рядом
Была любимой.
Сломаю крылья в безмерном горе,
Паду за склоном.
А сестры-чайки разбудят море
Тоскливым стоном.

1991-1992 гг.

Нина Веселова ТВОИ СТИХИ, НАПИСАННЫЕ МНОЙ

(персидские мотивы)

1
О лучезарная, не бойся холодов,
пока я рядом, нежен и здоров,
тебя согрею я и знаю - ты
вернешь мне эту долю теплоты.
Пусть не страшит тебя твоя печаль,
которая приходит по ночам.
Я призван от нее тебя хранить,
а ты - моей судьбы упрочить нить.
Когда тебя густой обступит мрак,
не опасайся, что обидит враг.
Из сердца я исторгну жаркий свет.
А ты - меня убережешь в ответ.
Ты ничего не бойся, ангел мой,
и возвращайся сильною домой.
Мы черпаем из общего котла,
пока любовь не догорит дотла.

2
Ты мной располагай, пока я рядом...
И не гляди таким угрюмым взглядом,
и не зови ненужную нам ссору.
Теперь бы только позабыться впору
и полюбившись до изнеможенья,
лежать в твоих объятьях без движенья
и тихо слушать, как рыдает флейта
о кратких днях украденного лета...

... Среди бурянов жизненной зпмы
собою не располагаем мы.

3
Мне кажется, родная, ты цветок,
а я - пчела, присевшая в полете.
И обнимает каждый лепесток
все островки моей поющей плоти.
И выгибаясь сладостным нутром
в сознании чарующего дара,
ты воздвигаешь раскаленный трон
во глубине волшебного нектара,
чтоб я вовек насытиться не мог
и наполнял тоскующие соты...
И чтоб однажды подивился бог,
узрев твой сокрытые красоты.
Они померкнут, отживя свой век,
лишь только лето красное промчится.
Зато зпмой недужный человек
янтарным медом сможет излечиться.

4
Прости меня, что я, как нитки шелк,
сквозь жизнь твою, не думая, прошел.

Прости, но только душу не неволь
за то, что я тебе доставил боль.

Прости, мой незабвенный человек,
что у любви такой короткий век...

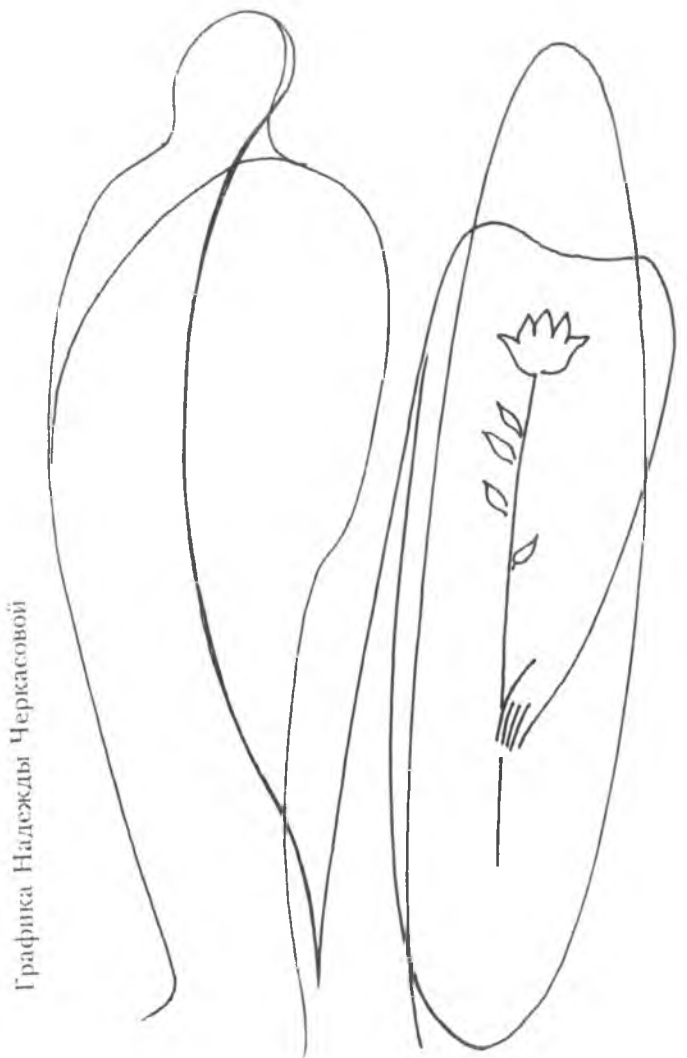
Познавшая пожар любимых рук
и помраченье мысли от разлук,

теперь, когда огонь в тебе затих,
я знаю - ты поймешь и боль других.

5
Я - раб твоей души мятежной,
а ты - рабыня наших скал.
Зачем тебя в лесах безбрежных
себе на горе я сыскал?

Твои глаза разят как стрелы,
и груди спелы как гранат,
а от плечей незагорелых-
травы пьянящий аромат.

В холмах белеющего тела
я заблудился как река.
И вечно греть его хотела б
моя стыдливая рука.

Графика Натальды Черкасовой

И губы вечно бы срывали
тюльпанов жаркие цветы...
Когда б себя как на привале
со мной не чувствовала ты.

когда б и я душой не рвался
между предгорий и лесов,
и этот миг грехом не звался
и не катился колесом.

6

Ладонями ты закрывала уши.
прощальный голос мой не в силах слушать.
По сердца моего истошный крик
в твое на расстоянии проник.
И реки, и моря с тобою рядом,
и дождик по лицу стекает градом.
По губы задыхаются в огне
от жажды нескончаемой по мне.
Огнями полон твой далекий город,
в нем светятся лицом и стар, и молод.
По глаз моих тебе снявший свет
погас, и темной окутан свет.
Куда деваться от безмерной скорби?
Мы не вольны конец себе ускорить.
И не вернуть ушедшего обратно.
И в память об огне - на сердце пятна.

7

Не хочу, чтобы мной у поэта
зря была бы гордыня задета.
Только что тут понишешь, дружище,
если женщин изведаль ты тыщи,
но не знаешь, как все на востоке:
только женщина дарит нам строки!
И когда в них огня полыханье -
это нашей любимой дыханье,
и когда в них отсутствие воли -
это нашей возлюбленной боли,
это страхи ее и сомненья.
Это - стихотворенья.
Я из тысяч одну только встретил
на дороге, где властвует ветер.
И узрел, как грубы и жестоки
многих сладостных строчек истоки.
И я бога взмолил в небесах:
пусть на строгих судейских весах
никакая божественность песен
горе женщины не перевесит!

8

Сколько стихов я шептал на рассвете!
Знай, что отныне за них ты в ответе,
ведь - от тебя рождены в тишине -
больше они не подвластные мне.

И не тоскуй о разлуке до срока:
я не оставлю тебя одинокой.
Разве напрасно сквозь слезы твои
душу поэта в тебе я творил?

Речи мои - не простые подарки.
Строки из них мускулисты и жарки,
словно объятья...
Ты чувствуешь? Вновь
с рифмой к тебе возвратится любовь!

ПРОЗРЕНИЕ

Недовольна я днями своим -
суета им позорное имя,
равнодушные, вялость, тоска...
Как же так, если возле впаки
близкой смерти холодное дуло?
Если северным ветром подул
из космических стылых глубин?
Что скажу я один на один,
оставаясь пред вечным покоем?

Что мне дни посылали такое
пзобилне всяческой дряни,
что я часто ходила по грани
помраченья и здравого смысла?
Ярких радужных дней коромысло
столько раз мне прощенье вещало!
Столько раз я себе обещала,
что назавтра начну путь свой снова!
Только что оно значило, слово,
если не было в сердце боязни
вечной казни?
А теперь она рядом. И сразу
отступила пороков зараза,
отошли все соблазны на свете,
только жаркою точкою светит
вперед обнаженне сути...
И торопишься в каждой минуте
наверстать пролетевшие годы,
и считаешь, что даже невзгоды
не беда, а знамение свыше:
дескать, надо умнее и тише,
посOLIDнее и подобнее...
Жаль, что мудрость чужая не греет
тех, кто скоро проществувет следом,
кто крушение считает победой,
кто частенько шагает по грани
всякой дряни!..
Как же мне далеко до итога!
Как мучительна эта дорога,
если и обратившись во Имя,
недовольна я днями своим,
и меня не пускает тоска,
и опять холодит у виска
жалкий страх неизбежной расплаты
за такие безумные траты
невозвратных и радостных дней!
Я не первая плачу о ней
и даю наставление детям,
хоть и знаю вперед, что ответят
мне они на такие уроки.
Хоть и знаю - всему свои сроки,
свои бедствия и поклоненья
у любых поколений...
Так куда мне теперь этот опыт?
Для кого мне прокладывать тропы?
И нужны ли кому-то уроки,
заключенные в горькие строки?..

*

Неужели...
 Неужели, где накурено и потно,
 я могла когда-то петь
 и смеяться беззаботно?
 Неужели, неужели
 и в моих глазах когда-то
 перевернуто читалось
 то, что проклято и свято?!
 За былые прегрешенья
 не отринь меня, о Боже!
 Неужели, неужели
 я была ребёнком тоже?
 А теперь перед тобою,
 вся покорность и страданье...
 Неужели, неужели
 не поможет покаянье?

*

Собралась я к причастью,
 свою душу на части
 разняла.
 Здесь - греховные страсти,
 здесь - ворованным счастьем
 я жила.
 Здесь - слепые поверья,
 здесь - трона недоверья,
 здесь сомненье в пути.
 Если двигаться дальше,
 то ни часу без фальши
 не найти...
 Стои, разумная сила!
 Сколько раз уносила
 ты меня не туда,
 а затем подносила,
 а затем подкосила
 без труда!
 Больше ты не сумеешь
 тем, что походя мелешь,
 провести
 Я новинную душу
 к покаянию не струшу
 донести!
 А разверзнется почва,
 я пойму среди ночи:
 неспроста.
 Значит, я в этом часе,
 разнятая на части,
 нечиста.
 Но горящую чашу
 поднимаю бесстрашно
 не одна.
 Во благие свершенья
 я свои прегрешенья
 пью до дна.

*

Если вам однажды скажут, что на будущей
 неделе
 в понедельник на рассвете вы закончите
 свой век,
 вы по-прежнему сочтете, что сказавший
 вам об этом
 человек?
 Если в искреннем порыве вас любимый
 остановит
 и напомнит очень трезво, что разлук не
 миновать,
 вам захочется ли завтра с ним увидеться
 и снова
 губы, молвившие это, нестученно целовать?
 Тот чудак, кто рвется правду говорить
 словами прямо,
 полагая, будто в этом есть премудрости
 венец.
 Но и тот, кто посчитает, что неназванная
 горечь

вообще не существует, тоже явно не
 мудрец.

Потому не стану строки завершать сухим
 итогом
 - дескать в жизни все двойко и извездано
 сполна.
 Что нам проку в этом знанье, если
 счастливы бываем
 лишь когда несет сквозь время нас
 бездумная волна...

*

Кто говорил, что без меня
 не сможешь ты прожить и дня?
 Какая мелочная ложь -
 года идут, а ты живешь!
 И я, прости, мой друг, жива.
 Пустыми были те слова...
 Уже давно иной кумир
 мне освещает этот мир.

Клятвы верности, увы, нарушаем,
 потому-то мы - как все - выживаем

*

Твои руки словно пара голубят.
 Ты опять меня голубишь, не любя.
 И опять я легкокрылого тебя
 успокаиваю, кудри теребя.
 Не кручинься, мой залетный голубок,
 что и ты мне счастья вымолить не смог,
 что в душе над пенелищами дымок...
 Не кручинься и поверь: со мною Бог.
 Может, он не бросит бедную меня,
 словно Феникс, я восстану от огня,
 и на склоне моего земного дня
 кто-то насмерть все же влюбится в
 меня.

*

Все прошло. Я излечилась, други.
 Дальше жить я буду без натуги,
 без тоски по пламенной любви...
 Просто по рождению я Овен
 и наивность мне присуща с детства,
 и на всей планете нету средства,
 чтобы охладить мой жаркий пыл.
 Всякий, кто хотел, со мной пил
 бражного и грешного напиток.
 Но никто не ведал, что за пытка
 всякий раз подняться мне из пелла!
 Я считала, что судьба ослепла,
 потому и делает ошибки.
 Если б чувства не были так зыбки,
 так легко подвластны переменам,
 разве прибегала б я к изменам,
 жадная до верности мужской?!
 Слава Богу, что теперь покой
 мою душу тихо населяет.
 И одно ее увеселяет,
 о мои бесчисленные други
 что теперь живу я без натуги,
 без тоски по преданной любви -
 я, на свет рожденная как Овен...

Илифика Надежды Черкасовой

*
Хватит. Сажусь дома
Надо писать, писать...
Переборов дрему,
Душу свою спасать.

Долго она металась.
Времени больше нет.
Только -то и осталось -
За поворотом свет.

*
Когда с животной тоской
душа металась в клетке тела
и я помочь ей так хотела,
мне молвил глас из звездной ночи:
«Оберегай себя! Ты дочь
на Землю навшей жизни вечной...
Знай - все, что манит - быстроточно,
что ощутимо - станет тленно.
Одна душа благословенна!»

Она ж томилась в брешней плоти,
Ни звука против!

О, сколько раз в былое время
я опускала ногу в стремя
и устремлялась ветру встреч!
И повести об этом речь
я так давно себя готовлю,
что ничему не прекословлю...

Теперь я знаю: пробил час.
Пусть много позже, не сейчас,
но эти письма откровенья
признают как стихотворенья.
Сейчас о том не хлопочу,
а просто говорить хочу.

Мне будет... было тридцать семь.
Дай Бог прожить по столько всем
и обрести в душе покой,
и благодарною рукой
касаться детского плеча...
Надежней не было врача
от горькой смуты и тоски,
особенно когда близки
твой последние мгновенья
и ждет тебя повиненье
извечной участи людской
с молитвами за упокой.
Пусть да обрящет ваше тело
иные звездные пределы
и обретет свободу дух.
А дочери прошепчет велух
все тот же глас из звездной ночи
«Оберегай себя! Ты дочь
на Землю навшей жизни вечной...
Знай: все, что манит - быстроточно,
что ощутимо - станет тленно.
Одна душа благословенна.»

* * *

Сергей Лисицын Я ЧУВСТВУЮ НЕВИДИМУЮ РУКУ

ТЕМА I

Сонет 1

Навек пронзен тоскою древней вещи
Средь суеты сует и тянущей беды
В девятом круге слизистой среды
И в пятнице, пугающей бесчестьем
В меня впиваются минуты люди вещи
И я их пью не зная вкус воды
Забыв про изреченные сады
И о звезде что вечно в небе блещет
Не разорвать мне цепь незримых нитей
Лобзающих предметов и событий
В которых нет ни сикля бытия
Не вытерпеть терзающих плетей
Не пронести венок царя царей
И морщась я целую сам себя

Сонет 2

Что эта жизнь? Тщета, небытие
Растянутое в вечности мгновенье
Подножье - тьма, венец - недоуменье
А в сердце - вождельня острое
Себе подкрашенной хвалу она поет
В засаде поджидая легковерных
Избранникам своим цинизмом и презреньем
Бокал наполненный склоняясь подает
Здесь счастье - призрак завлекает в пропасть
Удача не скрывает свой оскал
Случайность церемоний пышных просит
Вершины гешев песок времен заносит
Иконы свет заглушен страха воском
Все вместе ж это - смерти пьедестал.

*

*Я устал от светов электрических
(В. Брюсов)*

Я устал от светов электрических
От горящих фарам машин
От рекламы слишком ослепительной
От назойливой веселости витрин
Мне тревожно в этом гулком городе
В каменной суровости аллея
Вест неуютным жутким холодом
От визгливой радости теней
В этом оживленном смертью кладбище
Нет цветов и шелеста ветвей
Светом электрическим пожарнице
Извещает о беде людей.

*

Знакомых лиц случайных встреч
Невероятные узоры
Горящие опасно взоры
Прерывистая в злобе речь
Стремление достигнуть цели
Неуловимой как мираж
Наивный детский эпатаж
Кроваво-детские дуэли
Слепой театр слепых теней
Снигающихся мудрецами
В веселой до упаду драме
Со светом вечности над ней

*

Позолочены крыши
Подступают все ближе
Вечер лунного дня
В молчаливом привете
Мне невидимо светит
Зов ночного огня
Луч на улицах тает
В тишине пропадает
Затухает во тьме
И холодным свеченьем
Заколдованным пеньем
Льются волны к земле
И неведомо манит
И таинственно тянет
И к тоске и к любви
Но привычное ближе
И надежные крыши
Защитят этот мир

Моноримический сонет

Темнее ночи Ночь перед рассветом
Сквозь зимний Холод трудно
вспомнить лето
Земля бетонной Коростой одета
Есть лишь Цвета, но ни цветов, ни света
От музыки остались лишь Куплеты
А правда - за семью замками Вето
На поиски наложены Запреты
На зов любви струится Гной ответом
Смерть милостиво царствует планетой
Ложь поощряет Клевету, Наветы
О Горестях пророчат все Приметы
Хоть вроде жизни нет черней чем эта
И нет людей дурнее чем поэты
Зовущие к чудесному рассвету

*

Морям бескрайним волн незримых
Бесстрастных и неутомимых
В границах призрачных смертей
Мы отдались чтоб эти силы
Спокойно и неустержимо
Без напряжения и затей
Без чувств неленых и страстей
И необузданных идей
Надежно вынесли нас к цели

Но там стоит привратник строгий
Он пропускает лишь немногих
Тех кто сумел быстрее добраться
Тех кто намешек не боялся
Тех кто свернул с большой дороги
И по тропинкам пробирался
И бедствовал и побирался
Тех кто юродивым казался
Кто понял правила игры
Не трепыхался до поры
И - раз - вдруг в первых оказался.
Кто понял что порой успех
Лишь в непохожести на всех.

ТЕМА II

В святащихся сняющих садах
Есть люди странные в одеждах белоснежных
Они взирают на тебя с улыбочкой печальной
И с пониманием в бестрепетных очах
В них нету доброты а лишь терпенье
Спокойное желание помочь
В словах и действиях ни тени раздраженья
Хотя спускаются они из света в ночь
И видя их сам чистишься от скверны
Их помощь ненасильственна незла
И потому они не снизойдут туда
Где ввысь желание несовершенное
Они не действуют - указывают путь
А двигаться иль нет - твое лишь дело

Андрей Коков ВОЛОГОДСКИЙ ВЕТЕР

Быстро гаснет горизонт горбатый.
Мокрый ветер гонит облака.
Омуты, куры и перекаты
преодолевают Юг-река.
Огоньки за шторами простыми.
Улицы туманами накрыв,
где-то за увалами лесными
дремлют Чухлома и Кологрив.
Здесь душа людей светлей и шире,
но и тяжелее камни дум.
Затерялся в отстающем мире
древние Ардагов и Уржум.
Шум листвы, дождя. Но жить-то надо
и не там, где Невский и Арбат,
и работать только за зарплату,
сознавая то, что виноват -
виноват, неся домой усталое
боль свою в неброский скудный быт:
тем, что ничего здесь не стояло,
не сгорит, как дождик все сгонит.
Дом бросаешь, едешь в край далекий
новые осваивать места,
чтоб отцовский холмик одинокий
дикую малиной зарастал.
Спит неплодотворная Россия,
На духовно оскудевший мир
радиоволнами из эфира
кашится чужой, столичный шир...
Поздно врать. В смятении душевном
испину мы гоним прочь с тоской.
В нашем состоянии плачевном
есть удобный метод жить - покой.
Плюнь на все и будет все в порядке.
Скажут соглашайся - соглашайся,
скажут лги - старайся без оглядки
и перед начальником прогнись.
Самый мудрый - это обыватель:
смелые, герои шли на смерть,
он же, отседвинившись под кроватью,
продолжает кушать и бодреть.
Верные пособники террора,
патриоты кваса и битвы
не пре небрежали разговором
для приобретения жилья.
И когда на фронте смерть гремела,
со вином мешая кровь и пот,
пекные сатрапы руки грели
на голодных порциях супот.
Методично Русь изничтожая
волоконитой, пьянством и жульем,
истоптавши душу как Мамай,
все же не уничтожили. Живем.
Надо жить, браток, а не вертеться,
и работать, а не потреблять,
и должно болеть за правду сердце -
хватит только окостеневать.
Люди с твердокаменными лбами,
с волосатой даной тут и там,
нас при жизни не тревожит память,
но вне заложенных программ.

Вы еще поборетесь, меняя
методы обмана, маски, джи,
молодым растущим негодьям
торную дорогу проложив.
В радужных и ненадежных красках
рисование мира вам с руки
и недаром в ваших ветхих сказках
сплошь преуспевают дураки.
Дураку живется прихотливо,
весело глядеть в телеэкран,
и любому умственному чтиву
он предпочитает ресторани.
Велика Россия, много места
разводить на грядках дураков.
Есть для них жилища и невесты,
тьма автомобилей и станков.
... Горькие раздумья, ночь несчастна,
слушаю известья о войне,
и не сплю, а это все напрасно
и ужасно потому вдвойне.
Старый мир все тешится разворотом,
опасаясь завтрашнего дня.
Ночь молчит, убийствами чревата
и зачатьем нового огня.
1986

ПЛАВАНИЕ

Река времени. У перевоза
Толпа народа. Запах навоза
фенола и прочих излишеств быта.
На той стороне, где баба с корытом
готовится выплеснуть на фиг младенца,
комиссия сморкается в полотенце,
принимая хлеб и соль на объекте.
Объект вырабатывает обеды.
Остатки как основной продукт,
оправдание должным качествам рук.
Головы, стоящие во главе,
имеют особый фарш в голове.
Поручик трудится в зале суда,
вводя туда, выводя сюда.
Госпремия вручена группе лиц,
внедривших многократный одноразовый
шириц
Кооператив "Вымогатель" предлагает
услуги.
За поворотом народные слуги
Задумывают новый коварный слух,
Что нам и впрямь не обойтись без слуг.

На весла дружно налегая,
продвинем воду вдоль бортов.
Музыка бодрая играет
старинный марш "всегда готов"
Неспешно моют трактористы
в реке железного коня.
Неспешно проливает пристань,
Верандой летнею маяя.
Чего желать? По банке пива
да по еписке бы в кругу.
Подъехать к девочкам красивым
и порезвиться на дугу.
На берегах сгребают сено,
пасутся тучные стада.
О, загорелые сирены,
куда бежите вы, куда?

Поманем нас, на кой-то яд рожденных,
и мучиться рассудком обреченных.
Ах, суета - гордиться бранным телом,
целилку он для удобрений.
И зданья, и дозуйги ветшают.
Танцор неважный тот, кому мешают.
Он трудности желает одолеть,
но прежде успеваеет околеть.
А нам опять расхлебывать, и яд
погубит нас, и нас же обвинят...

Вот голова. На ней растут власы,

топырясь на затылке хаотично.
 Вотще, поручик! Пробили часы,
 отныне ваш приятель эластичный
 поник головой и тупо смотрит вниз.
 Увы, таков удел для бранных, сирых.
 Что толку прозябать? С десятков виз
 оформить бы без трудностей ОВИРов,
 да на корабль, да плыть, да пиво пить.
 Обследовать неведомые земли
 и, мудрости предшественников внемля,
 построить дом и древо посадить.

УЛИЦА В ПОЛ-ТРЕТЬЕГО

Томление духа. Сумерки умов.
 По городу, лишённому просторов,
 бреду я мимо каменных домов
 и деревянных крашенных заборов.
 И думаю. А ветер шевелит
 листьями, что срываются вдогонку,
 но падают. И все еще не спит
 народ: кто разливает самогонку,
 кто к телику приник, а кто лежит
 с подругой на расшатанном диване,
 а кто-то самокрутку апаши
 прикончил и блаженствует в нирване.
 А может, где-то столик с кофейком
 стоит под перекрестным огоньком
 мыслителей, и рюмки с коньяком
 глядят на них с печалью и укором.
 И окна одиноких. Кто-то чай
 заваривает. Кто-то помирает.
 Кого-то осенила незначай
 идея. Или яростно бросает
 окурочек в унитаз, и спать невмочь:
 рассвет придет, но ужас в том, что ночь
 наступит неизбежная опять...
 Писание гласит: "найду, как тать"...
 Бессонные мои, я вас люблю.
 Панельки и кирпичные хрущевки
 мне служат маяком, когда не сплю
 и слышу, как упорно, без ночевки
 на юг стремятся гуси в темноте,
 шаги мои отбрасывают тень,
 да листья все отчетливей шуршат,
 да провода над улицей дрожат...

1990

ВОЛОГОДСКИЙ ВЕТЕР

Вологодский ветер - а он в основном
 с северо-запада и несет сырость,
 так вот этот ветер как древний гном,
 напаявший дождей навыворот.
 Когда он стучит по раме дождем
 и сдувает ворон с деревьев,
 лучше дома сидеть вдвоем,
 пониманием душу грея.
 Ветер на родине создает настрой,
 не ждущий милостей от погоды.
 Может быть, это климат такой.
 Может, мы люди такой породы...
 Давление ветра сродни давлению
 века плутония и прогресса.
 Поэзия здешняя - словно течение
 молодого вина из старого пресса.
 а можно подумать, стихи - это сны,
 выплывшие вечером из-под пробки
 бутылки, спрятанной до весны
 в глубине черепной коробки.

1994

На первый взгляд на родине пока
 Так многое знакомо и похоже
 На прежнее - и дым, и облака,
 И снежная колючая пороша.

Все прежнее: и немощ старика,
 И боль утрат, и смутная тревога.

Все те же вьюги.

Времени река
 Извиллиста.

Длинна.

И неглубоко

Под снегом,

подо льдом

ее вода.

В ней свежий запах

пороха и грязи.

Восточный ветер

тронет провода,

Добавит

на стекло узорной вязи.

В избе тепло.

Под крышею и снегом

Не рвемся к чудесам и новизне,

Испытанным

бревенчатым ковчегом

Причаливая к радостной весне.

1995

Михаил Поляков НЕТ КЛЮЧУ ТОМУ ЗАМКА

На плато застывшей лавы
 В доме красно-синей жести
 Он живет близ перевала,
 В безопасном, в общем, месте.

Все расписано до мига
 И когда он отдыхает -
 В основном читает книгу -
 Это жизнь его такая.

Чуждый жанру или моде
 Он читает что имеет:
 «Брат Симон по миру ходит,
 За собою водит Зверя...»

Если праведным народом
 Странник к миру приглашаем,
 Зверь свернется на пороге
 Монотонным черным шаром...

Так сидят, вкушают блюда,
 Пьют, беседуют да спорят...
 Он сказал: «Живут же люди!
 Здесь один снега и горы...»

Глянул на стакан початый,
 А потом, выдавший виды, и
 И читает - «на прощанье
 Зверь хозяина обидит.»

Он спускается к подножью
 Из заоблачного мира,

О избави его Боже
Потерять ориентиры!

Скрипнет снег под сводом длинным,
если взгляд он свой уронит
В красный свет шнуров лавинных...
Он один на этом склоне.

Он в долине необъятной
Двух бредущих не заметит,
Никогда он их не встретит,
Потому что люди братья!

Там, лавиной не задетый,
Огибая эту осынь,
Брат Симон у Зверя спросит:
«Звере, что тебе он сделал?»

*

Не помню, что за времена
И что за сторона,
В каких-то странах иль стране,
В неведомой войне,
Измотанные той войной
На берегу реки
Устроили привал ночной
Усталые полки.
Не то что развести костер,
А через час-другой
Дозор парвался на дозор
И разыгрался бой.
Когда ж коварного врага
В почу иссякнул след,
Соединились два полка,
А сверху пал рассвет
И каждый мог вкусить сполна
С поникшей головой,
Какой ценой дана она,
Победа... над собой!
Переживать тот Страшный суд
Как бог и человек -
Полки стояли на мысу
В слякнши двух рек.
Потом историки решат
Спустя пяток годов:
«Во всем маркшейдер виноват!»
И кликнут... бить жидов!
И будет рассуждать народ:
«Полковник виноват -
В лицо не знал своих солдат
(Он застрелился в рот.)»
А мы врага в себе глядим
В слякнши двух рек...
Мне это рассказал... один -
Неважно - человек!

*

Возьми и успокойся,
Спасибо ни к чему.
Вот ключ, а в нем два свойства,
Присущие ему.
(Над головою роца!)
Им не открыт, поверь,
И никуда, да в общем,
И никаких дверей.
(Над головою вербы!)
Ту чашу пить, пока
Не создано, поверь мне,
Ключу тому замка.
(Так медленно стекает
Под корни их вода.)
Вот ключ - его теряют
Однажды навсегда.
Везуч ли, невезуч -
Иначе не бывает.
Особенно теряют.
Когда роняют в ключ.

Половина птицы небесна,
И одно из ее двух крыльев
Слава Богу, не чертит следа
В том, что небом мы называем.
А другое парит над бездной
Одинаково с первым в сиде-
Благодарность за это небу -
Следа тоже не оставляет.
О, какую мечту лелеешь,
Возвращаясь в родное горе?
Ты о многом можешь поспорить,
Но на суше жить не умеешь.
Но готов хоть пешком по водам.
Ты почти ни во что не веришь.
Ты еще достаточно гордый,
Но на суше жить не умеешь.
Безусловно, женские души
У Судьбы, Дороги и Суши.
Чувство жалости не присуще
Им. Не можешь ты жить на суше.
Через снасти твои и мачты
Льется вечность млечной дорогой.
Кто еще столь высоко восплачет
Над вселенной твоей убогой?
Обреченный судьбою строгой
И уже заведомо грешен
До рожденья, и это ранит
Многokrатно сильней, поверьте...
Здесь лежит поперек дороги
Слово, брошенное поспешно,
Здесь с размаху в лицо ударит
Слово, брошенное на ветер.
В это лето свершится небыль...
Но поверьте, сушь такая,
Что вода обернется камнем,
Равно тело-виной и хлебом.
Ты же хоть на пороге Рая
Скажешь: Господи, Сушь какая!

Нина Иванова-Романова: ЖЕМЧУЖИНА СЧАСТЬЯ... БЫЛА НА ЛАДОНИ

Редко-редко, меж дождем и градом,
Спазмой горла, горьким жестом рук
И ко мне заглядывает радость,
Словно лето за полярный круг.
Но ее лицо всегда такое,
Что глядишь в него и как во сне.
До конца страшась и беспокоясь,
Все не знаешь - радость или нет?

Фуга

Нарядней елочной игрушки
 За зимней зоной окна
 Полуголодная пичужка
 Посвистывает дотемна.
 Спросить у мудрых: как и можно ль
 Молиться за самоубийц?
 Ответят странно, осторожно:
 - Кормите птиц, кормите птиц...
 А как сказать печаль и память
 Самозабвенным без границ
 (Те ж голову на плаху- сами...)
 - Кормите птиц, кормите птиц...
 Одна презимует как-то
 Из десяти больших синиц...
 Еще помочь бы той, девятой!
 - Кормите птиц, кормите птиц...

*

Спешн, подвигайся, работа,
 Немерянная моя,
 Осплит один из нас кто-то
 Другого. Пожалуй - я.

*

Залетевшей в окно стрекозою,
 Перепуганной летней грозой,
 На мой стол - ну что тут такого? -
 Покружившись, упало слово.
 И рассыпало чернью бисер
 Мелких знаков, понятий, чисел...
 Поверну, пододвину к краю,
 Погадаю и поиграю:
 Будто ждут от меня ответа
 И подсвечено будет лето
 Мягким смехом, моей слезою,
 Заблудившейся стрекозою...

*

Чай налью вам в чашку голубую
 С узким золоченым ободком,
 Сяду и украдкой полюбуюсь
 Кистью тонкой, милым ртом...
 Катятся недели и недели
 Выцветшего злого бытия.
 Кажется: вы здесь и не сидели,
 Просто - выдумала я.
 Утром себе в чашку голубую
 Кофе наливаю, а потом
 Краешек фарфоровый целую
 Каждым медленным глотком...

*

В. Н. Орлову

Говорят, мои стихи он
 Перечитывал и помнит.
 Отозвался теплым словом.
 Но меня увидеть - скучно:
 Рукописная тетрадка...
 Кто-то принял мой подарок -
 Не прислав мне и «спасибо».
 Разве - дар - стихотворенья
 На исписанных листочках?

Тот был гостем, слушал. Вскоре
 Не узнал меня при встрече:
 Что в ней? Автор безмянннй...
 А занятно б показать им
 Книгу с теми же стихами!
 Тот бы вымолил автограф
 Тот уж издали кивал бы,
 Этот же зазвал бы в гости,
 И как торт, гостям бы подал...

*

Я была и сильней, и чище,
 Я хотела создать так много -
 И какой же осталась нищей,
 Неустроенной и убогой!
 За безвременные заботы,
 За свою нескладную юность
 Все ждала впереди чего-то,
 Как смычка ожидают струны,
 Как раскаянный ждет причастия
 Как солдат - зари на кордоне...
 И лишь раз жемчужина счастья
 У меня была на ладони...

*

Написать бы не плоским слово,
 На расхожем том языке,
 Защитить бы от бытового
 Прозвеневшее вдалеке.
 Охраняя от необъятной
 Скуки выверенных примет,
 Набросать бы вполне невнятно
 Вне традиций, широт и лет.
 Чтоб на звуке пноязычном
 Внеязычном отлить, спасти,
 Чтобы чувствовалось отлично,
 А на «наш» не перевести.
 Чтоб никто, даже самый добрый,
 Обуянный избытком сил,
 Полный света и тайны Образ
 расшифровкой не оскорбил...

*

Неведомый читатель мой,
 Далекый, маловероятный!
 Уже сегодня мне понятно:
 Ты будешь завтра строг со мной.
 Дыша свободно, споря бурно,
 Ты упрекнешь мой бедный прах
 В семи грехах литературных,
 В ста политических грехах.
 Веселый, цельный, идеальный,
 Вздымая разума престиж,
 Ты раздвоенности моральной
 Мне, несомненно, не простишь.
 Лишь в горе, будучи невеждой,
 Когда тетрадь мою найдешь,
 Любовь без пищи и надежды
 Ты под сомнение возьмешь.
 И может, в каждом приговоре
 Ты прав для века своего.
 Я ни о чем с тобою спорить
 Не буду. Кроме одного.
 Вот протопопу Аввакуму
 Ты в мужестве не отказал?
 В музее, погруженный в думу,
 Перед Морозовой стоял?
 (Идеей бедной так увлечься!)
 Но если вера глубока,
 Большое сердце человечье
 Горит, как факел, сквозь века.
 Минуют дни. Остынут страсти.
 История, идя вперед,
 С ослабевающим пристрастьем
 Ошибки наши разберет.
 Суди меня с суровой силой,
 Но не срывай, читатель мой,
 С Его ненайденной могилы
 Венка, положенного мной!
 Меня ведет не вдохновенье,
 Не жажда славы, не корысть,-
 Нет! Только б вырвать из забвенья
 Одну загубленную жизнь!
 Не дать судьбе былое скомкать,
 В тугие списки нализать -
 Нет, - современникам, потомкам,
 О незапятнанном, негромком,
 Но честном имени сказать!

*

Сергей Созин **ВСЕ МЫСЛИЛОСЬ ИНАЧЕ**

Тридцать три... Уже возраст Христа,
А меня и распять-то не за что!
Позади лишь одна суета
И словниное невежество.

* * *

Я уже от счастья не заплачу,
И от горя больше не плачусь...
Жизнь прошла... все мыслилось иначе,
Вот и все... куда я тороплюсь!

* * *

Как все непрочно в этом мире -
Спать ляжешь при одном,
Проснешься - при другом кумире!

СУДЬБА ПОЭТА

Был поэт и нет поэта -
Плата жизнью за успех,
Отнылавшая комета,
Непонятная для всех

ПРОСТИ НАС, ГОСПОДИ...

Прости нас, Господи, прости,
Тебе нас, грешных, не спасти...
От подлости!

И нас куда ни поведешь,
Ты с нами счастья не найдешь...
Мы в пропасти!

Прости нас, Господи, прости,
У нас святые не в чести...
А в нечести!

Молитвы можешь не читать,
Нас все равно не удержат...
От глупости!

Не надо мест для нас в раю:
Все разменяли по рублю...
От жадности!

Хоть нет певчих на Руси,
Прости нас, Господи, прости...
Из щедрости!

* * *

В госпитальном парке
Я уткнулся в море,
Все в него уткнемся...
Я б позднее мог,
Сяду на скамейку...
Петушкового,
Пролетели годы
Счастья моего,
Ничего не надо...
Все снешим, снешим,
И за все награда -
Земляной аршиной...

ОСЕНЬ

Вновь листвою занесло:
Радость, смех, веселье, горе
Видно осень принесла
Пустоты душевной море.

Листья падают, шурша,
Скорбью наделенные,
Ты о чем грустишь, душа,
Слыхом раньше полная?

Поэтому ты не поешь
О любви и славе?
Яд госки из кубка пьешь
В золотой оправе

Но уграм некрился лед
Дух стужи зимней,
Не спешит душа в полет,
И на сердце иней

ЭПИТАФИЯ 1

Я у Вас ничего не оставил,
Я у Вас ничего не забыл,
Только вырвался, крылья расправил
И по чистому небу поплыл...

ЭПИТАФИЯ 2

Вот и все... Я улетаю в дали,
Где меня вовеки не найти,
Вам меня б достать... Но не достали!
Я свободен. Вы же - взаперти!

В ЭТОМ ВЗГЛЯДЕ ВСЕ...

В твоём взгляде все:
И любовь и месть!
В твоём взгляде все:
Все, что в жизни есть!

А в губах твоих
Мед любви и яд!
А в глазах твоих
Отразился ад!

А в руках твоих
Нежной ласки плач!
А в душе твоей
Тихо шепт... печаль!

* * *

Убивали Марию за икону,
Вяло убивали... Не спеша,
А куда спешить - на всю деревню
Лишь ее забытая душа.

Развелось ублюдков по России,
Личность этих нехристей слепая,
Деды сдуру храмы носносили -
Внуки сносят бабкам черена.

Марьи нет! Пронала и икона,
Продали распятого Христа,
Отщептали с большого... тини стопа
"Не убий..." - разбитые уста

НАСТРОЕНИЕ

Умереть в дождливую погоду
Или в несусветную метель,
Умереть в любое время года,
Только не сегодня, не теперь.

Жизнь прошла, а вроде бы не жили:
Все бегом, с заботой о куске,
Мы такие беды пережили!
Только б жить, а жизнь на волоске...
* * *

О, Русский Север! Родина моя!
В каких краях судьба меня пошла!
Я раненый пришел, родимая земля,
Чтоб здесь меня родня похоронила!

МОСКВА

В этом городе все не так,
В этом городе жизнь - нятяк!
В этом городе все не то,
В этом городе я никто!

САШКА

Смотрят добрые глаза:
Ни обиды, ни печали,
- Ты откуда, сгоза?
- Панка с мамкою прогнали,
И холодной ручонкой
Поздаровавшийся со мной
Пятилетний мужичонка
К тетке плетется домой
Ночь, метель, плетемся к тетке
Там с порога отворот:
Тоже пьянка... в расквашенке
Брат двоюродный ревет
Мерзнем с Сашкой на морозе
Слезы кончились давно...
Любит Сашка панку с мамкою,
Панке с мамкою всё равно!

«дикарей» из Сыктывкара?..
Может о последних динозаврах,
что бродили здесь до нашей эры...
Или о заснеженных краях,
где земля промерзает насквозь,
и полярная ночь
тихо сводит с ума, и знакомый фонарь
растворен в воркутинской пурге...

Я думал: это дождь пошел...
Я думал: это дождь пошел...

МОЯ ЖЕНА

Моя жена чужим ключом чужую дверь
откроет,
в чужой прихожей снимет плащ,
смахнув следы дождя,
в чужой кастрюле сварит суп,
и стол чужой накроет,
и скажет голосом чужим: «До завтра»,
уходя.

И заскрипит чужая дверь внутри
чужого дома,
и через несколько минут погаснет
свет в окне,
и полутемное такси умчит ее к
другому,
ну а поскольку я - другой,
умчит ее ко мне.

Моя жена придет домой уставшая и
злая,
привычно бросив мне в лицо дежурные
слова,
и будет думать о своем, меня не
замечая,
в святой уверенности, что она во
всем права.

А я уткну свой римский нос в
японские трехстишья
и буду делать вид, что сплю
за кухонным столом.
И снизойдет на нас с небес семейное
затишье,
и упадет слепая ночь на наш унылый
дом.

УЖ ТАКОВО ПОЭТА ЕСТЕСТВО...

* * *

Я опустился до глагола «ложить»,
До фильмов с участием Сильвестра
Сталлоне,
До того, что взял и попробовал жить
Пассажиrom автобуса с абонементным
талоном.
Я еще не забыл значение слова
«трувер»,
Но уже сомневаюсь: а прав ли я в
этой трактовке.
Я дожид до того, что меня
приветствует мэр
В благодарность за его предвыборные
листовки.
Я уже начинаю смеяться, когда не
смешно,
Но приличнее хмыкнуть, чем просто
пожать плечами.
Мне уже вечерами привычнее пить
вино,
Чем стихи сочинять и общаться с
друзьями ночами.
Я уже не хочу, чтобы мне говорили
«старик»,

Меня коробит от панибратского
обращения.
Я как-то на удивление быстро привык
По двенадцать часов находиться
внутри одного помещения.
И если меня иногда еще навещает
тоска -
Это всего лишь отзвук былого
непостоянства.
Меня вполне устраивает пространство.
Видимое в прорезь дверного глазка...

* * *

Моя сигарета опишет магический круг,
застынет в пяти сантиметрах
от моего подбородка.
Моя сигарета - мой последний,
единственный друг,
или, если хотите, надежная
перегородка
между миром бессонных ночей
и натруженных рук
и похмельным мирком «фанерного»
околотка.

В моей сигарете - бессильная горечь
растрченных лет
и терпкая сладость последней
вечерней затяжки.
Я и моя сигарета - это картина «Поэт,
роняющий пепел на свои обнаженные
ляжки
в преддверии лучших минут
п великих побед
на фоне стены в подтеках
от клюквенной бражки».

Моя сигарета умрет, не дожив до конца
загадочной фразы - «она была родом
из Вятки»,
в последний момент осветив половину
лица
от нижней губы до бездарно
седеющей прядки
пшеничных волос, до которых ужасно
не падки
унылые девушки города Череповца...

* * *

В любых краях. Везде. Всегда.
В спокойный век и время рецидива
Поэзия - дорога в никуда
По краюшку смертельного обрыва.
Уж таково поэта естество
(Проклятие? А, может быть, награда?):
Шаг влево - смерть, шаг вправо -
торжество
Иных начал на уровне распада.

* * *

Я безграничен, как континент.
Хотя признаю, что немного странен...
А ты ограничена, как контингент
Советских войск в Афганистане.
Мои интересы идут вразрез
Твоим сомнительным интересам.
И я отступаю, как дикий лес
Перед научно-техническим прогрессом.

* * *

Я вышел в люди прямо из запоя.
И в людях потерялся, как пятак
теряется в кармане пиджака,
когда метро - единственное средство
догнать, поймать, понять и обрести.

Николай Бушенев

ПОДЕЛЮСЬ СВОИМ
\$O\$ТОЯНИЕМ

Я вышел в люди, как выходит глист
из задницы обшарпанной дворняги:
я просто взял и плюхнулся в дерьмо.
А, плюхнувшись в дерьмо, закопошился
в надежде снова обрести покой.

Но Блок сказал: покой нам только
снится,
чем в тот же миг прославился в веках.
Он тоже вышел в люди из тумана
и увидел двенадцать человек...
Видать, туман не очень был густой...

Я вышел в люди с полубородой
и полужизнь обрел за полкопейки.
И мой сосед по лестничной площадке
мне предложил от имени людей
работу, спиннинг и жену-соседку.

И я обрел получку и аванс,
как обретают Веру и Надежду.
И я поймал большого судака.
И трахнул непутевую соседку.
И побелил на кухне потолок...

Я вышел в люди прямо из запоя.
И Блок мне улыбнулся со стены:
мол, все ништяк, мол, все идет путем,
мол, скифы мы, мол, азиаты мы
с раскосыми и дикими глазами...

* * *

Меня опять увидели пустым,
в общенье неприятным и небритым,
жующим хлеб, идущим в магазин,
с другими говорящим свысока.

Во мне опять увидели жлоба,
неряху, мизантропа и зануду,
вчерашнего газетчика, соседа,
напарника, филолога и проч.

А я вчера искал заветный ключ
к амбарному замку воспоминаний,
лепил из пластилина Мумбу-Юмбу
и шил слегка разбавленную кровь.

А по ночам я взвешиваю стыд
и режу ложь на мелкие полоски,
которыми когда-нибудь заклею
крест-накрест окна в предрассветный мир.

Я, кстати, иногда пишу стихи,
и это мне когда-нибудь зачтется
котом бездомным, налетевшим ветром
и запахом парного молока.

А то, что кто-то смотрит на меня
сквозь призму представлений и понятий,
то это мне частично безразлично,
потому что частично почему-то злит.

Но я беру зеленый карандаш
и дерево рисую на обоях:
пускай себе растет и зеленеет
на радость половинчатой душе.

Меня опять увидели пустым.
Но пустота - она от слова «пусто»,
а я пустой от фразы «ну и пусть»
и от глагола нервного «пустите».
Пустите слух, что я сошел с ума...

* * *

Лето асфальт плавит.
Ах, если б хоть тишина!
Полаивает жена.

Конечно, друг Человека.
(Но человек ли я?)
Ах, чековая моя,
увы, ты мне даже не снишься...

ВРЕМЯ ВЫБОРА

Мой выбор... Правда? Воровство?
Есть в правде толк - или...?
Какая правда? Для кого?
Да и надолго ли?

Гореть мне или не гореть?
А вдруг не выгорит?
Дурить - жиреть, дарить - хиреть...
Жена пусть выберет!...

* * *

Я не скрою...
И что скрывать?!...

Малой кровью
Завоевать
Ничего мне не удастся.
Тугодум я

И тугодел,
До безумья
Побед хотел.
Ждать лишь Пищрову остается...
Но дождусь ли?

Хоть одержим...
Не до гуслей,
Не до вершин.
Я устал и иссякла вера.
Скоморошество
Своих стыжусь.
Скоро, может,
Сопьюсь, смирюсь
С рабством участи своей серой...

* * *

Сдержись от самолюбования,
Затайся в чаще жизни, сумей
Стать народным артистом без звания.
Как вон тот соловей...

Выкарабкиваясь из
Повседневных неурядиц,
Я избрал себе девиз -
"Вечным жить, на быт не тратясь".
Шиплет быт меня, как гусь.
Я в ответ его ошпарю:
«Шипуна я не боюсь.
Я возьму тебя за жарю.
И на стол гостям подам,
Подрифмив, подперчив шуткой.
И они тебя - ам-ам!»
Будет праздник для желудка!...

Только прошлого ясно обличье
И знаком его мертвый язык.
Настоящего косноязычья,
Всех глубин его я не постиг.
Счастья лик промелькнет в отдаленье.
В остальном же - глядеть тяжело
И в садистском увеселении
Все меняет гримасы мурло.
Ах, за что же, о Боже? Не гоже
Так мятежную душу терзать?
Пусть на Хаос древнейший похоже...
Научи меня Слово сказать!

"Распад - истинное бытие русского человека", -
читается между строк поющего поэта Широглазова

Валерий Анохин

ФИЛОСОФИЯ ЧЕРЕПОВЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Поэтически творящие по-земному - они лишь восприимчивы небесной меры. Поэтически творящие так, как то подобает смертным, утверждают лишь прежде воспринятое ими.

М. Хайдеггер.

Да, поэт проговаривает время. Проговаривает через свои уста вечность. Более того, он скрипка в руках вечности. Создается ощущение, что поэт в этот мир заброшен ради средства для выражения извечного Слова-Логоса. Слово живет своей собственной жизнью, используя человеческий материал. Причем выявляет себя в полной мере через поэтически творящих людей. Не будь их - народ затерялся бы в собственном я, в платоновском мире теней. В темном лесу, необагренном солнечными лучами поэтического сердца Данко.

Как часто самодостаточный разум, ухмыляясь над страдальческими и сердечными делами поэта, впадает в сон. В зло антихристово и человекобожеского самодовольства и самохвальства. Как часто покидает человеческий ум свою естественную почву под воздействием соблазна сделать шаг в «темном лесу» без слова творящего поэта. Без молитвы, поскольку молитва поэта - это творение. Акт теургии. Мгновение, через которое обнаруживается вечность. А без последней никому не дано жить. Выходит, что маята поэта в тоске по Богу, когда он соединяется с земным, и в ностальгии по земному, когда он рыдает вместе с Богом.

Ах, за что же, о Боже? Не гоже
Так мятежную душу терзать!
Ведь на Хаос древнейший похоже.
Научи Твое Слово сказать!

Череповецкий поэт Николай Бушенев выпрашивает у Бога слово. Замечает ли он, что повторяет вопль земли русской, молитву ушедших в разорванное бытие поколений? Слово - это мера, преодолевающая разнузданный и бесшабашный Хаос. И если современные русские поэты вновь возвышают руки к Богу, выпрашивая у него меру, то тем самым выговаривают через свои уста молчание Бога по отношению к России. Она не готова еще воспринять божественного Слова и вместе с этим - Закон.

Почему же все так? Чем провинилась Россия перед Богом? Почему:

Тридцать три... Уже возраст Христа,
А меня и распять - то не за что!
Позади лишь одна суета
И сплошное невежество?..

- вопрошает Сергей Созин. Поэт чувствует, что в России что-то не так. Что-то не удалось или что-то утеряно. Пытается найти ответ в глубинной точке отсчета отечественной земли - в Москве. Но глубина не потрясает:

В этом городе все не так.
В этом городе жизнь - пятак!
В этом городе все не то.
В этом городе я никто!

Можно было бы кинуться в Вологду. Но модель тоски уже задана. Донная грусть белокаменной Москвы встала напротив бледно-серого орфического духа С.-Петербурга. Одуманивающее золото куполов Вологды бросило вызов почерневшим от копоти камням Череповца. Вологодская и Череповецкая поэзии не стыковались. Разошлись, не полюбив друг

друга. Осеменения не произошло. Дитя не родилось. Вологодчина бытует обездоленной. Незримая грань пролегла между двумя центрами поэзии, между двумя мирами и характерами. Поэты из глубинки России - губернского города Вологды - томятся над тем, чтобы в наш кошмарный век сохранить традиции отцов, их самобытную культуру, полагая, что слово поэта это слово предков. А предки вещали устами Бога. Что ж, мысль верная. Но надо помнить, что поэт не подстраивается, а лишь выговаривает и творит. И в этом смысле слово поэта превращается в Слово рода. И если на последнее спустилась божественная Благодать, то его слово превращается в слово Бога. В противном случае (тогда, когда поэт подстраивается) мы рискуем приумножить болезни рода, представляя их как характерные черты народа.

Череповецкая поэзия кинулась в бой, вернее - в дальний путь, чтобы отыскать небольшой островок с именем «Россия». Нужна то малость, а не необъятные просторы, заполненные злом. Из этой малости должна светиться радость. Это духовное, но не телесное и тварное. И чтобы обнаружить эту точку отсчета России (уже не географическую), нужно пройти через муки страданий и тени сомнений, пусть даже окрашенные в экзистенциальные тона. Поэт должен взять в скобки будничнейший мир и отринуть его от себя. Взлунуть на свое «естество». Ужаснуться открытием нового мира. И высказать его, как бы это не было горько: «Я просто взял и плюхнулся в дерьмо» (А. Широглазов). Экзистенциальный мотив налицо. Общепринятые формы для Андрея Широглазова - всего лишь тени бытия, неподлинны лики. Здесь нельзя обнаружить свое Я, свою самость. Можно, конечно, подать руку мэру города. Другой бы от радости ночь бы не спал. А Широглазову приятно делить общество с «единственным другом» - сигаретой. Смерть сигареты - символ смысла жизни. В ней блуждает огонек горечи и тоски, воссоединенный с тем, откуда проистекает слово; она есть вспышка, которая в последний раз озаряет одинокое лицо. Бог еще не найден. Или Бог испытывает на прочность поэта: «Выговорись, милый. Найди омут-пустоту. Сделай шаг. Прыгни. И попадешь в мои объятия» Зов повел поэта:

В любых краях. Везде. Всегда.
В спокойный век и время рецидива
Поэзия - дорога в никуда
По краюшку смертельного обрыва.
Уж таково поэта естество
(Проклятие? А может быть, награда?):
Шаг влево - смерть, шаг вправо - торжество

Иных начал на уровне распада.

Поэт летит по лихолетью России. Пытается найти, нащупать прочную основу. Но кругом голые камни и пустота. Душа России ускользает. Найти ее почти невозможно. «Распад - истинное бытие русского человека», - читается между строк поющего поэта. И это неминуемо, если... Если духовный центр России не будет найден и обретен. Если вместе с ним не придет к нам слово. Если Русь не обретет меру. Но меры нет. Поэт в отчаянии:

Прости нас, Господи, прости.
Тебе нас грешных не спасти...
От подлости!

И нас куда не поведешь,
Ты с нами счастья не найдешь...

Мы в пропасти!

Вот так. «Мы в пропасти», - сказывал С. Созин. Горевать или радоваться? Если прощасть - последняя наша участь, то философия страха и смерти есть судьбы наша. Если прощасть -

место, где мы обретаем свое духовное начало, то дурная пустота сжимается до ступеньки, от которой начинается наше возвышение к Абсолюту. Первое условие - поиск саморазрушения. Второе - начало восхождения и созидания божественной лестницы (лестницы или своей меры). Прав Созин, мол, в пропасти незачем искать выхода. Везде стены. Надо строить лестницу - возвращаться к Богу. По этому пониманию предшествует осознание кьеркегоровского афоризма: «Блуждай, не блуждай, все равно расквасишься». Либо сиди трепещи от страха, либо кидайся в бездушные стены и колотись о них головой. Итог один - пустота небытия. Надо сделать усилие и совершить скачок к Богу. Это созидание, которое снимает противоречие кьеркегоровского «или-или». Пустота двухмерного сознания исчезает. Человеческий дух обретает третью ипостась. И эта ипостась - Истина.

Череповецкие поэты удачно выговорили тоску русского человека. Вроде бы и добра в нем с избытком. Вроде бы и красоту он творит как никто другой на свете. Чутью не хватает. И вот это то, чего к нас не хватает, губит все. Избыток добра превращается в зло. Красота покрывается ядом безобразия. Истина не соприкасается с добром и красотой. От этого рунится связь между поколениями. От этого мужское начало уходит на второй план и тема женственной Софии становится центральной в нашей литературе. Поэту-мужику ль выбирать:

Гореть мне или не гореть?

А вдруг не выгорит?

Дурить - жиреть, дарить - хиреть...

Жена пусть выберет!.. (Н. Бушенев).

Да, «жена пусть выберет». Пусть София будет ответственной за выбор божественной лестницы. Она ведь и Благо и Красота. Но истина коренится в мужском начале. Не зря же Христос явился в мужском облике. Россия бытует, как вечно бабья страна. Так вторят наши поэты русским философам. Но суть «бабьего царства» не в том, чтобы созидать, а в том, чтобы сохранять. Сохранить же вечно развивающееся невозможно. Оно будет преодолевать свое детство и выходить из-под женского (материнского) начала. Но поскольку истины (мужского начала) нет, постольку путь будет преодолен материнским словом. Но это круг или возраст во свояси: пусть женщина выберет. Попятное движение - это не движение от поколения к поколению. Так рвется нить между отцами и детьми. Так появляются «сашкины» поколения:

Смотрят добрые дела:

Ни обиды, ни печали.

- Ты откуда, егоза?

- Папка с мамкою прогнали...

И холодной ручонкой

Поздоровавшись со мною,

Пятилетний мужичонка

К тетке шлепает домой.

Ночь, метель, плетемая к тетке.

Там, с порога отворот:

Тоже пьянка... в распашонке

Брат двоюродный ревет.

Мерзнем с Сашкой на морозе.

Слезы кончились давно...

Любит Сашка папку с мамкой...

Папке с мамкой все равно! (С. Созин).

Род человеческий переступил грань собственного определения. За ней следует вырождение. Падение вниз, к животному миру. Для этого, благо, есть хитроумное изобретение - дьявольские напитки. Справится ли Русь со своим злом, с собственной болезнью? Или российское зло прочно приковано к отсутствию истины-лжи? Обретает ли она божественную меру или будет творить свое тучное тело «на глазок»:

Отделив добро от дряни

На глазок, другим в угоду,

Мы очерчиваем грани,

сочиняем ему оду.

Только я не знаю, право,

у кого честнее право:

у волков или облавы,

у бесславья или славы? (н. Бушенев).

Поэт в тоске, поэт в поиске. Ищет. И обязательно найдет. Прислушаются ли к его слову? Заметят ли его боль? Увидят ли в его слезе божью слезу, в его слове Слово Божье? Наверное - нет. Уж слишком силен соблазн тварного мира. Он затмил творческий орган России. Уже Россия мечется. Это высказали череповецкие поэты. Мало того, предрекали ее зыбкое состояние:

И пожары, пожары, пожарища.

Начинается новый Исход.

И товарищ стреляет в товарища,

И знакомая фраза «В расход!» С. Созин).

Основная масса россиян не прислушивается к слову поэта. Но слово, словно семя, укореняется в народном языке. Дает всходы. И этим определяет творческую составляющую народного сознания. Духовное пробивает себе дорогу через страдания. В это общее дело включилась череповецкая поэзия. Ей бы пойти по более легкой дороге - воспевать Россию. Однако она бросила себя на растерзание собственной экзистенции, мятежной и маящейся души, чувствуя, что только через глубины своего Я прорывается сокровенное, божественное и родовое. Его надо выявить в чистом и не замутненном виде. Вычленив дионисийское и орфическое начала. Определить божественную меру - Логос. И указать путь Истины. В этом суть духа поэзии закопченного Череповца. В этом он отличается от духа поэзии златоглавой Вологды. Вологда несет на себе печать Софии. Череповец пытается обнаружить мужское начало. Поэзия Вологды тянется к благу и красоте. Поэзия Череповца - к истине. Как знать, возможно, они когда-нибудь закружатся в одном хороводе. И это основной вопрос России в целом.

Валерий Анохин, кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ЧППИ

Виктория Фролова АДАМ И ЕВА

Есть мужчины и есть женщины. Но до того, как бог извлёк из Адама ребро, был ли Адам мужчиной? Ведь Ева, женщина, была еще в нём. Значит, Адам, сотворённый по образу и подобию Божию, был в тот момент и мужчиной, и женщиной одновременно. Можно предположить, что и сегодня линия раздела идёт не через чело-вечество, а через человека. Каждый из нас имеет внутри своей личности и Мужскую сущность, и Женскую. Своего рода личных Адама и Еву. И пол биологический выражается через преобладание Адама или Евы во внутреннем космическом мире человека. То есть через неравновесие двух начал. Поэтому брак земной, сочетание двух людей - это соединение четырёх внутренних сущностей и приведение их в равновесие путем взаимодополнения; иначе говоря, образование совершенных, небесных Адама и Евы в земных людях. Но совершенство возможно и в одном, отдельном человеке. Он может сам привести себя в равновесие. И это уже творчество. Творчество земной семьи - дети. Дети одинокой творческой личности - книги.

Предположим, что биологическая часть человека - воплощение небесной идеи. И по различию женского тела и мужского можно попытаться понять различие между идеями космического Мужского сознания и космического Женского, т.е. между Адамом и Евой, или между двумя составными одной человеческой личности. Суть небесных супругов, как и в какой-то мере земных, в вечном акте творения, продолжения рода, биологического в одном случае, духовного в другом. Ева небесная вечно покоится в объятиях Адама. И вечно входя в неё и оплодотворяя, подобно солнцу тёмные недра вселенной, он объемлет её и с внешней стороны. Он внутри и одновременно снаружи. Он, подобно солнцу, всегда в центре, всегда открыт, всегда доступен, он излучает идею, а от жены ждёт воплощение этой идеи, формы. Ева всегда темна, скрытна, поглощающая и обволакивающая, она хранит в себе тайну - воплощение идеи, ребёнка, поэтому она закрыта со всех сторон, кроме одного узкого канала, по которому идея света входит в неё. Отсюда жизнь мужского сознания - эффектность, глобальность, склонность к общению, конструктивность и поверхностность. Ведь только плотно окружённый со всех сторон воспринимающей, охраняющей материнской поверхностью, он удовлетворён и спокоен. Женщина скрытна, но мужчина всегда стремится скрыться в ней. Жизнь женского сознания сосредоточена в Мужчине-Младенце. Она отдаёт ему свою личность. В отсутствие Мужа она живёт поиском. Как узок и глубокий канал, по которому приходит идея, так узок, но чрезвычайно глубокий интуитивный взгляд женщины. Эти два принципиальных различия между Мужским сознанием и Женским лежат в основе различий между творчеством и земных мужчин и женщин, как носителей доминирующей той или иной идеи.

Если Солнце выставить за пределы Вселенной, то можно представить, какой мощной активностью наполнится мироздание, когда Светило бросится отыскивать утробу Вселенной, чтобы зачать планеты, расширяющие его изнутри. Вселенная же, напуганная

пустотой и темнотой, бросится к свету, чтобы обрести покой и смысл. Эта энергия поиска знакома всем, кто помнит время весны. Это жажда воссоздания. Кто-то воссоздаётся в семье, кто-то выбирает сложнейший путь воссоздания в себе, или воссоздания Адама в Эдеме. И если мировая жизнь - супружество внешнее, то творчество - путь к супручеству внутреннему. Творчество - способ исправления внутренних перекосов. Это ряд маленьких актов творения, которые, при созвучии с законами единого Творца, маленькими шажками приближают автора жизни к автору Мира.

Свет единого знания получает святой. Не совершившийся, но жаждущий человек рождает свет по кусочкам. Эти кусочки света есть книги, картины, пьесы; они и есть дети творящих бессемейных родителей. Дети похожи на родителей. Что бы ни изобретал автор, в произведении он, без сомнения, отразит свою внутреннюю суть. Будучи подобием человека, произведение имеет дух и плоть и промежуточные сферы - интеллект и эмоции. Как в человеке, так и в его произведении, допустим - в литературном тексте, все невидимые духовные сущности спрятаны под внешней оболочкой. Но эта внешняя оболочка - копия во плоти всех своих духовных обитателей. Если у человека плоть - тело и лицо, то в литературном произведении эта плоть - слово. Обрисовывающий мысль поток слов, река жизни - это материя произведения. И, одновременно, плоть внутренней сущности создателя произведения. И, следовательно, Плоть Духа в человеке полностью выразится через тело текста. Какое пол автора-родителя, таков в большей степени будет пол произведения-ребёнка. «...?» - спросила Женщина. «...» - ответил Мужчина. Приблизительно так выглядит оголённая схема взаимоотношений Мужско-го и Женского в одном человеке. Из описанной ранее системы «Муж - в - Жене» уже делался вывод, что обволакивающая рассеянность Женщины вокруг мужчины не даёт ей возможности сосредоточиться на себе, и точка самоосознания Женщины находится внутри Мужчины. Мужчина - центр, но только не осознающий, но и формулирующий ответ, то есть - создающий идею формы, которая, возвращаясь в Женщину, фиксируется ею и овеществляется в плоть и кровь. Вопрос - ответ - формула-форма.

В силу узости информационного канала, рождающего узость (в смысле концентрации, игольчатости) восприятия, а также в силу упомянутой рассеянности, рассредоточенности (в смысле сознания). Женское начало не

обладает способностью к обобщению и не создаёт само по себе новые формы. Это обстоятельство приводит к проявлению двух моментов Женской стороны творения: к зависимости в осознании и к дробности восприятия. Отражение обоих моментов отделённого Женского начала можно найти в так называемой «женской логике», угнетающей мужчин на бытовом уровне, - логике интуитивно верной, но бессознательной, потому бестолково выраженной. В женских разговорах с пятого на десятое, в бесчисленных рюсечках, которые, не будучи остановлены с т и л е м - мужской единой концепцией, заполнили бы собой весь живой мир. Это и есть крайняя дробность. Крайняя зависимость выражена в женщинах мужского типа поведения - быть не хуже, быть как... Она выражается в склонности к научному образу мышления и выражения, к деловому стилю. При долгой упорной работе в этом направлении - при вертикальном движении - личность выравнивается, организуется, жалобная зависимость перерождается в достоинство. Но всё же основная масса претендует на равноправие остаётся на уровне подражания, мелкой кражи элементов чужих индивидуальностей, на уровне формального изменения, внутренне сохраняясь по-прежнему рассеянными и бессознательными. Присходит это, по-видимому, из-за того, что стремятся они к равноправию, а не к внутреннему равновесию.

Можно представить себе шею личности, на которой обитает мужская и женская голова. Женская голова думает и говорит. Мужская молчит и ужасается, и ужас её, пройдя через общее их тело, пугает и координирует обоих. Мужское начало в такой личности хоть и существует молча, но всё же сохраняет некоторую независимость и право на участие в совместной жизни. Сложнее, когда Женская голова и думает, и управляет, а говорить и действовать по своему заданному сценарию заставляет Мужскую половину, тем самым поработав её, пресекая возможность развития и, следовательно, возможность уравновешивания, гармонизации Личности-хозяйна. Вот этот второй вариант хитрой Женской сущности и поработанной Мужской и поражает синдромом внутренней зависимости, который в реальной жизни перерастает в явление заимствования. Заимствования всего и у всех, заимствования стилистического, сюжетного и мировоззренческого. Оформляя, но не переосмысливая краденое, в соответствии с собственным полубессознательным пониманием, хитрая Женская сущность, Лилит, тем самым скрывает истинное авторство мысли за размытыми рамками невыстроенных образов, невнятного переложения, или просто во фрагментарном выделении частностей при полном невнимании к целому. К тому Целому, которая Она отвергает, поработав Мужскую половину личности. Свой, внутренний Мужик не просто подавлен, но почти размыт энергией Женского начала, почти полностью бессознателен и недееспособен. И в такой ситуации Жена отыскивает на стороне и присваивает чужую, готовую форму сознания - временную индивидуальность для совершения творческого акта с несвоим Мужским сознанием. Это приводит к созданию временного недееспособного языка. И если живое слово - плод честной внутренней Семьи - можно сравнить с живым ребёнком, то плод заимствованного Супруга (собственно, плод семьи из трёх сущностей, потому что собственный, внутренний Муж никуда не уходит - напомним, что всё, в чём мы сейчас пытаемся разобраться, происходит в пределах одной личности) сравним

разве только с механическим подобием человека, с робо-том, свинченным из деталей различных заводов. Чужая идея может быть истинно оплодотворяющей только тогда, когда идёт через свой канал: формула окрыляет Мужскую половину личности, чувство - Женскую, а усиление внутренних сущностей приводит к более полноценному их соединению, к усилению творческой энергии. Напротив - функциональный перевёртыш приводит к патологическим изменениям на всех уровнях человеческого бытия. Иначе говоря, чужая формула, входящая в Еву, предполагает возникновение рядом с ней ещё одного Адама, то есть - рассечение собственного Адама на две ослабленные половинки. Это и есть л о ж ь - а к т у с л о ж н е н и я .

Каковы же плоды подобных измен? «Итак, она ощущала себя на уровне

классической традиция связывает Орфея пробуждением гомосексуальности, он отвергает нормальный эрос не для аскезы, но для более глубокого наказания, как Нарцисс, он протестует против подвешивания». Разрядка принадлежит автору данной цитаты, взятой из сборника женской прозы. Это рассказ, в принципе - художественное произведение. И - пример открытого, даже подчеркнуто открытого заимствования не только мысли, но и словесной формы. Разрядка текста подчёркивает, что автор и сам знает, что берёт чужое, и предлагает читателю относиться к этому, как к приёму. Вообще, подобные подчеркнутые кражи настолько вошли в литературную жизнь, что потребовалось отыскать им обоснование и объявить о возникновении нового направления под именем «постмодернизм». Но кража штампов как таковых и кража мыслей не одно и то же. Использование штампа в новом контексте говорит о нормальной работе сознания автора. Использование же чужой формулы-мысли и образа её изложения - уже сомнительно. Изменение плоти-слова - естественное дело. Как растущий ребёнок всё время меняет тело на более организованное и целесообразное, и, дай Бог, более красивое. Неземность же означает отсутствие жизни. Вспомним связь «вопрос-ответ» между Мужским и Женским началом в человеке. Нормальное развитие - это когда Женщина задаёт вопрос и, задав, получает удовлетворительный ответ, и задаёт вопрос для нового ответа. И каждый раз для того и другого требуется новое слово. Каждый раз внутренний Ребёнок обретает новую плоть и растёт благодаря Родителям. Из этого можно сделать вывод, что живое обладает живым развивающимся словом. Мёртвое - словом окостеневшим, не текущим одно из другого, а слагаемым, скапливаемым, свинчиваемым, но никак не срастающимся в целое. Хотя и мёртвое слово может составить цельное тело, подобно тому, как мёртвая вода затягивает раны сказочных героев. Но нет живой воды, чтобы герои поднялись и засмеялись.

Тот же автор, тот же текст, следующая страница: «...торчали под рок. Влюбился, значит тоже «торчит из-под неё». Торчать можно из-под чего угодно. Даже из-под веника. К концу десятого торч ломовой...» Даже из небольшой цитаты заметно, как к читателю лихо подъехала другая система восприятия - «ломовой торч» вместо отвержения «эроса не для аскезы» - и приволокла за собой совершенно другой словесный набор. То есть по ходу произведения одно авторское тело сменилось на другое. Вместо одного существа возникли сямские близнецы с разными лицами. На это автор может возразить: так задумано. Но в том

и дело, что задумано так быть не может. Задумать можно сюжет, и он довольно целен в этом произведении, но запрограммировать двойственность плоти - всё равно, что возжелать родить тех самых сямских близнецов вместо нормального ребёнка или обычной двойни. Хождение по кругу - вот причина мёртвой плоти. Когда Женщина в сотый раз монотонно задаёт Мужчине один и тот же вопрос, потому что не может добиться ответа или придумать новый, то это признак остановки, бесконечная брачная ночь без удовлечения, без радости открытия, это Ребёнок, в сотый раз перестраивающий своё тело из одних и тех же частей и в сотый раз разрушающий себя, чтобы получить материал для нового строительства. Искренне переживаемое подобное состояние - трагедия, имеющая медицинский термин для обозначения. Это - смерть ребёнка и долгий мучительный плач над ним внутренних Родителей, это депрессия личности. Но есть странная категория людей, которые ради самоутверждения, самообозначения в мире занимаются препарированием своих детей с демонстрацией процесса всем желающим. Тогда возникают соответствующие мёртвые плоды: «...А кровичи-то нахлестали, кто убирать будет? Ковёр надо выносить всем. ТАИСА: Не отдам ковёр. ХОЗЯИН: Его не спасти уже, видишь хлюпает, в нём сейчас черви заведутся. ТАИСА: Фу. ХОЗЯИН: Давай, скатывай ковёр. ТОЛЯ: Я тебе наннимался? Полотенчики кишь, ковёр скатывай. ХОЗЯИН: Лучше скатывай, а то черви полезут, в раны полезут, будешь чесаться. ТОЛЯ: (с ненавистью) Я таких поганцев, как вы, ещё не видел. ХОЗЯИН: А ты глаза себе выдави, легче станет. Помочь тебе?» Тот же автор, другой сборник: «От всей его опасной жизни в мозгу мужчины заводятся черви. И они грызут его мозгги во всех извилинах и сосут серое вещество, и мужчина ещё больше звереет. А когда он лежит, спит, червяки выглядывают из его ушей: из левого - червяк, и из правого - червяк. Тщеславие и жестокость. И мужчина-кнехт спит без маски, и ужасно его лицо, а червяки-сосунки выглядывают и пищат, какой он вкусный.» Трудно не согласиться - тщеславие и жестокость.

В нашем постоянно засоряемом мире самознание, как точность личности и точность её выражения через язык («точность» - собранность, сконцентрированность в точку), требуют значительно больших усилий, чем когда-то. Жизнь уплотняется, сгущается из разрежённого газообразного состояния снова в воду, возможно, в новый праокеан. То же происходит и с сознанием, и, как следствие, начинается уплотнение языка через воссоздание символов и усиление поисковой импульса - творческой энергии природы. Вселенная, сбегаясь собственной темноты, бросилась на поиски нового светила, и уплотнение жизни - результат её рывка. Инерция от рывка сгустила жизнь до сверхплотного состояния. Это давление на невидимую преграду духовного порядка, преодоление которой сулит выход на новый уровень общечеловеческого сознания. И для людей нового витка литература станет простой и ясной, как уже случалось в древние времена. Примером плотной литературы может служить проза Платонова. Но не стану утверждать, что это и есть литература будущего. Это скорее воспоминания о корнях мироздания, чем сотворение венчающей кроны. Но нисхождение к корням по стволу - тоже знак движения жизненных соков. Значит, одновременно началось и движение вверх. Память о прошлом проецирует будущее, что является признаком живого существа. Мёртвое

же не имеет будущего, и, значит, лишено прошлого. Оно лишается прошлого насильно, чтобы, разлагаясь, не повредить фундамента минувших событий. Оно не имеет ни глубины, ни высоты. Оно - дрожание и шестопавшей змеиной шкуры под душным пустынным ветром. Однако, закончив это отступление, совершённое из желания отвлечься от процитированной выше «женской прозы», я хотела бы снова вернуться к теме заимствований, то есть к Лилит. Ниже речь пойдёт не столько об образе краденом, сколько об образе сочленённом. То есть об одновременном проникновении разнородных структур уже не в произведение в целом, а в небольшую его часть, конкретно - в индивидуальные рамки одного предложения. «Я чуть не упала в небо...» Интересная заявка, не правда ли? Всё из того же сборника женской прозы. Образ предполагает, очевидно, перевёрнутость мира, и, соответственно, небо под ногами, поскольку в нормальном пространстве в небо можно только взлететь. Эта опрокинутость сохраняет в себе живую энергию древних символов и одновременно даёт новую концепцию отношений между человеком - «Я» и «небом», в которое можно только упасть. В общем, то ли «Я» ходит на голове, то ли оно, гуляя по краю неба, макушкой поддерживает всю землю. В попытке представить картину слова, читатель раскачивает пространство, выходит из обычной жизни и ощущает себя чем-то другим, возможно - новым. И нормальный поиск читателя, пусть длящийся несколько мгновений, пока взгляд ощущивает слова, всё же говорит о том, что в этой фразе присутствовал и живой поиск автора, что и сам автор качнул мироздание в себе, сам заворожился его полётом, увидев новую реальность. Но, качнув мироздание и самого себя, отказавшись от прежней точки опоры, что же выбрал автор для основания новой жизни, которую вдруг так внезапно ощутил, как возможность? Пространство указанной фразы требует дальнейшего расширения. Заявленная энергия жаждет стремительного развития, взрыва сверхновой. Внезапно родившийся Вундеркинд двух Существей, Двух Внутренних Родителей одного автора требует от них новых сил. А если нет? А если ещё и доминанта? Женская сущность автора, самонадеянно волокущая на себе всё хозяйство, презрительно забывающая тихого Мужа, в гордом своём одиночестве пытается самостоятельно вырастить Детку. Но то, что возможно в реальном мире, совершенно невыполнимо во внутреннем Доме отдельного Человека. И если в обычной жизни мать-одиночка - синоним матери-героини, то там, в скрытом мире души «одиночка» созвучна только «убийце». Рывок одной половины личности приводит только к разрушению. Поэтому всё предложение в тексте звучит так: «Я чуть не упала с неба, - с упреком пеняла она в порядке компенсации.» Философский символ, архетип, падает до уровня бытового языка с оттенком непрямого тавтологии («пеняла» с «упреком») и затем окончательно гаснет в бюрократическом термине из рода тех слов, которые завоевали в нашей речи право на жизнь, но не получили права на смысл. Итак, если опираться на значение и звучание слов, участвующих в данной фразе, то возможно проследить линию нисхождения уже не сюжетную, а авторскую, линию падения силы и смысла, линию уничтожения живого, первоначально живого образа: 1 уровень - «Я + глагол + Небо» - уровень творчества; 2 уровень - «с упреком пеняла» - уровень заиканного быта; 3 уровень - «в порядке компенсации» - уровень

заимствования и джи. Это три ступени общего направления жизни, по которым, минуя тяжкий быт, можно либо подняться на небо, либо сплунуть в самой неприятной мёртвой свете, коей являются бюрократические структуры. Последовательность текста указывает путь, и, как ни жаль, в данном случае он ведёт вниз. Это, собственно, три мировоззренческие концепции: Жизнь, Смерть и соединяющее их поверхностное бытие. И, даже не вдумываясь, читатель ощущает совершённый за него выбор и, чтобы не совершить его вместе с автором, обрывает у предложения хвост, сохраняя в памяти достаточно яркое: «Я чуть не упала в небо...» По крайней мере так было у меня - сходу запомнил начало фразы, вторую половину я всё время сверяла с текстом. И, думаю, эти две ступеньки вниз я запомню навсегда. Хотя бы потому, что вниз не хочу.

Но есть и другая категория женской прозы, создающая Ребёнка из своего эмоционального жизненного опыта. В личности автора-женщины доминирует естественным образом Женская половина, но главенствующая эта половина не давит на Мужскую по той причине, что просто не знает, или не помнит о её существовании. Очарованная миром чувств и ощущений, Ева что-то всё бормочет сама по себе, и лишь мрачное излучение немого Адама способно как-то организовать это бескрайнее плещущее море эмоций. Адам создаёт берега, но Ева переполняет их непрерывным волнением; с бесчисленными барашками, с прыгающими рыбами и туманными парусами Адам срываться уже не в силах. Стремление к орнаментальности, пагубное стремление к подробности изложения вообще свойственно женской прозе. Особенно, если живость и глубина женского чувства не убиты «высшим» техническим образованием, и способы крепления строительных конструкций и прочие фазисы и базисы не легли в основу бытия навсегда. Распределённость Женского начала и одновременная узость информационного канала входа-выхода приводит к тому, что Женщина, ощущая мир Целым, при этом видит его очень дробным. Чтобы соединить эти две позиции, она вынуждена строить своё ощущение Целого из огромного числа обрывков, обломков, частей, подобно тому, как собираются узоры в калейдоскопе. Чем тоньше и сложнее ощущает женщина мир, тем большее количество деталей она воспринимает, её точный, острый, как игла, взгляд проникает всё глубже и глубже, но информацию об этом движении она способна передать только неопределёнными восклицаниями, или теми самыми прилагательными, причастиями и прочими подобными явлениями, знаменами, знаками. Наличие же существительных в тексте мы обязаны мрачному, забытому Адаму, который, стоя за спиной творящей Евы, время от времени всё-таки даёт имена её творениям. «На психоделической застрявшей в хроническом насморке весны он, ещё не родившийся, потребовал вдруг чего-то неопределённого и сочно-зелёного. Матери это сочно-зелёное явилось видением свежего ароматного огурчика.» В коротком абзаце с ключевой определений на четыре существительных хо-рошо видны роли двух сторон сознания. Можно сказать, что первое предложение в порыве чувств создано Евой, второе отредактировано Адамом до появления смысла. Обобщение, воплощение мысли, воссоздание её ~~в~~ *в* ~~виде~~ *из* старых частных - функция Мужского начала. Но женское, излишне заполненное влияние Евы, может и не родить истину как формулу. Истина скроется во

множестве мелких деталей, как скрывается лицо в отражении разбитого зеркала, но общее движение этих дробей, их мелькающие отражения воссоздаёт образы целых чисел. Чтение такого произведения забирает много сил, потому что перевод слов в чувство не менее сложен, чем чувств в слово. Такая проза - река мелких знаков и крошечных повторов Вселенной. Но тому, кто сумеет в неё войти, она откроет великолепие мира, микромира, насыщающего нас, быть может, больше, чем глобальные образы и символы Мужского начала. «...закон природы, свернув все широкоформатные воспоминания в тайные многоточия, осевшие в тёмных глубинах сознания, заставил нового человека уменьшиться до самостоятельности и оттолкнуться, наконец, от долгой оберегающей колыбели. Ему стало тесно в одном теле с матерью и пришлось родиться. Выплюнутый в чуждую его солёному телу среду, потеряв весь свой миллионлетний опыт эмбриона, он разом стал полным ничто, а запоздавшие остатки непотерянного прошлого осели на дне мозга, чтобы потом, проталкиваясь сквозь уштампованное сознание, мучить тоской. Его бессмертные конечности - он родился.» (Разрядка последней фразы - моя.) Посмотрите, как очевидно участие в этом абзаце Адама - выведенный из себя бесконечными рюшечками, бурно текущей тканью жизни, он потерял в конце концов терпение, видя бесполезные усилия Евы сформулировать состояние в мысль, и сказал своё веское слово, обозначив весь предыдущий переплетённый текст одним афоризмом из пяти рядовых слов. Плоть произведения - есть духовная плоть автора. И чем дальше автор от небесной вершины и ближе к земному подножью, тем дряхлей его духовное тело, тем суше образность произведения. Облегчается процесс чтения, обнажается уровень образованности, и выпирает его конструктивная основа. Снижение творческой энергетике мне кажется сравнимым с тем, что в мире биологии называется слабой половой активностью, поскольку силы, идущие на создание ребёнка и на создание живой книги, бьют из одного источника. Просто в одном случае мы имеем дело с осознанной духовностью, способной действовать независимо от физического тела и создавать независимые от биологии жизни. В другом - духовность эта не осознанна и проявляется только в узких рамках физического тела чело-века.

Земной мужчина - это прежде всего Адам и уж потом Ева. Но его, земного, с самого начала окружает материнское тепло, и с самого начала вселенская Женщина влияет на развитие мужского сознания. Как следствие - он более готов к творчеству. Исключительную способность к равновесию подтверждает и то, что именно мужчинами осмыслена и воплощена в жизнь идея всеобщей точки покоя и творческого труда на всех уровнях бытия, т.е. идея монашества. Женщины здесь только робко подражают. Но в наше время будущий мужчина находится в постоянном контакте с матерью только во внутриутробном состоянии. Рождаясь, он покидается не только ею, но всеобщей вселенской Женщиной, тонкие энергии которой не могут пробиться сквозь конструктивистские стены современных обществ закрытого типа. Закрыты не железным занавесом, отделяющим нас друг от друга, а железной крышкой, отделяющей нас от неба, *перезавшей, как артерию, вертикаль* уж духовности. Да и основание Великой Горы Восхождения давно перекопано в поисках

нефтяных и прочих месторождений. Ведь подножие этой Горы находится глубже поверхности нашей Земли. И вот с двух лет мужчина остаётся в полном одиночестве, наедине с няньками и такими же одинокими сверстниками. От природы подвижный и пластичный, он начинает строить свою личность в соответствии с законами местного детсадовского или школьного общества. Прimitивные же общественные образования всегда развиваются со стихийным принципом силы как простого решения проблем. Сила развивает иерархию порядка. Иерархия развивает способность быстро находить своё безопасное место в любой системе. И сила оттачивает это место всю оставшуюся жизнь. И все три составные, три основы будущей личности - сила, согласие, поиск - приобретают обратный знак: злоба, зависимость, пронируемость. Три последние черты являются выраженными элементами низкого мужского начала или антиМужчины. Женское начало в Мужчине - интуитивность, бережность, способность тонкого ощущения живого пространства - развиваются под знаком страха и умения в первую очередь распознавать опасность и уж потом - любовь. Конечно, первые три года жизни, включая и внутриутробное состояние, как можно противостоят этому насильственному перерождению личности. Поддерживает ребёнка и наличие родителей, пусть номинальные, в виде идеи, которая при крайней необходимости может воплотиться за спиной и защитить. Но всё же до самого совершеннолетия, да и после того, человек развивается в обществе конструктивно-обобщённого, мужского типа с подавленной эмоциональной сферой. Общество, в силу исторического развития вступившее в фазу поиска, активности, обобщающей идеи, насильнического или добровольного контакта с другими образованиями, становится обществом Мужчины. И даже не Адамом, потому что нет Адама без Евы - она либо ещё внутри его, либо уже рядом с ним. Из наших же обществ это ребро удалено как излишество и отправлено в музей, в зал палеонтологических находок. Ева стала подобием динозавров. Общество - вторая утроба, в которую попадает человек после рождения. И как вторая мать, оно вынашивает личность до нового созревания, формирует в человеке генетические черты себя. Если, конечно, человек не оказывается сильнее общества. Но если общество - Мужчина, то, соответственно, мать личности - тоже Мужчина. Несколько лет назад «Литературная газета» опубликовала статью под заголовком «Может ли мужчина родить?» Может. И рождает ежедневно. Из женского организма, из внутреннего обволакивающего тепла и уюта ребёнок попадает, ну, скажем, в область выращенной мужской доминанты. Результаты потрясающие. Женское начало - биологическая основа мира. Оно творит из себя плоть, по истечении срока растворяет её в себе, чтобы создать новую для нового витка жизни. Отсюда - теоретическая способность женского организма к клонированию. Мужское начало, здесь, на земле, - производное Женского, как мальчик - производное матери. Отец, безусловно, соавтор, но ведь и в самом мужчине велика доля женского. Вспомним известную в биологии формулу, где мужской организм определяется знаком XY, а женский - XX. Причём X - качество женской системы, а Y - мужской. И, следовательно, в творении нового существа, не в половинчато-клеточном, а в более высоком смысле, принимают участие три X и один Y. Продолжение этого закона - вывод Менделя о том, что на три основных признака

потомства приходится лишь один видоизменённый. Следовательно, природа требует, чтобы одна новая вариация подкреплялась тройным подтверждением неизменности мира. Значит, для земного бытия естественно преобладание женского интуитивного, материализующего начала. И человек телесный есть абсолютное отражение земной природы. Но что же есть человек духовный? Подножие небесной горы - на небесах. Вернее сказать; в гой Тверди, которая названа Небом. Человек - это образ - подобие, и если уж от человека требуется равновесие, то оно несомненно должно существовать в высших мирах. И, если бы я остановилась на утверждениях, что Женское начало - основа бытия, а Мужское - его производное - как бы принижено, то тем самым я первая нарушила бы эту гармонию. Да, земное бытие - бесспорное владение Евы. Но бытие небесное - царство Адама. Мужское начало - основа небесного мира, и Женщина - лишь производное его, исшедшая из ребра помощника. И, следовательно, формула небесной Горы, перевёрнутым отражением которой является гора земная, исчисляется обратными для нас, но основными для мироздания знаками. Тройным YYY - силой Отца, основателя, мужским началом, лежащим в основании неба, и одинокой X, спускающейся к нам на землю. И только такой же одинокий дух восходящий, человек земной, отказавшийся от земной Евы, сможет подняться к этой Еве неба, оторвавшейся от Евы иных пространств, нисшедшей к Земле, чтобы встретить того, кто достиг Вершины. Ведь белый голубь - древний символ женского начала. И если внутреннее Супружество - лишь путь восхождения, то встреча с Духом Святым - обретение всех миров запредельных, обретение Тверди неба - самой надёжной опоры Вселенной. И в этом движении вверх, как и во всём остальном Космосе, проявлено всё то же неизменное число три: Супружество земное, Супружество небесное, Супружество всеобъемлющее, смысл которого, творение которого, Ребёнок, которого нашими земными силами постигнут быть не может. Единственное, что мы можем сказать о Нём, это два слова: Сын Божий, и с тоской посмотреть на небо, как на неразрешённую тайну.

* * *

«Амазонки - те же мужчины, только более мужественные.» Это очередная цитата из сборника женской прозы, очень точно отражающая нынешнее самоощущение женщины. В обычной, классической ситуации, когда, подтверждая теорию, в мире земном трижды преобладает Женское, материально-интуитивное начало, рождающиеся девочки обычным образом пополняют базовую, постоянную его часть, а рождающиеся мальчики, в процессе роста и развития пропитываясь нормальным, без страха, интуитивным началом, обучаются саморегуляции своего активного Мужского существа и становятся не агрессивно-разрушительным, а творчески-движущим элементом Вселенной. Но возьмём и обратную, то есть нашу сегодняшнюю ситуацию. И мальчики, и девочки рождаются в мир, существующий с явным перекосом в мужскую сторону. Активное начало у мальчиков, помноженное на беспокойную форму общества, получает толчок к развитию агрессии. Агрессию можно определить как многократно ускорившееся движение всех уровней человеческого существа, в результате которой воплощающая среда оказывается чересчур замедленной, поэтому бездейственной, беспомощной. Отсюда возникает бесполезность общего движения, бессмысленность жизни, и злоба - как способ

разрушить бессмысленное. А девочки, родившиеся в мир Мужчины, получая в свои стабильные, пассивные, накапливающие XX добавочный объектный У, совершенно неожиданно приобретают внутренние черты мужского существа, и так как мирное XX всё же преобладает, его эластичность позволяет довольно безболезненно принять ненужной женщине мужской знак. В результате такого сложения женщина становится фактически более гармоничным мужчиной - двигателем общества, чем впавший в беспомощность от бесчисленных УУ мужчина. Иными словами, и Адам - не Адам, и Ева - Адам. Но если женщина, отходя от своей пассивной сущности и превращаясь в невольного носителя Мужского начала, занимает место пусть чужое, но всё же знакомое,

место мужчины, то сам мужчина, как вертикальная линия мира не имеет способностей к пассивному накоплению и не может занять горизонтальное место женщины. Мужчина, как духовное объединение, как множественное выражение общего космического Мужчины, здесь, на земле, вытесняется в некую третью сферу бытия, некий добавочный пол, которого быть не может и не должно. Это искусственное, вынужденное образование, смысл которого неизвестен. Хотя, если вспомнить о накоплении индивидуальной агрессии, к которому толкает мужчину искажённая доминанта наших обществ, то можно предположить, что и в целом мире происходит концентрация силы, разгон с бешеным ускорением, то ли бьющий во всю ту же невидимую духовную преграду, то ли целящий в самый корень Древа Жизни. Слово странное механическое существо, сложенное из наших неведомых нам мыслей и эмоций, поднялось над землёй, и единственное, что мешает удару, - это внутренняя противоречивость нашего состояния. Это наша общечеловеческая марионетка, ниточки от которой в руках каждого из нас. Созданная нами, она теперь пересоздаёт нас, и мужчины, как более вознесённые и менее устойчивые существа, в первую очередь ощущают этот страх. У нынешнего общества нет опыта в осознании подобного явления, и, следовательно, нет опыта у каждого конкретного человека. И, значит, каждой мужчина, с рождения брошенный под ноги марионетке, ос-таётся с опасностью один на один и решает эту проблему по собственному разумению, без всяких внутренних ориентиров, глухой, слепой и бездомный. Он сам определяет свои границы и устанавливает свои законы. Он начинает с нуля, с сотворения мира, но он - Адам, потерявший в дороге Еву. Акт творения не приносит плода. Из вышесказанного прямо следует определение нижней границы мужской прозы. Нижняя граница мужской прозы - это все своды и кодексы законов, нормативные таблицы и технические словари. Любая общественная и техническая норма - это строго вычисленная, выверенная поверхность общественной жизни, рамка, в которой можно заключить, посадить-перевоспитать любое явление. Поверхность вас оградит, обезопасит, создаст иллюзию покоя и уюта - иллюзию

возвращения в Матерь. Эта иллюзия хорошо воплощена в западных обществах, потому-то их представителей так ужасает наш хаос. «Мама, мама!» - восклицает их подсознательный, потаённый Ребёнок-Мужчина и не находит её у нас. И не помнит того, что его отечественная «мама» на самом деле mother-in-law - мама, созданная законом, искусственная мама или искусственная жена. Но если Ева ушла от Адама, где взять настоящую мать? И в мире доминирующего Мужчины одинокие мужики из подрючного матернала приду-мывают Дом и Семью. Из

чего же они творят? Иначе говоря, каково словесное тело искусственных родственников человека? Возьмите в руки любую газету с опубликованным постановлением правительства (Я не знаю американских газет, я перехожу на родной материал. Думаю, что на Западе проблема выражена иначе, хотя суть её та же, что и у нас). Основной упор делается на слова, эмоциональная окраска которых приближена к нулю. И правильно, ведь эмоциональное значение слова - область Женского начала, Мужское само по себе им не владеет. Слово - плоть, Женщина - плоть. Во-вторых, закон - граница. Граница должна быть прочной, постоянной, исключающей возможность конфликтов. Эмоциональность же слова - это явная возможность разнотолков, размы-тость, опасная в данном случае многозначительность. Поэтому для закона нужны не слова, а термины. Видите, как сразу русский язык сменился чем-то другим. Что значит слово «термин»? Проблема эмоциональной размытости легко решается при замене его на иноязычный, относительный аналог. Обилие заимствований - признак не глупости или космополитичности, это проявление во плоти Мужской доминанты мира. Мира, разумеется, земного. Общее незнание чужого языка исключает возможность эмоционального восприятия краденого слова. Оно, краденое слово, существует для нас в одном, безжизненном (безженственном) значении, и тем самым обладает непробиваемостью и непоколебимостью самой крепкой границы, самой прочной поверхности, на которую не страшно вступить, или в которую не страшно оуклиться Мужскому сознанию. Непреодолимость этой границы примиряет все враждующие стороны, удовлетворяет все оппозиции. В самом деле, что такое «Дума»? Это не просто название государственного учреждения, это ещё и синоним мысли, т.е. намёк на необходимость шевелить мозгами. А что такое «парламент»? Замена одного понятия другим привела к замене смысла их в самом государственном учреждении. Если продолжать изучение постановлений правительства или чего-ни-будь такого же, можно обнаружить много и даже очень много и родных русских слов, но подобраны и составлены они таким образом, что от их смысловой индивидуальности не осталось и следа. И сделано это всё с той же целью - исключить эмоциональное влияние. В этом случае можно сказать, что текст состоит не из слов, а из словесных оболочек, то есть опять - п о в е р х н о с т е й . Но если слово - область Женского начала, и Мужское вмешательство разрушительно для него, то образование крупных обобщающих форм - это несомненно достижение Адама. В литературе это не только поиски авангардистов - самое мелкое, дробное движение мужской мысли, но и сама конструкция произведения, фразы, слова, буквы. Вероятно, звук - уже не Ева. Образование мысли, идеи, символа, проекта мироздания - это всё Адам. Он именами определяет суть живых существ, только верните ему Еву, чтобы эти живые существа народились. Женщина - это интуитивное чутьё. И движение Женщины - это оформление чувства в плоть. Мужчина же - идея чувства. И движение его - через наполнение формы сутью, вдохание, вдохновение в неё жизни, совсем как в библейской легенде.

Вселенские Муж и Жена, некогда при создании мира вынесенные за пределы друг друга, с тех пор вечно стремятся в Дом, т.е. к воссоединению. Стремление их наполнило энергией творчества все пространства жизни. С пространствами космическими, я думаю, и сейчас всё в порядке. Но наше земное отражение

неба сильно искажено. Нарушение земных энергий уродует союз двух земных начал. Женщина больше не излучает мощный импульс жизни, ввергая мир в бессилие, депрессию и смуту. Мужская сущность, не получая импульсов, не знает, на что наложить формулу воплощения. Из мира исчез Вопрос, но куда девать Ответ? Ответ производится без Вопросы. Мужское начало продолжает функционировать. Оно создаёт все новые формы. Но создаёт не воодушевлением нового, а посредством дробления того, что уже было создано раньше. Куб, распиленный на восемь частей, в два раза увеличивает свою поверхность. И поверхности всё множатся и множатся. Человечество тяготеет материальностью существования. Но тяготеется потому, что материальность утратила глубину и смысл древнего мира. Она всё мельчает, предметы теряют надёжность и мало живут, не успевая приручить хозяев. Люди не успевают полюбить близкую вещь, она исчезает раньше, чем появляется чувство. Быт проскальзывает мимо глаз, мимо памяти, сыплется сквозь пальцы, как деньги или песок. Человек теряет опору. Мужчина теряет Женщину, и по новому кругу разгоняется процесс дробления, успешно мельчает пространство, и расщепление его всё чаще напоминает ядерный котёл, растирающий в ядовитый порошок, в пыль ни в чём не повинные микровселенные. И если это продлится во всё ускоряющемся, мельчающем, сыпучем времени, то не

понадобится атомной войны, чтобы остановившийся мир исчез в последних затухающих колебаниях. Человечество как-то глупо переусердствовало в утверждении патриархальности. Женщина, не дождавшись внимания, рванула на себя его сотканное одеяло. Реки потекли обратно к истокам, земля пересохла, и погибли деревья, стремившиеся к небу. В женщине земной усилилась диктатура, вселяя в неё сумятицу, беспорядок, тягу к общественным женским движениям. Кто-то стал ждать Богородицу, как символ Вечной женственности. Кто-то - гибели из-за внутриутробной тьмы Женского существа. А тем временем мир, теряющий жизненные силы, стремительно начал стареть. Мир может двигаться лишь в сторону жизни. Назад дороги нет. Языком, через слово, определено два пути - путь развития (свет был свит и от начала мира развивается, ветвится) и, очевидно, путь свития, скручивания и в точку исчезновения, свечения обратно - путь чёрной дыры, вместо солища. Выбор второго, чёрного направления приводит к извращению вселенской Семьи. Вместо Мужчины-Ребёнка является Убийца-Себя, вместо Жены-Матери -самодовольная плоть, похоть. Господи, убереги нас от этого. «Ты меня любишь? - Да.»

Ева, вернись к Адаму.

Ольга ЧЕРНОРИЦКАЯ

Автор о себе и своем городе

Я родилась в Вельске, живу в Великом Устюге. Издаю книжки местных поэтов и прозаиков, учусь в Московском литературном институте, в Череповецком педагогическом институте.

С декабря 1995 - ответственный редактор "Красавинского вестника". Работаю руководителем детской творческой литературной студии. Учю детей писать о звездах, искорках, паутинках. Сама пишу о убогих и ведьмах, после известных водожданам "Ведьмостий" увлеклась библейей, потом спиритизмом. А позже - "Гробами"...

У нас в Устюге живет учительница истории, которая много лет изучает все, что связано с семьей Рерихов и пытается донести все это до сердец земляков, может даже создать Малое Рериховское общество. Это Антонина Прокопьевна Маркова. Она несколько раз ездила в Москву в Рериховский Центр, покупала книги, слайды, открытки, бывала на выставках Николая Константиновича. Ее всегда поражала отзывчивость и доброта работников этого Центра - всюду пропускали, рассказывали, высылали редкие книги. Повторные экземпляры Антонина Прокопьевна любезно подарила городской библиотеке.

С того времени, как она стала изучать Агни-Йогу, с ней стали происходить удивительные вещи. Задумает прочесть некую книгу - книга тут же сама попадает в ее руки (а вообще достать нужную книгу у нас проблематично). Каждую ночь в два часа ее будит "нечто" и не дает спать до четырех. Это время Антонина Прокопьевна использует для чтения Агни-Йоги. Гости, ночующие в этой квартире в отсутствие хозяйки и приглядывающие за собакой, просыпаются аналогично и понять ничего не могут.

Антонина Прокопьевна читает - учение Рерихов не противоречит христианству, ибо они самые настоящие христиане. Их учение несет тепло, любовь, свет.

Что касается моих "Гробов", то первоначально они возникли как рецензия на публикации журнала "Соло", и лишь потом превратились в самостоятельное постмодернистское произведение в претензией на уникальность.

**Ольга Черноорицкая
ВСТРЕЧИ С ПУШКИНЫМ
В «ГРОБУ СВОИМИ
РУКАМИ»,**

**ИДЕИ «ГРОБА СВОИМИ РУКАМИ»
ЕКСАКУСТОДИАНА ИЗМАЙЛОВА И
ИОСИФА ПЕНКИНА В
ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ
ЛИТЕРАТУРЕ. ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ.
В ИССЛЕДУЮЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ ИХ
ПОНИМАНИЕ**

**Памяти России.
Введение к введению в «Гроб
своими руками»**

После прочтения «Гроба своими руками» - величайшего из величайших (я не побоюсь этого слова) произведений современного постмодернизма, написанного бессмертными руками Эксакустодиана Измайлова и Иосифа Пенкина и посвященного памяти Эксакустодиана Измайлова, так и не дожившего до правильного окончания и правильного понимания, а так же публикации в 14 номере журнала «Соло» своего творения (разве такое делается руками!), а именно «Гроба своими руками», сделаешь вывод, наконец, что ни классиков, ни современников без этого произведения ты не понимал, не понимала и не поймешь.

Вот, например, дочитав до предложения: «любую личность пугает предстоящая смена всего накопленного на стандартный гроб, сколоченный из грубых досок», сразу же вспоминаешь пушкинского «Скупого рыцаря» и доосмысливаешь его уже по правильному пути: пути состояния бедняге, всю жизнь копившему состояние, и пути негодования по отношению к повесе, которому все это достанется. И видишь уже в скляге не отца Пушкина, а Пушкина самого, накопленное состояние понимаешь, как произведения его бессмертные, которые тот накапливал всю свою жизнь. Но ведь их с собой на тот свет не унесешь, и достанутся они, конечно же, нам, повесам и расточителям, плагиатчикам и постмодернистам, пушкиноведам и пушкинистам. Вот о чем думал Пушкин, когда писал «Скупого рыцаря». А мы-то думали вместе с некоторыми исследователями, что это он о жадности отца! Наивные! Прочитав перечисление содержания гроба Эксакустодиана, вспоминаешь не только пушкинские произведения, подделки Гартмана, Ноев Ковчег, но и гробницы фараонов, в коих многие века наслаждались своей смертью в роскоши бывшие владыки, пока их там не нашли и не разграбили, как разграбят... А, прочем, об этом после.

А узнав об истязании Эксакустодианом собственного тела с помощью голода, невольно начинаешь понимать подлинный смысл веревки Симеона Столпника и благие намерения Великого Инквизитора, создавшего еще задолго до социализма истинное чистилище для душ оступившихся. Так вот за что Иисус поцеловал Великого Инквизитора! Это вовсе не признание, как думает большинство студентов Вологодского Молочного института (признание, что Великий Инквизитор прав), и не форма проявления любви между мужчинами, как полагают остальные студенты данного института, а не что иное, как благодарность. Сколько благодаря истязаниям, свалившимся на их головы, отправились непосредственно в рай! А ведь пропали бы ни за что, если не стали

бы мучениками, потому что были весьма непосредственны.

Великая мысль Юрия Кузнецова... Как там у него... Что ни шаг, отовсюду опасность «Гласность!» - даже немые кричат, но о главном и в мыслях молчат, Только зубы от страха стучат, Это стук с того света, где ад. Я чихал на подобную гласность.» Мысль идеально закончена в «Гробу своими руками». Вот что любил говорить Эксакустодиан: «Что это за половинчатая перестройка, когда чешут языками обо всем, кроме главного?» Главным для Эксакустодиана Измайлова было изготовление гроба. Какой разворот мыслей! Какое прозрение! Троя пала, Римская Империя пала, да и России что-то нездоровится...

Все великие произведения современной и несомненной мировой литературы собраны в «Гробу своими руками» и рассыпаны по нему сотнями зайчиков. Монах ложится в гробницу фараона, унося с собой не только вставную челюсть и аквариум с рыбками, но и кучу идей, теорий, презервативов. Иисус Христос назван извращенцем, а уровень «жилец - не жилец» становится основным критерием оценки людей как живых, так и уже умерших. В этом, последнем отношении, особенно живописны трагедии Шекспира. Назовите мне в них хоть одного «жилца!» Они изначально обречены. В этом-то и трагедия!

Уметь на свете жить - одна к тому дорога, И тот любезный друг, бывал уже на ней, Кто пользу извлекал из глупости людей. (Рылев) Словами «Но так как в природе все смертно, все влюбленные по природе своей - смертельные дурачки.» шекспировский шут подписался под всеми трагедиями Шекспира. Нежилец, равно как и покойник - явление стихотворное. Доказательством да послужит стихотворение Глеба Горбышкина («ЛГ»9) Ночами мне снится отец (Покойники - это к морозу) Он был у меня молодец, Хотя и не читывал прозу и далее: Таким уродился и я, Отца унаследовав гены. Безгласны родные края, Безропотны аборигены. Знать, автор-то тоже к морозу, ну да бог с ним...

**Введение в «Гроб своими
руками»**

Невозможно понять произведения, не зная обстоятельств жизни, а так же смерти автора и главного героя. Эксакустодиан. Кто он? По описанию своего ученика Иосифа, Эксакустодиан - просто настоящий Ромео из шекспировской эпохи на его первоначальной стадии, т.е. на стадии влюбленности в Розалину. У Шекспира: «Ей в праведности жить, а мне конец: я не жилец на свете, я мертвец. В «Гробе своими руками»: «Он только что сообщил мне, что влюблен в какое-то ангелоподобное создание, и вот теперь не понимает, что предпринять. А потом сказал, что, вероятнее всего, повесится к вечеру. «Ромео спасла Джульетта, но никто, никакие силы не способны были спасти Данте - и он написал «Божественную комедию». Сейчас его уже нет в живых, равно как и Эксакустодиана, написавшего «Гроб своими руками», которого тоже не смогли спасти никакие силы. У Данте много общего не только с Эксакустодианом, но и с ученика Эксакустодиана - Перфилием Бессоновым, который любил рисовать в тетрадках маленькие гробики и большие гробы, чтобы укладывать туда своих одноклассников, родственников и некоторых учителей. Кого только не уложил по кругам ада великий Данте! У Перфилия и Данте появились последователи среди учениц 5 класса нашей местной гимназии. На переменах они на доске рисуют гробы, уложенные штабелями, а в них - те же, кого укладывали Перфилий и Данте. Но ни Данте,

ни ученицы местной гимназии не догадались положить в гроб себя. Не забыли это сделать Эксакустодиан Измайлов, Михаил Юрьевич Лермонтов и Александр Полежаев. Последний гова-ривал как-то, что судьба его в младенчестве убила, потому он не знал жизни 30 лет, а однажды у него холодная могила расцвела, через 4 года снова умер, но о последнем автор уже умалчивает (в виду объективных причин) Лермонтовское безочарование - это то-же род гроба. Помните «Мцыри»? Точно помните? Я вырос в сумрачных стенах Душой дитя, судьбой - монах. Да, господа, в гробах можно и расти, и вырастать, а не толь-прорастанть. Гробы, как известно, обладают и мистическим содержанием. Лирическому герою удалось вырваться на свободу и прожить вне гроба 3 дня, после которых он опять умер, на этот раз окончательнo. Вы думаете, Лермонтов в своем герое не имел ввиду себя? Тогда давайте все вместе вот прям сейчас вспомним, что Гоголь говорил об авторе: «Попавши с самого начала в круг того общества, которое справедливо можно было бы назвать временным и переходным, которое, как бедное растение, сорвавшееся с родной почвы, осуждено было бездарно носиться по стенам, слыша само, что не прирасти ему ни к какой другой почве и его жребий - завянуть и пропасть, - он уже с ранних пор стал выражать то раздражающее сердце равнодушие ко всему, которое не слышалось еще ни у одного из наших поэтов» Но вскоре к плену он привык (Мцыри) Душе моей давало ницу Спокойствие немых гробов (Корсар) Прости навек тогда уж радость, Когда исчезла с юных дней (Корсар) И слышишь близость чудной тайной силы, Которой в мире ведает лишь тот, Кто как в гробу в душе своей живет, Кто терпит все упреки и печали, Чтоб гением глупцы его назвали. (Сашка) Могилы тьма сходна с моей душой, В которой страсти, лета и мечты Изрыли бездну вечной пустоты (Джудно) Могилы тьма... в которой страсти? Некоторые считают, что Лермонтов порой был грамматически безграмотен. Нет, уверяю вас, Лермонтов бывал порой грамматически двусмысленен. Это вам не Эксакустодиан с унитазами в гробу. У Лермонтова в могиле: страсти, лета и мечты. Конечно, каждому свое. Каждый тащит в свой гроб то, что ему больше нравится. Далее Гоголь говорит: «Признавши над собою власть кокого-то обольстительного демона, поэт покушался не раз изобразить его образ, как бы желая в стихах от него отделаться». Я знал одной лишь думы власть, Одну, но пламенную страсть, Она как червь во мне жила (Червь - змий - демон) Изгрызла душу и сожгла Она мечты мои звала Из келий душных и молитв... Назовите гроб келий, монастырем, Россией, - чем угодно, он все равно останется гробом. Гробам все образы подобны. Если спросить себя: кто по твоему Эксакустодиан - Великий Инквизитор или Христос, то не задумываясь, ответишь себе: «Христос!» Только Христос по складу характера способен при-нести в жертву себя и говорить правду, зная, что поймут его только избранные. Эксакустодиана поняли 30 человек к концу 5 года его деятельности. Именно они-то и составили Общество Независимых плотников. Если спросить себя: «Кто был Эксакустодиан - Моцарт или Сальери, то ответишь себе - Моцарт. Сальери здесь - Иосиф Пенкин, ибо он остался жив. Возможно, он не убивал Эксакустодиана, но поступил как ИСТИННЫЙ САЛЬЕРИ, НЕСПОСОБНЫЙ НА ВЕЛИКОЕ. Он использовал его труд для того, чтоб подписаться вместе с ним под творением, явно принадлежащим одному Эксакустодиану и воспользовался смертью великого мастера, чтобы погреться в лучах его славы, а, заодно,

и выставить его на посмешище, ибо «Гроб своими руками» от доски до доски, вернее, от корки до корки - насмешка над Эксакустодианом, а так же над всем остальным человечеством. «Теперь повеселимся, чаю, мы с вами после похорон»- говори-вала Мельничиха, средневековая французская предшественница Ио-сифа. Не будь вмешательства Иосифа, произведение это называлось бы «Откровение святого Эксакустодиана», а издано бы оно было в каком-нибудь приличном религиозном журнале. Так Сальери, бывало, освистал Моцарта и отравил его. Так царица надсмехалась над царевной и отравила ее. Так Яго негодует по поводу возвышения Кассио. А разве они чего-нибудь для себя добились? Пронски Яго разоблачены. Он так и не получает поста, которого страстно домогался. Из судьбы Яго мы еще должны бы, по мнению Дж. Питера, и тот урок извлечь, что соблюдение тайны есть залог успеха локтей. Сальери остался с носом, здесь и соблюдение тайны ни к чему, Царица умерла... Зависть - это, по-моему, бесконечное накопление ненужных гробов, одним из которых и является «Гроб своими руками». «Из всего ныне существующего одна посредственность не знает зависти»- говорил Боккачо. Из всего ныне существующего одна посредственность не делает гробов, позволять добавить мне. Вот почему мне все время ищется Моцарта. Отравить бы его подлеца, да вот беда - Моцарты- то перевелись. Завидовать некому. Истоки Эксакустодиана Измайлова прослеживаются и в психоте-рапевтических опусах Владимира Леви. Тут и аутотренинг, и перечисленные ролей, в которые должен вжиться строитель собственного гроба. Сначала «Искусство быть собой», потом «Искусство быть дру-гим». Только не было у Владимира Леви «Искусство быть в гробу», поэтому Эксакустодиана по праву можно назвать гениальным прием-ником и продолжателем (не путая с подражателем!) доблестного автора. Подобно Сервантесу, автору «Дон-Кихота», Грибоедову, автору «Горя от ума», Эксакустодиан славен одним лишь своим творением, а именно «Гробом своими руками». Причем Дон-Кихот, Чацкий и Эксакустодиан нам, читателю разреволюционившемуся, поглупевшему за время перестройки, кажется равно смешными, нелепыми, придурковатыми, двинутыми, на собственной крыше поехавшими вместе с мельницами, гробами, каретами и аквариумами, но тем не менее все равно интересно, что эти чудачки вытворяют. Может, и мы бы че-нибудь эдакое выкинули, так и нас бы в декабристы записали. Кое-что общее есть есть у Эксакустодиана с Чернышевским. Это кое-что - вторая часть заглавия части 1. Она так и именуется: «Что делать?» А вот шестнадцативековой Рабле был прогрессивнее двадцативекового Эксакустодиана. Он полагал, что все разумные души непод-властны пожнцам Антропос. «Бессмертны все: ангелы, демоны, люди», - говорил его Пантагрюэль и не строил гроба ни себе, ни своему государству. С таким оптимизмом, с таким жизнeоппьянением до поросычего визгу, как у Рабле (а он никогда не смотрел на жизнь трезво), никакой ад не страшен. Пантагрюэль у него воевал с бесами, спал-лил главную адскую палату, бросил Прозерпину в огонь, выбил Люциферу четыре зуба и сломал рог у него на задку, а Панург сочинил для брата Жана прелестное стихотворение: может статься, Что будучи рукой господней Низвергнут в пламя преисподней, Приглянешься ты Прозерпине И с позволения богини Уйдешь с ней в темный уголок, Где б оседлать ее ты мог. Ужель тогда, Признайся нам, По лучшим адским кабакам Тобой на поиски вина Не будет послан сатана.

И фляжку ты не выпьешь махом В честь той, что так добра к монахам? В какой-то мере Рабле прав. В нашей жизни умереть не ново. Сделайте жизнь (особливо когда с похмела) значительно трудней.

Заключение к введению или введение к заключению.

Введение в «Гроб своими руками», для всех читателей прошло легко и безболезненно, так как там встретились идеи уже знакомые, а, следовательно, верные мысли, уже избитые (критиками), и, вроде бы, в продолжении уже не нуждающиеся. Но нашлись продолжатели. Потому что, как сказала шекспировская Селия, тушность дураков всегда служит точильным камнем для остроумия. Не позднее чем сегодня, когда я печатаю эту работу, нашлись они среди моих учеников. Но об этом в части 1.

Часть 1

Ну-ка, остроумие, куда держишь путь? Шекспир.

Удачин. О чем думает человек, когда летит с 10 этажа? Вот, например, я. Что бы я думал, если бы летел с 10 этажа? «10,9,8,7,6. Мой балкон. 6,5,4. Балкон моего приятеля. Забыл к нему зайти. 4,3,2. Здесь живет вредная старушечка Нюрка. Она все время ругается, когда кто-нибудь пачкает тротуар перед домом. То-то она разозлится, когда увидит здоровую ляпуху, которая останется от меня! 2,1! Берегись, Нюрка!

Н. Кокшарова К ЧЕМУ?

К чему старые люди готовятся? Некоторые помрут, душа улетает на небо, идет по коридорам, заходит в дверь, а там - суд. Там идет подсчет хороших поступков души и плохих, иногда время не подошло и человек оживает. (Где нет запятых, там они не стоя ли)

Евдокимова Лена.

КОТ

У меня смысленный кот - Током заряжается. Лапы он сует в розетку И странно улыбается. Дергаются уши, Дергаются лапы, И бежит по шерсти Яркий холодок. Холодок сияет Синий, голубой, А в ушах играет Зубчатый гудок.

Евтушенко Настя * * *

Гуляя по лесу ветер И ветки поднимал, Молодущку березку В секунду заломал. Кричит теперь березка, Кричит, кричит, кричит: «Ах, ветер, ты гуляка!» А ветерок молчит. «Что ты, такой негодный, Мне кости поломал? Зачем природой злушкой Господь тебя создал? Теперь как буду косы Себе я заплетать? Теперь как будут косы Вокруг меня плясать?» Березка долго ныла, А ветер убежал, Он спрятался в овраге, сидел там и дрожал.

Прахова Марианна.
* * *

Я полетела утром сегодня Плавно, красиво и даже свободно. Вот я лечу, и лечу, и лечу, И отчего, я никак не пойму. Вдруг ворона комне подлетает, Ловко и резко шапку хватает. Мадает брови на руки мои, Я уже сплю от вороньих когтей.

Березова Катя.

Многие задают себе вопрос: быть или не быть? У взрослых людей как будет че-нибудь плохо, сразу говорят: «Конец света, нужно гроб готовить.» У детей такое бывает только если плохую оценку получают. Но гроб - это не единственное спасение. А все люди начинают готовить себе гробы. В древние времена люди думали, что жить в гробу легче, чем на земле, и в гроб складывали все свои вещи, надеясь их использовать во второй жизни. Но в наше время, что бы найти такой гроб, нужно много денег, а уж до гроба дело не доходит.

Нестерова
* * *

Быть или не быть? Ответьте на вопрос. Быть, жить, любить. Не быть, забыть, умереть.

Так быть или не быть? Ответьте на вопрос. Быть нам хорошо, Но и не быть неплохо. Так быть или не быть? Ответьте на вопрос.

Шпигина Алена

Что такое гроб? Гроб - это ящик, где лежат дохлые мертвецы. А раньше не было ящиков с мертвецами, а были пещеры с мертвецами. Теперь в ящик с мертвецами не кладут их вещей, а раньше клали и вещи: оружие, нижнее белье и т. д.

Заключение к части 1.

Итак, вся мировая литература о гробах разделилась на две по-ловины: до «Гроба своими руками» и после. Моя жизнь тоже. Ведь «Гроб своими руками», Станислав Рассадин и Андрей Вознесенский помогли мне определиться со своей собственной личностью. Теперь-то уж я точно знаю, кто я есть на самом деле. По рождению - антиинтеллигент, По убеждению - мертвевационалист, А так же не член Общества Независимых Плотников. Интеллигент преклонных лет Придет, могильный холм укажет И гордым внукам гордо скажет: Здесь спит антиинтеллигент И добавит кто-то в крест упершись, И не трезв, и пьяный не вполне: «Он ведь вас, как братьев наших меньших, Никогда не бил по голове. Он гению был непослушен, Не признавал других властей». Он - не она, бесполы наши души, Когда «поэт» осколком на кресте. Ножом, осколком - это уж не мало, Такое - не у каждого из вас. Горжусь, хотя Сердце биться перестало И хоть светильник разума угас. Ваше поэты в прежние года Таких как мы не знали никогда.

Часть 2

Как известно, гроб Ексакустодиана, его прекрасное детище, вместе с телом вышеуказанного писателя так и не был предан зем-ле, поскольку оставлен без присмотра на время, достаточное для свершения великого чуда: Ексакустодиана прибрали небеса. Остается надеяться, что все то, что мы создаем на этом свете, ожидает та же участь. Аминь.

Заключение к части 2

Когда бы все так чувствовали силу гармонии! Но нет: тогда б не мог и мир существовать; никто б не стал заботиться о нуждах низкой жизни и предаться бы вольному искусству постройки гроба. Их мало избранных, счастливых праздных, пренебрегающих презренной пользой... Ах, сколь жизнь тому ужасна, кто во глубь ее проник. Проникнуть до глубины души, т.е. до необходимости создания собственного гроба. Неизбежное придет и грозящее срзат. Гибнут стада, и родня умирает, смертен ты сам; но знаю одно, что вечно бес-смертно: умершая слава. Увянул Байрон в цвете лет в святой борь-бе за вольность грека. Ну коли так, давай скорее чаю, да позови дочерей.

Часть 3

Поражаешься иногда практической сметке автора: «Та квартира (или дом) где, может быть, вы родились, жили и так полюбили, хорошо, со вкусом обставили, не может никогда стать вашим гробом, какие бы усилия к этому ни прилагались. Забейте дверь досками - выломают, сделайте бронированную дверь - проломают через стену соседа, забронировате стену - влезут в окно через пожарную лестницу...» Это практически. Но если честно, все мы с вами живем в гробах. Права моя ученица Березова Катя - жить в гробу легче. Кто из нас не вспоминал себя, читая чудные строчки Жуковского: Ах, невеста, где твой милый? Где венчальный твой венец? Дом твой - гроб; жених - мертвец.

Не за чем и дверь бронировать. Многие из нас и так заживо погребены в собственных квартирах. (Так уж повелось - одни жи-внут в гробах, других похоронить не в чем). Конечно, это не зна-чит, что нас в этих самых гробах

никто не побеспокоит. Иногда к нам пытаются достучаться. Вытащить. Иногда это у них получается: И храма дверь со стуком застрялась И на пол рухнула с петлями, И он предстал, весь в пламени, очам, Свирепый, мрачный, разъяренный; Едва сказал: «Исчезните!» цепям - Они рассыпались золою: Едва рукой коснулся обручам - Они истлели под рукою. И вскрылся гроб.

Так в нашей жизни иногда появляется некто, кто попытается вытянуть нас из гроба. И в нашем мертвом, неподвижном лице вдруг выступит холодный пот. И тихо труп со страшным стоном встал, Покорен страшному призыванию; И никогда здесь смертный не слышал Подобного тому стенанию. Неправда, что Жуковский писал о мертвецах. Он писал о нас с вами, уважаемые мертвецы. Да, немного неточно... Неправда, что Жуковский писал о мертвых мертвецах, он писал о мертвецах живых, но дохлых. Раньше дохлые мертвецы жили в пещерах... А как вы думаете, почему у Пушкина мертвецы вот так вот запросто расхаживают, на новоселья являются? В «Гробовщике» - то его? И кто собственно такой Гробовщик? А, может это сам Пушкин? Господи, так до чего додуматься-то можно! Оказываете, когда мы создаем художественное произведение, кому-то тем самым гроб строим. За примерами далеко ходить не надо: «Конституция», «Манифест коммунистической партии», «Уголовный кодекс». Но это так, цветочки. А вы «Братьев Карамазовых «почитайте! Вот уж гроб так гроб! Кстати о Пушкине... У него ни один из героев, кажется, не умер по-настоящему. Все эти русалочки, медные всадники, командиры с пиковыми дамами... Ни одной души, сколько-нибудь мертвой. И если у Шекспира его Отеллы, Дездемоны, Офелии, Призраки - «не жильцы», у Гоголя Ко-робочки, Ноздревы мертвые, но жильцы, (потому что сюжет-то «Мертвых душ» кем подсказан, а?) то герои Пушкина - живые жильцы и на том и на этом свете. Может быть, Пушкин таким образом хотел доказать свое собственное бессмертие? Так что напрасно бездарный последователь Ексакустодиана Иосиф Пенкин заваривал своих жен в бронированные гробы, герметизировал и опускал на максимальную глубину, зря он цитировал радостно Бодлера: Как воздух чист! Как небо ясно! Вот так же жизнь была прекрасна, Когда влюбился я в нее.

Итак, если верить Жуковскому, Шекспиру, Пушкину и другим то-же умным людям, нас с вами иногда кто-то или что-то выводит из гроба. И мы начинаем задавать вопросы... Представь себе, что некто сумел вывести тебя из гроба. «Отчего гробница, где мы в покое видели твой прах, разжала с силой челюсти из камня, чтоб выбросит тебя?.. Бездыханный труп, в вооружении, ты движешься, обезобразив ночь, в лучах луны, и нам, простейшим смертным, так страшно потрясает существо загадкам, которым нет разгадки? Скажи зачем? К чему? Что делать нам?»

И тут ты манишь одного. А все его отговаривают: - Смотрите, как упорно Он вас зовет подалее в глубину. Но не ходите. И ученик ответит как истинный Гамлет: - Я пойду. Он из тех, кто жизнь свою в булавку не ценит, и, вероятно, еще не успел стать мертвецом. Вот он идет за тобой и вдруг вскрикивает: - Куда ведешь? Я дальше не пойду. И возвращается, чтобы построить себе гроб или загнать в него других. Но если это Гамлет, или кто-нибудь подобный - останется. И скажешь ему: - Вижу, ты готов. И кто б ты был? Болотной сонной рысью в стоячих водах Леты, если б тут не всколыхнулся. СВИДЕТЕЛЬСТВО

ОЧЕВИДЦЕВ, УВИДЕВШИХ СЕГО УЧЕНИКА. Я шила. Входит Гамлет Без шляпы, безрукавка попалам, Чулки до пяток. в пятках, без подвязок, Трясется так, что слышно как стучит Коленка о коленку, так растерян, Как будто был в аду и прибежал Порассказать об ужасах геены.

И зачем тебе все это? Самому просыпаться и невинных будить? Спи себе...

Заклученне к этой части.

Гамлет - Чья это могила. Кто тебя там? Первый могильщик - Моя, сэр.

Заклученне к заключению

Гроб в нашей литературе давно перестал быть просто гробом. Гроб - это уже символ нашего государства. Крестьяне в стихотворении Некрасова «Забытая деревня» ждут барина «Вот придет барин, барин нас рассудит». И что же? Годы проходят, жизнь в деревне все хуже, а барина все нету. Барин - это всегда для крестьянина символ порядка. Его все не было, не было, а тут вдруг привезли: Наконец однажды среди дороги Шестернею цугом показались дроги, На дрогах высоких гроб стоит дубовый, А в гробу-то барин. Отсюда и пошла поговорка: В ГРОБУ МЫ ВИДЕЛИ ВАШИ ПОРЯДКИ. а так же: ХВАЛИ РОЖЬ В СТОГУ, А БАРИНА В ГРОБУ (лежа в нем) Заодно утвердилось мнение, что наводить порядки - это все равно что раскладывать людей по гробам. Особая любовь к порядку с давних времен приписывалась женщинам. Они либо любят, либо раскладывают по гробам. Такова уж их коварная натура. Потерявшая своего любимого мужа Кримхильда заливая морем крови своих сородичей. Русалка у Пушкина мечтает положить в гроб того, из-за кого она утопилась в прежней жизни. Взять тех же амазонок - зачем мужчины этим воительницам? Раскладка по гробам удовлетворяет их в полной мере. Но по мнению Лермонтова, все таки любовь сильнее этой стран-ной страсти, так у героини его «Вадима» Ольги вытеснены все ее помыслы о мести, когда она влюбляется в молодого барина. Вот и мы будем надеяться, что все побеждает любовь.

Часть 4.

Трагедия Дездемоны и Отелло не в утрате веры в человека, как это считалось до сих пор. Конечно же нет. Предложение, одно только предложение из «Гроба своими руками» подтвердило мои догадки. «Чем привязаннее пара любит друг друга, чем больше там взаимопонимания, взаимомолования, спокойного существования и свя-занной с этим плесени отношений, тем ничтожнее там родовой Бог.» Брак Дездемоны и Отелло изначально был обречен. Их в отличии от Ромео и Джульетты соединил не стихийный чувственный порыв, а почти рассудочное любованье: Я ей своим бесстрашьем полюбился, Она же мне - сочувствием своим.

Такая любовь холодна, практична и редко распадается, если устраивает обоих участников. Это та самая личностная любовь, про которую Ексакустодиан сказал: «В идеале личностная любовь -это, наряду с полным взаимопониманием, одинаковые носы, глаза, темпераменты, национальные и какие только можно вообразить друг-ие показатели». Почти все выше перечисленное у Отелло и Дездемоны было не одинаковым, следовательно их любовь была достаточно далека от идеала, чтобы случиться трагедия. Были бы герои одинаковы - откуда взяться горечи и злобе? Изойди Яго в порошок от старания их разлучить, ничего бы не вышло, если б только они были одинаковы, или если бы у них любовь не любовательная была, а настоящая. Права Дездемона, когда на вопрос Эмилии «Кто

убийца?» ответила «Никто. Сама.» Так оно и есть. Не люби личность в человеке прежде, чем полюбишь его самого. Личность мужчины и сам мужчина - это совсем не одно и то же. И путающая эти два понятия обречена. Трагедия любви Гамлета и Офелии в социальном неравенстве. Он принц, в том числе и по образованию, и по воспитанию, она - почти никто. Просто, как учебник по истории КПСС. Но ведь они же умные люди, могут преодолеть предрассудки? Легко назвать предрассудком людскую мудрость! Женщина может считать себя непроданной лишь тогда, когда статус и материальное состояние мужчины равны ее статусу и состоянию. Ступай в монастырь... К чему плодить грешников... (Гамлет) Клавдий и Гертруда. Кто она и кто он? Офелия и Гамлет. Кто она и кто он? Благосклонность Офелии не была самое, что любовь Клавдия к Гертруде? А ведь почти то самое, иначе бы не восприняла Офелия так близко к сердцу предупреждение брата, не послушалась бы его. Но с такой легкостью, не раздумывая, произнесла она: Я смысл ученья твоего поставлю хранителем души. Она не заочно продавалась задаром, играть огнем, значит продажа все-таки была. Лаэрт только-то всего и сделал, что показал, насколько пусты ее надежды. Выбор Офелии невелик: либо грех, либо сознательный монастырь. А слова Гамлета «Ступай в монастырь» следует читать тоном разрешения. Он разрешил. Иначе бы сделал бы ту же ошибку, что и его мать: соединил судьбу свою с человеком, ниже его во всех отношениях, прежде всего по уму. Страшнее этой ошибки может ли что-то быть? Нужно благоговеть перед Печориним за то, что он расстроил на-мечавшийся союз княжны с Грушницким. Ничтожность познается в сравнении. Княжна Бога благодарить должна за Печорина - подослал вовремя. Конечно, она и Печорина-то полюбила не по-настоящему, (не так, как Вера), а любовательно-рассудочно, но все равно это спасло ее. А Гамлета спас пример матери. Бы. Если бы он был «жилец». Уровень «жилец» - «не жилец» - категория настолько нерассудочно-полезно, что бесполезно ее как-либо объяснять. Тогда, спросите вы меня, - что ты сказать-то своей работой хотела? Зачем ворошить то, что давно уже заколочено критиками? А ничего сказать не хотела. А если бы и хотела, то не сказала бы. А зацепочкой почему же не поделиться?

Зацепочка.

У Шекспира герои погибают вместе с любовью. В этом есть определенная смысл. Разве мы с вами, когда любовь гибнет, не погибаем сами? Вы, никого не любящие, считаете, что живете? Шекспир во всех своих трагедиях показал «неправильные» любви. Любви-нежильцы. Любовь обожествление (к Розалине) любовь-чувственную (Ромео и Джульетта) любовь-любование (Отелло) любовь тихую, рассудочно-спокойную (Гамлет) любовь корыстную (Гамлет, Король Лир) любовь по долгу (Король Лир) любовь-похоть (Король Лир) И убил их. И правильно сделал. Убил, не насмехаясь, не обвиняя. И ненастоящая любовь прекрасна. Прекрасна, но увя! Обречена. Пушкин продолжает эту традицию расправляться с ненастоящим. В лицейские года он написал «Фавна и Пастушку», подтвердил шекспировскую усмешку над Данте и Петраркой в стихотворении «Мечтателю», затем, в «Руслане и Людмиле» высмеял и любовь-корысть, и любовь-любование, и любовь-похоть, убил Ленского с его любовью т.н. поэтической, умозрительно-восхитительной, расправился с Дон Гуаном и с царем Салтаном - разложил по гробам все мертвое, все ненастоящее и воспел любовь настоящую, любовь жильца. Я вас любил,

любовь еще быть может... Настоящую любовь жильца не задушишь ревностью, не остановишь угрозой потерять честь и достоинство. С надеждой ли, без надежды ли, любовь настоящая остается любовью настоящей. Она не слушается ничьих советов и угроз. «Романтическая мысль жениться на крестьянке и жить своим трудом пришла к нему в голову, и чем более думал он о сем решительном поступке, тем более находил в нем благоразумия (Барышня-крестьянка) - Для настоящей любви нет неравенства. Пушкинские герои умеют сохранить любовь:» Ты должна была меня разлюбить; очарование должно было исчезнуть... Нет, лучше умереть, лучше оставить тебя прежде этой ужасной минуты» (Арап Петра Великого)

Глава, написанная в ночь после смерти В. Листьева.

А теперь представьте себе гроб. Заколоченный. Все представили ли? На что он похож? На ступеньку, не правда ли? Представьте целую лестницу таких ступенек. Все представили? И что же вам представилось? Ну, конечно же Макбет, Борис Годунов, Наполеон, Ленин-Сталин. В первую очередь они, а во вторую какие-нибудь еще 2-3 мерзавца типа Раскольников, Жана Кельвина, Смердякова, Луция Корнелия Суллы и Стеньки Разина. Это хорошо, если они представились. Судьбы их незавидны. Вряд ли кто из читающих лю-дей, которым имена сии знакомы не понаслышке, сам рискнет со-вершить прогулку по этим ступенькам. А ведь не перевелись еще гробоходцы на земле нашей. Вот вчера, например, Вот сегодня, например, И завтра то же будет... Потому что и вчера, и сегодня, и завтра находились, найдутся те, кто никогда не читал Шекспира, Пушкина и Достоевского. Не исключено, что они когда-нибудь встретятся с этими классиками, например, в гробу, созданного своими руками. Не случайно герои трагедий Шекспира так близко к трону или на троне. Дело вовсе не в том, что Шекспиру были неинтересны «маленькие» люди, и не в том, что он не хотел описывать жизнь черни. Трон - нечто иное, как символ мудрости и человеческой вершины, а так же символ «конечной остановки», о которой говорил Лоуренс Дж. Питер. Если бы проблемы собственного величия не занимали каждого из нас - произведения Шекспира читались бы исключительно властьюдержащими. Но получается все наоборот: как раз власть держащие Шекспира и не читают потому что они далеки, как никто до подлинного человеческого величия. Как только человек поверит в собственное величие - он уже «не жилец». Точка гроба совпадает с конечной остановкой. На конечной остановке любой из нас обречен. Провидение не дает человеку полнейшего упоения властью. Только человек осознает, что достиг своей вершины, - наступает смерть. Гольдмунд погибает в тот момент, когда образ матери, искомый столько лет, наконец, найден. Дантес убивает Пушкина на вершине славы последнего. Нельзя человеку доходить до своей конечной остановки. Остановись на предпоследней, не ходи дальше - там упоение собой, и осознание своего собственного ничтожества - все это одновременно. Там ты не удержишь искушения прыгнуть с высоты, уверенный, что ангелы с крыльшками не дадут тебе упасть. Они спасут тебя первый раз, второй, третий, но сколько же можно! Не подходи вплотную к трону. Наверное, ты считаешь, что трон предназначен тебе. Неправда. Сидит на троне Смерть, шутиха злая, Глумясь над нами, над величием нашим, Она потешиться нам позволяет - сыграть роль короля (Ричард II) А сыграть роль короля,

насладиться собственным могуществом невозможно, не раскладывая людей по гробам. «Мы наслаждаемся своим могуществом не тогда, когда сдвигаем горы и меняем течение рек, а тогда, когда оказываемся способны-ми превращать людей в неодушевленные предметы» (Эрик Хоффер) Бойтесь рано взойти на собственную вершину и сесть рядом со смертью, но если уж вы на троне - ведите себя достойно, по-королевски. «Ум надобен тем, кто далеко забрел». (Старшая Эдда) Это ваше последнее мгновение. У иных оно тянется несколько лет, у иных не тянется вовсе. Смерть на взлете. Она иногда совпадает с физической смертью, а иногда нет. Но для человечества в целом это неважно. Некоторые счастливцы корабкаются по лестнице успеха, добираются до вершины и попадают на ту сторону холма. Только гении по холмам ходить не любят. Гению не хочется быть королем малой истины. Ему масштабы подавай, истину окончательную. А кому эта окончательная истина счастье принесет? Лишь незнающие - жизнь прямая, Знание - смерть прямая нам. («Кассандра» Жуковского) Итак, человек который пришел к знанию, т.е. к собственной смерти, прибыл на конечную остановку, стал королем. Король больше уже не думает - он знает.

ЗАДАЧА.

Кто умнее: король который боится сумы, или вищий, который боится трона?

А вообще-то знаменитый «Гаргантюа и Пантагрюэль» почти весь построен на правильном понимании великим Рабле изречения не менее великого Платона, когда тот говорил, что мечтает о таком государстве, где короли были бы философами, а философы королями. Философ - человек, ищущий истину, (иначе какой же он философ?). Король - знающий истину (иначе какой же он король?). Платон, очевидно, имел ввиду следующее: человек ищущий хорошо бы был знающим, а человек знающий хорошо бы был еще ищущим. Но это все равно, что сказать: хорошо бы ночью было светло, а днем - темно. Это все равно, что сказать: хорошо бы черное было белым, а белое - черным. Это все равно, что сказать: хорошо бы мертвые были живыми, а живые - мертвыми. Платон мечтал о государстве перевернутым с ног на голову. Вот Рабле и перевернул. Отсюда такая искусственность, такой надрыв - трудно выдержать в одном духе целое произведение. Даже мне это не удается, а уж Рабле-то и подавно. И постепенно, к концу романа, он все рас-ставляет на свои места. Это не потому, что он стал Пессимистом, нет, просто нужно же когда-то согласиться с реальностью, что день - это день, завтра - это завтра, а философ (сума, движение) и король (трон, остановка) - две крайности высокоразвитой личности.

Примечание к Главе.

Иногда огромная удача выпадает служителям того света. Им удается захватить душу писателя, журналиста или еще како-го-нибудь мельника. Верит. Кричу, скачу и хохочу я. Князь ада, саблаговоли! Взглянуть, что я принес с земли, Я ног от радости не чую. (Андре де ла Винем) Но тут же неизбежное разочарование: Люцифер. Кто душу мельника когда? Еще дерзнет внести сюда По дури иль усердия ради - Будь спереди взята иль сзади. - Того казнию я, разъярясь, Зане она - дерьмо и мразь! Наверное, уже пол-ада казнено, но как не таскать в ад души нашего брата мельника? Как они соблазнительны, черт возьми! Как красиво мелют! Черты пальчики облизывают. А на проверку? Сатана. Что это? Прозерпина. Что он приволок? Там чистое г...о, ужасно! Люцифер. Мне и отсюда это ясно. Фу,фу! Какая дрянь...

Часть окончательная.

Я не знаю, что имел ввиду Пушкин, когда писал «Пир во время чумы». Да и знать не хочу. Заинтересовавшись проблемой живых мертвецов (а кто интересуется мертвецами мертвыми? Разве работники крематория да Чичиков.), я уже с позиций потустороннего, вернее, потустороннего материализма, родоначальником которого, несомненно, является Иисус Христос, учение которого до сих пор понималось неправильно (Изыде сеятель сеяти семена своя. Иное упало при дороге, т.е. е ходят ВСЕ), потому то многие до сих пор верят, что в потустороннем мире живут те, кого уж нет, и не видят очевидного, что сами-то они в большинстве своем именно там и находятся. Так вот, именно с позиций потустороннего материализма рассматриваю телегу, и священника, и погруженного в глубокую задумчивость председателя. Под последним или кто-нибудь из его субутыльников священником в мертвую пусто-ту добровольно - и неизбежная участь не была бы столь тяжкой. Тяжкая участь - расплата за веселье и грехи. Эта расплата неизбежно придет всем, кто весел и грешен - расплата не в преиспод-ней, а здесь на земле. Что есть рай, как не душевный покой живого мертвеца? А хоти-те ли вы туда, уважаемые? Если хотите - следуйте за священником, а я останусь. А Пушкин-то Моцартом себя не считал! Как рано зависти привлек я взор кровавый» (Дельвигу) Кто из нас, положи руку на сердце, себя Моцартом считает? Одни безумцы, да и то недолго. Вот и не выдержал второго искушения Духа - прыгал с высоты, чтобы доказать всем, а прежде всего себе, собственную избранность. И допрыгался. Не искушай господа своего! - А ключи-то нам достались. «Где ключи? Ключи, ключи мои!».. И потекли сокровища его в атласные дырявые карманы. А вы читайте учебники, статьи, «прогулки» и подбирайте, что у других из карманов вывало. У меня, например, или из «Гроба своими руками». Не бойтесь, сокровища, как и деньги, не пахнут.

Александр Эф (Филичев) родился в Самаре в 1960 году, в 1978 закончил школу, в 1983 - институт связи. Некоторое время был внештатным корреспондентом ярославских газет «Северная магистраль», «Юность». Публиковался во всероссийском журнале «Свет» (№ 3 - 1994). Автор книги несюжетной прозы «Гораздо выше скорости тени» (1992).

В настоящее время живет в Вологде, начальник цеха связи Вологодского вагоноремонтного завода. Пишет философские эссе на темы духовного совершенствования.

Александр Эф: Мой путь внутри себя

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ - УДИВЛЕННАЯ УЛЫБКА

Однажды он позвонил и сказал, что хочет познакомиться. Мой телефон дал ему редактор «Лада». И вскоре пришел этот молодой человек, Саша Эф - худой и легкий. Через минуту говорили как друзья. Оказалось, он уже автор книжки, набранной и сделанной своими руками! Ездил в Москву к Нарбиковой, она чудесно его приняла, пообщались интересно. «Тогда зачем ему мое маленькое местное издание?» - терялась в догадках я. (Как раз был в проекте № 6 «Свечи».) Но очень скоро мое недоумение рассеялось. Меньше всего Саша хотел пробиваться. Он был свободен от каких-то эгоистических устремлений. Зато своим знанием делился легко и щедро.

Однажды он пришел на литобъединение, где «ломали копыта». Обстановка была злая, напряженная, сшибка эмоций. А он вдруг и говорит: «Зачем вы все твердите, что любите Господа? Кабы любили, так принимали бы все как есть, не гневались - даже на тех, кто, как вам кажется, не верит. Я принимаю всех, какие бы они ни были. Потому что они живые создания божьи. И вас принимаю...»

Все обернулось к нему... Наступила разрядка и разговор стал более человеческим. Действительно, главное не то, сколько человек создавать и не то, чтоб работать по плану. «Главное попытаться родить что-то хорошее, а не просто обсудить и вбить крест.»

Во время выступления в колонии он заметил, обращаясь к публике: «Вам лучше, чем мне. Вы знаете, что выйдете! А есть внутренняя тюрьма оттуда можно никогда не выйти.» Пронесся гул смеха. Он читал свои короткие эссе, прерывался, говорил по наитию. Я сидела среди заключенных и видела их реакцию. По залу проносились охи, вздохи, летали записки, а потом его окружили, тянули руки: «Ты говорил о сумерках души. А знаешь, как я люблю сумерки?.. «Что скажешь о «Розе мира»?.. «Ты думаешь, жить еще не поздно?..»

В колонии публика особая, малейшую неправду чувствует. И некоторые, кстати, боятся ходить в колонию. Нужна определенная внутренняя зрелость, надо иметь, что сказать по большому счету. А Эф пошел без колебаний и без колебаний был принят. И сразу зашумел теплый ветерок симпатии.

Выставка живописи и акварели в Доме актера открыла Александра Эфа как художника. Вернее, это в нем неразделимо его литературные и изобразительные опыты. Несюжетны его картины как несюжетны эссе, и те, и другие полны настроения. Порою в тех и других чудится зловещая тень, но светлых и прозрачных красок больше. Палитра его полотен напоминает импрессионистов, да и проза его такая же. Скорее, это картины радости, фрагменты света, надежды. На что? На все лучшее в нас.

А что касается улыбки... Улыбка всегда вспыхивает на лицах тех, с кем он говорит. Улыбка - его приветствие нам. То, что вызывает ответное эхо. Чувствуется, что человек наконец обрел внутреннюю гармонию и гармонию между собой и окружающим. Поэтому не боится быть открытым. Редактор

Александр Филличев (личный архив)

Эссе Александра ЭФА ОБОЗНАЧЕНИЕ МЕНЯ

Очень странно обозначать себя как что-то определенное... Попробую начать с ритмических эссе, которые несут информацию обо мне... Эссе образно-абстрактны, имеют музыкальный ритм, удар, чего нельзя сказать о видимой реальности, которая скорей всего иллюзия формы. Цель искусства - постижение истины, представляющей собой многоплановый энергетический образ, наблюдаемый тончайшей и чувствительной душой, осознаваемый сознанием. И недостаточно иметь только один взгляд на объект - снаружи. Необходимо еще войти внутрь, испытать еще биение сердца, взглянуть на Бога, но его же глазами, не конкретно, а абстрактно-интуитивно. Что включает энергии противоположных позиций и включает внутреннее самосознание и похоже на наблюдение «между»...

Религия. Добро без привязки к догмам. Любовь к человеку без конкретных причин, без материальной обеспеченности. Это «между» - всегда тайна с двумя основными чертами - абсолютная свобода с любой сфере и огненное устремление вертикально вверх. Представьте ситуацию мелодрамы, когда соперники добиваются дамы, хитрят, а телезритель, наблюдая, принимает сторону «положительного персонажа». Но позиция борца за свободу оказывается смешной в силу того, что без остальных актеров не было бы фильма. Значит, зритель попал в плен иллюзии. Без сравнения, без полюса - нет образа, нет жизни. Как только фильм, любая ситуация понята, сознание чувствует центр и ощущает себя как центр. Образы дня и ночи, жизни и смерти - формы существования сознания.

Образы даны Богом и движут нас к многограннику Истины через абстракцию понятых ранее ситуаций. А за абстракцией лежит излучение Истины, Интуиция. Интуитивна любовь, не имеющая объяснений.

И мои эссе - это моя любовь. Один из принципов любви, как ни парадоксально - единство. «Я есть все». Мистика единства с разницей в том, что разные сознания недостаточно приблизились к своему центру сознания по-разному видят свою жизнь вне сознания.

Понимая себя как душу, человек основывает свои действия на духовной цели, однако добро зависит от степени свободы и старое добро умирает со стремлением к более полной свободе души. То есть завтра новое солнце, новый день, новая милостыня в шляпу вчерашнего нищего не дадут разгадку жизни ни вам, ни ему. Объясняя судьбу как определенность, я рискую попасть в ловушку иллюзии. Ни образование, ни положение, ни возраст ничего вам не дадут для осознания кроме ненужной привязки к форме, которая давно рассыпалась.

Итак, в первую очередь о последнем. Литературные эссе, мои лучи энергий представляют собой нечто интуитивно-абстрактное, соединяющее образы в их полярности и ритмике. Что-то похоже на музыкальный пейзаж с открытыми для света границами. Хотя и границ-то нет! Цель написания эссе - создать ощущение сверкающей свободы и полета, где-то силу удара, мощь смерти, ночного взгляда...

Первое прикосновение к Вселенной. Любовь произошло атеистически, методом от противного. Я внезапно понял, что Бог существует в 1983 году после прочтения книги

Ламонта «Иллюзия бессмертия». И состояние «мы вечны» стало нормальным, чистым... Затем с очень смешным и добрым психом мы побывали у адвентистов Седьмого Дня - христиан, в основе веры которых - второе пришествие Христа, адвентус. Но главный выход в духовное пространство я получил у бхакт Общества Сознания Кришны. Мы по четыре часа подряд в маленькой квартирке пели Харе Кришна, очищали ум и сердце чтением Гиты, вегетарианской пищей, насыщенной мантрами - вибрациями Духа Любви... Здесь не проникнуться радостью, не привязанной к социальной жизни, просто нельзя. Жизнь, обусловленная стремлением к удовольствиям, совершенно не давала радости. И уже в Вологде единственное наполнение получалось при отдаче любви Богу. С небольшой группой был на восстановлении церкви рядом с Ростовом, а в Вологде - Спасо-Прилуцкого монастыря. После выгребания мусора из келий чувствовал истинное спокойствие, радость, которых не достиг на вечере с шампанским. Присутствие чего-то божественного давало чистые тона жизни, вибрации, связанные с добродетелью и затем с благодатью.

Сознательный путь - это путь последовательного опыта. Тот, кто изучает жизнь с радостью и готовностью творца, очень быстро проходит полигоны испытаний и при этом может принимать самую мощную нагрузку. Поверив в Бога, далее веришь в справедливость всей жизни в целом, каждого ее мгновения, всех встреч, всех ситуаций, приятных и не очень...

Путь последовательного опыта стоит пронаблюдать. Что происходило со мной, насколько я соответствовал чистому сознанию, насколько мысли и действия были красивы и продиктованы интуицией, не расчетом.

Юность дала мне аванс радости. Запах реки, сияние ночных звезд, незабываемые встречи... Эх! Конечно, радость была! И без всякого труда над собой.

Все подтверждалось. Знаки испытаний выливались в проверки. То, что сегодня могло сломать меня психически, завтра воспринималось как рабочая нагрузка. Каждому слдует пройти свое достойно. Иногда утрусждение в добродетели я получал через жертву в какой-то фонд защиты детей, лошадей, нищим с хитрыми глазами. Но особой мудрости я в себе не видел. Наощупь шел куда-то к лучшему, светлому, к мечте, растворенной в расцветных облаках...

Созидание жизни - процесс высоты, свежести, свободы непосредственно там, где ты находишься - в пределах квартиры, в мыслях, летящих к центру восприятия, чтобы вылиться в картину жизни. Кроме получения интуитивного Бога стало необходимым трудиться над воплощением Бога на земле, в земных, социальных условиях.

Земля не просто место отработки, она - планета, движущаяся к совершенству.

Религии внесли в мою жизнь Агни-Йогу, дополнили мое устремление, огонь - в сверкающие брызгами радости лица мистиков.

Душа, воплощенная в человека, моя душа, я ш л а - ш е л к истине земной и небесной. Два потока - полет духа и генетическая наследственность должны постепенно образовать неразрывный Идеал. Религиозная духовность сольется с социальной активностью, образовав Личность, служащую семье, коллективу, людям, природе от имени Просветленного Сознания.

Это Просветление хитрая штука. Оно

складывается из способности видеть ясно сейчас и в прошлом, и даже в будущем. Семья Елены и Николая Рерихов - прекрасный пример и призыв к Свету. Первая после Бхават Гиты книга Рерихов «Листы сада Мории» грела мое сердце в 1989 году.

Было бы нескромно подробно говорить о пройденном. Оно не предано, а вошло в кровь и неостижимо слилось - христианство, индуизм, лучезарный Кришна, любимый Иисус присутствуют в моих мыслях-действиях... Изучены Тантра-Йога, Шри Ауробиндо, и о!-Ошо Раджниш. О них, о других святых и мистиках можно говорить и писать бесконечно, вернее, дышать с ними в одно дыхание. Собственно, в какой-то период мне казалось, что вся полдинная реальность - в соединении религии, философии, мистики, в отдающем глубокое знание оккультизме Алисы Бейли. Эти авторы большинству неизвестны. Но все книги говорят об одном: об эволюции человека и его души, о бессмертии и творчестве и любви, через любовь к Богу и гармонии, несмотря ни на какие препятствия.

Как известно, дается по силе. Вечный закон Кармы - что посеешь, то пожнешь. Вера помогает надеяться и ждать, пока духовный свет через осознанный труд даст свои всходы в золотом саду Мории.

ЦЕРКОВЬ-РЕЛИГИЯ-РИТУАЛ

Церковь - место интимных отношений человека и Бога, представляемого в христианстве триедино. Бог-Отец, творец всего сущего, родитель вечных душ, космоса, проявленного в виде энергий; Святой Дух, присутствующий везде и всюду как жизнь в ее изначальном значении; Иисус Христос - Сын Бога, богорожденная душа, наделенная властью и знаниями Бога, так что для нас Иисус - Бог. Коснуться тени Бога, быть причастным Его тайн - цель каждой религиозной конфессии, основанной на любви к Богу и человеку. Однако совершенно ли обязательно идти для этого в храм? Озарение, полученное во время церковного ритуала, должно распространиться на всю жизнь, на повседневность. Ритуал необходим как напоминание, как божественное касание. Религия - коллективное обращение к Небесам, основанное на Знаниях о душе, об эволюции жизни. Знания могут быть переданы Просветленным интуитивно или через откровения. Иисус, Магомет, Будда, Кришна-Высшие Водители Светлых Сил, приходящие к человечеству в нужное время и нужное место. Жить красиво и правдиво - жить не для себя, настроиться на выполнение духовной задачи в течение всего воплощения. Нельзя сказать определенно, как и когда следует поступать, жизненные ситуации всегда уникальны. Но истина в любом случае на стороне высокого и светлого сознания, имеющего неэгоистический мотив. Инстинктивно воспринимая высокую истину, человек очищает сознание от агрессии и невежества, это проявляется в каждом поступке, направленном на благо Единого человечества и природы по сигналу свыше. Царство небесное достигается не формальным поклонением образу Иисуса, не внешним признанием Бога как такового, а всей своей жизнью, шаг за шагом строящих свою золотую лестницу на небеса. Это гармонизация отношений с теми, кто рядом каждый миг. Это создание луча любви из своих глаз и сердца, движение к открытому обществу, описанному в "Розе мира" Даниила Андреева, в "Агни-Йоге" Елены Рерих - обществу душ, не

противоречащих друг другу, сияющих собственным светом, наслаждающихся собоготворчеством собратьев. Союзу, в котором устремления и мысли каждой души направлены на целое.

Однажды на службе христиан-пятидесятников я слушал записи американки, якобы совершившей экскурсию в ад вместе с Иисусом. И то, что она видела, в целом соответствует бытующим представлениям о судьбе грешников. Один из самых ярых был бывший пастор, шиковавший на деньги прихожан и притом не верящий в Бога. В данном случае невыполнение и даже извращение божественной задачи привело его в ад. Суета обычной социальной жизни с редкими взлетами на крыльях комфорта абсолютно пуста, если исключить из нее великий луч божественного света, вертикаль-эволюции в соединении с горизонталью земной жизни.

Церковь и ритуал останутся мертвыми, если выполнять обряды формально, бездумно. Многие служители культа используют устаревший "святой дух", обращаясь при этом не к качествам Бога - мудрости, красоте, мужеству, любви, смирению и радости - переходящим в благодать... но к неподвижному, канонизированному, умершему в ритуале образу.

Тексты Библии можно трактовать бесконечно, перефразировать даже эзотерически... и при этом вовсе не быть добрым. Или наоборот быть добрым до идиотизма, вплоть до нежелания навести порядок в мыслях, в квартире...

Право на вечную жизнь имеют только заповеди от "возлюбил Господа Бога" до "Возлюби ближнего своего"... А формальное соблюдение заповедей без любви в сердце, без размышлений о смысле существования - всего лишь ритуал. Ритуалы сами по себе нужны тем, кто живет по законам зоны.

Конкретный пример по факту - самоубийство, считающееся смертным грехом в христианстве. Факт самоубийства имеет свою кармическую причину, исходя из нее и надо оценивать факт. Самоубийство из слабости - конечно, грех, но если человек бросился на амбразуру, он согрешил лишь формально, потому что знал, что делал. Однако он совершил его ради спасения других, тогда это жертва.

Японские камикадзе тоже самоубийцы, однако они по дзен-буддизму отправляются прямо в рай. И японские матери гордились такими сыновьями.

Есть и закон Кармы - это закон воздаяния за содеянное, основанный на свободе выбора души, он объясняет все, связывая воедино причину и следствие... а также дальнейший путь освободившейся души.

Каждая душа проходит через колесо перевоплощений для получения полного опыта, определенного свыше. По качествам в женском теле - опыт инь (нежность, восприимчивость, материнство), в мужском - опыт янь (воля, мужество, интеллект). Получив полный опыт в мужском и женском теле, душа становится более завершенной, самодостаточной и продолжает эволюцию в помощи людям. Но эта тема настолько обширна, что я могу предложить соответствующую литературу - "Роза Мира" Д. Андреева, Бхават Гита, Агни Йога, книги Алисы Бейли, а на первое время "Диагностика кармы" Лазарева.

Философия в высшем смысле не просто любовь к премудрости, а любовь к Богу, включающему все аспекты жизни и формы ее расцвета. С вершины любви и мудрости религия представляется лучом, каналом к свету.

но до тех пор, пока человек не станет самосознательным в любви. Как только это происходит, ритуал становится не нужен, правила не нужны.

Ошибки? Куда без них? Но догма и приковывание к ритуалу только вредят любви и познанию. Отсутствие размышлений заикленного на запретах сознания плюс открытое сердце могут дать картину затянутаго детства. Сердце без разума может любить только то, что кажется понятным для любви неразвитым умам... Конечно, есть еще любовь идиота. Но это болезнь. А ритуал, лишенный высокой молитвы, есть только ширма, видимость. Так же, как светские приемы в салоне, завтрак с булочкой и кремом.

Ориентир один - бесконечность с абсолютной преданностью Богу, который дал нам Жизнь раз и навсегда. Жизнь, не собирающая пыли, а ждущая музыки неба здесь и сейчас... без трепета перед адом, без страха что-то потерять. Живущие социально верно, но как бы бездушно, прерывают нить Жизни и исчезают в Неосознанном на целую ночь до следующего рождения. Духовные люди не теряют, а наоборот, полнее ощущают себя после смерти тела. Смерть реальна для формы, но не для сути, не для души.

Только мысли можно определить как нечто удивимое и понятное в эволюции, мысли, обязанные быть чистыми и позитивными. Именно черная, унылая, безнадежная, злая, иногда просто хмурая мысль и есть первый грех, за которым следует

Вы свободны! или Откровения под Deff Leppard

Живем в ожидании сенсаций, великих событий, того, что за ними... А иногда даже в самих газетных строчках содержится чувства, а не то, что за этим последует. Последствия меня интересуют постольку-поскольку... Потому что в этих строчках я записываю ощущение свободы себя и режима окружающей нас тюрьмы.

И сделаю это бесцеремонно.

Тюрьма. Не то, чтобы стены, решетка, прогулка под сеткой... И не то, чтобы чефир, коденчик вихаря от надзирателя. Ваша тюрьма хитрее. Она состоит из дыма существования, преснятины бытовухи, скованной наши души, вместо того, чтобы дать им крылья. То, что мы имеем взамен полета и скорости. Именно здесь, против любой формы, против устаревших правил, абсолютно не связанных с качествами свободы - именно здесь протест. Лязг гяжелого металла, крики стальных птиц, зияющие раны, снаряды, пробивающие броню ханжей, дымное поднебесье, не пожалевшее Содома и Гоморры - все это детальная, для пожирающей себя плоти, лирика.

Смотрите, смотрите, что происходит с вами изо дня в день! Где любовь к ветрам, к музыке, к смелой и красивой поэзии жизни?

Цены, лавки, очереди... Ах, как все плохо... Да-да, я понимаю...

- Ори, дешевка, сейчас ты будешь повешена! Съешь свой последний в этой жизни сырок и подавись насмерть.

Слышите? Вот так... Не хухры-мухры наша жизнь, а стресс, напряжение мозга и мышц, как у пограничников. Кости должны хрустнуть, мясо раскисаться, а руки плавным ширпотом описать полет грифа над кладбищем ходячих бифштеков, которых в изобилии здесь, внизу, в городах...

А-ах! Нет, не зря рушатся стены, состарившись, они падают сами, устав от собственной неподвижности и отупения. Уничтожают сами себя. Это жестоко, но справедливо. Рушится мир теней, а мозг обывателя судорожно хватается за вчерашнюю смерть, машет вчерашним билетом.

Задумайтесь. Присядьте на каменный шар, подложив подбородок на правую кисть, а локоть - на колено правой ноги.

Если неможет - рушьте теперь сами себя, не жалейте. Мазохизм побеждает, мазохисты самые счастливые ребята, работают на сварке и с высоким напряжением, санггарями в пенхунке и в пиротехнике... Они выполняют волю природы - поднижат, замкнут, подложат взрывчатку. Но это в том случае, если мы не взорвем сами наше

вывод: "не счастья в жизни".

И наоборот - стоит обратиться к Богу с искренней молитвой, с любовью к миру, как мгновенно исчезает личная проблема, корысть, страх смерти. Потому что во время посылок добра, во время реализации первых заповедей вы уже не просто тленное тело, а душа, имеющая качества вечности и блаженства. Именно проблемы тела, страсти несовершенной личности отличают высшее "я" от просто тленного человека с его слабостями и глупостями.

С точки зрения религиозной дисциплины утро следует начинать с бескорыстной молитвы за других, день проводить в подчиненном сердцу с осознанием внутри себя всех своих действий. А вечером в тишине ретроспективно проследить весь день - насколько он был чист и эффективен с точки зрения положительной кармы... И по мере роста сознательности и ответственности задача усложнится, станет более деликатной и более широкой.

Воспринимаемая жизнь отрицательно (пассивно, агрессивно или инфантильно) каждый сам превращает ее в ад, сеет и пожинает плоды себя самого раздраженно, грубо, невежественно, насилием. И нельзя убежать от этих "посевов", сменив место жительства - Карма настигнет везде. Энергии, соответствующие этому сознанию, слетятся как птицы. И вор буде обворован, а искренний музыкант будет услышан всеми. Все желанья найдут свое воплощение.

Попробуйте уловить, что хочет от Вас Господь.

убогое сознание, накатавшее себе тропинку (с указателями и инструкциями - в какой руке держать огурец, в какой вилочку... И ножичек с кровотеками, и баллончик с газом на всякий случай, для защиты готовых маршрутов, для безопасности от неожиданностей судьбы и ветра...)

О мой Бог. Прошу - не повторяй старых песен, не давай рецептов от безумия любви! Пусть все будет странно, пусть, если надо, ужасы приходят по ночам, но и ангел однажды ослепит... Мы вместе взлетим и исчезнем в полете, взорвавшись на собственном порохе, который скопился в сердце.

Ну, как настрой? Не пора ли нам пить кефир? А то глядишь, и в гроб. А если успею выпить кефир, то и не умрем никогда...

Успокойтесь, кто неспокоен. Не восстанию призываю вас, чтобы из стиггера по администрации... Это могут и завоеватели кефира. Зову на соединение с душой, с ветром, с музыкой поющих волн, с красотой жизни, которая есть уже сейчас. А что делать дальше - зависит от сознания. Только бы оно не прокисло в "быту и труде" и во всем то, что надо и что разрешено.

- Выдаю разрешение на вдох и шаг правой. По команде, вперед...

- А шаг вбок? И выдох, простите, ушами?

- Это уже не легально.

Мыслитель! Найди новую идею, сокрушающую стены иллюзий, открывающую новый путь в голубом небосводе, а все, что сидит в башке - ерунда, потому что это там уже сидит. "Не насытуй беднякских, несчастных, они держались но героически, хотя пади от сквозняков и поносов..." А между тем лучшее средство от тоски - хороший бой... Но удличная драка "под шафэ" - агрессивно. Если и выпить, то чуть-чуть осеннего холода и любви к реке, смирения перд солнцем и если штурм, то неба. Без фетишизма и шовинизма, без яканья и нытья, которое так себя защищает, так боится конца света и дрожит от цен, что начинает сходить с ума вместе с толпами умалишенных...

Грубо, нехорошо? Но и птицы вместе с нами, коснувшись людских страстей, стали забывать о небе. Чайки тусуются на базаре почти как люди... Не войны ли это знак? А Бог во всем так тихо звучит... Только прислушайтесь к дыханию природы, и вся жизнь изменится, окрасится в нежные тона, сгармонизируется с временами года, с фазами белой Луны...

Пройдите мимо последних цветов. Астры и хризантемы шепчут: "А зачем ты все это иницишь?" Шепчут, не отводя взгляда от высокого неба, высокой гармонии утра и поэзии... И тогда, глядя в глаза

прохожему, можно не опасаться газового баллончика. Ведь все стены, построенные в сознании, затем материализуются вокруг, загромождавая пространство любви дешевой мебелью моралистов и и подделками игр в существование. Играющий не приблизится к настоящему. Тот, кто выпендривается, создавая имидж и сцены фарса, сам втягивает себя в игру политики и цен. Натягивает на себя страшную маску и сам же кричит "караул". Вот и результаты - вокруг столько мусора, столько ненастоящего, умирающего ежесекундно и вовлекающего в суеверия обывателя иллюзией под названием "суровая действительность".

"Улыбнись, незнакомый прохожий." Не бойся, не дергайся. Все будет шикарно. Главное - не испортить атмосферу. Держать ровную улыбку, и Бог тебя заметит. Будь просто счастливым!.. А если что не так - прости...

Судьба и свободный выбор

Вопросы судьбы и свободы часто представляются неизбежным, но неудовимым явлением. Судьба, фатальность, неотвратимость тех или иных событий, случающихся с человеком в течение всей его жизни, только кажутся статично неизменными. Предполагая смерть от руки маньяка, находящего в этой ситуации под лучом смерти, жертва и палач представляют судьбу в аспекте опыта смерти. И этот опыт судьбы и смерти должен получить каждый человек в одной из своих инкарнаций. Предвидя трагедию, которую я бездушно скопировал отнести к опыту, жертва может нанять охрану и трястись от страха за пятью дверями. Но, представляя справедливость эволюции, являющие даже насильственной смерти можно отработать более мягко, то есть как бы пройти ее внутри сознания, - для чего и необходима ситуация, которую мы расцениваем как фатальностью.

Но для человека, который не боится смерти и ничего не боится, а такие есть - для него приготовлены другие испытания судьбы, например, трагическая любовь. Каменное сердце дрогнет и сочтет это поворотом в судьбе.

Так что судьба - это жизнь, которая нас учит и учит. Внимания заслуживают события, действующие на сознание. Рок - это стрела, пронзающая наиболее слабое место в сознании людей, "ахиллесову пятую"! И не защищаться нужно в этом случае, а осознавать, почему тебя достало. Тогда нападающий хищник, маньяк, перестанет быть активным. И вы сами можете проработать в сознании психику палача или жертвы.

Свободный выбор человека не противоречит судьбе. Это то же самое, что подняться высоко-высоко над собой и взглянуть вниз... Окажется, что к тому, что мы имеем, к событиям или условиям существования мы сами выбрали путь. Что хотели (сознательно или бессознательно), то и получили. Мало того, что работа, жена, религия, одежда выбраны нами. Но и факт самой жизни, расположение планет в момент рождения выбраны для наилучшей эволюции. Фантастика? Нет, просто знание. Часто перед нами выплывают материализовавшиеся желания, которые кажутся в момент исполнения полнейшим абсурдом. Но и они результат выбора, а выбор есть выбор.

Поэтому, выбирая радость как таковую, не связанную с событиями текущего или грядущего дня, а просто радость саму по себе, человек уже не так подпадет под власть судьбы, которую сам же себе создает. А чтобы избежать накрученного собственным сознанием несчастья, приходится искать пути защиты, как-то "размазывать" несчастье по всей шкале жизни, рассредоточить его, вместо сильных мучений в течение одного дня - маяться по чуть-чуть целый месяц. Еще лучшее средство от судьбы - попытаться принять ее радостно, придать ей красоту, крылья...

Прошлое еще цепляет нас, но зато теперь мы знаем, что все грозы в небе несут свежесть и искренность, а наш рок - любовь и красоту.

Далее надо сказать об отрицательных воздействиях внешних условий на наш организм - начиная с энергетической сетки вертикальных полей север-юг, восток-запад и кончая планетами. Находясь в квартире, лучше, по совету многих мистиков, спать головой на восток или на север, что благоприятно воздействует на мышление и течение энергии в эфирном теле. Чтобы во сне не попадать головой на пересечение север-юг и восток-запад, можно определить место с помощью повешенного на нитку колечка. Крутится

Но для человека, который не боится смерти и ничего не боится, а такие есть - для него приготовлены другие испытания судьбы, например, трагическая любовь. Каменное сердце дрогнет и сочтет это поворотом в судьбе.

Так что судьба - это жизнь, которая нас учит и учит. Внимания заслуживают события, действующие на сознание. Рок - это стрела, пронзающая наиболее слабое место в сознании людей, "ахиллесову пятую"! И не защищаться нужно в этом случае, а осознавать, почему тебя достало. Тогда нападающий хищник, маньяк, перестанет быть активным. И вы сами можете проработать в сознании психику палача или жертвы.

Свободный выбор человека не противоречит судьбе. Это то же самое, что подняться высоко-высоко над собой и взглянуть вниз... Окажется, что к тому, что мы имеем, к событиям или условиям существования мы сами выбрали путь. Что хотели (сознательно или бессознательно), то и получили. Мало того, что работа, жена, религия, одежда выбраны нами. Но и факт самой жизни, расположение планет в момент рождения выбраны для наилучшей эволюции. Фантастика? Нет, просто знание. Часто перед нами выплывают материализовавшиеся желания, которые кажутся в момент исполнения полнейшим абсурдом. Но и они результат выбора, а выбор есть выбор. Поэтому, выбирая радость как таковую, не связанную с событиями текущего или грядущего дня, а просто радость саму по себе, человек уже не так подпадет под власть судьбы, которую сам же себе создает.

А чтобы избежать накрученного собственным сознанием несчастья, приходится искать пути защиты, как-то "размазывать" несчастье по всей шкале жизни, рассредоточить его, вместо сильных мучений в течение одного дня - маяться по чуть-чуть целый месяц. Еще лучшее средство от судьбы - попытаться принять ее радостно, придать ей красоту, крылья... Прошлое еще цепляет нас, но зато теперь мы знаем, что все грозы в небе несут свежесть и искренность, а наш рок - любовь и красоту.

Далее надо сказать об отрицательных воздействиях внешних условий на наш организм - начиная с энергетической сетки вертикальных полей север-юг, восток-запад и кончая планетами. Находясь в квартире, лучше, по совету многих мистиков, спать головой на восток или на север, что благоприятно воздействует на мышление и течение энергии в эфирном теле. Чтобы во сне не попадать головой на пересечение север-юг и восток-запад, можно определить место с помощью повешенного на нитку колечка. Крутится колечко вкруговую - значит, смените место отдыха. Можно проводить изыскания и на интуитивном уровне, без всяких индикаторов. Вы просто ощущаете, что там плохо, какой-то дьявольский холодок. А в другом месте, наоборот, приятно быть.

Лучше не спать головой в угол стены - углы отсасывают энергию. Или сам угол с помощью лентинги преобразовать так, чтобы видно было - канал закрыт, все спокойно. Но не стоит так уж комплексовать по поводу зон и полей. Ведь условия, в которые вы попали - ваша судьба, карма. Йоги могут прекрасно дышать и в газовой камере, останавливать сердце, висеть сутками вниз головой. И это не тренировка тела, а сознание, воля, внутренний покой.

Эта тема обширна. На меня, например, действует сразу несколько факторов - я родился под Скорпионом, Крыса, луна сегодня убывает, мой неотработанный Сатурн действует... Плюс к этому - неблагоприятное влияние на меня Севера, разряженный воздух, пониженная энергетика Вологодской области.

Да, можно все просчитать и уехать в самое идеальное для здоровья место. Но Бог сказал мне: побудь здесь, отработай карму. Приноси людям добро, улыбайся, наконец. Тогда получишь тело, которое не возьмет ни яд, ни радиация. Свое место под солнцем надо понять, принять, полюбить, преобразовать, сообразуясь с голосом с неба. Тогда влияние магнитных бурь воспримется как легкий ветерок. Кто не знает, пусть кутается, а мы насыщаясь энергией, преобразуем, трансформируем даже град, даже тайфун в любовь...

По фазам Луны можно планировать события. На убывающей луне лучше домать, на возрастающей - строить, созидать, учиться. А когда отдыхаете, следите, чтобы в полнолуние луна не светила вам в лицо. Но если вы великий мистик, не слушайте моих советов, ничто не действует на вас отрицательно, даже потеря того, чем вы жили. Сознанием в чистом виде давно имеет все, что нужно. И этого уже не отнять.

Андрей Коков МНОГОМЕРНОЕ РАВНОВЕСИЕ

Андрей Коков (архив «Свечи»)

Андрей Коков родился в Вологде в 1963 году, здесь же закончил школу №32 и политехнический институт по специальности инженер-электромеханик. Начал писать, точнее рифмовать в 15 лет в пионерлагере «Орленок», куда попал благодаря победе на химической олимпиаде. А публиковался в институтской газете «Политехник», позже в «Вологодском комсомольце».

Работал после института на оптико-механическом заводе программистом. После оптики трудился в областной офтальмологической поликлинике в лаборатории контактной коррекции зрения.

В 1991 году уехал в Финляндию, там стал работать оператором ЭВМ в христианской миссии «Патмос», помогать в рассылке русскоязычных библий. Потом выучил язык и до сего дня работает там же. Женат на финке по имени Иоханна, имеет трехлетнего сына.

Что касается внутреннего «я», то в студенческие годы оно пребывало в большом беспорядке: все время чувствовал себя не дома, был как бы отшельником при большом количестве друзей (скорее друзья в нем нуждались). Тогдашние воззрения Кокова можно было назвать апокалиптическими, ему был присущ глобальный пессимизм. Это

толкало искать опору.

В 1990 году читал Евангелие и стал писать стих, зарифмовав со строчкой из Евангелия от Иоанна: «Вот стою у двери и стучу...» строчку типа «Входи, слушаю.» В этот момент его стала бить дрожь. Возможно, это повлекло за собой сгущение демонических темных сил. В пессимизме бродил, пил, впадал в беспамятство и терялся в дикой местности. Записывая на компьютер технический материал, видел свечение «666». Когда оказался в Финляндии и стал рассылать библии, такие явления не повторялись. В процессе общения с финнами освоил многое, в том числе непредвзятое, теплое отношение к Библии. В отношении принадлежности к какой-то церковной конфессии твердо не определился: ему симпатична та, которая не слишком контролирует личную жизнь и не вторгается в нее.

Оставаясь гражданином России, живет на две страны, ездит к родителям в Вологду довольно часто. Однако дом его и в Финляндии. Умеет находить для себя пересечения двух стран и в них существовать.

Постоянно публикуется в вологодской газете «Красный Север», в финском журнале «АРУ» (под псевдонимом).

1. Шаг влево, шаг вправо...

Начиная с самого раннего детства большая часть людей свойственно искать. Но не столько приключений, сколько равновесия - то есть состояния, при котором они чувствуют себя в безопасности.

Мать, бабушка, родной дом, знакомые голоса и запахи, привычные предметы и их расположение - в этой гамме ощущений человек ищет комфорта, и в числе первых травм детства может обнаружить отсутствие притягательности в этом ближайшем окружении: равнодушные занятые своими делами родители, отупляющая скудость впечатлений, подавление его самостоятельных шагов навстречу доступному миру. Все же здоровый и жизнестойкий человеческий детеныш настолько гибок и обладает таким творческим потенциалом, таким даром воображения, что даже в самых скромных условиях, даже в голодное и военное время способен создать для себя систему относительного комфорта, подсознательная тоска по которой остается пожалуй на всю оставшуюся жизнь.

Повинуясь исследовательскому порыву или диктату необходимости он все же отправляется на той или иной фазе своего личного становления в неведомую доселе сторону, вдали от привычных рамок. Тем самым человек сталкивается с тем, что нарушает зыбкую личную гармонию. Выходя за рамки своего двора, села, города, этноса или культуры, он сталкивается не только с чуждым пейзажем и другими природными факторами. Не столь важно, куда он попал: на враждебную сторону реки или просто в чужой город, в новую школу или в летний лагерь, в трудовую колонию или в армию, в компанию иноплеменных студентов или придерживающихся иной идеологии сограждан (религиозная секта или политическая партия)...

Суть конфликта вкратце такова: оказывается, окружающие его люди не такие. Они имеют, да к тому же нередко и другим навязывают, иные стереотипы поведения, понять и освоить которые не так-то просто даже при наличии желания.

2. Лучше больше, да лучше ли?

Несмотря на действительно имеющие место принципиальные отличия российского характера, воспитания и мировосприятия от так называемой западной цивилизации, русские все же являются хоть и восточными, да европейцами. Отсюда проблемы с системой ценностей, или, можно сказать, с системой координат. У европейца ведь все так просто: хорошо-плохо, много-мало, запад-восток... Отсчет по любой оси и шкале как правило начинается от нуля - и к бесконечности. Это на мой взгляд связано со свойственным европейскому мышлению представлением о прогрессе - будто бы среда обитания человека развивается от худшего к лучшему, и при решении имеющихся в ней частных проблем происходит улучшение всей системы. А на самом деле?

Пространство и время (а через эту призму и собственное бытие) уже со школьной скамьи представляются эдакой разомкнутой системой, которая к тому же на данном историческом этапе якобы только и делает что развивается. Все культурное наследие современной России стоит на фундаменте идей, связанных как с общественным, так и с личностным абсолютным прогрессом. Отсюда применяемые социумом в отношении индивида двойные мерки: с одной стороны групповые интересы доминируют над личными и требуют от члена сообщества подчинения установленным порядкам, с другой

стороны индивид не обязан подчиняться всем требованиям - например по праву сильного. К примеру, ценность мальчика в общественной шкале, которая принята в примитивном, отчасти стадном коллективе (школа, дворовая компания, училище), поначалу диктуется тем, насколько он дальше прыгнет, быстрее пробежит, нахальнее бросит вызов взрослому, соучаствует в коллективных приключениях... Совокупность физических и психических данных таким образом определяет место индивида в стадной иерархии. Напротив, яркое своеобразие моральных и умственных характеристик затрудняет вхождение подростка в «средний» коллектив и может даже определить ему весьма низкое положение в групповой иерархии (общеизвестные трудности, испытанные одаренными людьми в среде с выраженной стадной ориентацией).

На основании доминирующих в обществе установок можно подумать, будто достижения - спортивные или музыкальные, социальные или имущественные - представляют главную ценность в человеке. В действительности же становление сущности человека идет через освоение искусства соразмерять свои психофизические ресурсы с тем вызовом, который ему бросает окружающее общество - добиваться большего, стремиться к лучшему, не останавливаться на достигнутом... Итак, на самом деле стоит остановиться на месте и осмыслить результат усилий: лучше ли и больше ли я стал как человек, - причем не как персона (читай - личина, приспособляемая по мере роста житейского опыта к житейским ситуациям), а как та сущность, которая именно и отличает мое собственное Я от всех-всех остальных живых существ данного биологического вида, наделенных душой и разумом.

3. Почему я - именно я?

Сам я не помню, когда в первый раз всерьез задумался над этим не столь легко разрешимым вопросом. Давно это было. Да и попробуйте сами вспомнить, когда (и как) вы попытались ответить себе вопрос: «Кто я?»

Моему сыну чуть меньше трех лет, и он уже неплохо понимает что к чему - в пределах привычного окружения, где говорят на понятном ему языке и действуют по предсказуемым правилам общности. У него уже есть основные представления и о постороннем мире, и о родителях, и о друзьях по детсаду. Но его понятие о себе самом ограничивается лишь знанием собственных имени и фамилии. А к примеру насчет того, мальчик он или девочка, еще недавно он испытывал некоторые сомнения. В действительности же он играет не в куклы, а создает и разрушает сложные транспортные системы, чинит автомобили, управляет экскаваторами и самолетами, подключает электроприборы к горшку... Недостаток знания и опыта он компенсирует фантазией: придумывает и разыгрывает роли для себя, родителей или игрушек...

Он еще не знает о том, что он принадлежит к такой-то социальной группе, к такой-то нации, к конкретной культуре. Все эти вещи со временем будут выучены благодаря сведениям, поступающим от окружающих людей. Причем при ином раскладе он, тот же самый мальчик, мог бы стать не финном из образованной семьи смешанного происхождения и с достатком несколько выше бедности, а, например, воспитанником Челябинского детского дома без роду-племени - скажем в том случае, если при поездке по России родители вместе со всеми документами вдруг сгорели дотла там, где о них никто ничего не знал, а он волею случая остался в живых, но не смог рассказать толком дяде милиционеру о том, кто он и

откуда...

Может быть мысль о том, почему я - именно я, пришла под влиянием рассуждений покойной моей бабушки на тему, за что именно ей досталась такая нелегкая жизнь, и что лучше было умереть в раннем детстве... Довольно точно помню лишь ощущение бессилия моего ума, попытавшегося выйти за пределы привычной сетки координат, где мое личное желание или нежелание чего-то есть закон, с которым я вынуждаю считаться окружающих людей. Я сделал попытку осилить разумом «объективную реальность» собственного бытия и как бы ощупать себя со стороны.

Осознание собственной уникальности - еще не шаг к познанию себя. Самопознание получает толчок от понимания человеком случайности того, что его личная уникальная сущность втиснута в данные конкретные рамки. Сам факт того, что где-то во Вьетнаме или Анголе, да и вот тут, вокруг меня, в родном городе, каждый из живых людей носит в себе собственное неповторимое Я, оказался вдруг невиданным потрясением. То есть: лично я мог бы быть инвалидом или безотцовщиной, иметь другое имя или цвет кожи, или вообще быть женщиной... Да даже при тех же самых родителях - выходит, это чистая случайность, что я именно вот такой, причем не самый удачный, судя по некоторым замечаниям... А потом, когда я расту и меня, к примеру, убьют на войне, к которой нас сызмальства готовили, или сначала состарюсь, а потом помру... Как быть с тем Я, которое со мной? Куда оно денется из этого мира? Ведь я так доверял тому миру, так верил в его надежность...

Наверное примерно того же порядка переворот в сознании вызывает у ребенка сообщение о том, что родители ему не родные.

4. Любовь к жизни?

Тот, кто с младенчества доволен жизнью и безоговорочно влюблен в нее, ужасно защитный скафандр, позволяющий пребывать в гармоничном, библейском согласии с имеющимися в наличии условиями обитания.

Ужас этого счастья состоит в том, что такой человек пребывает в абсолютном неведении относительно своего личного места в этой действительности - он лишь плывет по течению и потому не испытывает никакого сопротивления в общем потоке. Я не берусь судить, много ли на Земле таких не изгнанных из Рая счастливицков: уже сами детали человеческой реальности - голод, болезни, нехватка жилья, любви, мерзкие и агрессивные действия других людей - заставляют подавляющее большинство из нас либо принять неравный бой за место под Солнцем и выбрать подходящую для этого компанию, либо тихо угасать в сторонке от суеты (что собственно в конце концов и происходит с весьма многими, но уже не в детстве, а в период старческого увядания).

Вымышленный мною конформист пребывает не в состоянии мира с собой, но в состоянии отключенном от мира. Ведь для примирения с действительностью нужно по логике вещей сначала войти в конфликт с ней. Что и происходит по мере того, как ребенка начинают «обламывать» - вначале его ближайше воспитатели, потом детский коллектив, а затем и более общие реалии той планеты, на которой находится страна, гражданином которой он является согласно принятому на данной территории закону. Впрочем, подрастая, он имеет возможность убедиться в неабсолютности предлагаемой ему системы. Источники сведений - книги, телевидение, радио, сверстники, старшие, пришельцы из иных культур - основаны на культурном опыте прошлых и современных

поколений. Проблема лишь в том, что сегодня поступающая к растущему человеку информация слишком специализирована, хаотично раздроблена и детально - и именно потому неадекватна действительности. Деталей настолько много и сами по себе они опять же столь детализированы, что средний по способностям человеческий ум не способен построить общую картину методом индукции - за деревьями попросту не видно леса. И хотя он и может подозревать об этом искажении, проверить сие удалось бы лишь при наличии доступа к альтернативным источникам знаний (циркулирующие в достаточно интеллектуальных кругах книги, публикации, беседы). Но вот вопрос, насколько эти знания точны...

Приведем очень упрощенный пример. Современный московский школьник больше знает об автомобилестроении в Германии и об обычаях межпланетных цивилизаций в фантастических сериалах, чем о строении собственной психики или скажем об исламских культурах России. В советской школе все примерно одинаково изучали факты о древних Египте, Китае и Греции 5-4 тысячелетней давности - что цивилизация там строилась на конкретных сельскохозяйственных, инженерных и правовых основах, о чем в подробностях и с документами сообщается и поныне в бесчисленных книгах. Но вопрос о происхождении родного русского народа почему-то базировался на туманных легендах и обрывочных декларациях о том, как тому или иному из князей-государей вздумалось то-то и то-то (варягов позвать, киевлян покрестить, новгородское республиканское самоуправление разрушить, Сибирь и Кавказ покорить), поему мол и быть тому так, а не иначе. Народ-де у нас сам по себе в восточно-европейских лесах завелся, всех врагов победил, сам по себе умаразума нажил и ракеты в космос пускать навострился, и вообще в силу своей нутрянной сущности это есть народ-богоносец, призванный указать всему прогрессивному человечеству путь в светлое будущее, а все, что не соответствует идеалу - суть наносное, и на то у народа вожди решительные, чтобы указывать, как с иным, не таким прогрессивным человечеством поступать надлежит.

А задайся ученик вопросом, почему именно ему - скажем чеченскому или осетинскому ребенку - нужно жить по московским порядкам, когда в окружении его и говорят иначе, и руководствуются иными принципами: примерно так же, как еще за тысячу лет до основания этой самой русской столицы Москвы, само имя-то которой по-русски не удастся объяснить, да и вообще многое неясно - даже в позаимствованной русскими у греков церкви литургия идет на малопонятном русском языке, а на территории древней Руси живут не особо любимые «настоящими» русскими «хохлы»... Неувязочка получается. И таких неувязок - море. Мир не таков, и кто-то (империалисты, коммунисты, интеллигенты, диссиденты) явно лжет.

Основа конфликта с окружением приобретена как правило с детства. Этот первый камень в фундаменте личного оборонного сооружения против альтернативного знания закладывается от чувства бессилия и страха перед внезапно разверзающейся информационной пропастью, из которой на плоскую проекцию усвоенных, привычных представлений о мире сыплются угловатые глыбы чуждых и пугающих истин. Теперь дело за выбором тактики, а их две: "я этого не понял / не знал, -> значит это - 1) неверно 2) интересно". Или я буду отбиваться от всего приходящего извне, или буду пытаться подбирать из обломков фактов и гипотез

строительный материал для собственного домика - персоны, личности.

Личность - это не сам человек, не Я, а своеобразный поведенческий автомат, приспособляемый под внешние условия. Говоря о сильной или слабой личности, о двуличности или безличности мы имеем в виду именно эту оболочку, под которой человек стремится скрыть свое Я и посредством которой он общается с другими личностями.

Обе тактики познания (отторжения и исследования) присутствуют в любом человеке. Защитная функция отторжения нового состоит в охране индивида от возможного разрушительного воздействия информации на слабую личность. Уход от нового можно называть по-разному: трусостью, ленью, консерватизмом. В любом случае это механизм торможения защитного характера. А интерес к новому, неведомому, хотя и связан с авантюризмом, позволяет усложнять и наращивать функции личности. И чем более подвижной становится оболочка, тем свободнее внутри ее трансцендентное человеческое Я.

5. Созидание и разрушение

Вы наверняка видели, как в песочнице играют дети: одни увлеченно лепят куличи и строят дорцы и замки. Другие с не меньшим азартом уничтожают только что созданное. Причем хотя разрушители в меньшинстве, эффективность их действий гораздо выше, чем у созидателей: затрачиваемые ими время и усилия намного меньше, чем усилия большинства (строителей), поэтому им удается в одну минуту сделать больше (со знаком минус), чем строителям за час. Это же самое обнаруживает в нашем примере и малыш-архитектор, расстроенный тем, что задуманные им пирамидки и башенки не удается воплотить из-за технических трудностей (песок подскок и не поддается формовке): в сердцах он разносит одним махом собственное творение и... несмотря на огорчение, испытывает явное облегчение. На собственном опыте он убеждается, как глубокомысленна поговорка «Ломать - не строить».

Не будем гадать по поводу того, хорош или плох человек изначально и чего в нем больше заложено. Вместо этого примем как аксиому допущение о том, что человек, во-первых, не возник, а создан, во-вторых не просто так, а по образу и подобию... Естественно спросить, что в человеке от Бога, вечного и совершенного Творца? Как ни крути, тело все-таки одной конструкции с обезьяной, причем даже не с такой симпатичной как шимпанзе. Душа (психика) тоже есть не только у людей: более примитивная, но не менее выраженная душа есть и у млекопитающих. Им, как и людям, свойственны проявления симпатии, радости, страха, удовольствия, заботы, увлечения, любопытства, гнева... Человека отличает от животного не конструкция мозга, а стоящая вне зависимости от тренировки или начитанности индивида сила, движущая его по пути познания, творчества, позволяющая ему учиться, исследовать, созидать, делать обобщения и учить других. Материалист Фрейд мог утверждать, что движущая человеком сила заключается в либидо, то есть попросту в половой потенции, сублимирующейся в деяния на поприще науки, искусства и т. д. Будь оно так, то абсолютно все ученые и писатели были бы скрытыми сексуальными маньяками, а не только некоторые гении и политики. Однако это не так. Современные биохимики на основе опытов уже считают, что даже в любви если какой орган и управляет человеческим поведением, так это мозг, поэтапно выделяющий в кровь стимулирующие и «вдохновляющие» гормоны наркотического действия (дофамин и эндорфин).

Однако мозг все-таки лишь инструмент, не очень совершенная нейронная машина для хранения и обработки знаний, в которую много чего вмещается, но которая довольно плохо оперирует введенной информацией. Человеческой особенностью является сознание - тонкая оболочка, чрезвычайно сложный «интерфейс», посредством которого физическая и психическая среда сообщается (сообщается) с информационным миром не только конкретного, прикладного опыта, но и абсолютного Знания (со-знание). Тут уместно отойти от биологии и вспомнить о духе - о тонкой субстанции, понятие о которой присуще любой философско-религиозной системе. Духи света, созидания, добра (ангелы) принадлежат к той же категории что и упорядоченная информация, систематические знания. В ту же тогу научной достоверности рядится и дефектная информация - духи тьмы, разрушения, злобы (демоны). Однако логично полагать, что именно Творец есть сверх-дух, наделенный всей принципиальной полнотой информации о принципах строительства известного нам мира. И вот уже перед нашим взором не сонмы демонов и ангелов, но Творец - находящийся вне нашего пространства и времени единый и неделимый океан мудрости и терпеливого созидательного начала.

Духи по определению невидимы и нетелесны, так же как магнитные и электрические поля, однако они способны влиять на наделенное телом и чувствительной психикой существо человека. Неумение различать грани собственного бытия обусловлено отсутствием воспитания по этой части. Было бы полезным с детства учить распознавать границу между физическим и психическим началом, размываемую работой гормональной среды (биохимический интерфейс), а также между духовным и душевным, где посредником выступает не очень надежный и отнюдь не объективный механизм сознания. Душевные расстройства нередко оказываются не телесного происхождения, а развиваются под воздействием иного, тонкого, духовного мира. Собственный, созидательный дух человека чересчур слаб, чтобы справиться с коллективными разрушительными тенденциями социума, с губительным воздействием внешней информационной и эмоциональной сферы и даже с самоуничтожительными тенденциями собственной личности. Неаккуратное, неосторожное обращение с этими тонкими материями чревато непредсказуемыми последствиями.

И все же несмотря на кажущуюся безнадежность положения, невозможность обуздать даже собственные спутанные мысли и стремления, для человека возможен неопосредованный контакт с Творцом! Он, Творец, предлагает себя в качестве созидающей силы, Святого Духа, для наполнения своего собственного творения. Впрочем для этого Творцу нужно свободное волеизъявление индивида, ибо наделив человека свободой выбора, Он уже не может противоречить собственному слову. Он лишь указывает пути для спасения от распада, хаоса, тлена. Все религиозные воззрения суть философские системы, в которых прямой выход к Богу за семью печатями, за тайной завесой магических обрядов. В христианстве, в учении о спасении через милость Бога, этот канал - воплощение Бога Иисус Христос, творящее начало Бога Святой Дух, и в качестве ключа к Ним - дошедшее до человечества Святое Евангелие.

Само отношение ко Христу, к Богу делит человечество на два лагеря. Одни безусловно принимают даруемые свыше прощение, благословение и освящение, пусть даже в рамках отличной от иудео-христианской

культурно-исторической общности (например в среде мусульманства или буддизма), и тем самым занимают правильную позицию по отношению к Творцу, с которым по мере возможностей соразмеряют свои действия. Другие же рассматривают Бога как чисто моральную категорию, применяемую людьми в целях управленческих и воспитательных, а потому с удовольствием ставят свое собственное Я в центре обозримой вселенной - и тем самым выказывают пренебрежение к Творцу. Наглядный пример - отношение к животным и растениям. Первые считают всех тварей творениями Божиими и стремятся не изымать из природы больше чем им самим действительно необходимо, соотнося при этом по мере возможности свои действия с мнением Всевышнего. Вторые берутся сами судить о полезности и вредности тех или иных видов с точки зрения хозяйственной или эстетической выгоды и запросто уничтожают целые экосистемы. При таком раскладе одни, даже и вынужденные разрушать, неизбежно творят что-то обнадеживающее новое, другие же в процессе «созидания» безнадежно уничтожают и наследие прошлого, и даже сами предпосылки к будущему.

Разрушение и созидание впрочем отнюдь не взаимоисключающие тенденции. И то и другое явление - не то чтобы два противоположных полюса человеческой природы, а как бы взаимодополняющие оси единой координатной системы. Ведь не будь минуса, не было бы и плюса, а следовательно не было бы между ними поля, на котором действуют движущие матерную силы. Сама окружающая нас природа наполнена уравнивающими друг друга тенденциями, глобальнейшие из которых две: порядок (предусматривающий созидание) и хаос (то, к чему направлен вектор разрушения). В местных масштабах хаос, имеющий на вооружении «железный» закон энтропии, преобладает, ибо и созидание не всегда предусматривает сплошное поступательное развитие, а напротив - процессу строительства предшествует разрушение тех или иных ранее существовавших структур.

Хаос впечатляет своей основательностью, простотой, неизбежностью. Все построенное ломается. Мудрость будет растерзана и оплевана глупостью. Всяк живущий умрет. Даже мировые источники энергии, звезды, в конце концов гибнут. И все же... В целом наш мир - многообразный и многоуровневый - до сих пор существует: в глубинах Вселенной из облаков рассеянного газа образуются новые небесные тела, на поверхности оптимально оставшей и в то же время подогреваемой планеты происходит загадочный круговорот воды, и независимо от всего этого безмозглые муравьи и осы с потрясающим упорством строят свои гнезда и выращивают потомство, а люди, бранные болезненные головастики, пытаются всяк на свой лад перестроить все, до чего только могут добраться: водоемы, леса, социальные системы, людскую психику, крысиные гены, собственного ребенка или супруга... И все же - перестройку надо начинать с себя.

6. Один на один с природой

Что гонит ищущего истину в пустыню? Все великие учителя человечества уходили для самосовершенствования и познания истины прочь от суетных городов и поселков - в лес, в горы, в уединенные места: туда, где можно остаться один на один с первоначальным, пейзажным миром, в котором след работы Творца не стерт и не затенен людской суетой. Пророки, поэты - те, кто слышит в природе голос Создателя, получали дар духовного или

информативного откровения не в ресторане, не в перенаселенном городе. И даже вписанные в пейзаж пустынная дорога, часовня на холме, заброшенная пагода где-то в китайской глуши - эти элементы культурного слоя не противостоят гармонии Вечного, питающего и питаемого человеческого натуру духовной, подвигающей к поиску, к познанию, к возвышению над тленом и временностью материального и телесного бытия.

Существующие в современной России субкультуры туристов, альпинистов, религиозных странников или тех же последователей Порфирия Иванова исповедуют одинаково сильную тягу к удаленной от асфальтобетонного реализма природе, полной мистических загадок и суровой, закрытой от поверхностного взгляда гармонии. Есть впрочем, одно обстоятельство, из-за которого сам я никогда не испытывал комфорта в групповых формах поклонения или обрядовой системе общинного строя, присущего русским субэтносам. Групповые обряды, так и существующие внутри групп связи требуют от индивида подстраивать свою личность, свой поведенческий аппарат под нормы и правила данного коллектива. Но трансцендентное, внутреннее Я, не желающее попусту тратить энергию на наращивание еще одного интерфейса, обеспечивающего взаимодействие с группой, неизменно стремится отойти в сторонку от пусть малой, пусть доброжелательной и приятной - но все же толпы.

Одиночество как комфортное состояние было присуще мне еще с юности. Из самодеятельного исследователя муравьиных куч и лягушачьих прудов я пошел до исследования пространства географического. При этом покорение расстояний и некоторых трудностей передвижения по местности вызывало второстепенное удовлетворение. На первом же плане опять была несоциальная, бессловесная, порой даже не отлитая в логические построения беседа внутреннего Я с Вечным. Я как бы направлял запрос к Господу, неумело вызывая Его на связь: искал подтверждение самой гипотезе о Нем, но лично для себя.

Долго длился этот процесс приближения через размышление и через Святое писание, покуда Бог не начал быть конкретным фактом и фактором, помогающим понять себя.

Вот по этой причине вначале бессознательного, а затем уже осознанного поиска соотношения и сопричастности к тонкому миру, спрятанному от нас за грубыми формами материи, одиночество не было мне в тягость. Конечно, даже внутреннее отшельничество, когда наступают фазы замыкания на процессы сознания, не связанные с социальной или там производственной деятельностью, конфликтует с диктуемыми внешним миром условиями. Минимум требований к человеку как сознательному существу, предъявляет природа тогда, когда человек не идет насиловать и преобразовать окружающую среду, а приходит к ней затем, чтобы просто отдохнуть и научиться еще немного смысла бытия. Древние китайские мудрецы говорили: человек должен быть пуст, как пустая флейта, как пустой стебель камыша, на котором играют силы природы и производят истинно красивую музыку. Напротив, выдвигаемые социумом и повседневными культурными рамками требования напрягать приобретенные навыки огрубляют и притупляют чувство истинной красоты. Научившись творчески решать сложные оперативные задачи на благо общества (или во вред ему при доминанте разрушения), мы все же ищем отдохновения и вдохновения вей в тех же рыбалке и сборе грибов, в одиноком бродяж-

ничестве и созерцании милых сердцу пейзажей.

В нынешней своей роли семейного русского, живущего в пережившей экономический спад Финляндии, я нахожу выход из монотонности рабочей недели в редких поездах на машине в одиночку - по делам или так, по Финляндии и по России. В последний раз ощущение многомерного равновесия мира пришло ко мне во время возвращения с субботней "халтуры".

Выехав из дому в метель и слякоть в пять тридцать утра, я ехал почти три часа до беснежной и даже сухой зоны за пределами губернии Хяме, в которой я живу постоянно. Когда потянулись огромные по финским меркам поля и великолепные верховые болота на местности, бывшей еще тысячу лет назад центром Ботнического залива, снег кончился, в рассветающей полутьме виднелись тут и там проснувшиеся городки и деревни провинции, называемой Сатакунта. Отработав целый день на пару с крупногабаритным викингем (как я мысленно окрестил этого финна с шведской фамилией), перекидав засветло 15-20 тонн старых покрышек и выпив между делом литр кофе, служащего здешним трудягам главным допингом, я направился обратно по черному шоссе в караване разъезжающихся на выходные финнов. Все очертания внешнего мира исчезли, а видимость ограничивалась освещаемой моими и чужими фарами, дорогой и кустами на обочине.

Езда по пустынной трассе приятней, чем в потоке транспорта, и все же и эти два часа перемещения по невидимой стране, приметы которой впрочем разбросаны там и сям - освещенные рекламные щиты, бензоколонки, магазинчики - за время монотонной езды после длинного дня, наполненного тяжелым и грязным трудом, успеваешь подумать обо всем на свете. Моя слабая математическая подготовка не позволяет мне компетентно сущить о развитии за последние годы теории вакуума, дополняющей наш трехмерный мир с четвертым, односторонним для нас измерением, - оказывается, вакуум, пустота: Ничто - это Ничто есть одна из сущностей Бога, прародина материи, то Слово, которое было вначале у Бога, тот выдох Брахмана, из которого происходят миры...

Я ехал по территориям, на которой лишь изначальное знание маршрута и знание чужого языка, на котором вещало трескучее радио из-за скалистых холмов и замороженных озер, позволяло мне сохранять информационную связь с остальным человечеством.

Ощущение вакуумности, пустоты вокруг не проходило и тогда, когда через вентиляцию в кабину "девятки" вплыл аромат свежескопченной свинины. Происхождение вкусного дыма было простым: на границе губернии Хяме и провинции Сатакунта крестьяне коптят в своих семейных коптильнях и просто в саунах ветчину. Приближается декабрь, рождественский месяц, и финны уже с сентября солят и коптят ветчину на продажу.

Треугольные с толстой копченой свиной ногой, многочисленными закусками и пивом - традиция, дохристианская, сохранившаяся со времен викингов, отмечавших полуденным пивом поворот "солнечного колеса" на прибавку светового дня. Викинги видели мир не таким, как мы его видим сегодня. Время не шло только вперед. Оно было цикличным, и сезоны колебались в рамках этого цикла. Расстояния были относительными: викинг уезжал торговать и грабить на месяцы, не исчисляя миль и километров. В походах ими двигало любопытство, подогреваемое завистью к зажиточным по сравнению с бедными северянскими народам, встречаемым на пути в английские, испанские или греческие земли.

Понятие о прогрессе было неразвитым: из поколения в поколение они строили все те же испытанные временем тяжелые лады, махали в ближнем бою топором и стреляли вдаль из арбалета. Постепенно технический скачок центральной Европы загнал викингов в их северные пределы, и лишь копируя образцы оружия и парусных кораблей, скандинавы смогли догнать прочую Европу и идти с ней в ногу и по сей день. Однако скандинавы по-прежнему смотрят с иронией на безоговорочную прыть, с которой европейцы бегут по пути "прогресса", замыкающего человека в непродолжительный, искусственный цикл труда, да и сам труд превращающего в привилегию для послушных учеников нивелирующей, кастовой системы воспитания и обучения.

Живя на две страны, на две культурных системы, я не разрываюсь между ними и не падаю в промежуток. Меня поддерживает на плаву смесь многих, различных и на первый взгляд плохо совместимых друг с другом отправных точек, культурных слоев, от которых я черпал знание о себе, о своем народе, о соседних народах, и расстояния для меня стали относительными, а время цикличным. Или плоским в проекции, а из глубины его пульсируют, возникая и исчезая, народы и цивилизации, а в меньшем обобщении - поколения, отдельные судьбы, те друзья и случайные люди, с которыми доводилось иметь дело или просто походя встретиться. Образ их запечатлевается и живет со мной даже после того, как их земные дни сочтены и физическая сущность превращается в тлен, возвращаясь в круговорот материи.

Весь мир земного бытия есть проекция, отображение отдельных граней многомерного, живого и все время меняющегося Вечного, полнота которого не исключает дополнения ее самостоятельной, творческой и любознательной питательной средой - ноосферой.

Перспектива человечества не в первоочередном развитии производственной сферы или информационных сетей. Материальные законы суровы: всего на всех никогда не хватит, все родившееся умрет, все созданное распадется. Духовные измерения сложнее: в них нет смерти, нет распада - при условии что область духа, которую мы выбираем, на стороне Творца, а не демона-разрушителя. Отношение к тонкому миру изменяется по мере познания человечеством как внешних по отношению к сознанию законов (физики, химии, евклидовой геометрии и земной биологии), так и законов, действующих внутри поля сознания.

И сегодня среди нас есть истинные, отмеченные Вечностью, а не суетностью момента, пророки.

Я не пророк, а лишь наблюдатель, стоящий в стороне и в то же время в центре. И мне нравится выбирать из потока мутной информации, из информационного шума крупинки чистого, ясного знания. Видеть себя как элемент великого эксперимента, попытку вырастить на биологической питательной среде помощника, со-трудника в области Духа - вот так я научился видеть себя, отойдя от себя в сторону, дав при этом место проявить себя и поработать "силам природы", ее творческому потенциалу, порождающему вихри, флуктуации сознания. Эти творческие толчки могут приходиться к человеку и без его сознательного отношения - как например во сне, в процессе медитации (молитвы). В конечном счете красота и мощь Вечного - вот та точка многомерного равновесного состояния, опираясь на которую мы, смертные, можем преодолеть ужас распада и утрат во время своего земного, не такого уж и долгого, странствия.

Сергей Фаустов

ИНСТАЛЛЯЦИЯ ДУХА

Редакция "Свечи" попросила меня предварить своим комментарием отрывки из книги (не опубликованной, но прошедшей редактуру в издательстве «Грифон» еще в 1991 году) «Диктатура уха», написанной Сергеем Шекиным - бывшим битломаном, успевшим ухватить манию в свое безгрешное время.

Устремления детства, перешедшие в устремления взрослости, оставляют человека в состоянии целеустремленности к непредсказуемым результатам. И книга "Диктатура уха", которую я листал в рукописи - один из таких результатов.

Дух детства, сохранившийся на годы, становится силой духа, силой характера. Но не всегда достаточно мощной, чтобы хотя бы даже книгу довести до публикации.

В книге описан процесс познания рок-н-ролла с выходом знаний на анализ явления. Описание весьма индивидуализировано, без подсказок и ссылок на авторитеты, целиком подчинено собственным наблюдениям.

Поглощенный и удовлетворенный интерес имеет эффект прививки от лжи и притворства, которыми биологически наделен человек. Честность в творчестве требует усилия воли, которая становится привычкой, играя разумом, не впадать в притворство. Поэтому книга не может иметь коммерческий успех, в случае выхода в свет.

Но дело не в этом. Оказывается, человек - самообучающаяся структура, в которой биологически активные категории - любопытство, страсть - способны, (но не обязательно), совершенствовать человека в гносеологическом смысле, в процессе познания. Это видно даже на примере вот такой экзотической формы проявления интереса, как рок-музыка.

В приводимых записях показан генезис мании, сформировавший кладезь знаний посредством одного единственного органа чувства - слуха, хотя автор обладает и всеми остальными четырьмя чувствами.

Записи интересны не конечным результатом, а начальной стадией познания, оказавшейся способной к эволюции. Аналогия в природе - зерна. В переводе на язык природы инсталляция духа - это посадка зерна. И не только в благодатную почву. Отсюда стебелек, проросший сквозь асфальт - «явление закономерное», как гласит реклама одного банка.

При всей наивности повествования в приводимых отрывках окажется, что все это достаточно серьезно. Действительно, в культурном плане именно наив приглашает к снисхождению в культуре и составляет основу «эффекта первой встречи». По свидетельствам современников, те, кто впервые встречался с поэзией Н. Рубцова, разочаровывались: «больно уж все просто и наивно».

Наив - отсутствие силового поступка, натужного мышления, наив нисходит сверху (это заметно и по другим публикациям в этом журнале), поэтому искреннее, непритворное снисхождение читателя - спречь

синоним вдохновению писателя, который не совершает мыслительной натуги, он только успевает записать нисходящее сверху. Поэтому литература не кончается никогда.

Инсталлированный дух ищет язык выражения и часто, не найдя его, остается откровением сверхчувственного - сверх известных шести чувств. Удивительно, но это тоже познание.

Еще более удивительно то, для этого достаточно хотя бы одного уха.

➔ 122

Сергей Шекин и братья Шабаловы с подарком от Барри Холланда - «The Beatles» - «Sgt. Pepper».

На фото Ларисы Новолодской Сергей Фаустов

Сергей Щекин ДИКТАТУРА УХА

(отрывки из книги)

«Художник, объявив диктатуру глаза, имеет право на существование» - В. Маяковский
ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Когда я родился, я немигающими открытыми глазами видел только окно в бледных сумерках темной комнаты. Я дрожал, но не от холода. Я сидел на стуле в оцепенении. Дрожь пробегала по телу. Так продолжалось полчаса, пока я В ПЕРВЫЙ РАЗ СЛУШАЛ «БИТЛЗ». Я случайно поймал песни «Битлз» по радио.

У нас в классе учились школьники, которые принесли катушки с магнитными лентами. Они обменивались записями. Папы ихние - китобойцы - привозили из дальних плаваний пластинки и жвачку. От них краем уха я услышал слово «БИТЛЗ».

Один из эффектных трюков, которые я наблюдал в классе, заключался в том, что кто-нибудь протягивал ленту между указательным и большим пальцами как бы через воспроизводящую головку магнитофона и истошно кричал, точь-в-точь как в некоторых песнях "БИТЛЗ". У меня такой крик никогда не получался, поэтому я всегда стеснялся петь песни перед посторонними.

Однажды мы были на школьной практике на заводе - весь цех сбегался к нам, думая, что кого-то замотало в станок. А это просто два или три одноклассника своим криком, с думой о «БИТЛЗ», заглушили заводской шум.

К этому времени у «БИТЛЗ» уже вышли «Please, Please Me» и «With The Beatles». С этих альбомов началась моя эпопея битломании. А может быть, она началась еще раньше? Еще до «БИТЛЗ»?

Мне повезло с друзьями якутского детства. У меня были товарищи, чьи старшие братья дружили с моими старшими сестрами. Они все тогда учились в московских институтах и два раза в год приезжали на каникулы с новостями. И вот, когда я учился в первом, а может, во втором классе, я услышал слово «рокэндрол». Вначале я думал, что это такая игра с мячом, который нужно отбивать, лежа на спине. И лишь позже мы научились с Сережей Дудкиным танцевать рок-энд-ролл, правда без музыки, не было магнитофона. Он был на год старше меня и уже бросил музыкальную школу к концу первого года учебы. То же самое сделал и я, выучившись играть на пианино пьесу под названием «В лесу ночью», едва познав азы музыкальной грамоты. Вместо занятий в музыкальной школе я съезжал с ледяной горки в танке с нотами.

Тогда же я впервые увидел магнитофон и катушки с магнитной лентой. Это был «Днепр», по внешнему виду напоминавший деревянный сундучок. Его надежность была настолько высокой, что у моего друга Володи Шабалова он работает до сих пор в гараже. У меня потом появился «Айдас». Когда в 1967 году я записывал программы Барри Холланда, они мне очень нравились и записи некоторых передач сохранились до сих пор. Позже я купил «Грюндиг» и переписал их на кассеты. И не зря. Теперь я могу послушать, например, такую песню, которую сейчас никто не знает. Песня включает несколько музыкальных и текстовых цитат из «БИТЛЗ». Ее можно бы проигрывать как загадку для битломанов: «Сколько песен «БИТЛЗ» использовано в ней?» А заканчивалась она словами: «Strawberry Beatles forever...»

Словами, которые сейчас понятны почти всем.

...Мы бредили барабанами. Быть ударником - вот мечта детства. Брат товарища приехал из Москвы и нарисовал нам новый автомобиль «Волга». В Москве в Сокольниках проходила выставка американских автомобилей и я видел шикарные проспекты из той же страны, откуда и рок-н-ролл. К этому времени еще не прилетел в Якутск реактивный самолет ТУ-104, начавший делать первые показательные рейсы. Но уже выпустили уникальный среди массовой продукции сверхмощный радиоприемник «Фестиваль». С кабельным дистанционным управлением. Летом на дачах мы решили проверить, насколько далеко слышен рок-н-ролл, если его включить на полную мощность. Лес заглушал звук, но за километр было слышно. Больше подобных приемников не выпускали. Вот через него и доходили до нас американские новинки джазовой музыки. В то время называть джазом рок-н-ролл не считалось зазорным.

А в это время в Ливерпуле Джон Леннон уже познакомился с Полом...

Переехав в Калининград, я потерял американское влияние, все-таки Якутск географически был ближе к Америке, но... началось влияние евромузыки. Любимой досуг и обязательно уроки проходили под радиоаккомпанемент. Очень любил итальянцев - Челентано, Моранди, Риту Павоне. Английская нравилась меньше, пока не услышал «БИТЛЗ».

В газетах их называли «жуки-ударники». А еще писали так: «Они называли себя «БИТЛЗ» - словечком, которое можно перевести как «жучки», «стукачи» или «попрыгунчики». Честно сказать, они и не рассчитывали на всемирную славу. Ведь это просто было дурачеством - вопить, прыгать, трястись под музыку, исполняемую на стиральной доске и других подобных инструментах».

Или вот еще хлеще: «Их четверо, английских парней из Ливерпуля. Если не знать, что еще вчера это чужие люди, то можно признать их за близнецов. Настолько одинаковы их походка и прически. Пронзительные горловые звуки с характерным ливерпульским «джейз», а главное, выраженные глаз, этакая смесь детской непосредственности с хорошо отрепетированной ставкой на обаяние. Популярность ливерпульского квартета Битлис («отбивающий ритм», англ.) росла с необыкновенной быстротой».

ТВ показывало короткую хронку о «БИТЛЗ». Вот они выходят из самолета. Их встречает толпа. Вот их головы торчат из воды в бассейне. Фрагментов выступлений не показывали.

Но я к тому времени знал, как их всех зовут, их дни рождения, кто на чем играет. Все это благодаря передачам Би-Би-Си на русском и английском языках. В то время на радиостанцию приходило много писем из СССР с вопросами о «БИТЛЗ». В некоторых из них были просьбы спеть песню по-русски...

Я записывал в блокнотик все, что успевал записывать, и песни «БИТЛЗ», которые слышал впервые и названия групп. Остановился на 144 названиях. Дальнейшее продолжение списка уже не имело смысла. Но интересно было узнать, сколько тысяч групп и разных исполнителей я услышал всего? Почему же рок-музыка мне не надоела и не наскучила? Почему же рок-музыка - это постоянно обновляющееся мышление? И вместе с рок-н-роллом я привык менять это мышление, как все равно, что сходить в баню. Это стало потребностью. Ведь движение хиппи тоже было новым мышлением. И диско, и панк, и металл... И все это происходило в последовательности и параллельно. Хочешь не

хочешь, а приходится признавать существование разнообразных мышлений и множественность вариантов направлений и стилей. Причем каждый «увлажнять себя заставляет». Я говорю в общем, не вдаваясь в частности. Оботрицательных частностях написано было много, были времена, когда только о них и писали...

... Наш десятый класс однажды отправили в колхоз. Отдыхая на сеновале, мы крутили приемник и поймали песни «БИТЛЗ». Мы слушали их с Володией Шабаловым и начали разговор о «БИТЛЗ», который, хоть и с огромными перерывами, но продолжается до сих пор.

Мы каждый день встречались в школе и каждый день обменивались новостями поп-музыки. На наших глазах, а точнее на нашем слуху, появлялись новые песни «БИТЛЗ» и мы их обсуждали. Через каждые два-три месяца выходили в Англии новые сорокапятки «БИТЛЗ». Это были совершенно новые песни, совершенно не похожие на то, что было раньше. Они приносили воодушевление и восторг и мы знали, что следующая пластинка принесет все тот же восторг.

Конечно, не меньшую радость доставляли и песни "РОЛЛИНГ СТОНЗ" и других групп "РОЛЛИНГ СТОНЗ" были по популярности очень опасными конкурентами «БИТЛЗ». Не случайно в Югославии в 1966 году они были более популярными, чем «БИТЛЗ». Такое "опасное" соперничество продолжалось до тех пор, пока к семидесятому году они не ушли в тяжелый блюзовый стиль, что сузило их аудиторию. В противном случае они бы вышли на главенствующее положение после распада «БИТЛЗ».

Днем я работал в конструкторском бюро, по вечерам учился в институте. На общение с рок-н-роллом мне была отведена ночь.

Однажды я сжал в автобусе и какой-то работяга сказал, что меня надо подстричь, а другой добавил: автогенном. На экзамене по ТММ, что студенты расшифровывают как «там моя могила» или «теория механизмов и машин», доцент, принимающий экзамены, сказал ассистенту обо мне: «Пока не подстрижется, оценку не ставить». Я в тот раз получил «неуд», но этот эпизод не прошел даром. Спустя годы я стал кандидатом технических наук, мало того, я сам принимаю экзамены по ТММ и волосы ношу, какие хочу!

Вспоминается, что в школе мы с Володией вдвоем пытались носить не то, чтобы длинные, но хоть не такие короткие, как у остальных волосы. Классный руководитель отправляла нас стричься. Володя подстригся наголо. Я же еще в то время не владел методикой доведения до абсурда, не имел многих прав и полную свободу обретал только в рок-н-ролле.

«БИТЛЗ» доминировали во всем вплоть до 1967 года. К этому времени во многом под их влиянием возникла британская школа, среда рок-музыкантов, последователи которой начали копировать с самими "БИТЛЗ".

Летом того года ведущий рок-программ Би-

Си Барри Холланд вел серию передач о разных группах, включая интервью с ними. После каждой передачи Холланд объявлял, что, если кто напишет ему письмо, то желающему он вышлет фото группы с автографами и сорокапятку, пластинку на 45 оборотов в минуту. Я сел в скверике на скамейку и написал письмо, где на целой странице перечислил свои любимые группы. Но отметил, что самая любимая - "БИТЛЗ". И попросил выслать их альбом, любой. Запечатал письмо в обычный конверт и бросил в ящик. На следующий день, мне сказали, что надо наклеить дополнительную марку

на конверт, отсылаемый за границу. Я поспешил на почту в надежде, что письмо еще не ушло, но поздно... Махнул рукой, слегка расстроился, но другого письма писать не стал. А вскоре обо всем забыл.

И вот спустя примерно два месяца, проснувшись поутру как обычно в 10 часов, я завтракал. Звонок в дверь. Почтальон протягивает мне квадратную бандероль. Я распечатал. Распечатал обертку с моим адресом на английском языке и обратным адресом Барри Холланда. Смотрю на конверт альбома, ничего не могу понять. Что за группа? Какой-то Сержант Пеппер... "БИТЛЗ"... Оказался новейший их альбом! В начале сентября он уже у меня, хотя вышел в июне.

Опять пошла дрожь по телу, которая не прекращалась полдня. Я рассматривал каждый миллиметр обложки,

потому что каждый миллиметр нес для меня ценнейшую информацию. Я чувствовал себя исследователем, открывающим никому не известную тайну. И это было действительно так, потому что в Советском Союзе об этом знали очень и очень немногие.

Кроме альбома была сорокапятка «СМОЛЛ ФЕЙСИЗ» и фото «ТРОПЗ» с автографами. Невиданное богатство! И я считал его естественной платой за все мои старания, интересы и знания.

Ко мне потянулись поп-фанаты, каждый записывал альбом. Я никому не отказывал и ни с кого не брал ни копейки. Помню, еще несколькими месяцами раньше, когда переписывал три альбома "БИТЛЗ", заплатил десять рублей. Наверное, Вологда была городом, где «Серж. Пеппер» распространялся гораздо быстрее, чем в других городах СССР.

По содержанию чувствовалось единство альбома, его замысла, но тогда я еще не знал, что это называется концептуальностью. Не помешали альбому слабоватые песни (на мой взгляд такой была «Good morning», хотя знаю, что есть и другие мнения).

От любования альбомом, от его музыки наступало вдохновение, которое требовало реализации. Так появился на свет портрет Джорджа Харрисона, который я писал маслом, глядя на разворот обложки альбома. Я хотел написать их всех вчетвером, но потом решил: лучше, если у каждого будет свой портрет. Духу хватило только на Джорджа. Так что и поныне он висит на стене один.

Подготовил Юрий Малоземов

Библиография - 1994

Коллективные сборники

1. Белозерье: Историко-литературный альманах. Вып. 1- Вологда: Русь, 1994.-288с. В альманахах включены стихи поэтов Белозерья.
2. Вологда: Историко-литературный альманах. Вып. 1- Вологда: Русь, 1994.-544 с. В альманахе включены стихи поэта П.А.Межакова.
3. Горчаков Г., Панов Р. Сказ о русском лапте: Рассказы авторов-никольчан.- Кич-Городок: Б.и.,1994.- 52 с.
4. Жданов Н., Панов Р. Пожалелли-приголубили: Стихи и проза авторов-никольчан.- Кич-Городок: Б.и.,1994.- 52 с.
5. Кириллов: Историко-литературный альманах. Вып. 1- Вологда: Русь, 1994.- 368 с. В альманахе включены стихи кирилловских поэтов.
6. Первая победа: Сборник рассказов и стихотворений школьников-вологжан, участников областного конкурса-семинара 1993-1994 гг.- Вологда: КИФ «Вестник»,1994.- 96 с.
7. Таежные тропы. Вып.3.- Вологда: Б.и.1994.- 84 с.

Проза

8. Алексеев Сергей. Возвращение Каина: Роман. 0 М.:»Ковчег»,1994.- 448 с.- (Руская рулетка.)
9. Аринин Владимир. Женщинам читать запрещено.- Вологда: «Грифон»,1994.- 96 с.
10. Белков Вячеслав. Половинка Луны: Проза, хайку, легенды о Рубцове.- Вологда, Б.и.,1994.- 88 с.
11. Белов Василий. Кануны: Роман. Хроника 20 годов.- М.:»Голос»,1994.- 480 с.
12. Белов Василий. Год великого перелома: Хроника начала 30 годов.- М.:»Голос».- 480 с.
13. Васильев Виктор. Цена лебединого пуха, или Воин-тень: Тайны ниндзяоцу.- Вологда: «Андрогин.»- 1994.-120 с.
14. Кренделев Кирилл. Отраженное небо: Рассказы, этюды, миниатюры, зарисовки.- Череповец.- Б.и.,1994.- 96 с.
15. Ларионов Иван. На новом перевале: Повесть. Ларионов Олег.- Крысиный рай: Рассказ.- Вологда: Б.и.,1994.- 112 с.
16. Огнев Евгений. Шальной: Повесть.- Вологда: «Грифон»,1994.-200 с.
17. Пудожгорская Елена. Мифо Прекрасном Иосифе: Пьеса - Вологда, Б.и.,1994.- 48 с.
18. Пудожгорская Елена. «Яко аз есмь судия...»: Пьеса.- Вологда, Б.и.,1994.-32 с.
19. Толстикова Елизавета. Память: рассказы и повесть.- Вожега: Б.и.,1994.- 96 с.
20. Цыганов Александр. Всякое дыхание: Повесть.- Вологда, Б.и.,1994.- 114 с.
21. Шаламов Варлам.- Четвертая Вологда.- Вологда: «Грифон»,1994.-192 с.

Поэзия

22. Андрей-3: Сборник стихов.- Вологда: Б.и.,1994.- 32 с.
23. Балакишин Роберт. Легкие следы: Стихи.- Вологда: Б.и.,1994.-32 с.
24. Власов Николай. Чужгинские песни.- Б.м., Б.и., Б.г.,1994.- 92 с.
25. Воробьев Игорь. Песнь любви: Стихотворения. Поэма.- Бабаево: Б.и., 1994.- 76 с.
26. Гумаров Венямин. Калейдоскоп: Басни, стихи, проза.- Грязовец: Б.и.,1994.- 72 с.
27. Дербина Людмила. Крушина: Стихи.- Вельск: Б.и., 1994.- 200 с.
28. Круглов Сергей. Вечности причал: Стихи.-Череповец: Б.и.,1994.- 40 с.
29. Кузнецов Николай. Необитаемый остров любви: Рассказы, стихи.- Череповец, Б.и., 1994.-

124 с.

30. Лешуков Александр. Поцелуи наши отзвенели: Стихи.- Кич-Городок: Б.и.,1994.- 76 с.
31. Лукпчев Василий. Господи, прости...: Проза в стихах.- Бабаево: Б.и.,1994.- 80 с.
32. Мелетеев Алексей: Над Шуйским лебеди летели: Стихи, проза.- Шуйское: Б.и.,1994.
33. Мишенев Василий. Северный ветер: Стихи.- Кич-Городок: Б.и.,1994.- 88 с.
34. Мокиевская Лидия. Заколдованный снег: Стихи.- Вологда: «Евстолий».-1994.- 56 с.
35. Мокшева Лариса. «Прорвись, душа, сквозь этот плен»: Стихи.- М.: ИИЦ ГКСЭН, 1994.- 76 с.
36. Романов Александр. Гудят колокола: Стихи.-М.: РПБ,1994.- 8 с.
37. Рубцов Николай. Русский Огонек: Стихи, переводы, воспоминания, проза, письма: В 2 т.- Вологда:»Вестник». Т.1-428 с., Т.2- 428 с.
38. Синякова Валентина. Жаворонки: Стихи.- В.- Устюг, Б.и., 28 с.
39. Ситников Василий. Побережья: Стихи.- В.-Устюг, Б.и,1994.- 250 с.
40. Сошин Михаил. Девяносто третий год: Стихи.- М.: РПБ,1994.- 8 с.
41. Теплова Лидия. Крик в ночи: Стихотворения и поэма.- Вологда: Изд-во Вологодской обл. писат. организации,1994.-160 с.
42. Фокина Ольга. На одной тропе: Стихи.- Стихи.-М.:РПБ,1994.- 8с.
43. Хлебов Вячеслав. Союз злодеев: Басни.- Вологда, КИФ «Вестник»,1994.- 64 с.
44. Чурбанова Инга. Из всех дождей: Стихи.- М.: РПБ,1994.- 8с.
45. Шабанов Алфей. Плутает эхо в тишине: Стихотворения и поэма.-Сокол,Б.и.,1994.120с.
46. Шадрин Алексей. Далекий плач: Стихи. Проза. Воспоминания.- Вологда: Б.и.,1994.-144 с.
47. Шаламов Варлам. Колымские тетради: Стихи.- Вологда: ИПК и ППК,1994.- 288 с.

Песенные сборники

48. Баян Анна. Песни.- Вологда: «Свеча»,»Евстолий»,1994.- 36 с.
49. Песни Анны Баян.- Вологда: ОНМЦ НТ,1994.- 12 с.
50. Бурдыкова Надежда. «Тишину аккордами нарушу...»: Романсы на стихи Натальи Сидоровой.- Вологда, «Евстолий», 1994.-36 с.

Жизнь и творчество писателей

51. Бараков Виктор. Современная русская лирика: Учебно-методическое пособие к спецкурсу.- М.: Вологда: «Русь»,1994.-47 с.
52. Вакомин Сергей. Эпиграф из Рубцова: Проза и стихи. С-Пб.:»Со-Ва»,1994.- 68 с.Очерки о Рубцове, стихи.
53. Вытегорский вестник № 1: «Мое бездонное слово...»- Ключевские чтения в Вытегре 1985-1994гг. Избранные страницы. Непериодич. издание музея Н. Ключева.- Вытегра: Б.и.,1994.-108 с.
54. На вершине земли Кольской: Рубцовские чтения в г. Апатиты Мурманской обл.- Мурманск: Б.и.,1994.-56 с.
55. Николай Рубцов: Время, наследие, судьба: Литературно-художественный альманах № 1.- Спб.: «Со-Ва»,1994.- 72 с.
56. Шаламовский сборник.- Вып.1- Вологда: ИПК и ППК,1994.- 248 с.

Коллективные сборники

1. Вологодский Собор: Литературно-художественный альманах писателей-вологжан. - Вологда: КИФ «Вестник», 1995. - 376с.
2. Вожега: Краеведческий альманах. - Вологда: «Русь», 1995. - 312с. В альманах включены произведения поэтов и прозаиков - уроженцев Вожегодского края.
3. Ганичев М., Тарыничев Ю., Ненастьева Н., Клименко В. 10 дней, которые потрясли меня: Пьесы, рассказы, очерки. - Череповец: Б.и., 1995. - 212с.
4. Жизнь моя...: 2-й выпуск альманаха «За северным перевалом», - В. Устюг: Б.и., 1995. - 80с.
5. Первая строка: Литературный альманах. - Вожега: Б.и., 1995. - 40с.
6. Поэтическая орбита - 95: Сборник русской поэзии под ред. Виктора Тихомирова / - Тихвин: Б.и., 1995. - 192с.
7. Русская душа. Сборник поэзии и прозы современных писателей русской провинции / редактор-составитель Г. Г. Скворцова-Акбулатова / - Б.м., Б.и., 1995. - 240с.
Книга издана в Германии. В сборник включены стихи Н. Сидоровой, Л. Тепловои, Л. Дербиной.
8. Семизерье: Стихи кадуийских поэтов. - Вологда: «Свеча», 1995. - 56с.
9. Таежные тропы. Вып. 4. - Вологда: Б.и., 1995. - 96с.
10. Тотма: Историко-литературный альманах. Вып. 1. - Вологда: «Русь», 1995. - 432с. В альманах включены стихи поэтов Ф. Савинова и Н. Рубцова.
11. Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. 3 - Вологда: «Русь», 1995. - 496с.
В альманах включены стихи устюженских поэтов, частушки.

Проза

1. Алексеев Сергей. Сокровища Валькирии: Роман в 2-х кн. Кн. 1. - М.: «Ковчег», 1995. - 432с. - Русская рулетка /
2. Алексеев Сергей. Сокровища Валькирии: Роман в 2-х кн. Кн. 2. - М.: «Ковчег», 1995. - 416с. - Русская рулетка /
3. Багров Сергей. Солёный мальчик: Рассказы для детей и взрослых. - Вологда: Б.и., 1995. - 120с.
4. Ехалов Анатолий. Вечера на Галдарее: Рассказы. - Вологда: Частное издательство А. Гребенщикова, 1995. - 192с.
5. Медведская Антонина. Забияки: Рассказы и сказки. - Вологда: «Евстолий», 1995. - 40с.
6. Пудожгорская Елена. Самый обыкновенный человек: Пьеса. - Вологда: Б.и., 1995. - 36с.
7. Романов Александр. Искры памяти. - Вологда: КИФ «Вестник», 1995. - 304с.
8. Щекина Галина. Бася и компания или десять сказок про девочку. - Вологда: «Свеча», 1995. - 92с.
9. Яковлева Татьяна. Я принесу солнышко: Рассказы, этюды, стихи. - Вологда «Ардисура», 1995. - 56с.

Стихи

1. Адлер Наталья. Доверчивость: Стихи. - Вологда: «Свеча»-«Евстолий», 1995. - 72с.
2. Алексеев Александр. Ветер в подворотне: Избранные произведения. - Вологда: «Свеча», 1995. - 48с.
3. Архипов Валерий. Резервация: Стихи. - Вологда: «Евстолий», 1995. - 32с.
4. Архипов Валерий. Страсти по Эвтерпе: Стихи. - Вологда: «Свеча»-«Евстолий», 1995. - 36с.
5. Большакова Капитолина. Веселая семейка: Стихи. - Вологда: КИФ «Вестник», 1995. - 64с.
6. Бычкова Татьяна. На фоне пустоты и неба...: Стихи. - Вологда: «Евстолий», 1995. -

16с.

7. Бычкова Татьяна. Тихие стихи. - Вологда: «Евстолий», 1995. - 16с.
8. Гаврилов Николай. У обелиска: Стихи. - Вологда: «Свеча», 1995. - 36с.
9. Груздева Нина. Твое имя: Стихи. - Вологда: «Евстолий», 1995. - 64с.
10. Груздева Нина. Воскресение: Стихи. - Вологда: Б.и., 1995. - 128с.
11. Гуляев Борис. Трилистник: Стихи. - Вологда: «Евстолий», 1995. - 48с.
12. Донец Сергей. Попнури трех звезд: Стихи. - Вологда: «Свеча», 1995. - 56с.
13. Коренева Маргарита. Что хочешь, делай, но - люби!: Стихи. - Вологда: «Евстолий», 1995. - 72с.
14. Коренева Маргарита. Что хочешь, делай, но - люби!: Стихи. - Вологда: ИПКи ППК, 1995. - 72с.
15. Кузнецова Ольга. Больше света: Стихи. - Вологда: «Евстолий», 1995. - 40с.
16. Мартыянова Александра. Праздник «Утринос»: Стихи. - Вологда: «Евстолий», 1995. - 40с.
17. Мартюков Анатолий. Цветы и звуки: Стихи. Воспоминания о Рубцове. - В. Устюг: Б.и., 1995. - 188с.
18. Медведева Римма. Песни Углы-реки: Избранные стихотворения. - Вологда: «Свеча», 1995. - 52с.
19. Оманова Татьяна. Прошлогодняя тетрадь: Стихи. - Вологда: «Евстолий», 1995. - 16с.
20. Патракова Лариса. И завтра Спас...: Сборник стихов. - Черноголовка: «Богородский печатник», 1995. - 192с.
21. Рафалович Руфь. Дом без тебя: Стихи. - Вологда: «Евстолий», 1995. - 16с.
22. Сидорова Наталья. Душа должна любить!...: Стихи. - М., «Р. Б. П.», 1995. - 8с.
23. Смирнов Владимир. Не жалею меня, брат: Стихи. - Грязовец: Б.и., 1995.
24. Созин Сергей. Талица: Стихи. - Вологда, Б.и., 1995. - 88с.
25. Сопин Михаил. Обугленные веком: Стихи. - Вологда: КИФ «СКОМиздат», 1995. - 240с.
26. Старикова Наталья. Лирика: Стихотворения. - Вологда: «Евстолий», 1995. - 60с.
27. Чурбанова Инга. У меня своя Тоскана: Стихи и поэма. - Вологда: «Свеча»-«Евстолий», 1995. - 60с.

Песенные сборники

1. Бурдыкова Надежда. Ты проснись, моя Русь православная!: Песни. - Вологда: «Свеча»-«Евстолий», 1995. - 36с.

Жизнь и творчество писателей

1. Бараклов Виктор. «И не она от нас зависит...»: Заметки и размышления о поэзии Николая Рубцова. - Вологда: «Русь», 1995. - 40с.
2. Вакомин Сергей. Хлеб, который сам себя несет: Проза и стихи. - С. П. Б.: «Со-Ва», 1995. - 80с. В книгу включены очерки о Н. Рубцове, В. Белове, Н. Дружининском.
3. Вопросы региональной лексикологии и ономастики: Межвузовский сборник статей, посвященный семидесятилетию профессора Ю. И. Чайкиной. - Вологда: «Русь», 1995. - 212с.
В сборник включены статьи о творчестве Н. Клюева, В. Шаламова, о фольклоре.
4. Кунов Владимир. «И храм старины...»: Записки краеведа. - Вологда: «ДиС», 1995. - 64с.
5. Сильнее судьбы: Книга памяти В. С. Железняк-Белецкого. - Вологда: КИФ «Вестник», 1995. - 272с. / Северный архивариус

Фольклор

1. «Запросвали телегу за дубовый тарантас...»: Сборник частушек / Составитель Н. Л. Шашуков / - Сокол: Б.и., 1995. - 80с.
2. Шашуков Николай. Цвет ума народного: Книга рассказов о фольклоре Русского Севера. - Сокол: Б.и., 1995. - 64с.

Свечи

Редактор Галина Щекина. Оригинал-макет «Свечи». Регистрационный № Т-0219. Техническое содействие Михаил Браславский. Оборудование Центральной городской библиотеки. Отпечатано в типографии АО «ВКК». Адрес редакции: 160026, Вологда, ул. Панкратова, 75. Тираж 300 экз.

На обложке: графика Ольги Бороздиной.

На 2 стр. обложки: Соборная горка, Вологда. «В час колокольного звона». Фото Людмилы Бельвиковой.

Спонсоры номера: Редакция «Свечи» (Вологда), Фонд «Демократия» (Москва), Алла Бархолоенко и Татьяна Тайганова (Челябинск), Александра Мартьянова (Вологда), Сергей Лищин (Котлас).

Над номером работали: Галина Щекина, Сергей Щекин, Михаил Браславский.

В номере использована графика Татьяны Тайгановой, Надежды Черкасовой, фотографии архива «Свечи».

фото Капитолины Островской, Вадима Шекуна, Василия Шаманина, Ларисы Новолодской.

20

15000 p.

